МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ХАСАНОВА ТАХМИНА ГАЮРОВНА

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СМИ СОВРЕМЕННОГО ТАДЖИКИСТАНА В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ПАРАДИГМ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

(на материале русскоязычных СМИ)

Диссертация

на соискание ученой степени доктора филологических наук

по специальности 10.01.10 - Журналистика

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор
Садуллаев Джамшед Муллокомилович

Душанбе – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА В ЖУРНАЛИСТИКЕ 33

1.1. К вопросу о типологии информационно-медийных языковых личностей 33

1.2. Авторская картина мира: ретроспективный сравнительный анализ.. 51

1.3. Теория концепта и концептуальное пространство журналистики.... 67

1.4 Проблема выделения концептуального пространства: структура и способы представления 86

1.5. Картина мира в концептуальном пространстве СМИ 108

Выводы по первой главе 127

ГЛАВА 2. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ НЕЗАВИСИМОГО ТАДЖИКИСТАНА И ИХ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СМИ 131

2.1. Теоретические предпосылки исследования трансформационных процессов 131

2.2. Современные концептуальные сдвиги 149

2.3. Объективизация концепта «Исламизм» в контексте политических трансформаций 168

2.4. Объективизация концепта «Гражданское общество» в условиях появления новых форматов информирования и коммуникации 199

2.5. Объективизация концепта «Национальная идентичность» в условиях государственного суверенитета 234

Выводы по второй главе 262

ГЛАВА 3. АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ТАДЖИКСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ ПРИ ОСВЕЩЕНИИ ПРОБЛЕМ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА 265

3.1. Трансформационная парадигма идиостиля таджикских публицистов 265

3.2. Функциональные характеристики концептуальных полей публицистов периода государственной независимости 298

3.3. Социальный опрос как инструмент определения концептуального поля журналиста 315

Выводы по третьей главе 331

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 334

БИБЛИОГРАФИЯ 345

ПРИЛОЖЕНИЕ 391

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. За последние три десятилетия таджикское общество и все социально-политические институты страны, в том числе и СМИ, претерпели кардинальные качественные изменения, процесс которых характеризуется нелинейностью и турбулентностью, особенно в первой половине этого периода. Именно этими противоречиями определяется сущность современных отечественных средств массовой информации, функционировавших в условиях политического коллапса, гражданской войны, межтаджикского переговорного процесса, реализации миротворческих инициатив правительства республики и продолжающих функционировать в рамках наращивания миротворческого потенциала.

Отечественная наука отреагировала на кризис СМИ начала 90-х и их градуальный возврат к прежним высотам мощнейшим потоком исследований, посвященным осмыслению ролевых и влиятельностных характеристик массмедиа. Однако общественно-политические трансформации в республике, первейшим ретранслятором которых являются СМИ, а фундаментальным рефлектором – научные штудии относительно степени участия медийных субъектов в вопросе их освещения, позволяют сделать вывод о том, что вне поля зрения ученых оказывается нечто существенное, без чего невозможным становится разрешение уже имеющихся проблем и постановка новых целей и задач. За этим «нечто существенным» стоит именно «концептуальное» осознание не только фундаментальных принципов творческой деятельности журналистов, но и тех ее параметров, которые формирует современная повестка, где одним из ключевых направлений является массированная пропаганда национальной идентичности и интересов и симультанная трансляция факта активного участия республики в международных интеграционных процессах.

В этой связи вопрос общественных преобразований требует не просто изучения различных аспектов влияния СМИ на человека и социум, он

тяготеет к созданию системы знания, позволяющей учесть многопараметрическое переплетение взаимовлияющих факторов, которое и определяет сложность «концептуального» восприятия и проекции объективной действительности средствами массовой информации.

Осмысление трансформационных процессов предполагает многомерный подход к идентификации их сущности. Архиважным критерием здесь обозначено понимание того, что трансформация общества – это естественный, бесконечный, ни на минуту не прекращающийся процесс, где переменными являются лишь его (процесса) интенсивность и поступательная или отступательная динамика. Осознание этого если не отсекает, то ограничивает необходимость использования коллокации «трансформирующееся общество» в большинстве контекстов (поскольку общество априори является трансформирующимся) и инициирует развитие идеи о синтагматической или парадигматической природе происходящих изменений. На современном этапе развития вектор, безусловно, сместился в сторону парадигмы, то есть усложненного, холистического мировосприятия. Более того, если под парадигмой понимать матрицу или наиболее общую картину рационального устройства мира, универсальное мировоззрение, то стоит вести речь о смене парадигм трансформации, которая произошла в результате общественно-политической депрессии, испытания новых идей и формирования абсолютно новой парадигмы во всевозможных ее проявлениях в политике, экономике, культуре, образовании, науке и пр.

Труднейшие сами по себе социально-экономические, политические, культурно-исторические и другие проблемы оказались связанными воедино с вопросом стабильности концептуального пространства СМИ, хотя говорить о стабильности в широком смысле этого слова не приходится ввиду беспрецедентного уровня потока разнородной информации, который способен создать как плюсовой, так и минусовой резонанс, призванный

расширить/сузить это концептуальное пространство посредством включения/исключения в/из него отдельных концептоединиц.

Факт многомерной контрадикторности, аналоговости и динамичности концептуального пространства СМИ неоспорим ввиду его трансдисциплинарного начала и логично объясняет, почему изучение вопросов массмедиа «ведется в широком диапазоне методов, приемов и технических средств, большинство из которых не имеет жесткой отраслевой привязки» [96, с. 202]. Следовательно, проведение изысканий на стыке различных наук, позволяющих по-особому взглянуть на проблему концептов в журналистике и объединить все эти научно-практические изыскания в единую систему можно считать весьма актуальным исследовательским направлением.

Существенной особенностью современной социально-экономической и культурно-национальной ситуации в Республике Таджикистан является пропагандистский характер современных СМИ страны, отражающих устойчивые тенденции ее развития и объективно порождающих общественную потребность в наличии определенного концептуального пространства. Концептуализация является и реальной предпосылкой объективизации государственных приоритетов. Отражая установку на выработку целой системы концептов в разных сферах, СМИ станут выстраивать свою деятельность с учетом особенностей территории, региона на основе сочетания общегосударственных, национальных и местных интересов.

Одной из основных функций СМИ в условиях смены парадигм трансформации общества выступает функция превращения концептов в реальный механизм развития личности и ее гражданской позиции, патриотизма, национального и культурно-исторического самосознания.

Актуализация концептов в таджикской публицистике зависит от принципов и преференций общества, находящегося в стадии смены

парадигм, – сложного интегрированного целого, в котором сочетаются, переплетаются и реализуются экономические, политические, социальные, культурные отношения различного уровня. Естественно, это предполагает и дифференцированный подход к исследованию концептуальной репрезентации в СМИ всех трансформационных процессов на территории Республики Таджикистан.

Особую актуальность в этом срезе представляет акцент на выделение только «национальной» специфики данного пласта материалов, как «замкнутого» пространства с его общественно-политическими реалиями. В это же время важно учитывать место и функции конкретной территории – Республики Таджикистан – в общей системе исторического, экономического, социально-политического и культурного развития региона и политических объединений, в которых республика является активным участником. В этой связи при выделении концептуального пространства современных СМИ страны необходимо руководствоваться принципом выделения общего, единичного и особенного в их взаимодействии и единстве.

Первоосновой концептуального пространства СМИ является текстовая деятельность журналистов, публицистов, в контексте которой прослеживается интеграция двух измерений – а) личностных и профессиональных характеристик авторов со всем спектром их динамичности и б) общественно-политического климата со всем его потенциалом существенного воздействия на социум. Следовательно, актуальное понимание концептуального пространства невозможно без многоуровневого изучения идиостилей информационно-медийных языковых личностей как одного из уникальных инструментов это пространство создающих.

Таким образом, актуальность предпринятого исследования обусловлена: 1. его включенностью в современную концептуальную парадигму трансформирующегося общества; 2. необходимостью разработки

концептуального глоссария, транслирующего социально-политические реалии суверенного Таджикистана; 3. недостаточной разработанностью теоретических основ исследования концепта именно в журналистике; 4. направленностью на создание комплексной методики изучения идиостилей информационно-медийных языковых личностей современного медиапространства республики.

Степень научной изученности темы. Формирование научно-теоретической базы данной диссертации складывалось из поиска по нескольким направлениям, где концепт был обозначен в качестве центральной исследовательской линии: а) определение статуса концепта в журналистике, б) изучение «концептуальной» природы трансформационных процессов, в) выделение «социального», «персонального» и «концептуального» в формировании идиостилей публицистов.

Теоретические и практические аспекты исследования по концептам на сегодняшний день являются объектом пристального внимания различных научных сообществ, в частности филологического. Концепты оказались в эпицентре научного интереса таких российских исследователей, как С.Х. Ляпин [117], Д.С. Лихачев [111], В.П. Нерознак [142], А. Вержбицкая [33], В.А. Ефремов [60], В.И. Карасик [78-82], А.Н. Приходько [164, 165], Ю.Е. Прохоров [168] и многих других, которые поднимали целый ряд вопросов, связанных с этим уникальным феноменом – от становления концептологического подхода в целом и до его различных парадигм (типология и функции (Полюжин), концептология дискурса и концептосистемы (Приходько), семантика (Вержбицкая), этноспецифичность (Карасик) и пр.) в частности.

Проведенный литературный обзор показал достаточную степень изученности концепта российскими учеными (отметим, что их работы оказали стимулирующее воздействие на все направления нашего научного

поиска) и суженный ракурс внимания к концепту со стороны таджикских ученых, что прослеживается в теоретической части нашего исследования.

Ограниченность отечественного филологического знания в этом аспекте объясняется относительно недавним (конец 2000-х годов) появлением «концептуальной» тенденции на научных площадках страны. В Таджикистане начало этому исследовательскому «тренду» положила профессор Д.М. Искандарова. Инициированные ею попытки наших ученых изучить концепт проводятся, как правило, в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Так, например, А.О. Пак [153] рассматривает концепт «Красота» как лингвокультурное понятие в контексте межкультурной коммуникации, затрагивая вопросы русской и китайской фразеологии, стереотипного понимания красоты носителями этих языков.

З.А. Гулова [45] дает описание объема, содержания, структуры концепта, выявляет компоненты концептосферы на основе концепта «Еда», классифицируя одноименную тематическую группу и проводя региональную классификацию тематической группы «Национальная кухня».

Работа М.Дж. Мамедовой [119] опирается на достижения когнитивной лингвистики. В основу анализа легли фразеологизмы и паремии китайского и русского языков, реализующие структуру и содержание концепта «Ум».

С.С. Рахими [173] идентифицирует концепт «Измена» как индикатор нравственности, проводя сопоставительный анализ его лексико-семантической репрезентации в художественной литературе и паремиологических единицах.

Исследование М.М. Имомзода [72] проведено на стыке когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, где автор рассматривает термины родства и способы актуализации концепта «Семья» относительно национальной специфики его восприятия.

Несколько расширила исследовательские рамки Ш.К. Фазилова [214], проведя дефиниционный анализ концепта «Богатство», представив метафорический срез, осмыслив методику психолингвистических исследований в рамках проведенного ассоциативного эксперимента.

Н.Б. Рахмонова [175] обратилась к сугубо локальному компоненту – шугнано-рушанской группе языков. Подробному изучению подверглись лексикографические источники, проанализированы обрядовые тексты, фразеологические единицы с компонентом «Туй/Сур» (на материале анкетирования) в шугнано-рушанской группе языков.

Профессор М.Б. Давлатмирова [49] определяет национально-специфические особенности макроконцепта «Судьба», выделяет его философско-теологические аспекты, проводит лексикографический анализ, структурирует и семантизирует поле этого макроконцепта в таджикском, арабском языках и шугнано-рушанской языковой группе.

Н.К. Бойматова [22] моделирует фрагмент языковой картины мира носителей таджикского и английского языков, рассматривает способы репрезентации концепта «Красота» на материале словарей и национальных корпусов этих языков.

Д.С. Шоназарова [240] освещает вопросы становления и развития таджикской когнитивной лингвистики и рассматривает специфику отражения концепта «Лень» в единицах паремиологических фондов таджикского, русского и английского языков.

Ф.Ш. Аминова [11] занимается проблемой национально-специфических особенностей в реализации концепта «страх» в таджикской и английской лингвокультурах, проводит его дискурсивно-корпусный анализ, выделяя медицинско-социальный дискурс, в частности такой его аспект как страх перед COVID - 19.

В этом же контексте следует отметить работы Махдии Мухаммадбегии Косвои [98] и Х.Х. Мирзоева [128], в которых частично затрагиваются отдельные вопросы таджикской концептуальной картины мира.

Подчеркнем, что упомянутые нами работы таджикских исследователей косвенным образом касаются тематики настоящей диссертации, однако и они, и труды российских ученых позволили выделить те лакуны, которые были обозначены в качестве целей, задач, объекта и предмета нашего изыскания.

Итак, анализ показал наличие нескольких основных проблем относительно ракурса нашего научного интереса: во-первых, исследования в «концептуальном» направлении на ведущих научных площадках страны на сегодняшний день не достаточно активны, хотя штудии в данной области находятся в стадии актуализации; во-вторых, все существующие на сегодняшний день работы направлены на изучение лишь одного конкретного концепта и носят чисто лингвистический характер; в-третьих, ни один из имеющихся трудов не ставит перед собой цель выделить концептуальную парадигму материалов средств массовой информации.

Здесь же приходится констатировать, что при кажущейся достаточной изученности проблемы концептов не разработанными остаются теоретические основы исследования концепта именно в журналистике. Так, тематический анализ диссертаций по специальности 10.01.10 – Журналистика показал, что попытки рассмотрения вопросов концептологии и собственно концептов не отличаются частотностью и целостностью, затрагиваются они, как правило, фрагментарно и не получают должного, полноценного изучения. Например, за последние 10 лет было проведено всего три исследования по концептуальной проблематике.

В.А. Хоруженко [226] руководствуется необходимостью выявления образно-символической и мифопоэтической наполненности концептов «Война» и «Враг», характерных для современной русскоязычной

прессы. Автор уточняет семантические характеристики исследуемых концептов, проводит комплексное сопоставительное описание метафорических моделей анализируемых концептов в образном мире современной русскоязычной прессы. Материалом исследования послужили статьи и фрагменты статей из газет «Известия», «Независимая газета», «Московские новости», «Комсомольская правда» и других периодических изданий, в том числе и электронных.

А.В. Марьина [120] ставит перед собой цель выявить в ходе сопоставительного анализа опосредованные спецификой рекламного дискурса особенности функционирования понятийных, образных и ценностных компонентов концепта «Дом». Автор обосновывает выбор концепта его особым статусом в языковой картине мира и высокой ценностной значимостью и универсальным характером.

В эпицентре исследования Е.Н. Бассовской [18] находятся журналистские тексты, опубликованные в советских газетах 1924 –1984 гг., на материале которых автор представляет градуальную эволюцию концепта «Чистота языка» в свете пропагандистского дискурса советского периода в рамках значимых трансформаций. Продемонстрированы многократные подъемы и спады активности СМИ в борьбе за «чистоту языка», поднимается проблема необоснованных заимствований, отмечены противоречия, характерные для публикаций в одних и тех же газетах и даже для текстов одних и тех же авторов, появлявшихся в печати в разные годы. Профессор рассматривает концепт «Чистота языка» в нескольких плоскостях – как средство формирования языка тоталитарного общества, как средство трансформации в контексте послевоенных идеологических кампаний, как показатель культуры речи в интеллектуальной жизни хрущевской оттепели, как фактор, отражающий духовную стагнацию позднесоветского общества.

Латентное обращение к тематике концептов прослеживается и в ряде других исследований. Ю.Н. Быкова [29] изучает языковые средства,

используемые для формирования имиджа тележурналиста начала XXI века. Предметом системного анализа стали новейшие факторы, влияющие на характер языковых средств, формирующих образ современного российского тележурналиста. Е.П.Волкова [38] исследует механизмы формирования образа «врага народа» в советской пропаганде: выделяются основные используемые в данном процессе приемы, а также рассматриваются языковые особенности культивирования образа «врага народа» на страницах центральных партийных изданий. Общая исследовательская линия с нашей работой видится в возможности интерпретировать слово «образ» в качестве термина «концепт». А.В. Глаголева [44] на стыке пересечения литературоведческих, языковедческих, журналистских научных трудов рассматривает интертекстуальный компонент заголовка журналистской публикации с точки зрения дискредитации имиджа.

Скрытый концептуальный мотив данных трудов проявляется в триаде «журналисты – концепты – имидж – страны», которая получает подробнейшее описание в контексте нашего исследования.

Важно отметить, что журналистский дискурс находит эпизодическую представленность в трудах отдельных российских исследователей – языковедов [Ю.Н. Караулов, А.Р. Лурия, В.И. Карасик, А.В. Болотнов, А.А. Буров, Г.П. Бурова, Г.П. Нещименко, Ф.С. Воеводин, С.И. Сметанина], однако они сконцентрированы на лингвистической, а не контекстуальной составляющей.

Таджикскими учеными также были затронуты некоторые вопросы, соприкасающиеся с отдельными аспектами нашей диссертации. Например, профессор М.Р. Джураева в контексте своей работы «Коммуникативно-прагматический анализ устойчивых формул общения в средствах массовой информации Таджикистана [2010-2016 гг.]» [53], рассматривая речевое поведение отечественных журналистов, заявляет о приоритетной позиции вежливости как коммуникативно-прагматической категории и факторе

формирования журналистского имиджа, что свидетельствует, на наш взгляд, об имплицитной объективизации концепта «Вежливость» в текстах современных СМИ. Аргументирует нашу позицию обращение М.Р. Джураевой к дискурсу отечественных массмедиа и определению этикетных рамок коммуникативного поведения его создателей, что дает дополнительное основание говорить о латентной попытке выделить концептуальное пространство публикаций СМИ за изучаемый период.

К. Мухтори посвятил свое исследование «Особенности языка СМИ и социальной коммуникации (на материале таджикской периодической печати 1991-2020 гг.)» [138] изучению вопросов динамики языка СМИ и способов его влияния на формирование общественного мнения. Автор изначально обращается к анализу сущности «коммуникации» и её концепта в таджикской медиасреде, проводит лексико-семантическую дифференциацию новостного и аналитического дискурсов, выделяя социальный и прагматический аспекты. Особое внимание ученый уделяет синтаксическим особенностям газетных текстов и способам поляризации и нейтрализации информации в них. Работу К.Мухтори также отличает наличие определенного концептуального вектора, поскольку одним из центральных объектов для ученого стали дискурсивные практики, что дает повод говорить о наличии невыраженного, но имевшегося в виду стремления рассмотреть слоистую структуру главных «фигурантов» дискурса – концептов.

Обобщая результаты работ по проблематике концептов, следует отметить, что в любом исследовании по вопросам медийного дискурса наблюдается последовательно/прерывисто/ косвенно проводимая идея концепта даже в том случае, когда авторы не ставят перед собой конкретных целей и задач по выделению концептов, определению их структуры и способов лексико-семантической реализации. Таким образом, по вопросу степени изученности «концептуального» среза в рамках специальности «Журналистика», который занимает «топовую» позицию в иерархии

приоритетов нашего научного поиска, приходится утверждать наличие определенных лакун и в количественном, и в тематическом плане.

Тема трансформационных процессов активно поднимается в работах российских и зарубежных исследователей: Е.А. Лукашевой [112], Ю.К. Кондратчика [93], С.А. Зубенко [64], С. М. Васина [291], В.Ю. Шаповалова [353], А.Н. Данилова [50], Г.Н. Соколовой [195], Я.С. Яскевич [247], К. Гествы [43], Д.А. Ильченко [71], Л.Ю. Николаевой [146], М. Тяньци [206], П. Штомпки [241] и др. Ученые, специализирующиеся в различных областях научного знания, рассматривают трансформацию социально политических институтов стран бывшего Советского Союза во всевозможных плоскостях: экономической, юридической, культурной, религиозной и пр.

Например, Л.Ю. Николаева изучает проблему русского населения Таджикистана, вписывая ее в общую «русскую проблему XXI века», предлагая создать стратегию национальной политики России. Е.А. Лукашева фокусируется на процессах трансформации в различных странах и их перспектив в современных условиях. Ю.К. Кондратчик, С.А. Зубенко, С.М. Васин, М. Тяньци рассматривают влияние трансформаций на состояние социально-экономических систем, в частности в аспекте международных отношений. В.Ю. Шаповалов делает акцент на механизме социальной трансформации, в основу которого заложены субъектные и объектные составляющие. А.Н. Данилов поднимает вопрос специфики системной трансформации переходного общества, затрагивая социальные ориентиры современности. К. Гества говорит о крушении государственного режима социализма, в котором видели величайшее освободительное движение и одновременно с этим преступление против человечества под маской освободительной утопии.

Вопросы коренных преобразований в Республике Таджикистан рассматривает целая плеяда отечественных ученых. Профессор И.К. Усмонов

активно освещает различные аспекты трансформационных процессов в СМИ, касаясь темы экологии языка, проблемы журналистского творчества, ряда политических нововведений (более подробно см. Главу 3).

А.А. Нозимов [148] фокусируется на исследовании принципов языковой политики республики, что представляет собой одно из основных направлений смены парадигм в суверенном Таджикистане. Именно им впервые изучены проблемы этно-языкового многообразия в различные периоды современной истории страны, дана качественная оценка эффективности и особенностей самой языковой политики как объективной основы сознательного воздействия на функциональное развитие государственного таджикского языка, осуществлены необходимые концептуально-терминологические уточнения внутри социолингвистической теории и т.д.

Центральным научным направлением для Х.О. Хушкадамовой [229] стала гендерная политика постсоветского Таджикистана. Автор идентифицирует гендерную специфику труда в сфере общественной занятости и семье (внутри домохозяйств), обозначает стратегию развития женского предпринимательства в современном таджикистанском обществе, анализирует конфликтный потенциал общества, асимметрию в гендерном управлении, во власти и пр. В этом же контексте следует отметить ее работу «Образ женщины в современной таджикской журналистике» [228]. Исследователь также обращается и к проблеме языковых реформ [230].

Проблематику дискриминации по половому признаку затрагивает и профессор Р.М. Бободжанова [20]. Она изучает проблемы гендерных стереотипов в современной прессе Таджикистана, рассматривая специфику освещения этого вопроса через теологическую призму и выявляя степень участия прессы в гендерной гармонизации таджикского общества.

Отдельные аспекты трансформации таджикского общества в советский период освещаются М.А. Абдуллаевым [3]. Автор детально исследует роль и

значение публицистики в становлении и эволюции идей национальной идентичности, выделяет специфические особенности джадидской публицистики и становление национального самосознания нового типа.

Преобразования на фоне культурной революции первой половины XX века изучает А.Х. Азимов [8]. В рамках его диссертационного исследования впервые на основе объективного анализа фактического материала и без давления социально-политических установок исследуются теория и история образования, становления и развития таджикской периодической печати, особенности отражения в ней вопросов культурной революции в Таджикистане.

Дж.М. Садуллаев [181] также обращается к исследованию трансформационных процессов и принципам их течения в Республике Таджикистан. Профессор проводит комплексное изучение специфики развития межгосударственного телерадиовещания в постсоветских государствах в условиях перехода к рыночной экономике и демократического переустройства на примере телерадиокомпании «МИР». В центре анализа находится влияние исторических факторов и национальных традиций на развитие МТРК «МИР» в лице ее филиалов и представительств в условиях переходного периода.

Узкопрофильностью отличается работа З.Муминджонова [134], который поставил цель охарактеризовать периоды подъема в развитии телевидения Республики Таджикистан в годы независимости, проанализировать новые методы и принципы подготовки программ современного таджикского телевидения на телеканалах «Таджикистан» и «Пойтахт».

Отметим, что в контексте трансформационных процессов мы намеренно обратились к представителям различных (по профилю) научных сообществ, поскольку подобный трансдисциплинарный подход являет собой

суть нашего исследования и позволит избежать жестких, окончательных выводов.

Между тем, анализ работ под авторством российских, зарубежных и таджикских ученых показал, что проблема концептуальной репрезентации в СМИ общественных трансформаций не затрагивается, хотя, безусловно, присутствуют некие отсылки к концептуальному аспекту. Однако они настолько невнятны и размыты, что говорить о них как об отдельном, самостоятельном компоненте исследований этих авторов не представляется возможным.

Авторские идиостили – одна из актуальнейших тем междисциплинарных исследований, проводимых на стыке лингвистики, стилистики и других областей научного знания. Камертоном диссертационного поиска послужили труды А.В. Болотнова [24], Г.И. Богина [21], В.А. Пищальниковой [156], Т.А. Чернышевой [234], А.Ф. Ашимовой [283], М.А. Федотовой [217], М.Ю. Ходжаевой [224] и ряда других ученых, рассматривавших не только теоретические аспекты, но и текстовую деятельность конкретных персоналий – писателей, политических деятелей, журналистов. В частности А.В. Болотновым изучен новый эмпирический материал, отражающий особенности современных дискурсивных практик информационно-медийных языковых личностей, и описаны ранее не исследованные идиостилевые особенности известных журналистов (В. Познера, М. Ганапольского, К. Собчак и др.), политиков (М. Прохорова, Г. Зюганова), публицистов (Л. Млечина, Г. Мирского и др.), писателей (Б. Акунина, В. Токаревой и др.).

Однако в рамках данной когорты исследований приходится признать факт количественной лимитированности узкопрофильных работ по изучению идиостилей таджикских публицистов, проведенных в рамках специальности 10.01.10 – Журналистика. Эту немногочисленную группу представляют научные труды Ф.М. Гоибовой [46] (изучается эпистолярное наследие

журналиста, публициста и политика второй половины XIX века – С.Д. Афгани и его влияние на дальнейшее развитие журналистики), З.Б. Исмоилзода [74] (анализируется социальный аспект творчества известного таджикского публициста Асадулло Садуллаева), С.И. Шарипова [238] (рассматриваются различные грани публицистики Б. Муртазо, с учетом тематического разнообразия, идейных основ, жанровых форм, особого метода постановки вопроса, соотношения действительности и художественности в его очерках), Н.А. Кучаровой [107] (выявляются социально-исторические основы формирования и развития публицистических произведений А.Самада, анализируются жанрово-тематические и стилевые особенности его творчества), Дж.М. Рахмоновой [174] (прослеживается эволюция мировоззренческих позиций Мутеулло Наджмиддинова, концепция действительности и национального менталитета, этнической самобытности и их связь с его публицистикой). Отдельные характеристики журналистского творчества таджикских публицистов рассматриваются в менее объемных изысканиях, представленных, как правило, в виде статей [212, 185].

В целом, в контексте изучения авторской парадигмы журналистских материалов, несмотря на его раздробленность, наблюдается достаточно положительная динамика в трудах и российских, и таджикских исследователей [И.В. Салемгеевой, Я.Е. Каневской, Е.К. Петрушковой, Ю.В. Покина, Н.Н. Салихова, М.А. Абдуллаева, Н.К. Усмоновой и др.]

В качестве отдельного кластера следует выделить работы, в которых авторы [С.Б. Хайдаров, М.Б.Ковтун, Б.М.Раджабов, М.А.Эшонова и др.] не ставят целью придать исследованию журналистский потенциал, хотя труды направлены на изучение публицистического творчества Бободжона Гафурова [220], Садриддина Айни [129], Мансура Суруша [91], Лоика Шерали [170], Мирзо Турсунзаде [244]. В частности, в диссертации М.М.Мирзоевой [123], посвященной идиостилю С. Айни, были рассмотрены исключительно

языковедческие вопросы – использование лексических, фразеологических синонимов в его эпистолярном (художественном) наследии. Если предмет данных исследований был бы расширен за счет включения двух проекций – «концептуально-публицистической» и «концептуально-трансформационной», все эти работы представляли бы несомненный интерес в контексте нашего изыскания.

Подчеркнем, что принципы теснейшей связи авторского «Я» и концептуальной составляющей любого публицистического материала не нашли в этих работах полноценного отражения, поскольку авторы не преследовали данной цели, хотя, возможно, имели ее в виду.

Соответственно, приходится утверждать, что в качестве одной из исследовательских лакун выступает невнимание таджикского научного сообщества к различным аспектам текстовой деятельности отечественных публицистов именно с концептуальной точки зрения.

Резюмируя, отметим, что степень научной разработанности проблемы является недостаточно полной ввиду наличия определенных недоработок по отдельным срезам заявленной темы, что позволяет заявить об актуальнейшем и принципиально новом подходе и концепции к формулированию научных задач и способов их решения в рамках настоящей диссертационной работы.

Объект исследования представлен в основном медийным дискурсом современных русскоязычных печатных СМИ («Народная газета, «Азия–плюс», «Вечерний Душанбе», «Вечерка», «Бизнес и политика», «Курьер Таджикистана», «События», «Коммунист Таджикистана») Республики Таджикистан, отражающим трансформационную динамику и смену парадигмы их контента.

Предмет исследования составляют концептуальные особенности текстовой деятельности таджикских журналистов периода государственной независимости. Во-первых, в качестве предмета анализа обозначена специфика лексической объективизации в СМИ Республики Таджикистан

трех основных концептов («Исламизм», «Гражданское общество», «Национальная идентичность»); во-вторых, предметом изучения выступают личностные и социально-политические параметры, влияющие на формирование и развитие идиостиля публицистов, чье творчество представляет собой своеобразный механизм создания концептуального пространства СМИ.

Цели исследования условно можно разделить на микро- и макро-цели, то есть планируется собственно выделение концептуального поля авторских материалов отечественных публицистов – как минимум, и концептуального пространства СМИ современного Таджикистана – как максимум. Именно это концептуальное пространство станет своеобразным ретранслятором национальной идеи, государственной идеологии, преференций, чаяний и проблем современного таджикского социума, что позволит сформировать некий концептуальный глоссарий, представляющий научную и практическую ценность в вопросах исследования различных аспектов журналистики и ее разновидностей, особенно при изучении идиостилей журналистов и публицистов.

Достижение заявленных целей возможно при решении конкретных **задач:**

1. провести обзор специализированных литературных источников по вопросу языковой личности;
2. изучить проблему типологизации информационно-медийных языковых личностей;
3. провести сравнительно-сопоставительный анализ авторских картин мира журналистов советского и постсоветского периодов;
4. рассмотреть собственно теорию концепта и концептуальное пространство журналистики;
5. разработать универсальную процедуру выделения концептуального пространства медиатекста;

6. установить причинно-следственные связи между авторской картиной мира, идиостилем и концептуальным полем журналиста;

7. идентифицировать природу концептуальных сдвигов, обусловленных различными трансформационными процессами;

8. рассмотреть принципы объективизации концептов в медийном дискурсе в контексте социально-политических трансформаций в Республике Таджикистан;

9. выявить парадигматический срез идиостилей таджикских публицистов в условиях смены парадигм;

10. определить функциональные характеристики концептуальных полей таджикских публицистов периода государственной независимости Республики Таджикистан;

11. доказать факт конструктивной интеграции социологических методов и журналистских исследований.

Гипотеза исследования носит комплексный характер и верифицируется критериями многоаспектного сближения параметров концептуальности медиадискурса и механизмов ее интерпретации. Общей предпосылкой исследования выступило то предположение, что разные корни отечественной и западной журналистики, а также советская школа пропаганды и партийности, которую прошла таджикская журналистика, не могли не отразится на её нынешнем состоянии в целом и на языковом уровне в частности.

Методология исследования отличается своей комплексностью ввиду повсеместного комбинирования различных подходов и приемов в ходе достижения поставленной цели. Так, активно были использованы методы сравнительного, дискурсивного, семантико-стилистического, контекстологического, концептуального и контент–анализа текстов русскоязычных печатных СМИ Республики Таджикистан. В качестве вспомогательного метода для решения локальной задачи использовалось

анкетирование, проведенное в форме открытого ассоциативного эксперимента. Особое место в настоящем исследовании было отведено концептуальному анализу, поскольку именно он позволяет очертить концептосферу текстовой деятельности не только отдельно взятой языковой личности, но и выделить концептуальное пространство медийного дискурса страны.

Положения, выносимые на защиту:

1. Каждой эпохе, конкретному историческому периоду свойственна своя, уникальная трансформационная парадигма, которая формирует авторскую картину мира любой языковой личности, наделяя ее особыми характеристиками и/или лишая их, то есть придавая этой картине мира «мигрирующий» статус.
2. В авторской картине мира подавляющего большинства отечественных журналистов периода независимости отражено политическое начало, стремление перешагнуть за рамки стереотипного «советского» мышления, что обусловило широкое распространение агрессивного и интолерантного тона в публикациях.
3. Статус формы слово (словоформа) приобретает в лингвистике (языкознании); статус смысла слову придает литература; статус влияния слово получает, в основном, в журналистике.
4. Неразрывная связь концептуального пространства и средств массовой информации проявляется в том, что последние являются не только ретрансляторами этого самого пространства, но и его создателями. Особую значимость журналистскому слову придает тенденция сводить к политическому измерению большинство проблем, что происходит за счет усиления приядерной зоны концептов, реализующих общественно-политическую повестку дня.
5. Наблюдается уменьшение потенциала СМИ, призванного выполнять функции диалога, форума между обществом и властью. Некоторая

стагнация в этом вопросе в Таджикистане является следствием гражданской войны в первой половине 90-х годов XX века, когда контрадикторность концептуального медиа пространства отличалась несбалансированностью за счет усиления своей минусовой части.

6. Социально-политический климат каждой конкретной страны уникален и диктует свои условия даже «четвертой власти». Следовательно, политика наименования, или выбор определенного статуса номинации масс-медиа (СМИ (информирование) или СМК (диалог)) находится в компетенции информационной политики каждого государства.
7. Противоречивый и нелинейный характер преобразований обусловлен утратой постсоветскими государствами привычных идентификаций и стандартов поведения. Трансформационные процессы во всех странах СНГ осуществляются в едином экономическом и информационном пространстве, в условиях интенсивного обмена знаниями и технологиями, однако в каждой отдельной республике они приобретают специфическую концептуальную трактовку и реализацию.
8. Социум, находясь под воздействием практически всегда агрессивной внешней среды и в условиях непрекращающихся идеологических разногласий, меняет свои оценочные критерии, пересматривает и просчитывает (не без помощи СМИ) достижения и риски, в результате чего в языковой картине мира происходят кардинальные изменения, и отдельные ее элементы утрачивают концептуальный посыл, а другие, наоборот, приобретают полновесное концептуальное звучание.
9. Одной из первостепенных причин уменьшения степени политической индифферентности среди граждан Республики Таджикистан можно считать развитие гражданской журналистики и социальных медиа, деятельность которых, однако, актуализирует вопрос профессионализации гражданского сегмента в журналистике.

10. Высокая степень активности гражданских авторов обусловила трансформацию понятия «гражданская журналистика» на «стихийная журналистика» – молодая и быстро меняющаяся − крайне разнообразная, даже хаотичная в своих проявлениях журналистика, вытекающая из специфики Интернета со свойственным ему построением и лексическим наполнением контента.
11. Фундаментальным остовом западных традиций идиостиля публицистов является экономика и политика, в то время как базис восточного идиостиля, в частности таджикских авторов представляют просветительство и литература.
12. Сегодня перед СМИ стоит вопрос не о выборе, а необходимости открыто тенденциозного декларирования национальной идеи ввиду в определенной степени негативного влияния разноплановых глобальных процессов. Идиостилевая «облаченность» этой идеи зависит от различных факторов, начиная от редакционной политики, заканчивая личными лингвистическими преференциями авторов.
13. В Таджикистане, впрочем, как и в любой другой стране, властные политические структуры используют СМИ как инструмент защиты и буферизации нежелательной и разрушительной для таджикского общества информации со стороны как зарубежных, так и оппозиционных отечественных игроков, а также ратуют за создание медиа-продуктов, реализующих концепты, которые формируют и развивают национально-историческую идею и государственную идеологию.
14. Медиадискурс, создаваемый информационно-медийными личностями, формирует имидж не только высшего руководства страны, но и имидж государства на мировой арене. Дискурсивные практики информационно-медийных личностей, имеющих сильное информационное поле, высокий рейтинг авторитета и доверия, могут стимулировать информационные

волны и порождать информационное эхо не только в медиасфере, но и соответствующую реакцию аудитории СМИ.

Научная новизна диссертации складывается из предлагаемых инновационных решений в трех плоскостях: терминологической, экспериментальной и концептуальной. Итак, в исследовании впервые в отечественной науке проанализирован и обобщен сложнейший процесс смены парадигм трансформации общества, который априори находит рефлексию в концептуальном пространстве СМИ, и настоящая диссертация является первой попыткой выделить это концептуальное пространство. Таким образом, научная новизна представлена в следующих аспектах:

- выявляются теоретические основы исследования концепта в именно журналистике;
- проводится концептуальная систематизация таких понятий, как концепт, концептополе, концептосфера, концептопространство;
- разработана универсальная методика выделения концептуального пространства медиатекста;
- выстраиваются синтагматическая и парадигматическая модели функционирования современных массмедиа;
- вводится в научный оборот целостная, емкая и в то же время лаконичная дефиниция понятия «концептуальный сдвиг»;
- на локальном уровне структурированы концепты «Исламизм», «Гражданское общество», «Национальная идентичность», что определяет тенденции развития современного таджикского общества;
- описаны ранее не исследованные идиостилевые особенности текстовой деятельности известных таджикских журналистов в неоднозначных условиях трансформации социально-политических институтов страны;
- установлены принципы проведения ассоциативного эксперимента как инструмента определения концептуального поля журналиста на основе его дискурсивных практик.

Теоретическая значимость исследования заключается: а) в расширении научных представлений о концептуальном пространстве СМИ в целом и его содержании и структуре в условиях трансформации общества в частности, б) в создании комплексной методики изучения всех факторов, задействованных в формировании и актуализации концептов. Ценность данной научной работы в теоретическом плане также определяется ее вкладом в разработку теории концепта в журналистике. Предложенная нами гипотеза, во-первых, отражает уже сложившиеся концептуальные принципы функционирования отечественных СМИ; во-вторых, объясняет, с точки зрения текстовой деятельности информационно-медийных языковых личностей, закономерности и трансформационную парадигму существования современного социума; в-третьих, интерпретирует воздействие СМИ как канала и пространства коммуникации на сознание общества и индивида.

Практическая значимость обусловлена возможностью использования полученных результатов в преподавании следующих вузовских курсов, входящих в обязательный и вариативный компоненты учебных планов: «Теория речевого воздействия», «Язык и стиль СМИ», «Таджикская языковая картина мира», «Этносоциология», «Политическая журналистика», «Социология журналистики», «Печать/ТВ и общественное мнение», «Анализ современного медиатекста», «Лингвистические особенности медиакоммуникации». Кроме того, отдельные положения работы могут быть использованы для корректировки образовательных программ соответствующих направлений подготовки и специальностей на предмет формирования новых компетенций общего, общепрофессионального и профессионального уровней.

Результаты проведенного исследования отличает перспектива их применения для решения практических задач по формированию концептуального глоссария СМИ периода первых трех декад государственного суверенитета Республики Таджикистан, который позволит

систематизировать новые ценностные, идеологические ориентиры в условиях перманентной трансформации общества. Помимо этого, выводы исследования представляют ценнейший пласт информации, призванной определить новые идеологические задачи и соответствующие направления работы СМИ и общественно-политических институтов не только на локальном уровне, но и в межгосударственном масштабе.

Теоретическую базу исследования составили труды российских, таджикских и зарубежных ученых, специализирующихся в различных областях научного знания, нашедших в рамках настоящей работы множество точек пересечения. Более обширной по числу наименований стала группа, включающая труды филологической и концептуальной направленности: Е.Г. Малышева [2011], Г.Я. Солганик [2001], А.Н. Приходько[2013], Ю.Е. Прохоров [2009], А.Н. Приходько [2005, 2013], Г.И. Богин [1984], Е.В. Иванцова [2010], Ю.Н. Караулов [1989, 2006], В. И. Карасик [2005, 2006, 2007, 2009], Н.Н. Казыдуб [2006], Д.С. Лихачев [1997], В.П. Нерознак [1998], Ю.С. Степанов [1997, 2001], С.И. Сметанина [2002], В.А. Маслова [2004, 2007, 2010], Вал.А. Луков, Вл.А. Луков [2008], Г.В. Токарев [2009], Д.М. Искандарова [1997], А.А. Нозимов [2010], М.Б. Давлатмирова [2019], Б. Камолиддинов [2003], М.М. Мирзоева [2017], М.Р. Джураева [2017], К. Мухтори [2021] и другие.

Изучение концептов опиралось на междисциплинарный характер привлекаемых источников, которые сложились в целостную картину, интегрирующую значимые признаки рассматриваемого нами феномена:

а) по журналистике и ее социальной сущности – Е.П. Прохоров [1995, 2007], С.М. Прохорова [2009], С.Г. Корконосенко [2004, 2007], В.В. Ученова [1971], М.Е. Аникина [2011], П.Н. Киричек [1992], А.А. Тертычный [2011], Т.В. Шумилина [1983], Н.А. Иванова [2013], В.А. Ильина [2010], И.К. Усмонов [2005, 2006, 2007, 2011, 2018], А. Нуралиев [2005], А. Садуллоев [2005, 2007], М. Муродов [2009, 2014], А.Х. Азимов [2009,

2014], М.Мукимов [2006, 2019], Ш.Б. Муллоев [2010], Х.О. Хушкадамова [2018], С.Н. Гулов [2007] и другие;

б) по трансформационным процессам – Г.Н. Соколова [2009], П. Штомпка [2001], К. Гества [2018], Д.А. Ильченко [2015], Ф. Капра [2003], Дж.М. Садуллаев [2013], М.А. Абдуллаев [2011], М.А. Мукимов [2006], Н.Н. Салихов [2010], Х.О. Хушкадамова [2013, 2018] и другие.

Материал исследования представлен авторитетной площадкой русскоязычных СМИ Республики Таджикистан, наглядно демонстрирующей новые тенденции в массмедиа за последние три десятилетия. Отметим, что данный сегмент реализован огромным корпусом эмпирического материала, доступного и в сети Интернет, что делает его весьма актуальным по содержанию и достаточно удобным для исследования в концептуальном плане, тем более, что метод сплошной выборки расширил спектр рассматриваемых тематик. Дискурсивные практики информационно-медийных языковых личностей, чей идиостиль исследуется в трансформационной парадигме (см. Главу 3), следует считать особым пластом материала настоящего исследования, поскольку персонифицированность становится базовой стратегией дискурса, ведь «установка на восприятие информации через думающую, оценивающую личность, чье мнение и речевая манера становятся концептуальным каркасом идеологии, системой мер и оценок» [59, с. 147].

Критерии отбора персоналий. Выбор информационно-медийных языковых личностей (И.Усмонов, О.Тутубалина, Х.Атовулло) осуществлялся с учетом: а) рейтинга их известности и цитируемости во вторичных и третичных текстах; б) ярко выраженного своеобразия их культурно-речевого, коммуникативного и когнитивного стилей; в) жанрового своеобразия, отраженного в их текстовой деятельности; г) круга медийной деятельности личности (взаимоотношения с различными средствами массовой

информации: газетные интервью, участие в теле- и радиопередачах, блогах, на разных медийных площадках и т.д.).

Хронология исследования. Выбранные хронологические рамки позволяют в полной мере реализовать цели и задачи исследования, сделать в определенной степени широкие обобщения и выявить тенденции исследуемой проблематики. Более того, установленная хронология не обязывает мобилизовать большой фактический материал и изучить тему до деталей, поскольку принципиальным аспектом является идентификация лишь характерных особенностей (в соответствии с заявленной тематикой) публикаций в русскоязычных СМИ Республики Таджикистан рассматриваемого периода.

Так, хронологические рамки исследования включают временной промежуток с 1990 по 2020 годы. Нижнюю границу, при этом, можно считать условной, поскольку предпосылки смены парадигм трансформации на постсоветском пространстве были заложены еще в 80-х годах прошлого столетия. Верхняя же граница обусловлена парадигмой современных трансформаций национального самосознания в условиях затянувшегося политического кризиса, гражданской войны, миротворчества и активной идеологической пропаганды, проявляющейся в политике миротворчества, формирования высокого чувства патриотизма, национальной идентичности и скорейшего решения четырех национальных стратегических задач – скорейшей индустриализации страны, энергетической независимости, выхода из коммуникационного тупика, продовольственной безопасности.

Положения паспорта специальности. Диссертационная работа выполнена в рамках специальности 10.01.10 – Журналистика направления «Филологические науки» (по п. 15-75) [329]. О филологической направленности работы свидетельствует современное понимание статуса филологии в условиях смены парадигм в гуманитарных науках, в результате которой антропоцентризм во всевозможных его проявлениях стал

смыслообразующей научной категорией. Единство человека и языка, пронизывающее многомерные трансформационные процессы и воплощающее их концептуальную сущность в медийном дискурсе, не только составляет, но и расширяет универсальность филологического знания.

Диссертационное исследование полностью соответствует формуле специальности в части ее содержания – развитие и современное состояние СМИ, творческий опыт и взаимоотношения с аудиторией. В качестве объектов исследования выступают тексты периодических изданий и текстовая деятельность публицистов. Направленность диссертации преимущественно затрагивает такие области, как:

– журналистский текст, его особенности, законы построения, типологические и индивидуальные модификации, лингвистические и экстралингвистические аспекты (п. 60);

– экономические, идеологические, экзистенциональные факторы в структуре профессиональной мотивации журналиста и типы журналистских профессиональных идеологий: взаимосвязь личностных качеств и идеологических представлений журналиста (п. 75).

Апробация результатов исследования проходила на разных этапах его выполнения. По теме диссертации было публиковано 20 научных статей в журналах, включенных в Перечень рецензируемых изданий ВАК Минобрнауки РФ и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), и две монографии. Основные положения и выводы диссертации были представлены в ряде докладов и сообщений автора на международных и локальных научно-практических конференциях разного уровня, в частности Международной научно-практической конференции «Русский язык и культура за рубежом: лучшие образовательные практики» Институт непрерывного и открытого образования Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (6 и 7 декабря 2021 г.); Международной научно-практической конференции «Роль Российско-Таджикского

(Славянского) университета в становлении и развитии науки и инновационного образования в Республике Таджикистан», посвященной 30-летию независимости РТ и 25-летию РТСУ (15-16 октября 2021 г.); Международной научной конференции «Современные проблемы естественных и гуманитарных наук и их роль в укреплении научных связей между странами», посвященной 10-летию филиала МГУ им. М.В.Ломоносова в г. Душанбе (10-11 октября 2019 г.); Республиканской научно-практической конференции «Перспективы развития фундаментальных и прикладных лингвистических исследований в РТ» (Душанбе, 2015 г.); Ежегодной научно-практической конференции «Ломоносовские чтения» (Душанбе, филиал Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова в городе Душанбе (2016, 2019, 2022 гг.)); Вестнике Филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Душанбе: сборнике научных статей преподавателей, соискателей и магистрантов факультета журналистики ТНУ по актуальным вопросам таджикской журналистики (апрель, 2021 г.) и др.

Структура работы определена ее целью и задачами, направленными на последовательное доказательство выдвинутой гипотезы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы. Библиография включает более 400 наименований, в частности около 140 медийных источников (цитируемых в работе текстов блогов, интервью, комментариев, выступлений, новостных сообщений и газетных статей). В диссертации представлены несколько таблиц (4 единицы) и рисунков (5 единиц), дополненных авторской интерпретацией данных.

ГЛАВА 1.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА В ЖУРНАЛИСТИКЕ

1.1. К вопросу о типологии информационно-медийных языковых личностей

На современном этапе развития научного знания феномен языковой личности как объект междисциплинарных исследований характеризуется многообразием интерпретаций и научных подходов.

Потребность в понятии и термине «языковая личность» появилась в 80-х годах XX века ввиду антропоцентрической направленности всех экстралингвистических исследований, однако приоритет его разработки и использования принадлежит именно русской лингвистике. Термин «языковая личность» впервые был употреблён В.В. Виноградовым в 1930 году в книге «О художественной прозе» в процессе анализа индивидуального словесного творчества, в рамках которого ученый определяет главенствующую роль личности автора, создающего абсолютно индивидуальную речевую структуру, перерабатывая «социальное» в «личностное» и отражая это в языке произведения [34].

В гуманитарной парадигме научного знания конца XX века наметилась тенденция к более полному и комплексному изучению человека, дав толчок развитию различных новых направлений антропологии. Одним из них стало исследование языковой личности, попавшей в центр пристального внимания научного сообщества после выхода в 1987 году книги Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность», в которой автор определяет языковую личность, как «личность, которая существует в языковом пространстве, пользуется вербальными знаками и представляет собой совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов)» [83, с.51]. Данная интерпретация предполагает

методологическую основу анализа языковой личности, включающую следующие уровни ее структуры:

1. лексикон (вербально-семантический уровень). Данный уровень, будучи базовым, подразумевает адекватное владение языком и складывается из словарного запаса языковой личности, который эта личность использует в процессе коммуникации;

2. тезаурус (когнитивный уровень) коррелирует с интеллектуальными способностями и познавательной деятельностью языковой личности;

3. прагматикон (прагматический, мотивационный уровень) связан с коммуникативно-деятельностными потребностями языковой личности [83, с. 51]. Отметим, что именно Ю.Н. Караулову принадлежит постулат о том, что «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [84, с.27].

В несколько ином ракурсе структурное обозначение языковой личности представлено В.И. Карасиком: 1) языковая способность как органическая возможность научиться вести речевое общение; 2) коммуникативная потребность; 3) коммуникативная компетенция как выработанное умение осуществлять общение в его различных регистрах для оптимального достижения цели; 4) языковое сознание как активное вербальное «отражение во внутреннем мире внешнего мира»; 5) речевое поведение как осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека» [81, с.111].

Мы полностью поддерживаем предложение Карасика В.И. о необходимости изучения типологии языковых личностей с нескольких позиций:

- социология, где важны объективные статусные признаки личности - возраст, пол, уровень образования, стиль жизни и т.д.;

- социолингвистика, для которой принципиально важным является социальный тип личности (студент, военный, политик, пенсионер), либо определенные знаки, рассматриваемые как индикаторы статуса или роли;

- культурология, здесь основным параметром считается принадлежность языковой личности к определенной этносоциальной общности и ее приверженность определенным ценностным ориентациям [81, с.112].

Многозначность составляющих элементов коллокации «языковая личность» подвигла ученых на разработку отдельных гипотез относительно этого термина. Так, Т.Г. Винокур, например, указывает на две характеристики словосочетания «языковая личность» – коммуникативно-деятельностную и индивидуально-дифференцирующую [36, с.11]. Однако нам кажется, что это достаточно ограниченный ракурс ее презентации, и в современных условиях развития языковой личности за пределами остается нечто более значимое и значительное, что требует более основательной объективизации.

Некоторые ученые (И.В. Сентенберг) утверждают полисемичность термина «языковая личность», рассматривая ее в разных аспектах и создавая «его более или менее целостную картину» [192, с. 14] и вслед за В.И.Карасиком заявляют о типизируемом образовании, то есть о коллективной языковой личности – обобщенном, совокупном образе носителя языка.

Существенный вклад в рассмотрение вопроса о языковой личности внес Г.И. Богин в первой половине 80-х годов прошлого столетия, который эксплицитно ввел и смоделировал понятие «языковая личность». Исследователь определяет языковую личность как субъект речевой деятельности, который готов создавать и принимать произведения речи (тексты). Ученый не игнорирует факт наличия противоречивости в формировании и существовании языковой личности [21, сс. 27-28]. Более того, в отличие от В.И. Карасика, он не усматривает общности между

этапами развития языковой личности и возрастным фактором. Причину этого рассогласования Г.И. Богин видит в закономерном развитии языковой личности (правильность, внутреннее восприятие, насыщенность, адекватный выбор, синтез), которое также имеет упорядоченный характер, а при описании ее модели учитывает три фактора: 1. аспекты языка (фонетика, лексика, грамматика); 2. поэтапные и одновременные речевые операции (говорение, слушание, письмо, чтение); 3. быстрое/медленное/ качественное/некачественное развитие языковой личности.

И.Я. Чернухина предлагает рассматривать структуру языковой личности через призму двух многомерностей – большой (интеллект, интуиция; пресуппозиция (т.е. фоновые знания данной личности и пр.) и малой (чувственные и интеллектуальные эмоции, речевой темперамент и др.) [232, с. 11]. Мы полагаем, что такой двухкомпонентный «многомерный» подход не способен полностью раскрыть суть данного феномена, в этой связи считаем необходимым расширить его за счет включения измерения, транслирующего национальную характеристику, то есть этнический код языковой личности.

Трехмерную, но одновременно достаточно лаконичную и емкую дефиницию языковой личности предлагает украинский исследователь О. Радчук, который позиционирует ее а) с непосредственно носителем языка; б) с совокупностью вербальных особенностей поведения человека, использующего национальный язык; в) с реализацией умения автора владеть языком, что проявляется в индивидуальном стиле [171, с.141].

Мы уверены, что вторая и третья позиции (б, в), действительно играют главенствующую роль в формировании и развитии языковой личности, поскольку этнический фактор в подавляющем большинстве случаев определяет стилевую манеру авторского нарратива, особенно на уровне лексико-семантического восприятия и представления единиц и их синтаксической организации.

За относительно небольшой период времени языковая личность стала объектом и предметом многочисленных междисциплинарных исследований. Как следствие, к середине 1990-х годов стало возможным выделение отдельной лингвистической дисциплины, обозначенной В.П. Нерознаком как «лингвистическая персонология» [142, с.114], направленной на комплексное изучение личности в языке. По мнению ученого, предметом лингвистической персонологии является «изучение идиолектной личности (языка индивидуума) во всем ее многообразии и полилектной личности (национального языка в пространстве и времени)», а целью – «воссоздание общего и особенного в языке, его лексиконе и в его концептосфере» [142, с.116].

Считаем вполне правомерным воспринимать языковую личность как безусловного участника социальной жизни, призванного играть множество социальных ролей и остро нуждающегося в коммуникации, поскольку именно «социально-коммуникативный» акцент отражает специфику речевой деятельности индивида.

Исследование языковой личности немыслимо без обращения к понятию идиолекта, под которым понимается совокупность стилистических и формальных особенностей, характерных для речи носителя определенного языка, так как «все речевые элементы, свойственные речи того или иного носителя языка, отбираются, усваиваются и сохраняются им на протяжении всей жизни и не зависят ни от вида речевой деятельности, ни от условий ее протекания» [68, с.43]. Здесь важно обратить внимание на факт параллельной разработки двух взаимодополняющих понятий – идиолект и идиостиль (индивидуальный стиль определенного автора, присущего всем его произведениям), что дает возможность детального изучения вопроса языковой личности.

Ввиду такого плюралистического подхода к определению понятия «языковая личность» со стороны ведущих языковедов (в частности,

высказанный Ю.Н. Карауловым постулат, согласно которому «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка») этот термин быстро и прочно вошел в тезаурус целого ряда наук и стал рассматриваться с различных точек зрения и изучаться на основании различных критериев. Столь широкий дефиниционный спектр положил начало разноаспектным экстралингвистическим исследованиям по вопросам языковой личности. При этом следует признать, что именно лингвистика стала площадкой первого упоминания этого термина и что массовый исследовательский интерес возник спустя лишь несколько десятилетий.

Важно отметить, что интерпретация самого понятия «языковая личность» и его типология зависят от особенностей подхода к его определению. Выделяются, как минимум, три таких подхода: лингвокультурологический, социолингвистический и дискурсивно-ориентированный; последний считается одним из наиболее перспективных, поскольку он предполагает влияние на развитие языковой личности каждого конкретного человека не только окружающей языковой среды, но и сферы его деятельности, что обуславливает появление такой номинации, как дискурсивная языковая личность, то есть «языковая личность, порождающая определенный дискурс» [157, с.7].

Проблема целостного изучения языковой личности в теоретическом плане представляет собой ряд сложностей терминологического характера, поскольку ее (личности) дискурсивные практики, как объект междисциплинарных исследований, охватывают многие парадигмы – от социальной миссии до художественной выразительности. В этой связи считаем целесообразным дефинировать термин «дискурс». Ввиду постоянного нахождения речевой деятельности в постоянном фокусе интересов филологии и смежных с нею других областей знания, «дискурс» не отличается однозначностью трактовок. Этимологически термин «дискурс» можно разделить на «dis» – «в разных направлениях« и «courir» - «бежать»,

следовательно, он представляет то, что «разбегается в противоположные стороны и направления». Вероятно, М. Фуко применил этот термин, чтобы «схватить» скрытую в практике речи возможность «сопрягать ускользающее». Эта природная особенность термина «дискурс» позволяет ученым обсуждать, интерпретировать его как «отдельную категорию коммуникации» [106, с.1158].

Английский лингвист Майкл Стаббс выделяет три основные характеристики дискурса: 1) это единица языка, превосходящая по объему предложение, 2) использование языка в социальном контексте, 3) он интерактивен, т.е. диалогичен [276, с.1].

Швейцарский лингвист Патрик Серио выделяет восемь значений термина «дискурс»: 1) речь, 2) единица, по размерам превосходящая фразу, 3) воздействие на адресата, 4) беседа, 5) оспаривание услышанного, 6) речевая актуализация единиц языка,7) социально/идеологически ограниченный тип высказываний (феминистский дискурс), 8) теоретический конструкт [193, сс. 26-27].

Обратим внимание на то, что из данного перечня определений контексту заявленной тематики соответствует значение 3 – воздействие на адресата. Развивая эту идею, подчеркнем, что основополагающей целью любого публицистического текста, действительно, является оказание определенного влияния/давления на аудиторию, которое в отдельных случаях приобретает даже манипулятивный характер. Особую представленность данное положение получает в контексте пропагандистского характера СМИ, однако эту характеристику массмедиа не следует переносить в негативную плоскость, поскольку в определенных условиях подобная тактика вполне себя оправдывает. (подробнее в Главе 2)

В.Е. Чернявская воспринимает дискурс двояко; для нее это – «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически

обусловленном коммуникативном пространстве» и «совокупность тематически соотнесенных текстов» [235, сс.14,16]. Считаем, автор данной дефиниции представил три центральных критерия дискурса, раскрывающих его суть в рамках журналистики – тема, текст (письменный/устный) и коммуникативное пространство, которое также можно обозначить в качестве ситуативной модели.

Исследователь А.В. Олянич заявляет о трансформации речи человека в зависимости от этапов его развития, что приводит к «взаимопроникновению разных типов дискурса друг в друга» [150, сс.51-52]. В своей монографии ученый разрабатывает классификацию дискурсов, выделяя 16 типов (педагогический, политический, религиозный и прочие). Особый интерес для нас представляет информационный или массово-информационный дискурс, подразумевающий потребности в информированности, так как «в условиях глобальной коммуникации данный тип становится массовым и приобретает свои специфические черты, отличающие его от всех остальных типов общения, прежде всего, по своей всеохватности и многоуровневости передаваемой информации» [150, сс.70-71].

М. Мухтори полагает, что расширение круга анализа самого текста ввело в научный обиход междисциплинароное понятие «дискурс». Он отмечает, что структурные элементы и части текста играют немаловажную роль при его рассмотрении, однако это отводит исследовательское внимание от чего то более значимого, сущность текста как основного элемента, реже средства коммуникации остается за пределами научного интереса. М. Мухтори предлагает использовать «комплексный, то есть дискурсивный подход к изучению текста, который способствует раскрытию его (текста) временного, пространственного, социального характера» [138, с. 206] и считать дискурс «ситуативным, психологическим, политическим, социальным анализом текста» [138, с. 207]. Данная научная позиция, бесспорно, представляет новый взгляд на проблему дискурса и несколько

инновационный подход к его изучению. Мы уверены, что в рамках концептуальной тематики, предлагаемая методика может получить положительную апробацию.

Фоновая презентация дискурса и концепептуальности прослеживается в высказывании М. Муродова: «...Журналист посредством текста и речи влияет на сознание аудитории, способствует осознанию важных социальных вопросов и их решению, призывает массы к вовлечению в социальную жизнь, участию в развитии общества. Для достижения этих целей он должен умело использовать все языковые средства» [254, с. 72]. Полагаем, что говоря о письменной и устной речи журналиста, профессор имплицитно выделяет ее (речи) дискурсивную особенность – способность убеждать аудиторию, а искусство убеждения есть профессиональное владение «концептуальной» тактикой, под которой следует понимать четко выверенную, грамотную стратегию использования концептов и их последовательную, логичную лексическую реализацию.

По результатам дефиниционного обзора термина «дискурс» в качестве опорного определения в контексте настоящего диссертационного исследования нами была выбрана трактовка Н.Д. Арутюновой, в соответствии с которой дискурс обозначен, как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий в когнитивных процессах» [14, сс. 136-137].

Таким образом, языковая личность понимается и осмысливается нами не только и не столько как реальный человек и личность, а как тот человек и та языковая личность, которая «принадлежит» дискурсу и самореализуется за счет создания текстов в различных разновидностях дискурса. Например, языковая личность публициста находит полноценную реализацию в контексте текстовой деятельности, в основу которой положен какой-либо

информационный повод. Соответственно, здесь речь следует вести о дискурсивной языковой личности, являющей собой языковую личность со свойственными ей индивидуальными, личностными характеристиками и коммуникативными компетенциями, которые проявляются в дискурсивной (текстовой) деятельности в рамках дискурса определенного типа (информационного, медицинского, исторического и др.).

Текстовая деятельность языковых личностей в СМИ требует комплексного, системного изучения ввиду специфики современной медиакоммуникации, которая дает повод говорить о когнитивно-дискурсивной парадигме журналистской деятельности. В этой связи принципиальным становится вопрос о выявлении релевантных признаков языковой личности журналиста, как безусловного участника массмедийного общения. В основе подобного многоуровневого, интегрированного исследования заложена идея о том, что за каждым медиатекстом «стоит» определенная коллективная или индивидуальная информационно-медийная языковая личность со своими уникальными характеристиками: картиной мира, тезаурусом, системой ценностей, общей и речевой культурой, региональной и этнической принадлежностью, которые латентно или явно прослеживаются в ее текстовой деятельности, выходящей в медийный эфир или тираж.

К механизмам, позволяющим выявить и описать специфику языковой личности (ЯЛ), в том числе и журналиста, относятся:

а) риторические и стилистические средства, которые использует ЯЛ;

б) жанровые предпочтения и их языковая реализация;

в) стратегические и дискурсивные тактики;

г) доминантные смыслы (концепты).

Все эти паттерны в отдельности, различные их комбинации, полное их использование дают возможность не только изучить ЯЛ, но и идентифицировать ее поведенческие модели в рамках профессиональной

коммуникации, степень востребованности как специалиста, способность критического осмысления объективной действительности.

В этой связи необходимо отметить, что современные теоретические практики свидетельствуют о смене парадигм научного знания, в основу которого сегодня заложен антропоцентризм. Антропологический подход, характеризующийся высокой степенью актуальности в рамках современных исследований по вопросам дискурса, обусловил трансформацию практически всех подходов к изучению феномена языковой личности.

Языковая личность представителя профессионального журналистского сообщества, носителя специальных знаний и навыков, которые были получены последним в процессе обучения и трудовой деятельности, представляет собой частный, более узкий вопрос, требующий осмысления не только с позиции лингвистики (ввиду безусловной связи филологии и журналистики), но и с точки зрения конкретного, узкоспециализированного направления (в частности, социологии, концептологии, политологии, юриспруденции и т.д.). Связь языковой личности, журналистики и всех пересекающихся с журналистикой наук очевидна и уже давно признана учеными ввиду таких характерных особенностей, как взаимопроникновение, синергия (сотрудничество; содействие; взаимодействие, усиливающее эффект) и интероперабельность(функциональная совместимость)

Таким образом, термин «журналист», то есть языковая личность, которая функционирует в массмедийном пространстве, является неотъемлемым компонентом тезаурусного поля термина ЯЛ. Стилистический энциклопедический словарь русского языка имеет даже отдельную словарную статью, дефинирующую понятие «языковая личность журналиста» – «совокупность речетекстовых характеристик, формирующихся под воздействием экстралингвистической основы – функционально-стилевой, жанрово-стилевой и индивидуально-стилевой» [408].

Важно отметить, что речевая и текстовая деятельность носителя определенного языка как автора речевого произведения формируют достаточно широкую площадку для разного рода трансдисциплинарных исследований, а «многоликий» антропогенный фактор стал поводом для актуализации одного из важнейших вопросов журналистики – языковой картины мира современного медиапространства.

Несмотря на научную популяризацию феномена персонификации, или роли личности автора в исследованиях по проблемам журналистской деятельности, необходимо отметить неоднозначное восприятие языковой личности как таковой. Двусложность ЯЛ выражается и индивидуальными качествами личности журналиста и системными свойствами современных условий профессиональной деятельности, под которыми имеются ввиду такие внешние факторы, как инновационно-технологическое оснащение, широта и разнородность целевой аудитории, степень эффективности/неэффективности воздействия информационного продукта на аудиторию. Принципиальным аспектом в этом направлении считается следование нормам литературного языка при создании речевых произведений или полное/частичное их игнорирование. Важно отметить, что именно литературный язык служит своеобразной платформой для формирования лингвокультурной картины мира, и именно он играет центральную роль в формировании стилевой среды для журналистского творчества.

Общепризнанным фактом является то, что произведения художественной литературы всегда выполняли нормотворческую функцию. На начальных этапах своего формирования язык прессы во многом характеризовался беллетристичностью, т.е. он не отличался/не отделялся от языка художественной литературы [144]. Ситуацию изменили активное становление и динамичное развитие публицистики. Именно этот

(публицистический) стиль стал объектом анализа языковой личности в журналистском ракурсе.

Беспрецедентный уровень влияния радио и телевидения на общественное сознание вывел журналистику за рамки сугубо лингвистических исследований. Расширение поля научного интереса также обусловлено профессиональными поведенческим моделями журналистов, под которыми понимается сегментная специфика их деятельности – радио-, теле-, газетная, интернет журналистика. Так, например, объектом анализа ЯЛ радиожурналиста станет арсенал просодических (система произношения ударных и неударных, долгих и кратких слогов) средств им используемых, то есть выделяемые акценты, смысловые паузы, понижение/повышение тона, квазиспонтанность (мнимая), «эмоциональный режим». При рассмотрении ЯЛ тележурналиста (блогеров (создателей текста) и -влогеров (создателей видео)) в эпицентр анализа попадут особенности использования им паралингвистических (невербальных) средств – жестов, мимики, фрагментарности, симультанности (одновременности), приемов коммуникативного воздействия, медиации и модерации телеэфира.

Следовательно, в настоящее время языковая личность журналиста представляет собой системный феномен, объединяющий сугубо индивидуальные характеристики и результат взаимодействия социальных и технологических факторов. В этом случае основным объектом исследования выступает авторское «Я» и одна из его главных функций – воздействие на целевую аудиторию. Здесь же важно отметить, что термин «языковая личность» стал катализатором интеграции сфер смежных научных областей – речевой коммуникации, социолингвистики, стилистики, этнолингвистики, журналистики и т.д.

С лингвистической точки зрения, любое информационное поле (СМИ, текста, языковой личности) можно представить как выраженный в языковой форме сгусток информации (знаний о мире), являющийся результатом

текстовой деятельности. Итогом журналистской деятельности является текст, в котором, как указывает С.И. Сметанина: «…ищут баланс сложная природа языка – материала творчества, личностные приоритеты и вкусы творца, интересы и возможности печатного издания» [194, с. 240], а текст, будучи, в свою очередь, ключевым средством самовыражения журналиста/публициста, отражает специфику мировосприятия языковой личности своего создателя.

Единицей речевого общения в сфере массовых коммуникаций считается медиатекст – термин, которым изобилует современная научная литература. Эту динамически сложную единицу высшего порядка можно обозначить в качестве гиперонима, или зонтичного понятия, объединяющего следующий ряд терминов: журналистский текст, PR-текст, публицистический текст, газетный текст, теле- и радиотекст, рекламный текст, блогерский текст и пр. Центральным признаком медиатекста является воздействие на общественное мнение, позицию, убеждения, а его создателем является языковая личность журналиста, которая, в свою очередь, основана на его когнитивных способностях, мировосприятии, интеллектуальном и культурном уровнях.

М. Мухтори также рассматривает медиатексты, исходя из характера их воздействия на аудиторию, при этом основу их дифференциации видит в жанровой палитре журналистских материалов, особо выделяя «информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры, а также рекламные тексты» [138, с.39]. Ученый проводит подробнейший анализ медиатекстов на предмет их синтаксических, грамматических, пунктуационных, лексико-семантических, этических, поляризационных и нейтрализационных параметров, что позволяет констатировать не только глубину проведенного ученым анализа, но и сложную структуру медиатекста в целом.

Первостепенной характеристикой ЯЛ журналиста выступает языковая (коммуникативная) компетенция – все те знания, навыки и умения личности,

позволяющие выступать полноценным участником современного информационного пространства, быть уникальным носителем совокупности этих знаний и представлять интерес для аудитории. Ведь процесс презентации материала предполагает облачение мысли в информационный материал (речевой, текстовый), а выбор средства при этом базируется на личностных качествах предъявителя материала (т.е. журналиста) и на современных и традиционных нормах профессиональной среды.

В этой связи особую озабоченность вызывает проблема низкого уровня языковой компетенции некоторых журналистов. Осознание себя как языковой личности и постоянное стремление к самосовершенствованию должны быть признаны фундаментальной основой профессионального роста и приоритетным условием создания любого медиатекста. Филологическое сообщество выражает твердую уверенность в том, что СМИ могут (должны стать!) ретранслятором образцов литературного языка и расширить возможности утверждения этих образцов в сознании масс. Поэтому так важно, чтобы звучащая в эфире (в том числе и в прямом) и выпущенная в тираж речь отражала всю полноту стилистического богатства языка, то есть глубина и всеохватность информации должны сочетаться с «совершенной формой». Соответственно, рамки приоритетных журналистских задач расширяются за счет включения вопроса о необходимости разработки теоретических и методических подходов (с учетом современных реалий) к определению характеристики языковой личности журналиста и критериев для оценки ее профессионализма.

Создание собственной ЯЛ является для журналиста важным творческим заданием, сложность которого заключается в двойственной природе самого понятия «журналист». С одной стороны, это личность с «типическими для социума чертами, а с другой (в идеале) – с ярко выраженной индивидуальностью, характерным творческим, высоко эстетической манерой использования языковых единиц, особой (иногда

просто уникальной) архитектоникой (соразмерное расположение частей, гармоничное сочетание их в единое целое) текста и прочими особенностями, которые демонстрируют индивидуально-авторское восприятие мира конкретного журналиста» [37, с. 84]. При этом реализация этого потенциала находится в прямой зависимости от объективных факторов преимущественно дискурсивного порядка, в рамках которого не последнее место отводится темпераменту личности, способности к осуществлению определенных видов деятельности (в частности коммуникативной), доминирующим чувствам и мотивам деятельности, индивидуальным психическим особенностям и т.п.

Поскольку человек входит в коммуникацию как личность со всеми присущими ей чертами, то в процессе формирования ЯЛ участвуют и играют весьма значимую роль все его личные качества. Следовательно, любая ЯЛ – это синергия лингвистической и психологической составляющих личности. Акцент на психологический компонент делает С. Сухих, выделяя гармоничный, конфликтный и импульсивный типы ЯЛ [200, с. 24] и определяя их характерные особенности. Согласно его классификации, гармоничной ЯЛ свойственны чёткая стратегия, когезия текста, логичность развития темы, толерантность, соблюдение социальных норм, уравновешенность, продуманность и сдержанность образов, выдержанная тональность нарратива, естественность и благозвучие языка, при этом не исключаются нестандартное мышление, эмоциональность и образность речи, консерватизм (редко/в определенной степени).

К импульсивному типу ЯЛ принадлежат журналисты, нарушающие социальные нормы, склонные к негативной оценке и прогнозам, часто меняющие точки зрения, хаотично переключающиеся с одного предмета беседы на другой.

Для конфликтного типа установка против партнера по коммуникации априорна. Здесь журналист является провокатором, в определенной степени даже манипулятором, навязывает свою/редакторскую точку зрения.

В качестве ремарки считаем необходимым отметить, что если речевая стратегия при определенных обстоятельствах общения выбирается журналистом бессознательно, то в рамках своей текстовой деятельности он может внести соответствующие коррективы. Однако при тщательном анализе текста опытные эксперты способны увидеть дублирование манеры устного общения журналистов импульсивного и конфликтного типа в их письменных текстах. Серьезную озабоченность вызывает тот факт, что сегодня медийное пространство стало площадкой активного функционирования представителей всех трех типов ЯЛ, при этом если гармоничный тип создает исключительно плюсовой резонанс, то импульсивный и конфликтный типы обладают огромным потенциалом введения различных негативных тенденций как в обществе в целом, так и в профессии в частности.

Так, контент-анализ материалов современного медиапространства (в первую очередь, это касается интернет-СМИ) демонстрирует огромное число примеров, когда речевая деятельность осуществляется по заранее известным сценариям. То есть на лицо так называемая «массовизация» речевого стандарта СМИ, повсеместно фиксируется выборка чрезвычайно доступных, зачастую примитивных языковых средств, для которых характерны «…тривиальность, избитость, шаблонность, неоригинальность, семантическая двусмысленность…» [28, с. 223].

К числу причинно-следственных факторов можно отнести вслед за С.И. Сметаниной экстралингвистический аспект – обязательная оперативность создания и, как правило, быстрота потребления текста, коллективное авторство, использование первичных, исходных текстов (официальные документы, данные социологических опросов, интервью и др.) [194, с. 139]. Бесспорно, все это накладывает огромный негативный

отпечаток на индивидуальный стиль журналиста при подаче материала в особой, уникальной авторской трактовке/обработке. Болевыми точками могут считаться речевая способность, индивидуальная манера мышления (идиолект, идиостиль), устройство языкового сознания.

Таким образом, происходит «обезличенность» автора в СМИ, что является серьезным препятствием для оценки так называемых имиджевых параметров описания языковой личности журналиста. Образ журналиста как публичной фигуры основан на его имидже, важнейшей составляющей которого является собственно речь и речевое поведение, соответственно. Профессиональное журналистское сообщество настаивает на наличии обязательной связи между имиджем и подлинным интеллектуальным и психологическим обликом журналиста, поскольку малейшее расхождение, безусловно, окажется выявленным и вызовет негативную реакцию у аудитории.

Актуальность изучения индивидуальных особенностей публичной ЯЛ, которой является журналист, неоспорима, так как последний выступает посредником, медиатором между миром и обществом, имеет влияние на массовую аудиторию, формирует ее мнение и вкусы.

Языковая личность журналиста изучается в различных направлениях и на пересечении разных отраслей языкознания, что обусловлено сложностью и многогранностью данного феномена, в частности по вопросу дифференциации таких понятий как «автор» и «журналист». В этой связи особенно перспективным представляется разноплановое описание личностей известных журналистов, чье творчество внесло существенный вклад в историю и культуру.

Резюмируя основные положения настоящего раздела, следует отметить их тематическую направленность. Подробному изучению подвергся лингвистический феномен языковой личности и ее сущностные характеристики в журналистике ввиду наличия множества точек

соприкосновения и синергетического эффекта. В заявленном аспекте фрагментарное рассмотрение получили также термины «дискурс», «медиатекст», «идиолект»/«идиостиль», которые считаются основополагающими в вопросе соблюдения/несоблюдения СМИ речевых стандартов, реализация которых считается прерогативой информационно-медийных языковых личностей.

1.2. Авторская картина мира: ретроспективный сравнительный анализ

Авторской картине мира в современном информационном пространстве отводится ведущая роль. В рамках данного параграфа важно обозначить суть понятия «авторская картина мира» и идентифицировать его отличительные характеристики. Более того, целью параграфа является сравнительный анализ авторских картин мира журналистов и публицистов, осуществлявших свою профессиональную деятельность в эпоху Советского Союза и работающих уже в условиях государственного суверенитета.

Изучение авторской картины мира не представляется возможным без опоры на тексты, возможно, тексты различных жанров, в которых автор реализует свое мировидение, мироощущение, мировоззрение. Безусловно, фоном авторской картины мира может считаться (в подавляющем большинстве случаев за исключением обстоятельств, входящих в юридическую плоскость) национально-языковая картина мира, которая в контексте настоящего исследования будет рассмотрена фрагментарно, поскольку не входит в спектр целей и задач, обозначенных автором.

Учеными выделяются три принципиально разных подхода к анализу текста, которые позволяют детерминировать авторскую картину мира (АКМ). Первые два представляют собой четкое противопоставление – «от автора к тексту» и «от текста к автору». В основе подхода «от автора к тексту» лежит жизненный, личный, профессиональных опыт создателя

нарратива; его картина мира, тезаурус, система ценностей, общая и речевая культура, личные качества и т.д. Допустимо четко обозначить АКМ и в рамках подхода «от текста к автору». Так, исходя из таких компонентов текста, как его структура; внутритекстовые связующие единицы (вводные слова, конструкции); наличие коннотативных (ассоциативных) значений; свободное оперирование лексикой и, безусловно, ее обилие; умелое использование не только функциональных, но и сложных грамматических конструкций; соблюдение регистра и т.д., можно с максимально точно определить авторскую картину мира.

Однако третий подход - «от читателя к тексту», – выделяемый экспертами, на наш взгляд, требует обстоятельного к себе отношения, поскольку выявляет возможности не столько текста, сколько читателя. Ведь текст может выступать для аудитории, как некая самостоятельная единица, созданная единожды по некой диррективе (здесь: редакционной коллегии), а может быть и частью и/или следствием чего-то более значительного, чем сам текст; этим «более значительным» является личность автора, общественно-политическая ситуация, жанровые предпочтения и др. Однако, что бы ни было «бэкграундом» текста, именно читатель (в силу уровня своей образованности, культурности, толерантности, принадлежности к конкретному профессиональному сообществу и пр.) определяет картину мира автора этого текста. Здесь важно понимать, что выводы читателя априори не могут быть объективными и, безусловно, носят субъективный характер.

В этой связи, в качестве базовых подходов к анализу авторской картины мира нами определены первые два - «от автора к тексту» и «от текста к автору», которые позволяют, синтезируя «языковое» и «неязыковое», имплицитное (скрытое) и эксплицитное (явное), выявить авторскую картину мира создателей текстов, работавших в советский период

и осуществлявших (осуществляющих) свою деятельность в первые три десятилетия государственной независимости.

Перед обращением к вопросу о разделении медиатекстов, следует идентифицировать понятие «медиатекст», которое фрагментарно было нами рассмотрено в предыдущем параграфе. Согласно словарю медиаобразовательных терминов, *медиатекст* – это «конкретный результат медиапродукции – сообщение, содержащее информацию и изложенное в любом виде и жанре медиа (газетная статья, телепередача, видеоклип, фильм и пр.). Для создания медиатекстов используется *медиаязык* («комплекс средств и приемов выразительности»), в значительной степени определяющий характер *медиакультуры* («совокупность материальных и интеллектуальных ценностей в области медиа») [215, сс. 113-114]. Сфокусируем внимание на четком разделении медиатекстов.

Эксперты, в частности профессор С.С. Распопова ставит в приоритет именно авторское начало (авторское «Я») любого медиатекста и предлагает разделить их (тексты) на авторские и коллективные: «Автор медиатекста, прежде всего, социальный человек. Его социальность выражается в том, что он выступает не от своего имени, а всегда выражает коллективную позицию < ... > К авторским текстам можно отнести произведения публицистов, блогеров и колумнистов, к коллективным – тексты журналистов. Автором публицистического текста чаще всего выступает широко известный и авторитетный человек, который мастерски владеет словом, благодаря чему его тексты получают яркую, эмоциональную окраску» [172, с. 151]. Исследователь четко разграничивает авторские позиции и, как следствие, авторскую картину мира журналиста и публициста.

Мы считаем это разделение вполне правомерным, поскольку дифференциация понятий «журналистика» и «публицистика» является принципиальной. Анализ специализированных источников позволяет

лаконично резюмировать их отличие: журналистика - это new (news) – новый, новость(и), а суть публицистики – это view (views) – взгляд, мнение.

Подобное «топорное» разделение обусловлено никогда не прекращающимися спорами о том, существуют ли журналистские тексты, или все тексты – это публицистика, а журналистика – это ряд профессиональных обязанностей, а написание текста является лишь их частью [41, с. 2].

Весьма убедителен в своих суждениях Г.Я. Солганик: «Публицистический текст, по определению, по природе должен содержать в себе в большей или меньшей степени черты, приметы авторской личности. В этом суть и специфика публицистики – речи непосредственно авторской, личностной, субъективной, документальной, подлинной» [196, с. 78].

Возникает естественный вопрос: «Что же стоит за текстом, за речью автора?». Ответ очевиден: Авторская картина мира. А ее, в свою очередь, формируют тип издания, исторический контекст, фоновые знания и прочие основополагающие, но в то же время флексибильные факторы, которые делают публицистические тексты подвижными, легко трансформирующимися и синергетичными.

Каждая эпоха, конкретный исторический период неразрывно связан с авторской картиной мира, наделяя ее особыми характеристиками и/или лишая их, то есть придавая этому понятию «мигрирующий» статус. Правомерность выдвинутой гипотезы доказывает представленный ниже сравнительный анализ, предметом которого станут публицистические тексты, созданные в разные исторические периоды.

Государственный строй; идеология; экономический, политический, культурный климат; социальные институты; конкурентная среда; социальный запрос/заказ общества – это далеко не полный перечень сфер, в которых произошли кардинальные изменения за относительно короткий (30 лет – 1991–2021гг.) исторический этап, и СМИ могут занять в этом списке

последнюю (как следствие), но ключевую позицию. Предпримем попытку проанализировать суть этих трансформаций и рефлексию СМИ относительно данных преобразований.

По инициативе М.С. Горбачева, который пришел к власти в середине 80-х, КПСС наметила новый политический курс – на перестройку. Наступило время радикальных перемен в великой державе, которая 70 лет существовала в рамках административно-командной системы и практически в одночасье должна была адаптироваться к новым реалиям, перейти от тоталитарного режима к правовому, от приоритетов одной идеологической модели к диаметрально противоположной, от жесткой цензуры к плюрализму, свободе, гласности. Все эти «катаклизмы» не могли не отразиться на средствах массовой информации, то есть их сути, структуре, состоянии, задачах, приоритетах и т.д.

Невозможно дать однозначную оценку этому переходному периоду, однако с полной уверенностью можно констатировать факт рождения принципиально новых СМИ, хотя советское наследие в определенной степени до сих пор остается основополагающим фактором в работе всех видов и сегментов СМИ.

Главнейшая задача средств массовой информации советского периода состояла в донесении до массовой аудитории позиции власти – единственно возможной и верной. Любая информация интерпретировалась в «партийном» ракурсе, то есть порицались идеологические противники, пропагандировалась борьба с внешними и внутренними врагами коммунистического строя. Плюрализм мнений, пресловутая «свобода слова» или хотя бы реальное рвение к этим фундаментальным исконно-журналистским понятиям были маргинальными, поскольку единственным источником финансирования СМИ был государственный бюджет, следовательно, свободомыслие «регулировалось» государственной машиной. Позиции журналистов из всех газет, радио, телевидения поразительным

образом совпадали друг с другом, поэтому у советского гражданина не было ни малейшего риска/шанса столкнуться с какой-либо другой, не соответствующей социалистической идеологии точкой зрения. А вес, возможности и уровень идеологической пропаганды советских СМИ позволят оценить статистические данные, без которых общая картина была бы неполной.

В 1987 году в стране выходило свыше 7,5 тыс. газет, в том числе около тысячи центральных, республиканских, краевых и областных, более 2,5 тыс. журналов. В ведении партийных комитетов находилось 114 издательств. Тираж «Правды» превысил 11 млн. экз., «Труда» перевалил за 18 млн. экз., за 8 млн. экз. перешагнул тираж «Известий», а «Комсомольской правды» – за 17 млн. экз. Развернувшаяся перестройка привела к все более возрастающему авторитету СМИ. В 1989 году газетно-журнальный мир страны насчитывал 8800 газет, разовый тираж которых составлял 230 млн. экз., и 1629 журналов тиражом свыше 220 млн. экз. (Аргументы и факты. № 19. 1990г.). Через год тиражи газет возросли на 4,6%, а журналов – на 4,3% [1, с.40].

При всей деформации межнациональных отношений структурный характер советской журналистики оставался многонациональным. В 1989 году газеты выходили на 55 языках. Тираж республиканских газет увеличился на 1 млн. 200 тыс. экз., на 700 тыс. – областных, на 1 млн. 700 тыс. – районных и на столько же – городских (Московские новости. № 15. 1990г.).

Безусловно, все эти факторы сыграли решающую роль в формировании авторской картины мира советского журналиста. Обратимся к контент-анализу ряда газетных статей, стенограмм отдельных телепередач советского периода, который позволит идентифицировать специфику «советской» авторской картины мира.

Долгожданная гласность, о которой громко говорилось с высоких партийных трибун в конце 80-х, на деле оказалась лишь декламацией и по

сути, вопреки ожиданиям, никак не отразилась ни на государственном, ни на общественном сегментах. Новые условия открыли перед журналистами возможности не только освещать остросоциальные аспекты, но и создали многочисленные проблемы. Однопартийная советская журналистика не имела опыта объективного отражения реальности, а новое политическо-экономическо-культурное мышление требовало от СМИ рефлексию – противоречивую, многообразную, плюралистическую. Запросы аудитории «натыкались и разбивались» о запреты на правдивое освещение недалекого прошлого и реальностей перестроечного периода. «Главлит, как и прежде, стоял на страже чисто ведомственных интересов. < ... > Однако эти бюрократические заслоны не могли остановить СМИ заговорить в полный голос после 70 лет ограничений, и они стали мощным рычагом начавшихся преобразований, способствовали развитию демократизации масс, их психологической перестройке, активизации сознательных действий по слому административно-командной системы» [324]. Флагманскими проектами журналистской площадки стали вопросы политической активности обычных граждан, национального самосознания и идентификации отдельных этнических групп.

Тенденции журналистики конца 80-х и попытка государственного переворота в августе 1991 года, частичное прекращение выпуска центральных газет и журналов обусловили формирование демократической журналистики и появление нового типа авторской картины мира. Важно понимать, что в этот непростой период, который даже сегодня рассматривается историками как неоднозначный, СМИ превратились в инструмент борьбы за власть и принадлежность к политической элите.

Сложная общественно-политическая обстановка, крушение великой державы, децентрализация власти и «парад суверенитетов» стали началом деструктивных процессов практически на всей территории Советского Союза. Путь развития независимого Таджикистана, история становления

новой таджикской государственности во много отличается от аналогичного процесса в других государствах Центральной Азии. Из всех пятнадцати союзных республик именно Таджикистан считается средоточием самых серьезных испытаний. В последующих главах этот вопрос будет рассмотрен более подробно и в различных ракурсах, а в соответствии с целями настоящего параграфа будет предпринята попытка проанализировать вектор и степень влияния нового политического мышления на формирование авторской картины мира журналистов уже суверенного Таджикистана.

Джонибек Акобиров – таджикский писатель, некогда главный редактор журнала «Садои Шарк« («Голос Востока») (литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал) уверен, что «эпоха перестройки, начиная с 1985 года, февральские события 90-го года, а потом и гражданская война в Таджикистане и ход освещения этих событий в отечественных и мировых СМИ отчётливо продемонстрировали, что журналистика и, в особенности журналистика последнего десятилетия являются всего лишь марионеткой в руках политиков, рвущихся к власти олигархов и олигархических кланов, одержимых стремлением стяжательства огромных состояний…» [219, с. 5].

Журналист Марат Мамадшоев, анализируя общественно-политические трансформации начала 90-х, указывает на наличие определенной двойственности в позиции СМИ: «…Журналисты хотели заниматься политикой или же политика втягивала в себя журналистов. В подавляющем большинстве случаев в их публикациях трудно было отличить аналитический материал от текущей информации или пропаганды…».

Журналист Мухибулло Курбон называет 1991 год недолгим «золотым веком» свободы прессы в Таджикистане [219, с. 5].

Умар Шерхон, журналист газеты «Нидои ранчбар», убежден в том, что СМИ действительно являются четвертой властью, и эта их номинация наиболее ярко проявляется в сложнейший политический период. До 90-х

«роль СМИ не была столь действенной, потому что мы жили в мире и согласии, и мало кто придавал им значение. Силу их воздействия люди осознали в тот период, когда оппозиционные силы захватили ТВ и радио, и деятельность Госкомитета по ТВ и радио (в Таджикистане) была прекращена» (Нидои ранчбар. №8. 1993г.).

В отечественной журналистике и на политической арене второй половины XX века появляется личность многогранная, очень противоречивая и именно поэтому многим непонятная – Отахон Латифи. В советскую эпоху журналистский талант и высокая нравственность сделали его символом справедливости, в годы независимости отношение к нему было не столь однозначным. В одном из своих интервью журналист отмечает, что трансформация СМИ началась задолго до распада Советского Союза: «*...Читайте внимательно «Правду» тех времён. < ... >. Ноги демократии выросли из коммунистического движения...* » (Бизнес и политика. №29. 1997г.)

Этнический чеченец, проживший всю свою взрослую жизнь в Таджикистане, известный журналист Турко Дикаев уверен в том, что журналисты страны оказались «несвободными от всеобщего психоза, разделились на два непримиримых лагеря. Сегодня, знакомясь с прессой тех времен, создается стойкое ощущение, что если бы элиты не развязали войну, то за них это сделали бы журналисты. Никаких переходных тонов мы тогда не воспринимали: только черное и белое» [54, с.123].

Важно понимать, что после развала Советского Союза мощнейший инструмент пропаганды – СМИ – если не потерял былую силу, то, совершенно точно, изменил концепцию своего функционирования. Их роль и место стали невнятными, зависимыми от множества факторов (в отличие от единственного возможного в период СССР), и эта неопределенность по «эффекту домино» передалась теперь уже независимым постсоветским государствам. СМИ «лихих 90-х» проживали свои уникальные судьбы в

каждой отдельной стране-участнице нового интеграционного союза – СНГ. Таджикские СМИ начала 90-х – это СМИ военного времени, времени деградации понятия «национальный интерес», тенденциозного, одностороннего освещения событий, местнического и националистического «угара». Однако именно этот этап можно считать ярчайшим примером становления свободной прессы, несмотря на ряд объективных и субъективных трудностей (повышение цен на полиграфические услуги, низкая заработная плата журналистов; неудовлетворительная работа пресс-служб Верховного Совета и Совета Министров; отсутствие пресс-конференций представителей власти с сотрудниками СМИ и др.

Все представленное выше свидетельствует о том, что в авторской картине мира подавляющего большинства отечественных журналистов отражено политическое начало, стремление перешагнуть за рамки стереотипного «советского» мышления. Однако именно это стремление обусловило широкое распространение агрессивного и интолерантного тона в публикациях, который, возможно, стал причиной эскалации межтаджикского конфликта

Массмедиа конца 90-х и начала нулевых – это всемерная бескомпромиссная пропаганда мира, возвращение к традициям, относительно плотное взаимодействие властей с представителями СМИ. Здесь основополагающими характеристиками авторской картины мира являются сдержанность и/или сдерживаемая речевая агрессия, созидательная функция публикаций, умение постановки проблемы, осмысленный анализ происходящего, отказ от субъективной оценки происходящего или ссылка только на неё (то есть в публикации присутствует ремарка о личной позиции автора).

Второе десятилетие XXI века для СМИ республики – это равнение на курс нового политического мышления, сохранение и преумножение

миротворческого потенциала по всем ключевым повесткам развития таджикского общества.

Анализ действующего законодательства позволяет оценить уровень свободы слова в республике достаточно высоко. Так, Конституция Республики Таджикистан признает «незыблемыми свободу и права человека», гарантирует свободу слова, печати, право на пользование средствами информации, запрещает государственную цензуру и преследование за критику» (ст. 30). В Статье 8 Закона Республики Таджикистан «О печати и других средствах массовой информации» содержатся нормы, не допускающие «монополизацию какого-либо средства массовой информации» (печати, радио, телевидения и других). Наиболее заметное дополнение к Закону, внесенное Парламентом республики в мае 2002 года, воспрещает иностранным гражданам и лицам без гражданства, а также политическим партиям и общественным объединениям, деятельность которых запрещена законом, быть учредителями СМИ (часть 3 статьи 8).

Нормативно правовая база, безусловно, является одним из основных инструментов формирования авторской картины мира, поскольку практически полностью регламентирует творческую деятельность журналиста, хотя объективная интерпретация и подача материала остается главным ресурсом реализации принципов свободы слова. Здесь же следует отметить, что оптимально возможный (в условиях современных реалий) уровень свободы слова в Таджикистане обеспечивается за счет того, что частные средства массовой информации опережают государственные как по численности, так и по размеру аудитории.

Сегодня печатное пространство в республике в большей степени принадлежит частным издателям, а телевещание - в основном, правительству. Радиоэфир преимущественно носит частный характер, однако его влияние на широкие массы можно оценить как довольно слабое. Частная печать (как показатель свободы слова) в массе своей носит

бульварный характер. Но существует несколько газет, которые затрагивают важные социальные проблемы, публикуют статьи, критикующие власть и отдельных ее представителей [209, сс. 356-359].

Становление остро идеологического аспекта в авторской картине мира происходит посредством диалога «журналист – власть (чиновник)», хотя следует признать определенную степень статичности этих взаимоотношений, обусловленную пассивностью второго компонента этой диады («журналист – власть (чиновник)»).

Поступательное развитие этого аспекта АКМ было обеспечено за счет указа Президента Республики Таджикистан (Указ № 622 от 7.02.2009 г.), в соответствии с которым госчиновники должны своевременно реагировать на критические и аналитические материалы СМИ. Ранее глава государства обязал министерства, ведомства и местные власти ежеквартально отчитываться перед журналистами о своей деятельности.

Этот указ стал центральной темой многочисленных дискуссий в отечественном медийном пространстве. Так, уже через день после его выхода (9.02.2009 г.) представителями СМИ был организован Круглый стол, где, несмотря на споры, профессиональное журналистское сообщество поддержало этот документ, назвав еще одним шагом к свободе слова в Таджикистане (События. №6. 11.02.09 г.).

Ниже представлен обзор позиций нескольких известных медийных личностей, который был составлен Аслибегим Манзаршоевой, корреспондентом «Интер-пресс – сервис» и размещен 12.02.2009 года на официальном сайте НАНСМИТ. Отметим, что высказывания экспертов были нами сокращены без потери общего смысла контекста.

«Таджикистан: пресса о прессе, №6 (163), 2009 г.

В 2008 г. (за год до выхода Указа), 140 критических статей, опубликованных в СМИ, не получили соответствующего реагирования и по решению отраженных в них проблем не были приняты соответствующие

меры. Данная инициатива даст реальный толчок в решении наиболее актуальных вопросов, поднимаемых в СМИ. (в 2009 г. начальник информационного отдела исполнительного аппарата президента РТ С.Сиддиков);

Пресса «стала более смелой». Однако представители СМИ не должны использовать данный документ в своих интересах и критиковать всех подряд, оказывая тем самым «медвежью услугу. (в 2009 г. председатель Союза журналистов Таджикистана А. Сатторов);

Документ обязывает журналистов более профессионально подходить к своим обязанностям. Необходимо уделять большое внимание качеству журналистских материалов, чтобы не допустить скандалов с чиновниками. Отныне чиновники не будут делить СМИ на государственные и независимые. Теперь чиновники в ровной мере будут отвечать и перед теми и перед другими СМИ за отказ о предоставлении необходимой информации (журналист А.Вохидов);

Сотрудничество СМИ и власти не должно быть в форме лести или в угоду кому-то, а расхождение мнений не должно означать «быть в состоянии войны». Среди факторов, оказавших негативное влияние на ослабление позиции СМИ в Таджикистане, наиболее важным является отсутствие в стране ежедневной прессы.(профессор И.К.Усмонов на круглом столе «СМИ и власть: партнерство или разногласия? » организованной общественной организацией «Журналист» в сотрудничестве с СЖТ.(Фараж (№6 от12.02.09г));

Корень проблемы не в том, что органы власти плохо работают с прессой. Большинство из них вообще плохо работают. Многие из них думают не о народе и своей ответственности перед ним, а о своих корпоративных интересах. Или о своих личных выгодах. И имитируют бурную деятельность. (журналист М.Мамадшоев, рубрика «Мысли вслух»);

Указ является своевременным шагом, несмотря на то, что журналисты не нуждаются в ответах или же официальных заявлениях чиновников. Почему? Да потому что журналистика служит обществу, а не исполнительным органам власти. Но в условиях Таджикистана, когда чиновники не хотят сотрудничать со СМИ, появление подобного документа является как раз, тем, что нужно. (в 2009 г. председатель общественной организации «Журналист» К.Шарифзода).

Настоящая выдержка позволяет сделать несколько важных выводов об авторской картине мира журналистов анализируемого периода. Современный журналист готов: а) к обсуждению различных законодательных коллизий; б) дать объективную оценку деятельности представителей властных структур; в) критически осмыслить юридические перспективы действий чиновников и инициативных общественных коллективов; г) спровоцировать дискуссию; д) трезво оценить факторы, препятствующие полноценному, объективному освещению актуальных социально-политических вопросов.

В соответствии с выше изложенным мы предлагаем условно разделить СМИ независимого Таджикистана на 3 основных этапа: 1) медиа гражданской войны (1990-1996 гг.), 2) медиа национального примирения (1996-2000 гг. (прекращение деятельности Комиссии по национальному примирению (КНП))) и 3) медиа национальных интересов.

Первый период (медиа гражданской войны (1990-1996 гг.)) характеризуется деятельностью СМИ трёх направлений: правительственных (официальных), оппозиционных и независимых; главным образом, они функционировали в условиях «информационной войны». Отсутствие цензуры и возросшие возможности наложили свой отпечаток особенно на независимую прессу республики. Бесспорно, информацию, предоставленную медийными субъектами, нельзя назвать ограниченной в плане объема, однако в контексте объективности и достоверности информационный поток отличался своей неадекватностью. В большей степени это относится и к

публикациям оппозиционной и независимой прессы, в чьих изданиях начали часто появляться статьи-однодневки, без указания авторов или под вымышленными псевдонимами. Правительственная печать придерживалась определенных рамок, публикуя проверенную информацию, ссылаясь на официальные источники, в противном случае не писала о каком-либо событии вообще. Субъективизм (в частности, в интерпретации и оценке военно-политической обстановки), тенденциозность, явная приверженность конкретному политическому лагерю, «едкие» газетные заголовки, провокация, спекуляция на страхе людей, несоблюдение профессиональной этики могут считаться базовыми элементами творчества авторов первого периода – медиа гражданской войны (1990-1996 гг.).

Медиа национального примирения (1996-2000 гг. (прекращение деятельности Комиссии по национальному примирению (КНП))) – это бескомпромиссная поддержка законодательных инициатив. В качестве центрального жанра авторами выбирается информационный, к которому относятся: новость, заметка, интервью, беседа, реплика, репортаж (по сравнению с остальными гораздо реже), отчёт. Интервью и беседа, как показал анализ, занимает в жанровом листе одну из «топовых» позиций. Мы полагаем, что данный выбор обусловлен практикой первого периода, которая показала насколько далеко может зайти журналист в высказывании своих мнений и оценок и насколько «весомо» журналистское слово. В то время, как интервью выступает в качестве относительно нейтрального способа подачи материала и позволяет, не отклоняясь от сугубо профессиональных принципов, избежать субъективизма, что особенно важно стало именно в момент «деэскалации» межтаджикского противостояния. Бесспорно, в столь ограниченных рамках определение авторской картины мира не представляется возможным, ввиду «пассивности» интервьюера, хотя сами вопросы, их лексическое оформление, предполагаемый ответ собеседника (ведь правильный вопрос не столько запрашивает информацию, сколько

несет её), реакция и другие вербальные и невербальные средства общения могут стать полноценной базой для идентификации АКМ. Однако сложившийся климат миростроительства, запрет на выпуск независимых изданий «Сухан», «Хафтгандж» и прочих газет (газеты «Чароги руз» и «Адолат» стали издаваться за рубежом под грифом «Газета в изгнании») накладывали на каждого журналиста персональную ответственность за каждую опубликованную фразу. В этой связи авторская картина мира обозначена четкими «миротворческими» рамками.

Медиа национальных интересов – этап, который продолжается и сегодня. СМИ являются ретранслятором флагманских проектов президентской площадки; благодаря СМИ власть прислушивается к запросам общества; материалы выходят за рамки сухих цифр и прогнозов; наблюдается отхождение от хрестоматийных стереотипов; отсутствуют «истерики» в информационном поле; активизировалась работа над общественной моралью; беспрецедентный уровень пропаганды национальной идентичности и самопознания.

Авторская картина мира современного таджикского журналиста меняется в соответствии с представленными выше характеристиками. Он (журналист), считаясь связующим звеном в триаде «власть – СМИ – общество», компетентен, способен оценить достижения и риски, в публикуемом материале он сам выбирает момент, который станет «революционным», он удивляет и заставляет задуматься.

Обратим внимание на то, что представленные выше описания авторской картины мира журналистов независимого Таджикистана не претендуют на точную, всеобъемлющую дефиницию; скорее их следует рассматривать как отдельные штрихи к АКМ таджикского журналиста.

1.3. Теория концепта и концептуальное пространство журналистики

Своеобразная мода на термин «концепт» в научной литературе конца XX –начала XXI вв. отражает интерес к реконструкции тех сущностей, с которыми мы сталкиваемся в обыденности, не задумываясь над их априорным смыслом. Оказалось, что далеко не всегда можно «договориться» о событиях, а тем более о фактах, эти события представляющих: иногда продуктивнее обновить привычные смыслы, или концепты, и на основе устоявшихся, проверенных временем представлений (то есть старых концептов) предпринять попытку сконструировать новые понятия, не разрушая при этом старые, что является одним из основополагающих принципов функционирования концептов. Это положение дает основание говорить о том, что практически все новое является реконструкцией (полной, частичной) старого [51, с. 36]. Подтверждение этому мы можем наблюдать абсолютно в каждой области научного знания, однако наиболее ярко оно проявляется в срезе пересечения различных дисциплин, в частности гуманитарных. Так, например, ввиду очевидной и неоспоримой связи журналистики и смежных с нею наук со словом, концепты занимают особую нишу именно в современной журналистике, и причин тому масса. В контексте настоящего раздела будет предпринята попытка выявить теоретические предпосылки этой связи на основе детального рассмотрения двух центральных для настоящего исследования понятий «концепт», «концептуальное пространство» и эпизодического обзора понятия «концептуальная журналистика».

Концептуальный подход к анализу медиатестов (подчеркнем, весьма многомерный по своему характеру) позволяет выявить особенности языкового сознания как на уровне индивида, так и на уровне целого этноса. Сегодня достаточно большое количество лингвистических и окололигвистических методов исследования стали активно использоваться и

в журналистике. В этой связи в качестве рабочей гипотезы данного параграфа было определено следующее положение: статус формы слово (словоформа) приобретает в лингвистике (языкознании); статус смысла слову придает литература; статус влияния слово получает только в журналистике.

Дабы не придавать нашему исследованию сугубо языковедческий срез, мы намеренно опустим детальный анализ понятия «Слово», тем более что статьи традиционных толковых словарей демонстрируют недостаточно широкий семантический ряд термина «слово» («словоформа»). В своем базовом значении он определяется, как единица языка, служащая для наименования понятий, предметов, лиц, действий, состояний, признаков, связей, отношений, оценок; конкретное слово в конкретной грамматической форме.

Проведем более подробный ознакомительный экскурс по термину «концепт». Изначально следует обратиться именно к лингвистической составляющей концептов, однако при этом будет предпринята попытка «расставить» журналистские акценты. Считаем это особенно важным ввиду недостаточной степени изученности концептов именно в журналистике (о чем было заявлено во Введении)

«Концепт» в переводе с латинского conceptus (от глагола concipere – «зачинать») буквально передает смысл «понятие, зачатие». Считаем нецелесообразным проводить анализ дефиниций, представленных в стандартных толковых словарях. В эпицентре нашего внимания окажется оригинальная семантизация этого термина, его смысловое наполнение, видение со стороны исследователей.

Научное сообщество едино во мнении, что концепт является ключевым понятием когнитивной лингвистики. Однако будучи категорией мыслительной и ненаблюдаемой, это понятие стало активно применяться в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов и, с недавнего времени, ученых, специализирующихся в вопросах

медиалингвистики. При этом большинство ученых, изучающих различные аспекты языка СМИ, сами того «не осознавая», обозначают концепт в качестве ключевой единицы анализа. Подобная «завуалированная» представленность связана с многообразием дефиниций концепта.

Например, в «Кратком словаре когнитивных терминов» концепт рассматривается как «единица ментальных и психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативно содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка и мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [405].

«Концепт» в качестве термина в русском языке впервые использовал С.А. Аскольдов (псевдоним С.А. Алексеева) в своей статье «Слово и концепт», опубликованной в журнале «Русская речь» в 1928 году. Однако, несмотря на серьезные научные перспективы, данный термин на достаточно длительный период времени выпал из глоссария русских языковедов. Спустя несколько десятилетий «концепт» вновь стал фигурировать в трудах по когнитивной лингвистике, в которых исследовались подсистемы человеческого знания. В первой половине 1990-х годов Ю.С. Степанов и Д.С. Лихачев, каждый по-своему определяя сущность концепта, ввели данный термин в научный обиход. Именно с этого момента началась тенденция к расширению его дефиниционного спектра, в котором, однако, существуют лакуны относительно «журналистского» понимания концепта. Предпримем попытку интерпретировать представленные ниже трактовки в аспекте текстовой деятельности журналиста.

Д.С. Лихачев отмечает «плавучесть» концепта, поскольку «человек не успевает либо не может выразить значение полностью, иногда понимает его по-своему в зависимости от социальных особенностей и условий» [111, с. 281]. Мы полагаем, что эта позиция является ярчайшей демонстрацией «крепкой привязки» концепта к журналистскому творчеству в целом и к

авторской картине мира определенной языковой личности в частности, при этом и то, и другое во многом зависят от общественно-политического климата, регламентирующего деятельность всех социальных институтов в определенный временной промежуток.

Ю.С. Степанов видит концепт как «некий сгусток культуры в сознании человека», «пучок представлений, понятий, знаний и воображений, которым сопровождается слово; человек воспринимает культуру в виде концепта и посредством него же человек способен проникнуть в культуру, иногда даже оказывая на нее определенное влияние» [198, с.43]. Здесь следует отметить культуроформирующую функцию журналистики; следовательно, медиатекст, который концептуален априори, способен оказать существенное влияние на культуру личности, социальной группы, сообщества, нации. Хотя нельзя игнорировать и тот факт, что культура, представленная в виде множества концептов, сама выступает в роли идейно-нравственного генератора журналистской деятельности.

Целую плеяду языковедов (Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюнову, В.И. Карасика, В.А. Маслову, Г.Г. Слышкина, Г. Воркачева, А. Вержбицкую, Г.В. Токарева и др.), занимающихся исследованиями в области концептов, объединяет уверенность в том, что формирование в человеческом сознании такой мыслительной единицы, как концепт происходит под влиянием множества разнородных факторов. Мы выражает безусловную солидарность с этой позицией, проводя параллель между концептом и журналистским мировоззрением.

Итак, по мнению Н.Д. Арутюновой, концепт является неким результатом взаимодействия религии, национальных ценностей, традиций, фольклора, и представляет аналог закрепленных в языке мировоззренческих терминов, которые пропагандируют духовную культуру народа [13, с. 96].

В.А. Маслова видит в концептах «рудиментарные элементы картины мира, в создании которых активнейшее участие принимают весьма значимые

для конкретного социума и для языковой личности культурные особенности» [124, с. 51].

Нам кажется, что логично было бы продолжить данные определения в публицистической интерпретации, поскольку мировоззрение находится в прямой корреляции с авторской картиной мира языковой личности, которая способна нести в массы абсолютно любые идеи, облачая их в пропагандистской форму.

В.И. Карасик заявляет о «многосторонней смысловой сущности концепта, выделяя в концепте ценностную (то, что определяет актуальностью концепта для человека и общества), образную (восприятие особенностей существующих в памяти или представлений предметов и событий через зрение, слух, вкус и обоняние) и понятийную (обозначение концепта в языке) стороны» [80, с. 14].

Профессора (братья) Вал.А. Луков и Вл.А. Луков, в чьих исследованиях концепт является одним из ключевых понятий, обозначают концепты как некие структуры, образованные в результате сращения логического смысла, «чувственного образа и ценностного отношения» [115, с.48].

Как видим, оба ученых выделяют ценностный компонент концепта, который можно обозначить в качестве аналогии, проводимой с публицистическим творчеством. Эта идентичность проявляется в способности публицистов формировать ценностные ориентиры социума, и особую важность это приобретает в условиях неконтролируемого потока деструктивной информации и неспособности современной аудитории самостоятельно трансформировать эту информацию с полезные знания.

Следующие авторы при определении сущности концепта во главу угла ставят культурный фактор:

Г.В. Токарев концепт воспринимает в качестве исторически развивающегося элемента концептосферы и рассматривает его как

глобальную, ментальную, многогранную единицу с целым рядом характерных признаков: «наличие внутренней структуры; обусловленность культурно-историческими событиями; широкий объем; наличие более простых смыслов; неоднородность содержания; выражение разнообразными знаковыми репрезентациями» [205, с. 15].

С.Х. Ляпин детерминирует концепт как социо-психическое, многомерное культурно-значимое образование в общем сознании людей, которое «опредмечивается в языковой форме» [117, с. 55].

В.Г. Зусман называет концепт «микромоделью культуры, а культуру — макромоделью концепта. Концепт порождает культуру и порождается ею» [66, с.67].

Обращение к культурной специфике концепта дает основания причислить его (концепт) к категории журналистских понятий, поскольку культура пронизывает журналистское творчество во всех своих проявлениях: это и историческая парадигма, и этический аспект журналистской деятельности и творчества, и пропаганда (традиционных) культурных ценностей.

Таким образом, представленное в научной литературе разнообразие толкований термина «концепт» свидетельствует о том, что последний прочно утвердился в современном научном знании, хотя и не имеет единого определения.

Таджикский исследователь М.Р. Джураева настаивает на том, что современный адресат из «пассивного объекта воздействия превратился в равного участника коммуникативного акта, партнера, субъекта журналистского общения. Автор журналистского текста воздействует на социально гражданскую, интеллектуальную и эмоциональную сферы адресата» [53, с. 78] .Позволим себе несколько расширить данное высказывание, отметив, что подобное воздействие становится возможным лишь благодаря концептам и их многослойной лексической объективизации.

В этой связи отдельного, пристального внимания заслуживают суждения о структуре концептов. В частности, Ю.С. Степанов говорит о наличии нескольких компонентов в составе концепта (история основных признаков содержания; этимология; представление; оценки и др.) и выделяет факт его «слоистого» строения [198, с. 41]. По мнению ученого, каждый отдельный «слой» является ретранслятором культуры конкретного этноса, датируемой различными временными периодами. Структуру концепта отличают три основных признака:

а) актуальный значимый для всех представителей определенного народа;

б) дополнительный, пассивный – доступный для определенной социальной группы;

в) этимологический – наименее важный для носителей определенной культуры: происхождению слова не придается серьезное значение, осознается лишь внешняя форма единицы. [198, сс. 44-45].

Подобное представление структуры концепта кажется нам вполне правомерным. В качестве примера приведем слово «февраль». Оно концептуально для всех представителей таджикского народа, поскольку события февраля 1990 года стали началом гражданского противостояния в республике, дополнительную концептуальную нагрузку слово приобретает для всех участников февральских митингов. При этом констатируется факт полного безразличия к этимологии этой лексической единицы в данном ситуативном диапазоне.

В.А. Маслова воспринимает концепт как комплекс, включающий в себя такие компоненты, как «а) национально-культурная специфика, б) общечеловеческая (универсальная) природа; в) групповой (гендерный, возрастной) признак; г) принцип социальной стратификации; г) индивидуально-личностные характеристики (образование, воспитание, психофизиологические особенности)» [122, с. 45].

Мы полагаем, что существует реальная перспектива обращения к каждому паттерну этого комплекса в рамках концептуального анализа публицистического текста, спектр которого настолько широк, что предлагаемый ученым комплекс наравне с тремя выделяемыми подходами по детерминации авторской картины мира – «от автора к тексту», «от текста к автору», «от читателя к тексту» – могут получить полноценную реализацию.

Согласно позиции П.В. Токарева, структурная модель концепта разделяется на два основных типа содержания: первый – универсальный – включает в себя элементы ценных для всего человечества знаний; второй – культурный – состоит из национально-специфических знаний группы, объединенной общим языком, историей и культурой [205, с. 16].

Д.С. Лихачев в качестве базового предлагает социологический критерий и классифицирует концепты на индивидуальные; групповые; универсальные, этнические [111, сс. 284–285].

Полагаем, что разделение концептов на национальные и универсальные является наиболее оптимальной классификацией, а культурный аспект концептов, которому придают особую значимость большинство исследователей, на наш взгляд, является логическим дополнением к этническому/национальному фактору, так как «конкретные мысли и чувства могут быть продуманы на одном языке и испытаны внутри одного языкового сознания, а не другого» [33, с.23]. Этническим континуумом можно считать и безэквивалентную лексику, представляющую уникальный фактический аутентичный материал для «составления списка основных национальных культурных концептов» [142, с. 85].

Система концептов, которая являет собой отражение коллективного сознания этноса и его языковой картины мира, составляет концептосферу (термин Д.С. Лихачева) той или иной культуры. Однако при кажущейся стабильности (наличие универсальных для определенного этноса концептов), природа национальной концептосферы достаточно изменчива ввиду

постоянного «обмена» концептами в рамках естественного международного взаимодействия и необходимости налаживания дву- и многосторонних связей, призванных обеспечить диалог между народами. При этом весьма актуальным остается вопрос формирования стереотипов, ассоциирующихся с конкретным народом, его культурно-исторической сущностью, мировоззренческими принципами и ценностями. В этой связи весьма значима роль наиболее устойчивых и значимых для национальной культуры – ключевых концептов этноса, влияющих на формирование, развитие языковой личности в ее уникальной представленности, что «особенно важно для всего лингвокультурного сообщества» [65, с. 271].

Все выше перечисленные характеристики и классификации концепта позволяют констатировать наличие нескольких инвариативных, то есть неизменных его признаков. Таким образом, концепт это:

– минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру;

– основные единицы обработки, хранения и передачи данных;

– основная ячейка культуры;

–социальная единица, суть которой составляет исторический, культурный и индивидуальный опыт отдельного представителя какой-либо нации или всей этнической группы;

– концепт не статичен, его семантическое поле способно расширяться или сужаться в зависимости от внешних и внутренних факторов (социально-политическая, экономическая ситуация, процесс взросления, уровень образования, принадлежность к определенному социальному классу и т.д.).

Важно отметить, что всей представленной выше информации (далеко не полной) касательно концепта и его структуры ни в коей мере не

присваивается догматический статус, поскольку до сих пор не существует единого определения этого термина и всех связанных с ним факторов.

Следуя логике исследования, возьмем ориентир на понятие «концептуальное пространство», которое является ключевым понятием настоящего исследования, и обозначим спектр наиболее распространенных его трактовок.

В современном научном знании термин «концептуальное пространство» часто употребляется в разных, часто несовпадающих значениях. Некоторые ученые, например, апеллируют к нему, как к синониму понятия «концептосфера», то есть понимают совокупность категоризированных, обработанных и стандартизированных концептов в сознании народа. Другие пользуются им для обозначения специфического методологического ракурса изучения языка разнообразными когнитивными средствами. Кто-то воспринимает его как весь методологический и терминологический аппарат когнитивной лингвистики.

Концептуальное пространство считается важнейшим типом концептуальной структуризации, в основе которой лежат так называемые контрадикторные (contradiction – противоречие, несоответствие; конфликт; коллизия; опровержение, отрицание; несовместимость, противоположность; контраст; взаимоисключение) отношения. То есть отношения «между противоречивыми понятиями, которые вместе не могут быть ни истинными, ни ложными; из двух контрадикторных понятий одно и только одно истинно, а другое непременно ложно» [404, с. 262].

Так, например, будучи самостоятельными, концепты «мужчина» и «женщина», «семья» и «одиночество», «война» и «мир», «молодость» и «старость» в любом языке вступают в комплементарные (взаимодополняющие) отношения, создавая в сознании носителя языка некую целостность, которая определяется тем, что «актуализация одного из концептов неминуемо предполагает актуализацию второго» [60, с. 103].

Такой тип структуризации концепта предлагается называть концептуальным пространством. Следовательно, всевозможные оппозиции концептов, расширяясь за счет ассоциаций, вызванных этим концептом, и включая их элементы, формируют уже новые концепты, что в итоге влияет на контент и масштаб концептуального пространства.

Т.М. Рогач, Е.В. Молчанова считают, что «концептуальное пространство является своеобразным конкретным участком внеязыковой действительности; установить смысловое содержание языкового явления возможно лишь обозначив концептуальное пространство» [178, с. 61]. Следовательно, любая языковая единица представляет и реализует какую-то часть концептуального пространства, соотнесенную с определенным элементом или фрагментом действительности.

Для Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарина суть концептуального пространства, которое считается абстракцией более высоко уровня, заключается в «слиянии, сближении, стяжении общих признаков концептов, репрезентируемых на поверхностном уровне текста словами и предложениями одной семантической области» [15, с. 58], соответственно, ключевой концепт представляет собой ядро индивидуально-авторской картины мира, воплощенной в отдельном тексте или в совокупности текстов одного автора. Интерес к данному определению обусловлен априорной обращенностью к публицистике в целом и текстовой деятельности информационно-медийных личностей в частности, которые считаются центральным слоем, реализующим концептуальное пространство.

Концептуальное пространство Ю.Е. Прохоров представляет как «совокупность исторически сложившихся базовых структурных элементов организации человеческого бытия, <...> обеспечивающих существование человека в реальном пространстве» [168, с. 124]. Здесь мы наблюдаем попытку расширить концептуальное пространство за счет включения в его структуру идею развития цивилизаций. В определенной степени определение

правомерно, поскольку историческое сознание по своей сути многомерно, но, с другой стороны, подобное восприятие обуславливает появление в этом пространстве лакун по причине «массовизации» общественного сознания.

О.А. Леонтович, как нам кажется, сужает смысловое наполнение термина «концептуальное пространство», характеризуя его как составную часть концептосферы [110, с. 231]. Но на наш взгляд, данное определение иллогично ввиду различия словарных дефиниций понятий «сфера» и «пространство». Так, «сфера» – это 1. область, пределы распространения чего-н.; 2. замкнутая поверхность, все точки которой равно удалены от центра. «Пространство» – 1. одна из форм (наряду со временем) существования бесконечно развивающейся материи, характеризующаяся протяженностью и объемом; 2. протяженность, место, не ограниченное видимыми пределами [407].

Таким образом, констатируем, что пространство, будучи бесконечным, протяженным, объемным, не может стать частью сферы, которая все-таки имеет пределы. Соответственно, концептуальная сфера есть часть концептуального пространства.

Однако мы полностью разделяем мнение О.А. Леонтовича о том, что «в разных лингвокультурах по-разному осуществляются фокусировка и членение концептуального пространства» [110, с.283] ввиду очевидного расхождения концептов, отражающих национальный дух, специфику мышления и характер восприятия действительности представителями разных культур, которые могут проживать при этом на одной территории. Попытки осмысления чужой культуры через собственную концептосистему (определение термина будет дано в следующем разделе) приводят к конфликту концептов и провоцируют ситуации непонимания.

Проведенный семантический анализ термина «концептуальное пространство» позволяет выделить фундаментальные характеристики последнего: а) способность к расширению и/или сужению, то есть оно

априори не статично; б) невозможность его существования вне культуры, истории, то есть очевидна его связь со временем и событиями; в) контрадикторность, то есть сосуществование в пространстве концептов, вступающих между собой в «конфликт» за право называться истинным.

Полагаем, что все эти характеристики находят вполне релевантную интерпретацию и полноценную реализацию в журналистике. Можно проследить неразрывную связь концептуального пространства со средствами массовой информации, которые являются не только ретрансляторами этого самого пространства, но в определенной степени и его создателями. Ведь концептуальное пространство группы, социума, этноса, страны, региона формируется за счет реакции слушателя/читателя/зрителя, а эта реакция, в свою очередь, возникает или не возникает в ответ на услышанное/прочитанное/увиденное. Таким образом, концептуальное пространство рождается, развивается и существует в коммуникации и критическом анализе полученной информации.

Более подробное описание концептуального пространства в журналистике будет проведено в рамках последующих разделов, а в данном контексте считаем целесообразным доказать правомерность последней части выдвинутой нами гипотезы «статус формы слово (словоформа) приобретает в лингвистике (языкознании); статус смысла слову придает литература; статус влияния слово получает, в основном, в журналистике».

Концептуальное пространство журналистики, безусловно, обладает определенным набором характеристик. Например, общеизвестным и общепризнанным является тот факт, что журналистика имеет глубокие корни в словесном творчестве, и обращение к этому аспекту журналистской профессиональной практики всегда было характерно для отечественной традиции.

Одной из первых, кто обратил внимание на роль слова в журналистике, была Виктория Васильевна Ученова (1929 – 2007). Она

выражала абсолютную уверенность в том, что в слове закреплялось повторяющееся. Тем самым это повторяющееся надежно вычленялось из окружающей изменчивости и закреплялось в памяти индивида и рода. Оно становилось составляющей нового складывающегося феномена – человеческой культуры [213, с. 9].

Обращение к категории словесности не является случайным или спонтанным. Многие полагают, что понятия «словесность» и «литература» синонимичны. Возможно, но лишь в определенной степени. Поскольку литература по сравнению с словесностью «более строга, избирательна и догматизирована», в то время как вот словесность отражает все многообразие устной и письменной речевой культуры, она «более раскрепощена и демократична» [203, с.191].

М.Н. Катков, утверждая такие характеристики словесности, как открытость и безграничность потенциала, подчеркивает, что она (словесность) «неразборчива: она равно принимает и дурное, и хорошее; все словесное, удержанное памятью народа или запечатленное письменностью, начиная от краткого изречения до многотомного произведения, – все это ее принадлежность, все это ее милые дети, которых она равно любит и бережет. Словесность – это принадлежность целого народа» [308].

Данная позиция дает основания говорить о практически абсолютной идентичности словесности и журналистики в плане работы со словом. Влияние журналистского слова на читателя/слушателя/зрителя, на человека вообще, бесспорно, и вопрос о степени и ракурсе этого влияния продолжает сохранять высокую степень актуальности. Особую значимость журналистскому слову придает тенденция сводить к политическому измерению любую проблему, что, как правило, приводит к разного рода революциям. Под революцией здесь следует понимать не только быстрое и глубокое изменение основных устоев политического, социального и культурного порядка, великое потрясение, происходящее в том случае, если

другого выхода из социальных и политических противоречий обществу не оставлено, но и глубокое качественное преобразование в какой-либо области, ведущее к коренному обновлению и усовершенствованию.

В дискуссии о степени влияния журналистского слова на общественное сознание и мнение ключевая роль отводится относительно новому типу журналистики, номинируемому концептуальным – понятием достаточно новым, поэтому недостаточно отрефлексированным.

При попытке дефинировать понятие «концептуальная журналистика» возникает ряд трудностей, которые обусловлены, как ни странно, отсутствием на сегодняшний день единой, общепринятой, всеобъемлющей трактовки понятия «журналистика». Исследователи констатируют постоянно усложняющуюся природу современной журналистики, и основу этой сложности составляют «стремительные перемены, которые претерпевает на наших глазах журналистика (внедрение новых информационных технологий, изменение типологической культуры, расширение источников информации и приемов и методов ее сбора, трансформация жанров и т.д.)» ввиду чего не представляется возможным дать однозначное, исчерпывающее определение самой журналистики. Каждый исследователь области выделяет наиболее важную, по его субъективному мнению, характеристику и ставит ее во главу угла предлагаемой им дефиниции.

Е.П. Прохоров, например, фокусируется на многомерности журналистики: а) это комплекс профессий, обеспечивающий различные области журналистской деятельности; б) комплекс каналов для передачи массовой информации; в) совокупность учебных дисциплин и особую отрасль науки; г) особый социальный институт, представляющий собой систему различных учреждений. С.Г. Корконосенко рассматривает журналистику как общественную деятельность по сбору, обработке и распространению актуальной социальной информации. Теоретическую самостоятельность журналистики категорично отрицает И. Д. Фомичева,

обозначая ее как прикладную науку. Н.М. Ким говорит о многообразии объектов журналистики и практическом отсутствии границ.

Как видим, каждое определение привносит совершенно новый ракурс осмысления журналистской науки, и вполне справедливо возникает вопрос о выборе оптимальной дефиниции, применимой к понятию «концептуальная журналистика».

Изначально следует отметить, что концепт и журналистское слово имеют не только точки соприкосновения, они кардинально пересекаются у самого основания. Важно понимать, что концепт не может возникнуть из словарного значения слова, он является результатом столкновения дефиниции лексической единицы с личным и народным опытом человека. Безусловно, концептуальная сфера национального языка постоянно обогащается за счет литературы, культурного и исторического опыта, ретрансляторами которых являются СМИ. В предыдущих разделах уже был отмечен субъективный характер авторской картины мира медийных личностей и ее специфическое влияние на создаваемые ими медиатексты. В рамках настоящего параграфа целесообразным видится анализ концептуального пространства журналистики, который не представляется возможным без обращения к феномену концептуальной журналистики.

Данное направление впервые обозначилось в 1996 году во время президентской кампании в США (победу на выборах – 1996 одержал Билл Клинтон, переизбранный на второй президентский срок, и надо сказать не без повсеместного влияния СМИ). Суть этой тенденции заключалась в переходе от информативной составляющей материалов СМИ к аналитическому осмыслению политических и околополитических событий. Необходимость была обусловлена тем, что электорат не мог понять принципиальной разницы между предвыборными программами демократов и республиканцев, и эту функцию взяли на себя СМИ. Более того, журналисты-концептуалы печатались именно на информативных

полосах, а не в специализированных рубриках, что нарушало базовое требование по дифференциации подлежащих публикации материалов, предложенной более 100 лет назад Адольфом Оксом (в 1896г. владелец «The New-York Times» – одной из самых уважаемых и монументальных газет современного печатного мира) – отделять новости от мнений.

Однако эта тенденция дала толчок развитию абсолютно нового вида журналистики, на которую общественность возлагает большие надежды.

Эксперты области отмечают беспрецедентный рост интереса населения к «продукции» журналистов-концептуалов, поскольку, по словам белорусского исследователя Е.Ф. Конева, современная аудитория «завалена информацией, но изголодалась по ее объяснению» [94, с. 40], а концептуальная журналистика <...> удовлетворяет важнейшую общественную потребность — не столько сообщает новости, сколько разъясняет их сущность» [94, с. 39].

Профессор С.М. Прохорова обозначает концептуальную журналистику как «направление в современной журналистике, которое особым образом работает со словом: наполняет смыслом языковые знаки, не имеющие денотата (предмета как объект обозначения с помощью знаков (лингв.)), а также создает новые концепты» [169, с. 268]. Основополагающим методом концептуальной журналистики является создание убедительных для читателей профилей концептов на основе выявленной концептуализации языкового знака известными личностями, сравнение с которыми позволяет читателю осмыслить собственную концептуализацию...» [52, сс. 102-103].

Как правило, ядром национальной концептосферы становится народ/этнос; национальные традиции, обычаи; язык; территория страны; национальные достояния; исторические факты и герои; знаковые события и выдающиеся личности современности и т.д., то есть все то, что формирует концептуальное поле представителя нации. Важно отметить, что концептуальная журналистика не является краткосрочным «проектом», её в

полной мере можно считать зеркалом объективной действительности, которая по перспективе формирования и развития национальной идентичности выходит на максимальный уровень.

Своей популярностью это направление обязано приходу в сферу журналистики людей с высоким уровнем образования, наличию здоровой конкуренции между узкоспециальными факультетами и направлениями подготовки «топовых» вузов мира в вопросе увеличения количества квалифицированных выпускников – будущих сотрудников СМИ.

Проблема концептуальной журналистики и отдельные ее аспекты будут фрагментарно рассмотрены в последующих разделах диссертации (хотя это направление ввиду своей многозначности должно стать темой отдельного, полноценного исследования), в данном же контексте стоит лишь обратить внимание на не столь радужные прогнозы критиков относительно концептуальной журналистики. Они выражают серьезную обеспокоенность относительно перспективы тенденциозного, необъективного, далекого от реальности освещения не только мировых и региональных событий, но и общественно-политической ситуации в стране.

Мы полностью разделяем данную позицию, ссылаясь на опыт локальных СМИ, функционировавших в период политического противостояния и гражданской войны в Таджикистане. Полагаем, это время в истории отечественных СМИ можно назвать этапом зарождения таджикской концептуальной журналистики. Однако сложнейшие общественно-политические условия стали причиной ее провокационного образа и неизменно отрицательного влияния (особенно в первой половине 90-х) на общественное мнение. Вопрос о возможности назвать современную таджикскую журналистику концептуальной остается открытым, однако факт попытки ее формирования и развития в республике вначале 90-х XX века неоспорим.

Важно понимать, что концептуальная журналистика не является единственным фактором влияния СМИ на общественное сознание. Существуют различные механизмы, инструменты, посредством которых СМИ воздействуют на аудиторию. Более того, создаются различные проекты и реализуются кампании, в рамках которых проводятся исследования по конкретным фактам практических изменений в жизни отдельных граждан, какой-либо социальной группы, гражданского общества, нации.

Сегодня медийные организации способны практически со стопроцентной точностью определять основополагающие факторы своего функционирования - охват и вовлеченность аудитории; целевую аудиторию; время, проводимое аудиторией за чтением/просмотром/слушанием контента; способы распространения информации о контенте и пр. Но самое главное – это осведомленность СМИ о силе и влиянии своего слова.

Ярчайшими примерами беспрецедентной сила слова журналиста могут стать события гражданской войны в Республике Таджикистан. Безусловно, таджикские СМИ начала 90-х годов – это пример становления свободной прессы. Характеризуя СМИ 90-х, следует отметить, что перестройка жизни, горбачёвский плюрализм мнений, возросшие возможности, отсутствие жёсткой цензуры, вседозволенность и безнаказанность наложили своеобразный отпечаток на все публикации этого периода, в особенности на материалы независимой прессы республики. Данный вопрос еще неоднократно станет предметом анализа в рамках настоящего исследования, однако здесь считаем целесообразным упомянуть об уникальном явлении таджикской журналистики – радиопередаче «Хоки Ватан» («Земля Отечества»), которая стала своеобразной нитью, связывавшей жителей республики с теми, кто в результате войны оказался за пределами Родины. С помощью этой передачи сотни людей, разлученных во время гражданской войны, находили своих родных, обменивались сообщениями. Творческий коллектив «Хоки Ватан» неустанно призывал беженцев вернуться к родным

очагам. Благодаря этой передаче, более 600 тысяч беженцев вернулись на родную землю. 16 ноября 1997 года проект «Хоки Ватан» прекратил свое существование [320].

Этот радио-проект наравне со многими другими публикациями, передачами 90-х годов демонстрируют, как и насколько далеко может зайти журналист в своих аналитических комментариях и прогнозах. Сегодня невольно задумываешься, как по-разному могло и может действовать журналистское слово; как осмотрительно, взвешенно должны пользоваться им журналисты, чья профессия непосредственно связана со словом, и приоритетной задачей является использовать это слово во благо.

Резюмируя основные положения настоящего параграфа, следует отметить, что рабочая гипотеза «Статус формы слово (словоформа) приобретает в лингвистике (языкознании); статус смысла слову придает литература; статус влияния слово получает, в основном, в журналистике», на наш взгляд, нашла свое логическое подтверждение.

1.4. Проблема выделения концептуального пространства: структура и способы представления

Концепты, будучи ментальными единицами, не имеют жестких границ и четкой структуры. Концепт есть некая идея в массовом сознании определенного этноса и его лингвокультуры на определенном этапе ее социоисторического развития. Ввиду этого достаточно часто ученые рассматривают концепты как «индикаторы культуры, а культуру – как среду их бытования» [198, с. 38].

Используя неофициальный регистр, концепты можно представить как нечто, задевающее «струны души» представителя конкретного этноса. Предпримем попытку составить приблизительный перечень базовых

концептов таджикского и русского лингвокультурных сообществ, которые позволят визуализировать всю представленную в предыдущих параграфах информацию. Справедливо может возникнуть вопрос о необходимости презентации концептов русскоязычного этноса. Мы уверены в правомерности этого шага, поскольку наши народы объединяет не только «советское» прошлое, но и непосредственное участие России в таджикском миростроительстве, а также стратегическое сотрудничество по многим социально значимым направлениям.

Напомним, что под лингвокультурологией принято понимать относительно молодое направление языкознания, изучающее отношения между языком и культурными концептами. Лингвокультурология возникла в рамках современной антропологической лингвистики, базирующейся на двух принципах «текстоцентричности и антропоцентричности» [163, с. 72], которые существенно сближают лингвистику и журналистику. Как следствие, в современном научном дискурсе все большую популярность приобретает понятие «лингвокультура». Однако в большинстве изученных источников отсутствует его определение, несмотря на то, что дефиниция ключевого понятия «лингвокультура» объясняется самоочевидностью его внутренней формы: лингво + культура, что, вероятно, понимается, как «культура, получившая выражение в языке». Данный термин имеет чрезвычайно широкую трактовку. В разных источниках в содержание лингвокультуры включаются образы, прецедентные тексты и имена (по Юзефовичу), ценности (по Латышеву), традиции (по Супруну), арсенал языковых средств и символов (по Пожидаевой).

Например, содержательная база номинаций таджикской и русской лингвокультур по отдельным пунктам показывает идентичность, лакунарность, а также количественную разницу.

Таблица 1. Базовые концепты таджикского и русского лингвокультурных сообществ.

Номинации	Таджикское лингвокультурное сообщество	Русское лингвокультурное сообщество
Еда	плов, курутоб, шакароб, сухофрукты	борщ, блины
Напиток	чай	квас, водка
Дом	двор (хавли), дастархан	изба
Одежда	тюбетейка, чакан, атлас	сарафан
Дерево/растение	чинара	береза
Животное	снежный барс	медведь
Танец	–	хоровод
Песня	фалак, шашмаком	частушки
Музыкальный инструмент	рубоб, тавлак, сурнай	балалайка
Отношения	начальник, семья, соседи, родственники	начальник, семья
Сувенир	Гончарные изделия, текстиль с национальным орнаментом	матрешка

Безусловно, этот список не является идеальным и полным, его даже можно считать достаточно спорным, однако он довольно точно фиксирует этноспецифические ценности двух народов, которые задевают «струны души» как таджиков, так и русских.

Большинство базовых концептов, которые представляют национальные гастрономические предпочтения, устройство дома, национальную одежду, растительный и животный мир, национальный антураж (одежду, танец, песню, музыкальный инструмент, сувениры), досуговые привычки, специфику межличностных отношений и тому подобные компоненты, не могут характеризоваться без символического контекста. Некоторые ученые считают, что именно символика придает предмету концептуальный подтекст. Например, О.О. Селиванова воспринимает символ как «эстетически канонизированную, культурно значимую концептуальную структуру, а не

как первичное содержание реалии или знака, понятийной сферы» [191, с. 645]. Украинский ученый В.И. Кононенко уверен, что природа символа раскрывается в иерархии «слово → образ → символ → смысл → концепт» [95, с. 159]. Таким образом, можно заключить, что базовые концепты находят свое воплощение и в слове, и в образе, и в материальном предмете, а концепты – символы формируются при условии своей достаточной репрезентации через систему осознанных «переходов» от материального предмета к образу и только потом к слову.

К концептам-символам можно отнести различные «валоративно значимые ментальные образования» [165, с. 62], то есть те объекты, которые являются обязательно значимыми для каждого представителя конкретного этноса.

Таблица 2. Концепты-символы таджикского и русского лингвокультурных сообществ.

Категории	Таджикское лингвокультурное сообщество	Русское лингвокультурное сообщество
Географические и ландшафтные ценности	озеро Нурек, река Вахш, г. Душанбе, г. Ходжент (Худжанд)	река Волга, г. Москва, г. Санкт-Петербург
Памятники, мемориалы	И.Сомони, Абу Али ибн Сина (Авиценна), Бободжон Гафуров	Царь-пушка, Родина- мать, Рабочий и колхозница
Госучреждения общенациональной значимости	Президентский дворец, Театр оперы и балета им. С.Айни	Кремль, МГУ им. М.В.Ломоносова
Прецедентные тексты	«Шахнаме», «Таджики», «Смерть ростовщика»	«Евгений Онегин», «Война и мир», «Идиот»
Прецедентные личности	И.Сомони, А.Фирдавси, А.Рудаки, Б.Гафуров.	Петр I, Сталин
Литературные герои	Рустам, Тахмина, Сухроб, Одина,	Анна Каренина

Понятно, что концепты-символы представляют как бы свернутый пласт этнически, национально значимой информации. Например, Абу Али ибн Сина (Авиценна) – выдающийся учёный, философ и врач – был придворным врачом саманидских эмиров и дайлемитских султанов, некоторое время служил визирем в Хамадане. Всего написал более 450 трудов в 29 областях науки, из которых до нас дошли только 274. Самый известный и влиятельный философ-учёный средневекового исламского мира.

Однако эта «сухая» энциклопедическая справка трансформируется для таджика в полноценный национальный концептосимвол в силу целого ряда факторов: 1) происходит национальная идентификация – Абу Али ибн Сина по национальности был таджиком; 2) его именем назван Таджикский государственный медицинский университет; 3) в столице установлен памятник Авиценне; 4) один из столичных районов назван в его честь; 5) функционирует одноименная больница и целая сеть аптек; 6) про него сняты художественные и документальные фильмы (в частности, «Авиценна» (СССР, 1956) «Юность гения» (СССР, 1982.), «Лекарь: ученик Авиценны» (Германия, 2013), «Авиценна. Свет с Востока» (Узбекистан, 2017)). Неформально даже существует такая точка зрения, согласно которой врачи-таджики, считаясь потомками Авиценны, приравниваются к статусу специалистов высокого уровня.

Максимальный исследовательский интерес для нас представляет структура концептов. Г.Г. Слышкин воспринимает концепт как продукт беспрерывного ассоциативного процесса и наделяет его характеристиками системности, отмечая, что концепт имеет вход и выход. Так, комплекс входов номинируется интразоной концепта, а совокупность выходов – его экстразоной. Расстояние между этими зонами заполняется двумя основными слоями концепта. То есть ядро концепта формируют закрепленные в виде словарных значений ассоциации (по Слышкину) и/или ценностного

компонента (по Карасику); далее идет приядерная зона и периферия. Данная структурная организация концепта считается базовой.

Репрезентация какого-либо слоя концепта происходит посредством восприятия признака объекта представителем конкретного этноса. Традиционно описание концепта происходит в рамках тезаурусной объективизации его признаков, то есть по мере уменьшения яркости оттенков – от ядра к периферии. Е.И. Голованова предлагает более детализированное описание структуры концепта, суть которого состоит в его полевой структуризации. Данный подход позволяет упорядочить сложную природу концепта: ядро, приядерная зона, периферия, ближайшая периферия, дальнейшая периферия, отдаленная периферия [47]. Мы считаем, что принцип структуризации, предлагаемый Е.И. Голованової, представляет собой несколько утрированный вариант, больше подходящий для концептуального анализа литературного произведения, которое отличается беллетристичностью, объемом, нормативностью и прочими характерными особенностями. Для публицистического материала, как нам кажется, более приемлемым является менее развернутое структурирование концепта – ядро, приядерная зона, периферия (ближняя/дальняя (зависит от объема текста)).

Возможность хаотичного существования концептов учеными полностью исключается. Концепты отличаются разнородностью по целому ряду критериев, к которым в том числе относится логика их сочетаемости и комбинирования. В этой связи на первый план выходит проблема их системного устройства. Под системностью ученые понимают некоторую «совокупность типологически разных концептов в их единстве и многообразии, в которой вся палитра ментальных образов упорядочивается в виде определенных паттернов, формируемых по принципам структуры и системы» [165, с. 170].

Одним из ключевых понятий в контексте описания структуры концептов является «система» – понятие многомерное и принадлежащее

многим областям научного знания. В классической интерпретации система – это совокупность элементов, пребывающих в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, которая склонна к увеличению за счет наращивания сложности и включения системы объектов одного рода и множества объектов систем [85, с. 297]. Для системы характерны множество (ключевой признак), структурированность, целостность и связь объектов внутри нее, а также логичность, изменчивость, иерархичность, (не)противоречивость.

Проблема систематизации концептов, первоочередной задачей которой является отхождение от хаотичности, предполагает два подхода к решению: а) концептуальная сфера, б) концептуальное поле.

Первый подход, то есть концептуальная сфера, идентифицируется учеными по-разному, хотя сути своей при многообразии дефиниций не меняет. Например, для Д.С. Лихачева концептосфера – это «некоторая совокупность психоментальних представлений этноса, латентно заложенных в его язык» [111, с. 281]. В.И. Карасик наделяет ее свойствами «концептуария культуры» [80, с. 85]. З.Д. Попова позиционирует ее с «информационной базой мышления, своеобразным вместилищем, банком концептоединиц отдельных языковых социумов» [163, с. 176].

Возвращаясь к вопросу систематизации концептов, отметим, что мнения ученых по поводу их группирования расходятся. Одни (А.Д. Белова) считают, что концепты выстраиваются по принципу противопоставления и бинарности (двойственности) в ряды-звенья, образовывая при этом своеобразную сетку – картину мира. Другие уверены в гораздо более сложной организации концептосистемы, называя главным ее признаком иерархичность и сравнивают этот принцип группирования концептов с принципом «матрешки», каждая составляющая которой повторяет в основных своих чертах функции, структуру и форму целого. Последняя напоминает саму себя на всех уровнях выбранного диапазона – подобно

тому, как «каждая головка цветной капусты напоминает саму капусту, а каждый камень в горах – сами горы» [77, с.156].

Рассмотрим второй подход к систематизации концептов, предложенный С.А. Кошарной, З.Д. Поповой и другими, в котором исследовательская мысль сосредоточена на понятии «концептуальное поле».

Опорной дефиницией концептополя для А.Н. Приходько является понимание его как образования медиального уровня, которое устанавливает связь между концептосферой и самим концептом [165, с.173]. Ученый также считает его некоторым «интегрированным целым» и констатирует идентичность понятий «система» и «концептуальное поле» [165, с.348]

С.А. Кошарная заявляет о том, что концептополе представляет собой «ментально и семиотически разработанную область этнокультурного пространства; это отдельные концептуальные участки концептосферы» [104, с.54].

Образное определение концептополю дает Е.И. Голованова – «поле смыслового притяжения, образуемое вокруг концепта» [47]. То есть концептуальное поле формируется за счет ассоциаций, вызываемых концептом.

Констатируем: несмотря на определенную степень синонимичности понятий «сфера» и «поле», они кардинально отличаются в концептуальном срезе, о чем свидетельствуют обзор представленных выше дефиниций.

Резюмируем: несмотря на кажущуюся хаотичность, концепты (напомним, достаточно сложные по своей структуре) объединяются в отдельные дискурсивные, тематические поля. Посредством так называемых линков (link –звено/связь) – ассоциаций и общих семантических признаков отдельных концептов – осуществляется взаимодействие этих концептуальных полей. Упорядочивание концептополей происходит уже в рамках концептосферы. Схематически эту системную организацию можно представить следующим образом:

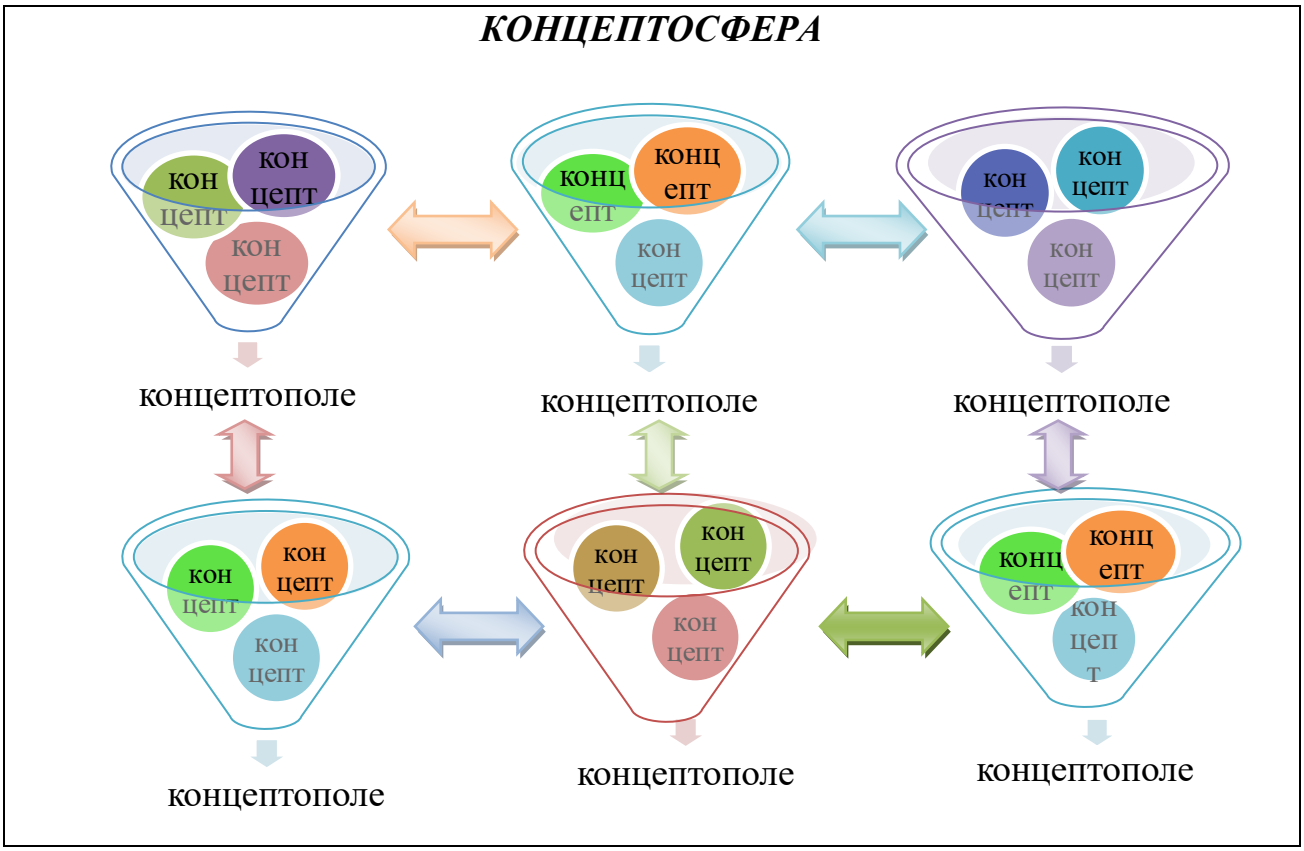


Рисунок 1. Системная организация концептосферы

Относительно определения сущности концептуальной сферы существует две контрарные точки зрения. Согласно первой, концептосфера – это «упорядоченная совокупность концептов в сознании человека» [163, с. 176]. В соответствии со второй позицией, концептосфера является достоянием не отдельной языковой личности, а «всего этноса, к которому эта личность принадлежит» [164, с.170]. В качестве рабочей гипотезы нами будет обозначено мнение З.Д. Поповой о субъективной природе концептуальной сферы. Полагаем, что именно это субъективное начало положено в основу концептуального пространства, которое, напомним, считается важнейшим типом концептуальной структуризации, в основе которой лежат так называемые контрадикторные отношения. Считаем целесообразным визуализировать принцип организации концептуального пространства.

Рисунок 2. Принцип организации концептуального пространства

Концептуальное пространство не отличается однородностью/плотностью ввиду наличия концептной лакунарности, которую В.И.Карасик называет «значимым отсутствием признаков и единиц в одной системе по сравнению с другой» или проще «незаполненными клеточками». Следовательно, лакунарными концептами принято считать единицы, которые не имеют аналогов или эквивалентов в контактирующей культуре. Появление лакун обусловлено бесконечным «размножением» концептов и отсылкой каждого концепта к другим концептам, концепты собираются в поля и сферы, часто оказываются вырванными из них, искажаются и теряют концептообразующие связи.

Подобная лакунарность может привести не только к коммуникативным неудачам в рамках общения представителей двух разных культур, но и к коммуникативному диссонансу в контексте соприкосновения с научным знанием. Фокусировка и членение концептуального пространства зависит от специфических особенностей лингвокультуры; межкультурная коммуникация предполагает вполне естественную попытку осмыслить чужую культуру через собственную концептосистему, однако это приводит к «конфликту концептов и провоцирует ситуации непонимания» [131, с. 272], поскольку именно концепты отражают национальный характер – дух, мышление, характер восприятия действительности.

Вопрос выделения концептуального пространства продолжает сохранять свой дискуссионный статус ввиду неоднородности и лакунарности этого пространства. Как следствие, попытки его анализа не отличаются частотностью и целостностью. Отметим также весьма ограниченный ракурс внимания к концептуальному пространству публицистических текстов, а материалы СМИ как предмет исследований в этом направлении вообще занимают маргинальную позицию

В данной части настоящей диссертации в эпицентр анализа попадает процедура выявления концептуального пространства публикаций, привязка которых к определенному авторству и авторской картине мира не является принципиальной. Здесь эти материалы будут рассматриваться исключительно в качестве модели.

Ввиду плюрализма мнений относительно рассматриваемой тематики, нами будут представлены положения, обобщающие позиции ученых, чьи исследования проводятся в ракурсе концептологии.

Считаем правомерным возможное замечание о предмете исследования: «концептуальное пространство СМИ или концептуальное пространство текста?» Суть ответа на этот вопрос видится нам в природе самого концептуального пространства, то есть в его многомерности.

Соответственно, концептуальное пространство СМИ невозможно определить без выявления концептуального пространства публикаций о политических, социальных, экономических, образовательных, культурных преобразований в стране, заполняющих СМИ. Схематически «пространство в пространстве» можно продемонстрировать так:

Рисунок 3. Концептуальное пространство публикаций в концептуальном пространстве СМИ

Проведение анализа концептуального пространства текста не представляется возможным без обращения к основам психолингвистики (дисциплина о взаимоотношении языка, мышления и сознания) и традиционной стилистики.

Эксперименты, направленные на исследование смыслового восприятия речевого сообщения и текста (печатного, аудио, видео), подтверждают, что

восприятие текста читателем/зрителем/слушателем всегда концептуально и целостно в смысловом плане. В процессе чтения/слушания происходит своеобразная компрессия содержания текста, что приводит к «укрупнению, объединению текстовых фрагментов в смысловые блоки на основе общих семантических доминант, которые затем (при восприятии) предстают в наборе ключевых слов (в количестве от 4-5 до 15-19)» [16, с. 59].

Концептуальное пространство текста невозможно обозначить без участия пресуппозиций, то есть фоновых знаний о предмете контекста, которые как бы дополняют смысловую нагрузку последнего. К пресуппозициям, как правило, относят имя автора (возможно даже год и место его рождения, условия личностного и профессионального формирования и другие факторы), жанр произведения (статья, передача), время его создания и пр. Поддерживая Л.Г. Бабенко, полагаем, что анализ семантики заглавия текста или названия программы также может быть включен в алгоритм определения концептуального пространства [15, с.57].

Например, если до просмотра передачи зритель знает, что ее автором и ведущим является Владимир Познер, советский, российский и американский журналист и телеведущий, радиоведущий, писатель, то есть зритель владеет фоновыми знаниями, то со стопроцентной вероятностью он определит, что в рамках одноименной программы-интервью В. Познер ведет беседы с политиками, общественными деятелями, представителями культуры, искусства, науки, спорта. Разговор может быть как привязан к актуальным событиям недели, так и не связан с ними напрямую.

В качестве еще одного примера приведем известную телеведущую и общественного деятеля Наргис Касымову, которая работает как русскоязычный журналист. Долгое время она трудилась на главных радиостанциях страны. Сегодня Н. Касымова ведет информационную программу «Навид» («Новости») на телеканале «ТВ Сафина», она также является автором и ведущей передач, освещающих социальные вопросы

таджикского общества на других телевизионных каналах. Особенно известными телепроектами считаются «Карьера» и «Тема дня».

Вся эта информация считается пресуппозицией, которая позволит лишь по названию программы определить контекст, либо по имени автора и/или ведущего очертить основные характеристики передачи (язык, жанр, стиль общения и пр.)

В плане выделения концептуального пространства немаловажную роль играют лексические доминанты или слова-лейтмотивы, но чаще их называют «ключевые слова», идентификация которых обозначена одной из актуальнейших задач при работе с текстами. Принято считать, что «семантически, тематически и стилистически наиболее существенными являются повторяющиеся в данном тексте значения, выступающие в необычных сочетаниях».

При дифференциации ключевых слов на фоне других лексических единиц следует руководствоваться следующими признаками:

1) высокая степень повторяемости данных слов в тексте, частотность их употребления;

2) способность знака конденсировать, свертывать информацию, выраженную целым текстом, объединять «его основное содержание»;

3) обязательная многозначность и семантическая осложненность этих слов, реализация в тексте их парадигматических, синтагматических, словообразовательных связей [147, сс. 158, 186].

Фиксированный алгоритм действий по выявлению концептуального пространства текста был разработан В.И. Карасиком и И.А. Стерниным:

1) анализ лексического значения и внутренней формы слова, репрезентирующего концепт;

2) выявление синонимического ряда лексемы – репрезентанта концепта;

3) описание способов категоризации концепта в языковой картине мира;

4) определение способов концептуализации как вторичного переосмысления

соответствующей лексемы, исследование концептуальных метафор и метонимий;

5) исследуется сценарий (под *сценарием* понимаем событие, развивающееся во времени и/или пространстве, предполагающее наличие субъекта, цели, объекта, места, времени действия, условий возникновения) [78, с.512].

Л. Г. Бабенко предлагает свою версию концептуального анализа текста:

1) выделение предтекстовых пресуппозиций, важных для формирования концептуального пространства текста: время его создания, имя автора, несущее определённую информацию о нем; роль эпиграфа (если имеется) и пр.;

2) анализ семантики заглавия и его семантического радиуса в тексте;

3) проведение психолингвистического эксперимента с целью выявления набора ключевых слов текста;

4) выявление повторяющихся слов, сопряженных парадигматически и синтагматически с ключевыми словами. Определение ключевого слова текста – лексического репрезента текстового концепта;

5) анализ лексического состава текста с целью выявления слов одной тематической области с разной степенью экспрессивности;

6) описание концептосферы текста, предусматривающее обобщение всех контекстов, в которых употребляются ключевые слова – носители концептуального смысла, с целью установления характерных свойств концепта: его атрибутов, предикатов, ассоциаций, в том числе образных.

7) моделирование структуры концептосферы, т. е. выделение ядра (базовой когнитивно-пропозициональной структуры), приядерной зоны (основных лексических репрезентаций), ближайшей периферии (номинативно совмещенных и ассоциативно-образных репрезентаций) и дальнейшей периферии (субъектно-модальных смыслов) [15, с. 57].

Считаем принципиально важным отметить, что предлагаемые учеными способы выявления концептуального пространства относятся к

художественным тестам, которые по ряду характерных особенностей отличаются от журналистских. Центральным дифференцирующим признаком считается способ воздействия на сознание читателя: художественный текст соприкасается с духовным миром человека и демонстрирует единство коммуникативной и эстетической функции, отличается высокой образностью; публицистический – способствует формированию массового сознания, имеет свойства логичности, образности, эмоциональности, оценочности, призывности.

Более того, при выявлении концептуального пространства медиатекста ключевым аспектом является априорное его деление на «своих» и «чужих» [121, с.16].

Ввиду этих принципиальных отличий, предлагаем комбинировать отдельные пункты представленных выше этапов анализа. Полагаем, что полученная комбинация позволит обозначить концептуальное пространство публицистического текста. Итак, разработанный нами протокол включает следующие действия:

1. выделение предтекстовых пресуппозиций, важных для формирования концептуального пространства текста: время его создания, имя автора, несущее определённую информацию о нем; роль эпиграфа (если имеется) и пр.;

2. (опция по выбору исследователя) анализ семантики заглавия и его семантического радиуса в тексте;

3. выявление набора ключевых слов текста, определение на их основе концептуально значимых единиц, то есть концептов.

4. анализ лексического значения и внутренней формы слова, репрезентирующего концепт;

5. моделирование структуры концептосферы, т. е. выделение приядерной зоны (основных лексических репрезентаций), ближайшей периферии (номинативно совмещенных и ассоциативно-образных репрезентаций) и

дальнейшей периферии (субъектно-модальных смыслов, то есть лексемы, выражающие отношение говорящего к содержанию высказывания)

В качестве объекта концептуального анализа рассмотрим статью Сайфиддина Караева «Преданный сын Таджикистана», опубликованную в газете «Азия-Плюс» в рубрике «Человек» (№34 (1416) 22 августа 2019г.).

27 августа исполнится 80 лет видному государственному деятелю Таджикистана Наби Шорахмонову.

Человек эпохи

Он родился в эпоху Сталина, окончил школу и вуз при Хрущёве, пика своей карьеры достиг в последнюю неделю правления Брежнева, поработал при Андропове и Черненко в качестве председателя Душанбинского горисполкома. Ушёл с высокого поста в годы перестройки Горбачёва.

Наби Шорахмонов встретил независимость Таджикистана в должности руководителя проектно-строительного снабженческого научно-технического центра. В тяжёлые годы для республики, в первые годы независимости, трудился на Душанбинском ювелирном заводе, затем в министерстве строительства, которое было преобразовано в Госкомпанию «Таджикстрой», вплоть до выхода на пенсию.

Мечта

Наби Шорахмонов родился в 1939 году в Истаравшане (бывший город Ура-Тюбе) в семье народного ремесленника. В первый послевоенный год в 1946-м – пошёл в школу. Окончил её спустя 10 лет с золотой медалью.

Главной мечтой юного Наби в то время было научиться водить такие же большие автомашины, какие он ежедневно видел недалеко от своего дома – на автобазе. Любовь к технике привела Наби на механический факультет Саратовского политехнического института. Он стал специалистом по строительным дорожным машинам и оборудованию. Мечта сбылась и Наби вернулся на родину высококвалифицированным специалистом.

Начал со строительства столицы

С 1962 года началась его трудовая биография. В том же году он был зачислен участковым механиком треста «Душанбестрой». Этот трест занимался строительством жилья, объектов соцкультбыта, инженерных сооружений.

Но затем, в том же году, его перевели работать в министерство транспорта и дорожного хозяйства.

В этой сфере, на различных должностях он проработал долго. В конце 70-х годов, заметив организаторский талант Наби Шорахмонова, его пригласили на работу в ЦК компартии Таджикистана.

Результативной стала его деятельность в должности зампредседателя Госснаба республики. Он старался обеспечить народное хозяйство республики, в том числе и транспортную сферу, необходимым оборудованием. Есть большая его заслуга в создании предприятия леспромхоза в Сибири, которое обеспечивало Таджикистан стройматериалами.

Наби Шорахмонов также внес свою лепту в строительство Яванского электрохимического комбината, гостиницы «Точикистон» в Душанбе. В 1980 году он возглавил отдел транспорта ЦК КП Таджикистана.

В эти годы были построены аэродромы в Исфаре, Ура-Тюбе, Пенджикенте, Фархоре, отремонтированы дороги в Джиргиталь, Айни и Памир.

У руля Душанбе

Пик карьеры государственного деятеля Таджикистана Наби Шорахмонова пришелся на годы застоя в СССР. В ноябре 1982 года, на сессии горсовета народных депутатов Наби Шорахмонов был избран председателем Душанбинского горисполкома.

Этот год в политическом отношении оказался сложным, ведь буквально через неделю умер Генсек Брежнев, а до этого, в апреле, Таджикистан лишился своего многолетнего лидера Джаббора Расулова.

НабиШорахмонову довелось работать с первым секретарями КП Таджикистана Рахмоном Набиевым и Каххором Махкамовым.

Зачастую кажется, что в советское время государственным деятелям было легко, но это не совсем так. Столица Таджикистана ежегодно расширялась, строились новые объекты.

«Шорахмонов гордится своей работой председателем Душанбе, - говорят его друзья и ученики. - Потому что он видит результаты своего труда. В те годы были построены жилые здания на Испечаке и Зарафшоне, «Кохи Борбад», роддом №3, школы, детские сады и сотни других объектов».

Душанбинцы под руководством Наби Шорахмонова день и ночь работали над решением социальных проблем города. Ежегодно в столице сдавали в эксплуатацию 280-300 тыс. кв/м. жилья, что является одним из лучших показателей в СССР в те годы.

За долгий плодотворный труд на благо Родины президент Таджикистана Эмомали Рахмон наградил его почётной наградой «Заслуженный работник Таджикистана».

Заслуженных наград и грамот у Наби Шорахмонова десятки, у каждой своя история. Но наш юбиляр редко говорит о своих заслугах – ему бы рассказать больше о своей сфере, работе, городе Душанбе, людях, которые строили столицу.

Изначально обозначим пресуппозиции текста. Постоянная читательская аудитория «Азия-Плюс» хорошо знакома с именем Сайфиддина Караева. Он является автором целого ряда разноплановых публикаций. Так, ранжирование его материалов включает проблемы мигрантов, спорта, образования и других сфер. Однако имя журналиста не всегда является полноценным «вектором» для идентификации характера публикации. В данной ситуации фокус может быть наведен на название рубрики – «Человек» или самой статьи – «Преданный сын Таджикистана». Определенный смысловой посыл, то есть пресуппозиционную информацию в

рассматриваемом тексте несут и названия текстовых фрагментов или тематических блоков (*Человек эпохи***,** *Начал со строительства столицы, У руля Душанбе***).**

Согласно заданному алгоритму, выделим лексические доминанты, то есть ключевые слова: 1) *специалист, 2) председатель, 3) первый секретарь, 4) государственный деятель, 5) горисполком, 6) ЦК компартии, 7) столица, 8) независимость, 9) социальные проблемы, 10) школа, 11) жилье, 12) труд, 13) родина, 14) награда.* (Напомним, что Л.Г. Бабенко определяет оптимальное число ключевых лексем – 4-19 единиц).

В данный список мы не включили присутствующие в тексте такие ментальные образования или концептосимволы, как *Сталин, Хрущёв, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев, Дж. Расулов, К. Махкамов, Р.Набиев, Э.Рахмон,* хотя эти антропонимы представляют значимую информацию в вопросе понимания основной идеи текста (автор называет героя «человеком эпохи»). Ведь за каждым из этих прецедентных личностей стоит своя эпоха с характерными достижениями и проблемами, чаяниями народа, политическими реалиями. Имя Иосифа Сталина, например, позиционируют не только с началом и окончанием Великой Отечественной Войны, но и с беспрецедентным уровнем политических репрессий и культом личности. Период второй половины 50-х начало 60-х получил неофициальное название «Хрущевская оттепель». Приход к власти Л.И. Брежнева обусловил появление нового политического клише «Эпоха застоя». Горбачевская перестройка (1985-1991) всколыхнула социально-политическую и духовную атмосферу, что привело к развалу великой державы. К. Махкамов – это начало политических противостояний в Таджикистане, смута, крушение идеологии.

Соответственно, каждое имя из этого списка прецедентных личностей несет социально, исторически, культурно значимую информацию. Поскольку концептосимвол реализует свою функцию в жизни социума, государства, религиозного сообщества, идейного содружества; становится возможной

проекция этого понятия не только на какой-либо конкретный этнос, но и на всю цивилизацию. Но именно на «почве национально-культурной традиции символ может превращаться в образ-идею» [165, с. 60], т. е. становиться концептуально значимым.

К группе лексических доминант можно было бы отнести и такие акронимы, как *горисполком, ЦК КП* и топонимы *Республика Таджикистан, Душанбе,* но ввиду их специфичности они не были включены в этот список.

Из лексических единиц, выбранных в качестве слов-лейтмотивов, выделим концептуально значимые: *независимость, столица, школа, труд, родина,* из которых концепт «труд» станет основополагающим в связи с основной идеей контекста. Рассмотрим данный концепт согласно очередному пункту апробируемого алгоритма: проведем анализ лексического значения и внутренней формы слова, репрезентирующего концепт.

Труд - существительное, неодушевлённое, мужской род, 2-е склонение. Происходит от праслав. *trudъ, от которого в числе прочего произошли: др.-русск. трудъ «труд, работа, рвение, забота, страдание, скорбь»...

Содержательным минимумом концепта можно считать словарное определение его ядра, закрепленное за соответствующей словесной единицей. Статьи, зафиксированные в толковых словарях, представляют практически идентичные дефиниции:

1. Целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей.

2. Целесообразная деятельность человека, направленная на сохранение, видоизменение, приспособление среды обитания для удовлетворения своих потребностей, на производство товаров и услуг.

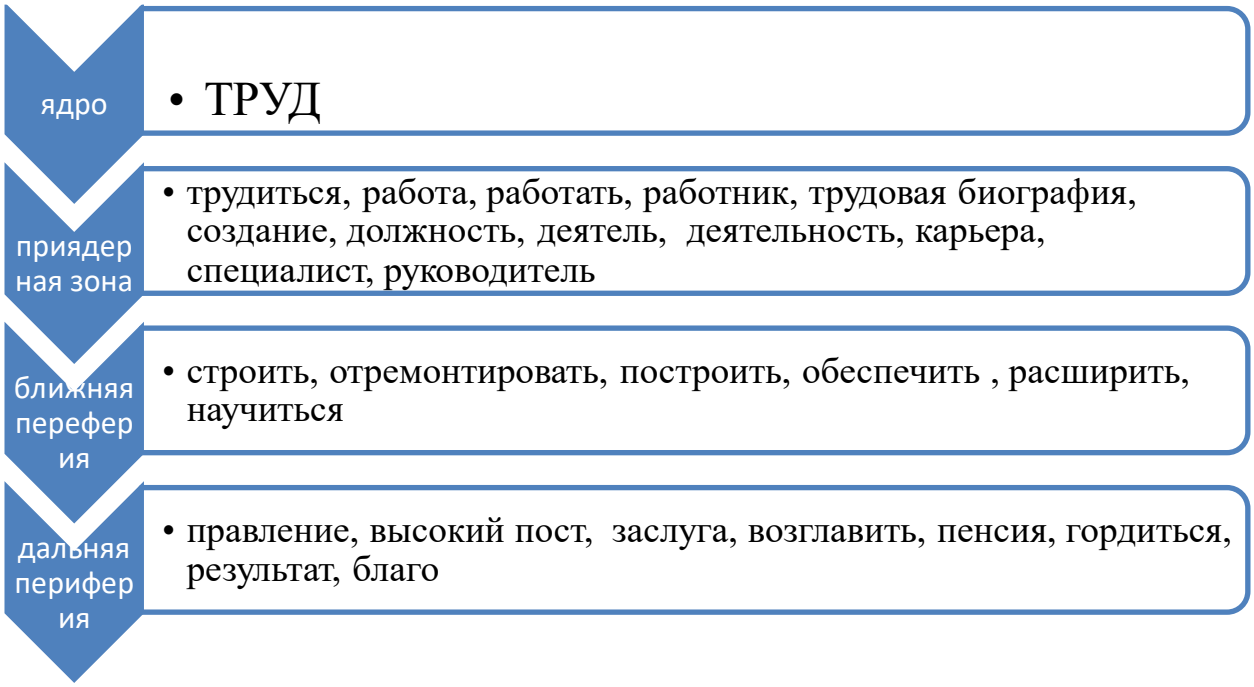
3. Работа, занятие.

4. Усилие, направленное к достижению чего-н.

5. Результат деятельности, работы, произведение.

В рассматриваемой публикации концепт «Труд» наиболее ярко и полно реализуется посредством следующих единиц: *деятель, карьера, правление, работать, высокий пост, должность, руководитель, трудиться, пенсия, научиться, специалист, трудовая биография, работа, деятельность, обеспечить, заслуга, создание, возглавить, построить, отремонтировать, расширить, гордиться, результат, благо, работник, строить.*

Настоящий список позволяет смоделировать структуру концепта «Труд» и параллельно выделить концептуальное пространство рассмотренного нами текста:



Считаем целесообразным прокомментировать структуру концепта «Труд» в рассматриваемом контексте. Исследуемый концепт репрезентируется большим числом имен существительных (16 единиц) и глаголов (10 единиц), выражающих разные оттенки значений. Это свидетельствует о многогранности и обязательном присутствии этого явления в жизни героя (*Наби Шорахмонова*), что, естественно, находит непосредственное отражение на всех этапах его автобиографии. Статус базового концепт «Труд» приобретает, благодаря отношению героя публикации к труду. Автор текста подчеркивает, что Наби Шорахмонов –

«человек эпохи», который никогда не прекращал свою трудовую деятельность, несмотря на неоднократные изменения социально-политического климата в стране, более того его колоссальный опыт не «канул в лету», а оказался востребованным в условиях суверенитета и демократизации таджикского общества.

Таким образом, проведенный анализ позволяет обозначить концептуальное пространство публицистического текста, которое вбирает в себя следующие компоненты: пресуппозиция, ключевые слова, концепты, лексемы, реализующие базовый концепт текста, и моделирование структуры концепта.

Подчеркнем, что концептуальное пространство может быть обозначено как в рамках как одного текста, так и нескольких произведений одного автора. Более того, исследования в концептуальной плоскости можно проводить на материале многих текстов целого ряда авторов, посвященных одной теме. В последующих разделах будет предпринята попытка реализации данного принципа на основе дискурсивных практик отечественных публицистов.

1.5. Картина мира в концептуальном пространстве СМИ

Картина мира относится к группе фундаментальных понятий, которые выражают специфику взаимоотношений человека, его бытия и мира. Картина мира выступает в качестве уникального интегрирующего звена, проводника, объединяющего людей ввиду многообразия человеческих контактов с миром. Понятие «картина мира» отличается спектральным разнообразием, что позволяет по-особому членить мир. Так, например, выделяется обыденная, научная, языковая, авторская (см. §1.2.), философская, религиозная, художественная, физическая, астрономическая, биологическая и другие картины мира, которые концентрируются лишь на отдельных специфических

аспектах бытия. Полностью разделяя точку зрения английского философа–материалиста Томаса Гоббса о том, что каждое исследование следует начинать с дефиниций, попытаемся определить суть термина «картина мира». Выше уже был отмечен факт многоаспектности этого понятия, далее же в эпицентре анализа окажутся отдельные его срезы.

Термин «картина мира», как правило, отождествляется с понятием «мировоззрение», последнее считается совокупностью взглядов людей на мир и представлением о собственном месте в мире. Мировоззрение строится на субъект–объектном отношении, где субъектом выступает человек (индивид и все общество), объектом – все, окружающее человека. Следует обратить внимание на то, что мировоззрение всегда исторично, оно тесно связано с «переживаемыми обществом стадиями его развития, совокупностью тех проблем, которыми непосредственно живет общество» [130, с. 114]. Следовательно, каждой эпохе свойственно свое мировоззрение. Важно при этом понимать, что картина мира не может оставаться неизменной на протяжении человеческой истории. Более того, констатируется сосуществование различных картин мира в одно и то же социальное время, что обусловливает попытки некоторых авторов придать картине мира социометрические характеристики. В силу исторического характера знаний и опыта людей на каждом этапе развития человека и общества картины мира различаются, сменяя и дополняя друг друга. Эти различия определяются не только уровнем развития общества и его культуры, но и мировоззренческими установками людей.

Картине мира не может быть присвоен статус знания, поскольку знание является результатом процесса познавательной деятельности, получившим подтверждение в общественно – исторической практике, и потому определяется как «адекватное отражение» действительности. Данное положение является в определенной степени некорректным, поскольку

картина мира непосредственно вплетена в структуру жизнедеятельности, ввиду этого ее можно метафорически трактовать как «живое знание».

Вопрос о картине мира активно дискутировался преимущественно в философском аспекте. Однако в конце 1990-х – начале 2000-х годов отмечается «теневой эффект» термина «картина мира», то есть количество работ, в которых анализируется или хотя бы используется это понятие, уменьшилось на порядок. Утрата интереса к этому феномену со стороны философов перенесла его в плоскость внимания исследователей филологических наук, к которым в определенной степени относится и журналистика.

Так, сегодня наблюдается импульс использования термина «картина мира» в рамках изучения социальных вопросов, в которых антропогенный фактор занимает лидирующие позиции. В этой связи опорным для настоящей работы определением станет положение об идентичности понятий «картина мира» и «мировоззрение», поскольку их формирование происходит на базе трех ключевых источников [130, с. 115]:

1.Традиции и мифы (сказки). Люди на протяжении тысячелетий жили в условиях, продиктованных природой, и именно в этот период создавались и популяризировались традиции, обычаи и возникали всевозможные мифы. Сегодня во многих регионах традиции продолжают сохранять свой приоритетный статус, хотя в большинстве случаев играют важную роль только в процессе семейного воспитания. Но их существенное влияние на формирование языковой картины отрицать нельзя.

2. Религия. Некоторые эксперты номинируют этот источник «идеей Бога». В основе любой религии лежит феномен истории, ведь она (религия) возникает в определенных условиях, под воздействием целого ряда причин, особенностей существования этнических групп. Более того, потребность человека в вере в высшие силы определяется учеными как вечное.

3. Идея природы. Картина мира/мировоззрение включает не только научные знания об окружающем нас мире, но так же и знания, связанные со способностью предвидеть последствия принятых нами решений.

Соответственно, картина мира – это целостный образ, складывающийся в голове человека в процессе познавательной деятельности, но это не зеркальное отражение реального мира. Картина мира – это реальность человеческого сознания, «это гетерогенные (разнородные), гетерохронные (познаваемые в разные отрезки времени), гетеросубстрактные (имеющие разную когнитивную основу) сведения о мире» [231, с. 57].

Таким образом, картину мира можно трактовать как ментальную репрезентацию культуры и, как следствие, ей во многом свойственны характеристики, присущие культуре как феномену: целостность, комплексность, историчность, многообразие, полиинтепретируемость, способность к эволюции и т.п.

М.Р. Желтухина под картиной мира понимает «идеальное, концептуальное образование, имеющее двойственную природу: необъективированное – как элемент сознания, воли и жизнедеятельности, и объективированное – в виде различных следов сознания, воли и жизнедеятельности, в частности – в виде знаковых образований, текстов» [61, с. 47].

Более лаконичную, но вместе с тем ярко демонстрирующую суть дефиницию предлагает Е.Н. Ежова: понятие «картина мира» означает мир, понятый как картина [58, с.132]. Исследователь наделяет современную культуру такими отличительными характеристиками, как вариативность, множественность, фрагментаризация, которые лишают картину мира интегративности и универсальности.

Обзор научных источников демонстрирует многозначность термина «картина мира» ввиду различных смыслов, вкладываемых учеными в это понятие. Резюмируя представленную в этих источниках информацию,

приходим к выводу о том, что картина мира получает парадигматическую интерпретацию, выражающую три основных параметра: глобальный образ мира, инструмент познания, теоретический конструкт-модель.

Наибольший исследовательский интерес в рамках настоящего исследования представляет именно третий параметр – конструкт-модель, который продуцируется как ракурсная модель реальности в определенных социальных средах (медиасреде, различных отраслях науки, направлениях в искусстве и пр.); затем эта модель транслируется через определенные каналы и ретранслируется в сознании реципиентов; и лишь потом вновь складывается в многомерную ментальную целостность, то есть в картину мира. Совершенно очевидно, что фокус данного раздела будет сделан на массмедийный сегмент существования современного социума.

Отметим, что картина мира, являясь родовым понятием, в определенном смысле «зонтичным» термином, продуцировала в медийном сегменте целый ряд видовых единиц, то есть различных типов картины мира: 1) информационная; 2) рекламно-информационная; 3) журналистская (по Мансуровой); 4) телевизионная (по Лукову); 5) медиа-картина мира (по Рогозиной) и др.

Выделенные типы картин мира, пребывая в условиях сосуществования, коррелируют друг с другом, пересекаются, а также формируют и отражают сущность сегодняшних инновационных процессов в СМИ.

Важно отметить, что картина мира, формируемая современными СМИ, в корне отличается от картины мира, которую формировали СМИ советского периода. Новой картине мира свойственны новые функции и субъектно-объектные отношения. Исследователи связывают эту новизну с результатом исторического, идеологического, политико-экономического развития и современной внешней культурной ориентацией стран постсоветского пространства.

В этой связи следует сделать акцент на субъектно – объектные отношения СМИ и их аудитории.

Коммуникативные процессы в медиапространстве осуществляются в рамках классической формулы, которая представляет линейную модель коммуникации: *коммуникатор – сообщение – канал – реципиент – эффект.* Следовательно, коммуникация – это непременно субъектно-объектные отношения с реверсной связью. В качестве коммуникатора и реципиента могут выступать и отдельные индивидуумы, и социальные группы, и власть, и общество.

Эффективность выполнения СМИ своей коммуникативной функции определяется наличием нескольких факторов: диалог сторон, открытость намерений, культура общения и равноправные позиции в информационном обмене. В случае отсутствия равноправного диалога, коммуникативная функция априори исключается. Нельзя, однако, игнорировать и тот факт, что режим диалога и/или его полное отсутствие «определяется типом политической системы, уровнем политической культуры, степенью развития гражданского общества, законодательством, которое регулирует отношения между властью, обществом и средствами массовой информации» [23, с. 32].

В идеале СМИ обязаны не только транслировать обществу решения властей, но и доводить общественное мнение до власти. Общественное мнение во всех странах мира выявляется через практику массовых опросов населения; Республика Таджикистан в этом отношении не является маргиналом.

Сегодня институт соцопросов является важной составной частью мировой политики. Наблюдения показывают, что на протяжении двух последних десятилетий, результаты опросов цитируются практически в половине газетных статей. По оценкам специалистов, по крайней мере, одно агентство по социологическим опросам действует в каждом крупном городе. Помимо этого, отдельные специализированные опросы проводят органы

власти разного уровня, вузы, учебные заведения среднего звена. Результаты практически всех соцопросов публикуются в СМИ, так как, по мнению социологов, их данные способны оказать существенное влияние на настроения общества и решения властей.

Касаемо политического контекста социологических опросов можно обратиться к локальному, то есть таджикскому опыту. В качестве примера приведем организованный таджикским телевидением социальный проект «Микрофони озод» («Свободный микрофон»), который послужил своеобразным инструментом связи рядовых граждан с властями страны. Микрофон, устанавливаемый на многолюдных проспектах городов и районов республики, действительно, стал свободным – граждане были вправе свободно выражать свои мнения относительно актуальных проблем современного таджикского социума. Так, например, в течение нескольких лет достаточно активно обсуждался вопрос соблюдения Закона «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан»; проведя детальный анализ высказанных таджикистанцами предложений, Правительство внесло в этот законодательный акт определенные коррективы.

Отметим, успешная реализация СМИ своей коммуникативной функции зависит от «публичного» характера внутренней и внешней политики страны, то есть «чем шире масштабы этой публичности, чем шире диалог между различными политическими силами, тем большую роль играют СМИ как средство социальной коммуникации» [23, с. 32]. Здесь мы сталкивается с фактически новым определением СМИ – средство социальной коммуникации; новым для описания функциональных особенностей СМИ постсоветского периода. Раньше коммуникативная функция СМИ сводилась к роли информатора, сейчас же наступило время принципиальных изменений, когда СМИ выступают в качестве модератора общественного форума, диалога. Однако по статистике ВЦИОМ (Всероссийского центра изучения общественного мнения), «только 5% населения страны обращаются

в СМИ по тем или иным вопросам. При таком низком уровне обратной связи говорить о существовании общественного форума невозможно» [23, с.32].

Безусловно, мы являемся свидетелями беспрецедентного роста числа телевизионных каналов и радиокомпаний, которые в той или иной степени функционируют в режиме диалога, хотя одновременно мы наблюдаем уменьшение сектора общественно-политической прессы, способной выполнять функции диалога, форума, между обществом и властью. Некоторая стагнация в этом вопросе в Таджикистане является следствием межтаджикского противостояния, в разжигании которого некоторые до сих пор обвиняют журналистов. Однако возврат к односторонней коммуникации советского типа после почти 30 лет независимости невозможен ни в Таджикистане, ни в любой другой постсоветской республике, в частности по причине стремительного развития высокотехнологичных средств массовой коммуникации. Более того в современных условиях в вопросе возврата СМИ к советскому режиму функционирования не заинтересовано и само государство страны, которое пропагандирует необходимость развития полноценного гражданского общества.

Однако, несмотря на это, практически в каждой стране, некогда входившей в состав Советского Союза, в том числе и в Таджикистане, наблюдается линейная, или синтагматическая модель функционирования СМИ, суть которой заключается в реализации принципа субъект-объектных отношений. Данная установка наглядно представлена на Рисунке 4.

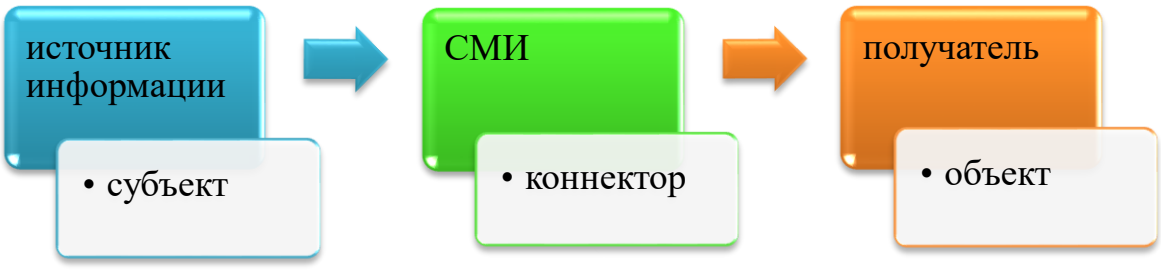


Рисунок 4. Синтагматическая модель функционирования современных СМИ

Данная модель требует авторской интерпретации. Ввиду политических реалий в каждом конкретном государстве именно субъект принимает решение о характере информации, подлежащей публикации: о степени ее полноты, достоверности и объективности, о сокрытии/афишировании ее источников, своевременности и т.д. СМИ обозначены в качестве беспристрастного коннектора (хотя в контексте концептуальной журналистики данная функция приобретает несколько иное прочтение). В идеале получатель информации, то есть объект анализирует материал, делится им в группе, сообществе, «провоцируя» обсуждение вопроса; далее предполагается наличие обратной, реверсной связи, опять же посредством медиатора (СМИ), который доносит общественное мнение до источника информации. Здесь же стоит отметить, что функция СМИ заключается только в информировании и формировании общественного мнения касаемо конкретного вопроса. Более того, в зависимости от политических реалий конкретной страны, обратная связь может быть исключена.

В этой связи особую значимость приобретает семантический анализ словосочетания «Средства массовой информации», то есть идентификация его родового определения, в рамках которого следует обратиться к ключевым понятиям интересующей нас категории, в частности к термину «масса». Данная лексема входит в состав многих коллокаций, наделяя их определенным смыслом: массовое сознание, массовая информация, массовая коммуникация, средства массовой коммуникации и пр. Семантизировать суть этого понятия можно посредством базовых характеристик; итак, масса:

– состоит из множества рассредоточенных в пространстве индивидов;

– вхождение в нее каждого индивида случайно;

– эта открытая общность;

– ситуативна, образуется по конкретному поводу (аудитория данной теле- радио передачи или статьи);

– разнообразна, неоднородна по таким характеристикам участников, как род занятий, гендер, возраст, образование, семейное положение и пр.;

– анонимна для производителя информации;

– целостна, будучи связана общими причинами, поводами, по которым люди оказались причастными к ней.

Для понимания сущности массовых общностей предлагается дифференцировать количественный и качественный аспекты исследуемого понятия. Так, масса – это не просто «много» (количественный); масса – это много разных (качественный) [114, с. 17]. Тем не менее, эти сведения об аудитории являются лишь первым звеном, этапом знания. В силу различных причин вне поля «медийного» зрения оказываются процессы, возникающие в сознании аудитории в результате восприятия информации. Отметим, что задача массмедийных рейтингов заключается в ответе на два архиважных для любого сегмента СМИ вопроса: «что (смотрят/слушают/читают)?» и «сколько (человек смотрят/слушают/читают)?». При этом полностью исключаются вопросы *«почему»* и *«с каким результатом»*, хотя ответы на них позволят получить представления о «картинах мира», которые формируются у людей после «знакомства» с продукцией массмедиа.

Второй ключевой составляющей выступает термин «информация». Вопрос об определении его сущности сохраняет в науке свой дискуссионный статус, поскольку во многих дефинициях представлено «интуитивное» начало этого термина. Безусловно, исходной точкой является понимание того, что все публикуемое в средствах массовой информации есть не что иное, как информация [169]. Однако эта казалось бы очевидная истина и создает площадку для разработки более или менее релевантных основному смыслу характеристик.

В теории журналистики понятие «массовая информация» (лат. informatio - «осведомление», «изложение», «сообщение») является базисным и передает всю сущность журналистики. Традиционно термин

«информация» в журналистике используется в трех наиболее распространенных и взаимодополняющих значениях: 1) совокупность кратких некомментированных сообщений об актуальных новостях внутренней и международной жизни; 2) наименование группы жанров, предназначенных для сообщения новостей (заметка, отчет, репортаж, интервью); 3) жанр заметки. Однако, по мнению Е.П. Прохорова, «это слишком узкое и потому неточное понимание информации». Ученый предлагает пользоваться термином «информация» (сначала!) в широком смысле – это вся совокупность сведений (вербально и невербально зафиксированных), которая предназначена аудитории. В рамках нашего исследования данная позиция является доминирующей, несмотря на наличие множества других не менее содержательных определений.

Под информацией также понимают «отражение в сознании людей объективных причинно-следственных связей в окружающем нас реальном мире». Нам кажется, что здесь ученые ставят в приоритет ситуативный параметр, в рамках которого, однако, полученная информация не всегда может быть объективирована, осознана и отрефлексирована непосредственно в момент ее получения.

В этой связи вполне рациональной представляется определение Г.В. Лазутиной, которая усматривает в термине «информация» универсальную связь управляющего характера, существующую между всеми живыми объектами реального мира, воспринимая информацию как сигнальное сообщение о происходящих с ними изменениях [109, с. 45]. Ученый предлагает не отождествлять понятия «информация» и «информационный продукт», поскольку «у информации не бывает качества: она либо есть, либо нет. Информационный продукт же – дело мозга и рук человека, а потому в нем неизбежно отражается уровень креативности, творческих возможностей его создателя» [108]. В этом же контексте Г.В. Лазутина вводит понятие «информационные консервы»: «Природа

информационного продукта заключается в его способности воспроизводить зашифрованные в нем информационные сигналы, включая и сигналы от субъекта, всякий раз, когда возникает коммуникативная ситуация, то есть когда появляется потенциальный потребитель данного продукта, владеющий шифром. Это и делает информационные продукты своего рода «информационными консервами», подлежащими сколь угодно длительному хранению и, что еще важнее, — многократному использованию. Именно благодаря такой их способности мы, люди XXI века, можем представить, как жили древние греки, что такое Сады Семирамиды и чем примечательна эпоха Возрождения» [109, с. 45].

Обзор мнений ученых по определению понятия «массовая информация» показал достаточно серьезный диапазон дефиниций, хотя по своей базовой характеристике это информация, «которой хотя бы на одной из стадий ее жизненного цикла оперирует или оперировала масса» [48, с. 256] и «которая направлена на потребителей при отсутствии непосредственного контакта» [202, с. 48].

Более развернутое объяснение массовой информации дают Е.П. Прохоров и Е.Н. Тендит, наделяя ее целой совокупностью различных смыслов:

– направленность на массу (редко «на всех», чаще всего какую-то группу – классовую, региональную, профессиональную, возрастную и т.д.) при отсутствии непосредственного контакта входящих в нее и независимо от ее величины и пространственной рассредоточенности;

– соответствие нуждам и интересам этой массы в информации;

– забота о создании единой позиции массы по касающимся ее вопросам;

– доступность информации для массы (бесплатное поступление информации или получение за небольшую плату), удобный режим потребления (дома, в дороге, на работе, рядом с местом постоянного пребывания и пр.), простота формы, способствующая легкому усвоению;

– возможность оперативного получения (стабильность и периодичность поступления информации);

– открытая возможность гражданского участия в работе СМИ (письма, добровольное сотрудничество, активность в ходе опросов, работа на общественных началах и т.д.) СМИ [169, с. 7].

Таким образом, анализ представленных выше определений «массовой информации» усиливает факт адекватности и правомерности выведенной нами синтагматической модели функционирования СМИ (см. Рис. 4).

Логикой настоящего исследования продиктована необходимость фрагментарного рассмотрения понятия «массовая коммуникация». На уровне линейного развертывания массовая коммуникация – это процесс обмена информацией с помощью технических средств на большие массы людей.

Массовая коммуникация может быть представлена и как «социокультурный феномен, формирующий и поддерживающий социальную общность путем массового тиражирования и распространения социально значимой информации и установления между «распространителями» и «получателями» этой информации обратной связи, которая носит, как правило, отсроченный характер» [237, с. 3].

Для Г.В. Лазутиной массовой коммуникацией является «совокупность процессов взаимодействия производителей и потребителей информационных продуктов, предназначаемых массам» [109, с.50].

Обратим внимание на хронологию рассмотренных трактовок и отметим, что начиная с 80-х годов XX века, суть массовой коммуникации практически не изменилась и ее основу продолжает составлять идея полноправного диалога между производителем информации и ее потребителем, хотя реакции обоих участников коммуникации могут быть «отсрочены» в силу определенных социально-политических причин.

Эксперты предлагают разграничить понятия СМИ (средства массовой информации) и СМК (средства массовой коммуникации) ввиду их

сущностных характеристик, которые кроются в их содержательном наполнении. М. Ким выступает против того, чтобы журналистику как общественный феномен и «творческо-политический институт» (по Е.П. Прохорову) сводить к понятиям «СМИ» или «СМК», поскольку последние являются лишь средством распространения журналистской информации. Принципиальное различие, по мнению ученого, представляют и сами понятия «СМИ» и «СМК»: под СМИ следует понимать однонаправленность информации от отправителя к адресату, в то время как СМК подразумевает организацию общения между участниками массовой коммуникации [86, с. 231].

Термин «СМИП» (средства массовой информации и пропаганды) был введен еще в советские времена; данный орган выполнял функцию идеологического инструмента руководства партии. После развала СССР пропагандирующая функция отпала, и СМИП стали называться СМИ. Однако некоторые специалисты, выражая озабоченность относительно его семантической однозначности, заявляют, что «информация как содержание не может называться массовой; массовым может быть только распространение информации, информирование» [86, с. 232]. Был даже предложен новый термин «МСИ» (массовые средства информации), который, однако, не прижился. На сегодняшний день понятие «СМИ» трактуется, как «периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации».

Согласно позиции Ю. Вдовина, в основной массе своей современные СМИ «это вовсе не СМИ, а СМАП (средства массовой агитации и пропаганды) со всеми атрибутами и приемами формирования общественного мнения в интересах заказчика, унаследованными от коммунистической монопропаганды» [32, с. 294].

В соответствии с определением термина «СМИ», зафиксированном в законодательной базе Республики Таджикистан, средства массовой информации – это периодическая печать, а также информационные агентства, теле- и радиопередачи, кинохроники, записи, аудио- и аудиовизуальные программы, выходящие в эфир или распространяемые посредством кабельного телевидения не реже одного раза в год. Термин «массовая информация» получил следующую трактовку: сообщения, печатные, аудио-, аудиовизуальные материалы и другая информация о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях, а также убеждениях, которые распространяются при помощи печатных, аудио- и видеосредств для широкого круга пользователей и потребителей.

Резюмируем: средства массовой информации, как правило, не ставят перед собой целью взаимопонимание с аудиторией и свою основную задачу видят только в информировании масс и создании определенного общественного мнения. По сути, это однонаправленные, субъект-объектные отношения между коммуникатором и аудиторией. Субъект осознается как «институт власти, а объектом становятся массы — совокупности индивидов, произвольно включающихся в общественную жизнь и нуждающихся в организации для согласованных практических действий» [109, с. 44]. Приоритетным аспектом своего функционирования *средства массовой коммуникации* видят не столько информирование, сколько *поиск диалога. З*десь принципиальный характер имеют субъект-субъектные, двунаправленные, партнерские отношения между коммуникатором и аудиторией, то есть выстраивается парадигматическая модель.

Рисунок 5. Парадигматическая модель функционирования средств массовой коммуникации.

По Рисунку 5. можно сделать вывод о том, что деятельность средств массовой коммуникации сводится от воздействия к взаимодействию, взаимопониманию и диалогу, что на сегодняшний день обозначено социально значимой задачей.

Между тем не следует игнорировать тот факт, что степень готовности аудитории вступить в полноправный субъект-субъектный диалог не всегда может быть удовлетворительной. Под готовностью следует понимать способность потребителей информации адекватно ее интерпретировать, на что, в свою очередь, влияет их картина мира, а учитывая факт массовости аудитории со всеми описанными выше характеристиками, эта картина мира настолько разнообразна и «разноуровнева», что возможность объективной оценки со стороны аудитории исключается априори. Более того, социально-политический климат каждой конкретной страны уникален и диктует свои условия «четвертой власти». Следовательно, политика наименования, или

выбор определенного статуса номинации массмедиа (СМИ (информирование) или СМК (диалог)) остается в компетенции высшего руководства каждого отдельного государства.

На наш взгляд, и СМИ, и СМК имеют практически равные шансы в формировании картины мира как масс, так и отдельных индивидов, поскольку аудитория в случае названия «СМИ» (средства массовой информации) выступает как объект односторонней коммуникации и становится объектом воздействия. Номинация «СМК» (средства массовой коммуникации) наделяет аудиторию правами интерактивного пользователя, медиакоммуникатора.

Эксперты отмечают, что СМИ играют первостепенную роль в формировании идеологии, которая нужна, прежде всего, для того, чтобы «объединить народ и государственный аппарат, то есть то, для чего именно государство служит обществу и для чего общество должно подчиняться этому государству. Это такая форма, которая и позволяет формировать национальный характер, национальную идею, национальное единство, общенациональные задачи. И эти задачи ни в коем случае не лежат в плоскости только экономической. Это задачи и идеи, которые сформулированы на очень долгосрочную перспективу» [154, с. 148].

В этом отношении можно констатировать предельно плотное взаимодействие таджикских властей и СМИ. Сегодня отечественные СМИ создают положительный имидж страны, внедряя в сознание общества определенные идеологические постулаты и конструкции. В частности, наблюдается мощнейшая пропаганда патриотизма, который трансформируется для таджиков и таджикистанцев в полноценный концепт, являющийся частью картины мира современного таджикского общества. Напомним, что концептуализация слова происходит в рамках картины мира, которая формируется, во многом благодаря СМИ.

СМК (средства массовой коммуникации) – это несколько иной путь формирования картины мира, поскольку они занимают одно из ведущих мест по силе воздействия на личность и общество в целом. В качестве показательных можно привести следующие примеры: 1. В своем последнем слове на Нюрнбергском процессе А. Шпеер, единомышленник А. Гитлера, «признал, что с помощью таких технических средств, как радио и громкоговоритель, у восьмидесяти миллионов людей было отнято самостоятельное мышление» [180, с. 140]. 2. На провокационный вопрос «В какой стране вслед за Египтом начнется следующая революция?» египетский топ-менеджер Google В. Гоним ответил, что «надо спросить Facebook» [277, с. 5].

Эти два эпизода прямо свидетельствуют о том, что привлекая граждан к информационным отношениям, СМК выстраивают/исключают для общества определенные ценностно-смысловые модели и таким образом формируют/меняют/трансформируют картину мира социума. Безусловно, революционное начало в средства массовой коммуникации привнес Интернет с его «потенциалом обратной связи и влиянием на социально-политическую, экономическую, культурно-идеологическую сферы жизни человечества» [180, с.135].

Массовые коммуникации – важнейший фактор формирования общественного мнения, а, следовательно, и мировоззрения. Особая роль в этом принадлежит телевидению, радиовещанию, прессе, а также электронным средствам массовой информации, сосредоточенным в сети Интернет (социальным сетям, форумам, блогам, сервисам Twitter, YouTube и пр.).

Отметим, что на сегодняшний день отмечается активный частичный переход (или полная трансформация) из традиционных СМИ в блогсферу. Некоторые редакции даже обязывают своих журналистов вести блоги в целях

пиара как самого журналиста, так и медийного субъекта, на который тот работает.

В пользу СМК выступает несколько факторов: 1. СМИ практически вытеснили личное общение, ставя в приоритет субъектно-объектные отношения; СМК, пропагандируя субъектно-субъектные отношения, обладают огромным убеждающим воздействием на массовую аудиторию, формируя сознание/ мировоззрение/ картину мира через задаваемые ею же установки. Однако в этом же контексте стоит подчеркнуть, что не всякое общество готово жить по законам средств массовой коммуникации, точнее не всякая власть позволит обществу стать полноправными участниками политического процесса ввиду сугубо национального исторического опыта конкретной страны.

Оснований для негативной оценки сложившейся ситуации нет, поскольку сегодня СМИ функционируют в концептуальном пространстве, основополагающей характеристикой которого является контрадикторность – обязательное гармоничное сочетание «плюсового» и «минусового» контекстов. Более того, значимая роль в формировании картины мира отводится «информационным консервам» (термин Лазутиной). Само наличие этого феномена (информационные консервы) и механизмы его реализации позволяют формировать общественное сознание, в котором откладываются, фиксируются и сохраняются ценности, представляющие уникальный культурный и исторический код нации.

Ранее нами был отмечен факт невозможности возврата к односторонней коммуникации советского типа после 30 лет независимости, в частности по причине беспрецедентного уровня развития инновационных средств коммуникации и активизации гражданского общества. Однако сегодня эксперты отмечают возрождение у современных СМИ бывших советских республик «государственного синдрома», который проявляется в тотальной лояльности государству и абсолютной индифферентности к

обществу как к активному, а не пассивному субъекту общественной жизни. Возможно, это объясняется разноплановыми глобальными рисками и попытками властей оградить социум от деструктивных влияний, угрожающих государственности многих стран. При этом важно понимать, что полноценная коммуникативная функция, обеспечивающая двухсторонние коммуникативные связи (общественный форум/диалог), не должна «ужиматься» до информационной и «релаксирующей» функции [23, с. 51]. Соответственно, демократическая пресса, ее дух, ее темы, ее повестка дня всегда должны опираться, прежде всего, на связи с обществом, на запросы, тревоги и настроения людей.

Выводы по первой главе

В целом есть все основания говорить об абсолютно новом для отечественной журналистики этапе – концептуальном осмыслении журналистского творчества.

В позициях многих ученых – лингвистов относительно концептов просматривается «крепкая привязка» концепта и к журналистскому творчеству, и к авторской картине мира информационно-медийной языковой личности.

Неоспорима культуроформирующая функция журналистики; следовательно, медиатекст (концептуальный по умолчанию) способен оказать существенное влияние на культуру личности, социальной группы, сообщества, нации. Хотя нельзя игнорировать и тот факт, что культура, представленная в виде множества концептов, сама выступает в роли идейно-нравственного генератора журналистской деятельности.

Ценностный компонент концепта также можно обозначить в качестве аналогии, проводимой с публицистическим творчеством, поскольку последнее формирует ценностные ориентиры социума, и особую важность

это приобретает в условиях неконтролируемого потока деструктивной информации и неспособности современной аудитории самостоятельно трансформировать эту информацию с полезные знания.

Обращение к культурной специфике концепта дает основания причислить его (концепт) к категории журналистских понятий, поскольку культура пронизывает журналистское творчество во всех своих проявлениях: это и историческая парадигма, и этический аспект журналистской деятельности и творчества, и пропаганда (традиционных) культурных ценностей.

Резюмируя основные положения первой главы, следует отметить их тематическую направленность. Подробному изучению подвергся феномен языковой личности и ее сущностные характеристики. В заявленном аспекте фрагментарное рассмотрение получили также термины «дискурс», «медиатекст», «идиолект» (идиостиль), являющиеся основополагающими в вопросе многопараметрического анализа текстовой деятельности информационно-медийных языковых личностей.

Фон авторской картины мира может быть представлен (в подавляющем большинстве случаев за исключением обстоятельств, входящих в юридическую плоскость) национально – языковой картиной мира. В авторской картине мира многих отечественных журналистов отражено политическое начало, стремление перешагнуть за рамки стереотипного «советского» мышления. Однако это стремление обусловило широкое распространение агрессивного и интолерантного тона в публикациях.

СМИ независимого Таджикистана условно можно разделить на 3 основных этапа: 1. медиа гражданской войны (1990-1996 гг.), 2. медиа национального примирения (1996-2000 гг. (прекращение деятельности Комиссии по национальному примирению (КНП))) и 3. медиа национальных интересов.

Средства массовой информации являются не только ретрансляторами концептуального пространства, но в определенной степени и его создателями. Ведь концептуальное пространство группы, социума, этноса, страны, региона формируется за счет реакции слушателя/читателя/зрителя, а эта реакция, в свою очередь, возникает или не возникает в ответ на информационный продукт. Таким образом, концептуальное пространство рождается, развивается и существует в коммуникации и критическом анализе полученной информации.

Рабочая гипотеза «статус формы слово (словоформа) приобретает в лингвистике (языкознании); статус смысла слову придает литература; статус влияния слово получает, в основном, в журналистике», на наш взгляд, нашла свое подтверждение.

Проведенный анализ позволяет обозначить концептуальное пространство публицистического текста как площадку, вбирающую в себя следующие компоненты: а) пресуппозиция, б) ключевые слова, в) концепты, г) лексемы, реализующие базовый концепт текста, и д) моделирование структуры концепта.

Картина мира, формируемая современными СМИ, в корне отличается от картины мира, которую формировали СМИ советского периода. Новой картине мира свойственны новые функции и субъектно-объектные отношения. Эта новизна связана с результатом исторического, идеологического, политико-экономического развития и современной внешней культурной ориентацией стран постсоветского пространства.

Ввиду политических реалий в каждом конкретном государстве, именно субъект принимает решение о характере информации, подлежащей публикации: о степени ее полноты, достоверности и объективности, о сокрытии/афишировании ее источников, своевременности и т.д. СМИ обозначены в качестве беспристрастного коннектора (хотя в контексте концептуальной журналистики данная функция приобретает несколько иное

прочтение). Деятельность СМК (средств массовой коммуникации) сводится от воздействия к взаимодействию, взаимопониманию и диалогу, что на сегодняшний день обозначено социально значимой задачей. Однако социально-политический климат каждой конкретной страны уникален и диктует свои условия «четвертой власти». Следовательно, политика наименования, или выбор определенного статуса номинации масс-медиа (СМИ (информирование) или СМК (диалог)) входит в компетенцию высшего руководством каждого отдельного государства.

Сегодня эксперты отмечают возрождение у современных СМИ «государственного синдрома», который проявляется в тотальной лояльности государству и абсолютной индифферентности к обществу как к активному, а не пассивному субъекту общественной жизни. Оснований для негативной оценки сложившейся ситуации нет, поскольку сегодня СМИ функционируют в концептуальном пространстве, основополагающей характеристикой которого является контрадикторность, достигаемая за счет активного использования современных средств коммуникации, в рамках которой, в свою очередь, происходит актуализация «информационных консервов».

ГЛАВА 2.
ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ НЕЗАВИСИМОГО ТАДЖИКИСТАНА И ИХ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СМИ

2.1. Теоретические предпосылки исследования трансформационных процессов

Конец 1980-х и начало 1990-х годов характеризуется как время кардинальных изменений в общественно-политической, экономической, культурной сферах жизни многих стран. В каждом отдельном государстве это объясняется целым рядом разнообразных факторов, в частности «зашкаливающей» степенью пропаганды, ограничением всяких свобод (слова, в частности), высоким уровнем безработицы, поствоенной свободой (в отдельных государствах) и индивидуализмом, закрытостью экономических рынков и пр. Это далеко неполный список причин, повлекших за собой полосу беспрецедентных исторических перемен в западных и европейских странах, а затем и в республиках бывшего СССР.

Безусловно, все преобразования современности непосредственно связаны с процессом глобализации, которая затрагивает все большее количество государств с различными политическими, экономическими, социальными и культурными системами и требует их адаптации к универсальным стандартам взаимодействия, формирующимся на новом витке мирового исторического развития. Успех перестройки всех общественно-политических институтов зависит от равноценного участия всех государств в решении важнейших проблем современного мира, в частности, в мирохозяйственных связях.

Актуальное понимание этих изменений невозможно без многоуровневого изучения их природы и переноса акцентов с семантики на теоретическое осмысление механизмов и инструментария их реализации.

В научной литературе эти перемены получили название «трансформация», хотя в большинстве специальных источников отсутствует анализ содержания этого понятия, а его терминологическое определение отличается размытостью, неточностью в силу национальной специфики этих изменений.

Е.А.Лукашева понимает под трансформацией «радикальное преобразование, представляющее собой ценностно-ориентированный процесс, целью которого является обеспечение свободы человека, его личной неприкосновенности, права на жизнь, собственность, достойного уровня жизни» [113, с.13]. Исследователь уверена, что это «ценностное преобразование системы ориентировано на человека, его социальное самочувствие, гуманизацию отношений «человек – общество – государство». Без реализации этих ценностей преобразования утрачивают свою значимость» [112, с. 130].

Выражая полную солидарность с этой точкой зрения, отметим, что гуманистический принцип триады «человек – общество – государство» утратил свою концептуальную нагрузку ввиду сложнейшего общественно-политического климата в каждой советской республике, приведшего к предельной степени разочарования масс.

Я.С. Яскевич, который также использует термин «трансформация» для обозначения общественно–исторических перемен, осуществлявшихся в 80–90 годы XX века в странах Центральной Европы, а затем и бывшего СССР, воспринимает это понятие многомерно: во-первых, как изменение государственной и политической системы; во-вторых, как обновление экономических основ общества; в-третьих, как адаптацию к требованиям мирового рынка; в-четвертых, как перемену духовно–культурных ориентиров социального развития. Ученый выделяет 4 основные стадии трансформаций: 1) оценка существующего состояния общества как системно–кризисного; 2) объективная характеристика возможных путей

выхода из кризисной ситуации; 3) демонтаж отжившей системы, ликвидация ее элементов, явно несоответствующих мировому уровню общественного развития и его тенденциям; 4) новое самоопределение общества, обоснование путей его дальнейшего развития [247, с. 121].

Обращаясь к локальному опыту трансформации, обратим внимание на факт ее «несистемности» ввиду военно-политического разлома, который не позволил своевременно и цивилизованно (бесконфликтно) пройти представленные Я.С. Яскевичем стадии и начать процесс самоопределения и национальной идентификации.

Ю.К. Кондратчик настаивает на том, что термин «трансформация» в контексте социально-экономических преобразований «хотя и появился раньше, тем не менее получил широкое распространение, благодаря радикальным трансформациям социально-экономических систем и изменениям общественных отношений в бывших социалистических странах после распада СССР, когда произошло резкое снижение влияния марксисткой идеологии и переход к рыночной экономике. Как следствие, под термином «трансформация» все чаще рассматриваются радикальные преобразования социально-экономических систем» [93, с. 247].

Идею радикального подхода развивает А.Н. Данилов и Т.И. Заславская, делая акцент на социальной природе трансформации и понимая под ней «обусловленное внешними факторами и внутренней необходимостью радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы или социетального типа обществ» [50, с. 22].

Феномен радикализации, отмеченный учеными, действительно, присутствует и рассматривается сегодня как один из проблемных факторов в мировой политической системе. Важно понимать, критика и неприятие, при определенных условиях, являются результатом вполне естественной реакции на преобразования. Озабоченность же вызывают крайние, деструктивные действия, подрывающие общественное и государственное устройство

С.А. Зубенко наделяет трансформацию еще одним важным свойством: «Данный термин может применяться не к любым реформам или переменам, а только к тем, которые носят характер коренных преобразований системы, то есть понятие «трансформация» используется в целях качественной оценки характеристик необратимых коренных изменений систем, образующих определенное состояние перехода в новое качество на пути к формированию будущей модели социально-экономической системы» [64, с. 306]. Идентичную позицию занимает и китайский ученый Мао Тяньци, который определяет трансформацию как «процесс обновления системы» [206, с. 56].

Эта точка зрения дает определенные основания интерпретировать понятие «обновление» как «изменение системы» со всеми свойственными этому сочетанию характеристиками. В контексте любого назревающего изменения следует говорить о «регрессионном движении», то есть ситуации, когда в системе появляются элементы, которые ранее уже существовали в ее структуре и отрицательно влияли на эффективность функционирования системы в целом. В этом случае данный процесс называют деформацией, которая, естественно, ведет к последующей трансформации.

В.Ю. Шаповалов склонен полагать, что «трансформация – это заданная и вырабатываемая мера должных изменений, в рамках которой идет отбор наиболее существенного и перспективного, происходит адаптация общества к изменениям среды через формирование программ, проектов, целей, технологий, разрешение противоречий и т.п.» [353].

Нам кажется, что суть этой трактовки передает идея адаптации к переменам посредством «разрешения противоречий»; то есть адаптация возможна лишь при успешном решении проблем, связанных с трансформацией. Возникает естественный вопрос «А если адаптация все-таки не произойдет?». Означает ли это неизбежность возврата к первоначальному, привычному порядку или следует вести речь о долгом, изнуряющем пути к переменам?

Проведенный аналитический обзор содержательной базы понятия «трансформация» показал относительно высокую степень вариативности его интерпретации, поскольку данный термин активно используется в различных институтах, регламентирующих деятельность человека: политических, экономических, социальных, культурных, образовательных и др. Мы полагаем, что универсальной трактовкой можно считать определение, предлагаемое профессором Г.Н. Соколовой: «трансформационный процесс в общественном (ибо принцип интеграции очевиден – о какой бы сфере не шла речь, одновременно происходит ее (их) синтез и взаимодействие с социумом) развитии – это особая историческая подсистема, в которой обнаруживается своя структура, свои тенденции и свои методы управления. Основополагающим элементом любого трансформационного процесса является дихотомия «вызов – и – ответ», в «рамках которой разные социальные общности используют те социальные механизмы регуляции функционирования и развития, которые в наибольшей мере выражают их генотип и их социальную среду, а также стадии развития – генезис, рост, надлом и разложение как этапы жизненного пути» [195, с. 57].

К «вызовам» можно отнести целый ряд разноплановых объективных и субъективных явлений, например, изменение климатических условий, нападение сильного внешнего врага, конфликты, перенаселение, конкуренция, стареющее население (как правило, в европейских странах), порабощение и прочие, для которых характерна резкость и неожиданность появления. Стремление выжить заставляет руководящий орган, социальную группу, общество, этнос дать «ответ». Следовательно, именно «вызов» стимулирует рост, изменения, преобразования, трансформацию. Своим «ответом» общество решает вставшую перед ним задачу, чем «переводит себя в более высокое и более совершенное, с точки зрения усложнения структуры, состояние» [195, с.57]. Соответственно, рост и развитие есть

прямое следствие «вызовов». Более того, неспособность дать ответ обрекает общество на гибель, возможно, буквальную.

При этом слишком слабый «вызов» не способен пробудить присутствующую внутренне, но никак не проявляющуюся внешне латентную творческую силу, способную трансформировать проблемную сферу. В то же самое время «вызов» не должен быть слишком сильным, чтобы не задушить ее, эту силу, этот потенциал в «колыбели», в ее зачаточном состоянии.

«Ответ» на «вызов» также может быть неоднозначным: он способен вести к расширению сферы культурной «радиации» (по Тойнби (английский историк и социолог)), то есть проблемная сфера привлекает к себе все новые и новые вызовы и, как правило, успешно справляется с ними, «отвечает» на них. Во втором случае «ответ» приобретает «оборонительный» характер, пытаясь сохранить существующую сферу, тормозя ее развитие и погружая ее в состояние стагнации, застоя.

Последнее десятилетие XX века – это время крупнейших вызовов и трансформаций особенно для стран постсоветского региона. Для каждой союзной республики это стало периодом коренного слома, повлекшим за собой строительство новой государственности и новой социально-экономической системы. Изначально все задумывалось как повсеместные реформы, но «глубочайший кризис и коллапс советской системы, советской экономики и государственности радикально изменяли повестку дня, порождая новые непредвиденные проблемы» [330]. Эксперты называют 1990-е многомерным временем и процессом глубочайшей трансформации, в основе которой, повторим, лежат реформы. Именно поэтому не представляется возможным описать их (реформы) в рамках классической, традиционной модели «замысел – воплощение – результат», поскольку все преобразования этого этапа проходили в совокупности с взаимодействующими и вступающими в противоречие процессами.

В этой связи предпримем попытку проанализировать известную на всем постсоветском пространстве реформу конца 90-х под названием «сухой закон» на предмет дихотомии «вызов – и – ответ», определив содержание причинно-следственных связей несостоятельности преобразований этого исторического этапа. Исследователи уверены, что в случае успеха эта реформа могла бы запустить полноценный, конструктивный социально-экономический трансформационный процесс, однако на практике и инициаторы, и массы столкнулись с непредвиденными обстоятельствами, в силу которых получила начало деструктуризация и деформация советской власти.

Отметим, что за время существования СССР на его территории проводился ряд антиалкогольных кампаний, включавших в себя правительственные меры по снижению потребления алкоголя среди населения. Антиалкогольная кампания периода 1985—1987 годов была запущена спустя два месяца после прихода к власти М.С.Горбачева и получила название «горбачёвской». Она была организована в самом начале перестройки (период так называемого «ускорения»), когда, невзирая на предыдущие этапы борьбы, потребление алкоголя в СССР неуклонно росло. Инициаторами кампании выступили члены Политбюро ЦК КПСС М.С. Соломенцев и Е.К. Лигачев, которые вслед за Ю.В. Андроповым полагали, что одной из причин стагнации советской экономики является общий упадок морально-нравственных ценностей «строителей коммунизма» и халатное отношение к труду, в которых был повинен массовый алкоголизм.

Однако в 1988 году, спустя два года после принятия этого закона, на политическом олимпе Советского Союза разразился скандал, поскольку к этому времени обстановка накалилась до предела. Члены политбюро разделились на два непримиримых лагеря, один из которых выступал за окончание затянувшегося эксперимента, а другой, соответственно, против. Проведем небольшой исторический экскурс, который позволит апробировать

идею о наличии дихотомии «вызов – и – ответ» в контексте этого трансформационного процесса.

Главной государственной тайной СССР считались данные об алкогольной смертности (от алкоголя умирал примерно каждый 3 мужчина в стране). Однако водка приносила государственному бюджету огромную прибыль; среди экономистов и политиков даже существовало негласное название советского и российского бюджета – «пьяный бюджет». В середине 80-х алкоголизм принял масштаб национальной катастрофы. По словам Егора Лигачева, члена политбюро ЦК КПСС (1985-1990), в ЦК КП приходили тысячи писем от женской половины населения страны с просьбой заняться вопросом «преодоления пьянства и алкоголизации общества».

17 мая 1985 года. во всех центральных изданиях было анонсировано постановление ЦК о мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения, но народ, по официальным данным, требовал от руководства страны полного искоренения пьянства и полусухой закон был заменен на сухой. При этом «теневую» позицию заняла приоритетная цель – сделать страну абсолютно трезвой в кратчайшие сроки.

Были созданы так называемые зоны трезвости – закрытие большого количества виноводочных магазинов, что привело к тому, что у оставшихся открытыми точек реализации алкоголя разворачивались жестокие баталии. В больницу стали поступать задавленные в толпе люди. Водку и вино начали продавать в определенное время, были также введены талоны на виноводочные изделия и специальные алкогольные пайки на свадьбу и похороны.

Началась активная антиалкогольная пропаганда. Из лучших советских фильмов вырезали эпизоды с выпивкой. А в канун нового 1986 года не показали традиционный фильм «Ирония судьбы или с легким паром», где в центре сюжета находятся обильные алкогольные возлияния в честь нового года и их курьезные последствия.

По всей стране, в том числе и в Таджикистане началась повсеместная вырубка виноградников, миллионы литров уже готовых виноматериалов отправлялись на корм скоту.

Наступили золотые времена для спекулянтов. По словам директора института стратегических оценок и анализа В. Гусейнова (2006 г.), эти обстоятельства обусловили расцвет теневого сектора экономики страны: в 1987 году из госбюджета ушли 25 миллиардов рублей, в 1988 году – около 36 миллиардов [327].

Но власти решили остановить пьянство любой ценой. Для оздоровления советских граждан были закрыты или перепрофилированы на производство соков тысячи крупных и мелких винных заводов, под нож или металлолом были пущены десятки импортных линий по разливу вин и оборудование для нескольких десятков пивоваренных заводов. Начали проводить «сухие» свадьбы, привлекали к уголовной ответственности за самогоноварение. Самогонный бум породил проблему нехватки сахара и на него тоже ввели талоны. Аптеки и парфюмерные магазины начали продавать спиртсодержащую продукцию по режиму виноводочных магазинов.

Антиалкогольные брошюры стали выходить миллионными тиражами, начались различные научные изыскания, некоторые из них доходили абсурда. Например, опубликованное на страницах печати знаменитое открытие выдающегося академика Ф.Углова – «причина физической и моральной деградации населения» состояла в употреблении кефира, поскольку этот молочный напиток содержит алкоголь. То есть дети, начиная с грудного возраста, выпивают, а уже подростками становятся законченными алкоголиками. Справедливости ради надо сказать, что позже специально созданные для обоснования антиалкогольной кампании НИИ «реабилитировали» этот кисломолочный продукт.

Стоит отметить и положительные стороны горбачевской антиалкогольной кампании. Например, вынужденная трезвость населения

моментально отразилась на демографической ситуации: резко упала смертность и повысилась рождаемость. С 1985 до 1988 года в стране появилось на полтора миллиона детей больше, чем в предыдущие годы [327]. В благодарность главному реформатору (Горбачеву М.С.) многих новорожденных стали называть в его честь – Михаил.

Уже к концу 1987 года энтузиасты этого антиалкогольного проекта осознали ошибочность очень коротких сроков и нереально масштабных мероприятий по выводу страны из пьянства. Годы спустя идейные вдохновители этой кампании признают ее несостоятельность. Е.Лигачев выделяет несколько серьезных просчетов: 1. непомерное увлечение «запретительством», администрированием и кампанейщиной (отсутствие плановости, систематичности, регулярности в общественной, производственной работе); 2. определение слишком коротких сроков для столь грандиозного плана.

Другие эксперты видят проблему в неспособности, неготовности партийного руководства признать ошибки и остановить этот процесс. Экономисты говорили о том, что в государстве не просто временные трудности, а настоящая экономическая депрессия, и антиалкогольная реформа не способна была дать тех результатов, на которые рассчитывали ее разработчики.

Осенью 1988 года в газете «Правда» был опубликован очередной Указ правительства об отмене постановления ЦК КПСС по вопросам усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом. На этом знаменитая антиалкогольная эпопея была завершена, поскольку страна столкнулась с совершенно другими проблемами и вызовами, которые угрожали самому ее существованию.

Описанный выше исторический этап с точки зрения «вызов – и – ответ» может быть интерпретирован двояко. В первом случае «вызовом» можно считать высокий уровень алкоголизма среди населения, на который высшее руководство страны просто обязано дать «ответ», таким образом

трансформируя общество перестроечного периода в том числе и в этом вопросе. Сама идея – ответ не несет в себе никаких негативных инициатив. Напротив, власти преследовали высокие цели – остановить смертность от алкоголя и его последствий; повысить производительность; вернуть уже трезвых отцов в семьи; повысить уровень рождаемости и др. Однако партийное руководство в этой борьбе раз за разом сталкивалось с новыми «вызовами» со стороны масс: неготовность населения к столь резким социальным переменам; непринятие самой идеи абсолютно трезвого образа жизни в любом его проявлении («сухие» свадьбы, алкогольные пайки, создание зон трезвости); бурное развитие теневого «пьяного» бюджета; высокая смертность от некачественного алкоголя и т.д.

Таким своим «ответом» Политбюро ЦК КП не смогло справиться с этим «вызовом», чем обрекло себя, в контексте целого ряда других сопутствующих социально-политических и экономических факторов, на «гибель».

Можно также предположить, что «вызов» (здесь алкоголизм), брошенный обществом, был настолько мощным, что «ответ» партийного руководства оказался достаточно слабым, несостоятельным. Даже если и были те силы, которые с энтузиазмом восприняли эту антиалкогольную кампанию и приступили к ее реализации, то они были настолько невнятными, надорванными, что не смогли противостоять целой серии разноплановых проявлений главного «вызова».

Вторая трактовка дихотомии «вызов – и – ответ» номинирует «вызовом» действия Политбюро, то есть власть бросает вызов традиционным социальным устоям многих поколений, в некотором смысле «национальному коду». Этот «вызов» несвоевременен, резок, рассчитан сразу на большие массы, детально непродуман, не систематизирован, хотя в долгосрочной перспективе вполне оправдан. Соответственно, «ответ» приобрел «оборонительный» характер, то есть общество пыталось всеми силами

сохранить существующую сферу, тормозя при этом свое развитие и погружая себя в состояние стагнации. Лишь незначительная часть социума (в большинстве женская часть населения) приняла предлагаемые властью меры, но количество сознательных граждан было настолько мало, что антиалкогольная реформа не дала ожидаемых результатов, и масштабной трансформации (в полном смысле этого слова) не произошло.

Тема трансформационных процессов 90-х не может считаться полной без обращения к вопросу о СМИ. Журналист и историк Николай Сванидзе называет этот период временем «абсолютной свободы, которая была непредставима до и уже не вполне представима сегодня. Институт средств массовой информации был независим от власти, был могуч, это была действительно отдельная власть. Телеканалы снимали правительство». Журналист Юрий Сапрыкин воспринимает трансформацию 90-х как «прекрасное время освобождения от коммунистического гнета и обретения свободы» [332].

Тему преобразований в журналистской сфере поднимает и известный журналист Владимир Познер: «Журналистика начала зарождаться в России при Михаиле Горбачеве, до этого периода была лишь пропаганда.... Можно иметь золотое перо, можно превосходно говорить. Это не журналистика. В советское время были блестящие журналисты, но не было журналистики... Журналист в Советском Союзе назывался «солдат идеологического фронта», и его задача тоже формулировалась очень четко: продвигать политику партии и правительства – Четыре «П». Когда пришел к власти Горбачев, то благодаря ему, нелюбимому нашим народом, и благодаря его ближайшему сподвижнику (завотделом пропаганды ЦК КПСС Александру Яковлеву), зародилась в России журналистика» [300].

Обратим внимание на то, что под фразой «в СССР были блестящие журналисты, но не было журналистики» В.Познер затрагивает проблему свободы слова в условиях тоталитарных режимов. В актуализируемой

проекции он констатирует «закрытость» площадки для реализации творческого потенциала советских журналистов, зажатых рамками цензуры. Однако «прорехи» в идеологическом щите все-таки были. Известный таджикский журналист О.Латифи в одном из своих интервью говорил о том, что *демократия* (а значит и настоящая журналистика. – Х.Т.) *зародилась из газеты «Правда», где задолго до перестройки в воскресных номерах стали появляться статьи об ущербности, крупных недостатках. Ноги демократии выросли из коммунистического движения...»* (Бизнес и политика. №29. 1997 г.).

Безусловно, горбачевские реформы сделали недозволенное не просто разрешённым, но и безумно популярным. В этой связи важно назвать отдельные появившиеся на волне перестройки передачи, которые внесли неоспоримо серьезный вклад в трансформационные процессы страны советов. Принцип гласности и плюрализма мнений привел в СМИ молодых и амбициозных журналистов, готовых воплощать в жизнь самые смелые идеи и проекты.

Программа «Взгляд», которая изначально задумывалась как молодёжный информационно-развлекательный проект и стала знаковой передачей и символом перестройки, «изменившей представление россиян о телевидении» и «изменившей страну», официально вышла в эфир со 2 октября 1987 года. Темы обсуждения были острыми, яркими, злободневными: невыплаты зарплат военнослужащим (эфир от 31.07.1998); работа в реабилитационном центре для наркоманов (эфир от 25.09.1998); перспектива новой войны в Чечне, распределение федерального бюджета (эфир от 06.10.1995); операция «Привоз» – о борьбе с азербайджанской мафией на московских рынках (эфир от 29.09.1995); представители московского студенчества задавали свои каверзные вопросы парламентариям СССР (эфир от 29.09.1989); ограничения на выдачу бензина (не более 10 литров) (эфир от 11.11.1988).

В разное время ее ведущими были «кремлевский диктор» Игорь Кириллов, Владислав Листьев, Артем Боровик, Андрей Разбаш, Александр Любимов и другие. Весьма необычным, если не сказать вызывающим для «чеканного» советского телевидения была раскованность ведущих, которые выходили в эфир практически в домашней одежде, что шло в абсолютный разрез со строго отрежиссированными и прошедшими жесткую цензуру новостными программами Центрального Телевидения. Российский политический и общественный деятель И.Демидов, который в 1987 году был администратором Главной редакции программ для молодёжи (Молодёжной редакции ЦТ Гостелерадио), уверен, что «если опять вернуться к временам, когда начинался «Взгляд», — людям, которые управляли тогда страной, казалось, что нужно запрещать крамольные фразы о пленумах ЦК. А надо было запрещать майки на ТВ, острые стилевые моменты, новые разговоры — в этом и была бомба замедленного действия, в раскрепощении сознания» [307].

В негативном ракурсе «Взгляд» характеризует один из его ведущих А.Любимов: «Это была неудачная программа. Она начиналась как молодежная, переросшая потом в антикоммунистическую протестную программу <...> Она демонстрировала презрение к руководству страны, которое не занимается страной. Потом мы устроили конкурс ведущих — искренне искали молодых людей и даже восхищались крошками разума» [223, с. 94].

Мы полагаем, что «Взгляд», безусловно, является ярчайшим примером смены парадигм трансформации в журналистике; это были новые оценочные критерии, которые были созвучны настроениям стремительно меняющегося общества, максимально острые замечания свидетельствовали об идеологической переориентации умов. Однако параллельно происходила утрата колоссального воспитательного и просветительского потенциала, которым обладали советские молодежные программы.

Трансформационные процессы в СССР, вызовы и ответы на них стали в определенной степени следствием еще одной программы «До и после полуночи» (1987-1991), автором и ведущим которой был Владимир Молчанов. Программа стала журналистским прорывом эпохи перестройки. Эксперты отмечают, что «До и после полуночи» – на порядок выше по качеству контента и по ведению по сравнению с «Взглядом». Критики называли «До и после полуночи» антисоветской и проамериканской. В одном из своих интервью сам В.Молчанов вспоминает, что «в 1987 году руководство телевидения должно было показывать власти, что они что-то меняют. Телевидение обретало человеческое лицо. <...> И пошли совершенно недопустимые вещи про Ленина, про русскую белую эмиграцию, про диссидентов. Это было время скандалов. Они (власти) сами не могли разобраться, что делать. А мы этим пользовались» [243, сс. 199—211].

Трансформационные процессы, запущенные перестройкой, коснулись всех социальных аспектов. Ученые называют эти тенденции «преодолением апатии и застоя». СМИ стали проводником новых непривычных для официальной советской пропаганды ценностей. Первым шоком была реклама; затем начались и первые конкурсы красоты — «Мисс Россия»; появились фильмы, затрагивающие табуированные темы; заметно «оживилась» проституция, благодаря вниманию к ней СМИ и показу знаменитого фильма П.Тодоровского «Интердевочка» (лидер советского проката 1989 г.), который является экранизацией одноименной повести В.Кунина, опубликованной в журнале «Аврора» в 1988 году. В фильме эффектно противопоставлены два мира: разлагающийся советский мир бытовой неустроенности, бюрократических проволочек, вечного дефицита и стабильно комфортный западный мир. Как бы в подтверждение из магазинов даже центральных городов стали исчезать элементарные товары; в 1991году началась денежная реформа, прошло первое повышение цен на продукты питания; активизировалась кооперативная торговля.

«Ответами» на все эти «вызовы» стал кризис коммунистической идеологии и ослабление роли КПСС с последующей ликвидацией ее партийно-политической монополии, составлявшей основу СССР; активизировалось движение за национальное самоопределение республик, начавшееся в ходе «перестройки». Представители местных политических элит, лидеры национальных движений также ставили в качестве одной из главных задачу обретения республиканской независимости и реального суверенитета. Хотя последствия распада СССР имели тяжелый характер для народов всех бывших союзных республик. Новым острым «ответом» также стало положение русскоязычного населения в национальных республиках [349].

Логика настоящего исследования не позволяет подробно проанализировать все знаковые передачи, фильмы, события и политические решения эпохи перестройки, но из приведенных выше примеров становиться понятно, что начало трансформационных процессов на территории бывшего Советского Союза было неизбежно в силу целого ряда внешних и внутренних факторов. Специалисты отмечают, что все постсоветские республики довольно долгий период времени продолжали представлять собой трансформирующиеся общества с несформированной аксиологически ориентированной государственностью, целостной системой мировоззренческих ценностей, приемлемых для людей, познавших горечь и разочарование крушения кумиров и иллюзий, тяжелое испытание гражданскими противостояниями и человеческого бытия «на изломе» в эпоху «великих перемен». С одной стороны, возникают новые, демократические модели мировосприятия, с другой стороны, пока еще сохраняются мировоззренческие стереотипы коммунистических идеологем. Парадоксы и разочарования новых идеалов и ценностей сочетаются с непреодолимым желанием отказа от модели «жить по–старому» [247, с.121].

«Административно-командная система с зарегулированной экономикой, отсутствием свободы выбора может существовать довольно длительное время, но только в единстве и неприкосновенности элементов, включенных в священную утопическую теорию. Эту систему нельзя оживить, усовершенствовать, вдохнуть в нее новую жизнь, если сохранять ее основополагающие принципы. История не знала трансформаций такого рода и таких масштабов. Безусловно, известны радикальные методы смены формационного строя – революции, неизменными спутниками которых были насилие, гражданские войны, разрушение привычного жизненного устройства, хаос и самое страшное – огромные человеческие жертвы» [112, с. 130]. В условиях конца 80-х начала 90-х не представлялось возможным ограничиться реформами в их классическом алгоритме «замысел – воплощение – результат»), требовались длительные, комплексные преобразования всех основополагающих устоев, на которых держался социалистический строй; необходима была радикальная трансформация всех структур социалистической системы – политической, экономической, социальной, культурной.

Ученые полагают, что трансформационные процессы во многом определяются типом модернизации, которая понимается как «импортирование постсоветскими обществами новых социальных ролей и политических институтов, сформированных в рамках западных демократий» [195, с. 159]. Модернизация детерминируется двумя основополагающими факторами: 1. общие закономерности модернизации традиционных национальных обществ в условиях постоянно увеличивающегося влияния современной индустриальной культуры; 2. воздействие формирующихся рыночных отношений, которые и обуславливают радикальное преобразование уже давно сложившихся устоев.

В ходе анализа был выявлен противоречивый и нелинейный характер этих трансформаций ввиду утраты постсоветскими государствами

привычных идентификаций и стандартов поведения. Вторым фундаментальным критерием можно считать наличие общемирового глобального сдвига, который совершенно точно предопределяет однонаправленность тенденций экономических и социально-политических трансформационных процессов

Эмпирические наблюдения показывают, на сегодняшний день общество разделилось на два лагеря в соответствии с культурными и социальными ценностями, однако этому разделению не предшествовало поэтапное, эволюционное развитие, которое, по сути, оказалось блокированным. То есть произошла инверсия – то, что в научной литературе называют моментальным переосмыслением. Так, любое явление, ранее трактовавшееся как «зло», вдруг осмысливается как «добро» и наоборот. В качестве примеров инверсии можно привести коммунистическую идеологию, централизацию власти, утопичную пропаганду социального равенства, однополые браки, отмену социальных и сексуальных табу и пр. Однако европейское и западное общества ассоциируются с таким феноменом, как медиация, то есть тенденция к социальным и культурным компромиссам. Последствиями этой тенденции являются первая волна потока сирийских беженцев в страны Европы (в Германию, в частности), легализация однополых браков, трактовка педофилии не как преступления, а как психического заболевания и другие весьма неординарные практики.

Важно понимать, что любая трансформация ставит общество перед необходимость изменять привычные модели экономического, социального поведения, симультанно и население (индивиды) способно(ы) оказывать определенное влияние на социально-экономические преобразования посредством своих «адаптационно-поведенческих стратегий» [195, с. 60]. Яркий образец этого взаимовлияния был описан и проанализирован нами выше на примере антиалкогольной реформы второй половины 80-х., бесспорно, нанесшей населению страны так называемую «культурную

травму» – внезапный, непредвиденный трансформационный процесс в отдельных обществах и определенных исторических условиях [241, с. 10].

Детальный анализ концепции «культурной травмы» будет проведен в контексте следующего параграфа, а в заключении настоящего раздела отметим, что высокие темпы экономических и социальных изменений, предъявляя жесткие требования к социально-экономической политике, до сих пор вынуждают постсоветские страны осуществлять «маятниковую» стратегию развития, то есть периодически менять приоритеты и акценты между стимулирующей (то есть экономической) и стабилизирующей (то есть социальной) функциями государственной политики. Более того, трансформационные процессы во всех странах СНГ осуществляются в едином экономическом и информационном пространстве, в условиях интенсивного обмена знаниями и технологиями, что в каждой отдельной республике, однако, приобретает свою уникальную, специфическую концептуальную трактовку и реализацию. В этой связи исследовательское внимание должно быть сфокусировано на рассмотрении трансформационных процессов именно на локальном уровне. Безусловно, все проводимые в Таджикистане (как и в любом другом государстве) реформы активно освещаются республиканскими СМИ, что формирует соответствующее концептуальное пространство, которое в определенной степени реализует ключевые государственные стратегии и в значительной степени определяет успешность и завершенность проводимых реформ.

2.2. Современные концептуальные сдвиги

Страны, входившие в состав Советского Союза, уже давно не живут идеями коммунистического прошлого (по историческим меркам, совершенно недалекого). Эксперты различных областей знания заявляют о том, что пройдена некая точка невозврата к советской идеологии. Прежние

понятия, которые некогда были основополагающими в государственном строительстве СССР, в силу различных трансформационных процессов уже не несут в себе никакой концептуально значимой нагрузки.

В предыдущем параграфе нами была рассмотрена природа трансформационных процессов, которые происходили в стране развитого социализма. Напомним, что время начала трансформаций датируется 1985 годом, когда М.В.Горбачев начал сталкиваться со все большими трудностями в своей амбициозной политике реформ перестройки и гласности, во многих областях не имевшей успеха (например, рассмотренная нами антиалкогольная кампания (см. § 2.1.). «СМИ и деятели культуры, отпущенные с «поводка цензуры», заглянули за кулисы изолгавшейся политики. Они безжалостно обнажали общественные катастрофы и неурядицы. Сквозь советское общество прошел импульс такой силы, что оно политолизировалось как никогда» [43, с. 68].

Во время болезненной фазы трансформации начала 90-х многие советские граждане обрели опыт, показывающий, что они могут обустроиться и без государственной помощи. Это усиливало уверенность в себе и способствовало тому, что многие сегодня используют шанс, чтобы «освободиться от большой истории» и просто жить без «большой идеи» [43, с.73].

Большинство исследователей отмечают, что жесткая система ценностей, в которой жили советские граждане, формировала поле уникального концепта «Советский человек», игнорируя при этом национальную идентичность народов, населявших территорию Союза. Сегодня жизненные пути граждан постсоветского пространства характеризуются кардинальными различиями практически во всех сферах деятельности, поскольку уже 30 лет каждая теперь уже независимая республика находится в процессе национализации исторического сознания. Однако «декоммунизация» в отдельных государствах становится

причиной возникновения «провалов» в памяти, и некогда общая советская история получает двусмысленные трактовки. Хотя ученые совершенно справедливо, мы полагаем, ведут речь о невозможности существования одинаковой для каждой республики памяти.

В ходе различного рода трансформаций советский человек утратил героически-коллективистский образ, отмеченный самопожертвованием и энтузиазмом, и стал превращаться в оппортуниста (тот, кто следует своим интересам, в том числе и обменным путем), ориентированного на потребление. Советскому человеку приписываются и такие характеристики, как политическое притворство и покорность, умение приспосабливаться, что в определенной степени было унаследовано гражданами и после развала социалистической империи [43, с. 75].

Эта специфика проецировалась в масштабной кампании по концептуализации смыслов советской идеологии, поскольку именно концепты являются индикаторами социокультурных и этнокультурных норм и исторических условий [79, с. 9]. При этом важно понимать, что процесс образования концептов или культурных доминант не отличается спонтанностью, он может длиться столетия. Каждое поколение вносит свой вклад в формирование концептуальной системы, обогащая, корректируя, а иногда изменяя ее содержание. Каждый концепт находится в процессе непрерывного изменения, так называемом «текучем» состоянии, ввиду чего ни один концепт не может рассматриваться как нечто застывшее, окончательно сформированное. Более того, общественно-политические условия (как экстралингвистический фактор) способствуют тому, что концепты вводятся и исключаются, расширяются и ограничиваются, обновляются и переносятся из одних областей знаний в другие, делятся, обобщаются и подвергаются прочим изменениям [313].

Активный научный поиск показал, что на сегодняшний день отсутствует полноценное определение понятия «концептуальный сдвиг»,

которое бы передавало всю его суть в срезе настоящего исследования. В этой связи целесообразным считаем рассмотреть пример концептуальной трансформации на материале двух единиц «патриотизм («патриот») и «пионер», проследить причинно-следственные связи пройденного ими цикла и на основе проведенного анализа предпримем попытку вывести универсальное толкование понятия «концептуальный сдвиг».

Концепт «Патриотизм» («Патриот»). Изначально обратимся к смысловому аспекту концепта, то есть его лингвистической фиксации – имени концепта, его описании и дефиниции. Данная информация представлена различными этимологическими и толковыми словарями, в которых в целях максимального объяснительного эффекта отображаются значения слов как «кванты знаний» о мире [157], что позволит раскрыть внутреннее содержание концепта и представить его как результат коллективного сознания, обладающий этнокультурной спецификой [187].

Патриотизм – производное от слова «патриот» (франц. patriote «сын отечества» от ср.-лат. patriōta, греч. πατριώτης «земляк, соотечественник») – тот, кто любит свое отечество, предан своему народу, готов на жертвы и подвиги во имя интересов своей Родины (Т.Ф. Ефремова. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный). Этот же смысл представляют Малый академический словарь русского языка и Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка (1910), называя патриотом того, кто любит свое отечество, предан своему народу, родине, старающегося быть им полезным. Более «открытую» трактовку дают С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова в Толковом словаре русского языка, определяя лексему «патриот» как человека, преданного интересам какого-н. дела, глубоко привязанного к чему-н.

В качестве опорной послужит дефиниция, согласно которой патриотизм есть не что иное, как любовь к своему отечеству, преданность своему народу и ответственность перед ним, готовность к любым жертвам и

подвигам во имя интересов своей Родины; высшее проявление человеческого духа.

Обратимся к исторической представленности этого концепта. До революции 1917 года лексическая единица «патриот» считалась синонимом слова «монархист», а после приобрела абсолютно другое социальное осмысление. По утверждению И. Глазковой, «в советском узусе слово патриот обозначало любящих родину советских людей, а также стало близким по смыслу с синонимичными в то время словами *коммунист, демократ, большевик, ленинец* и приобрело особую положительную оценочность, свойственную официальному языку того времени» [296].

Нигилистическое отношение к патриотизму как к мелкобуржуазному пережитку, характерное для первых лет Советской власти, сменяется идеологией формирования советского, по сути – державного, патриотизма.

Первая половина 70-х годов в Союзе – это начало различных переломных явлений не только в экономической сфере, но и в духовной. Эти проблемы были завуалированы усилившейся идеологической работой, ключевым компонентом которой было воспитание патриотизма. «Мы можем с полным основанием говорить о более широком понятии, о большом патриотическом чувстве нашего народа – об общенациональной гордости советского человека» [26, с. 67]. Более того, особо выделялся факт того, что советский народ – это социально-политическое, а не этническое единство, следовательно, к любому вопросу должно подходить не с узконациональных, а общегосударственных позиций. Данная концепция сформировала понятие «советский патриотизм», который повсеместно признавался в качестве «надэтнического патриотизма, объединяющего все большие и малые советские народы, <...> патриотизма высшего типа, который человечеству не был известен до эпохи Ленина–Сталина. Советский патриотизм –дитя советского строя и советской идеологии, он вырос из искренней любви

народа к социалистическому отечеству, советскому строю и партии Ленина–Сталина» [316].

В постперестроечный период происходит ряд концептуальных трансформаций, и критическое отношение к советскому патриотизму явно начинает превалировать. В патриотизме видят результат идеологической обработки населения. Даже победу в Великой Отечественной Войне рассматривают как следствие патриотической традиции, которая была сформирована еще до революции 17-го года, никак не связывая ее с советской идеологией, соответственно вторая часть политического лозунга времен ВОВ «За Родину, за Сталина!» становится предметом стигмы.

Для конца 80-х начала 90-х годов характерным считается стремление советской элиты присвоить государственную собственность. Понятно, что эгоизм советской и постсоветской номенклатуры в этой гонке за стяжательство огромных состояний загнал патриотизм как мощный инструмент идеологического воздействия на далекие политические задворки.

Концепт патриотизма был подвергнут жесткой критике как часть идеологии уже развалившегося государства, а в контексте новой политики прозападных реформ нужда в этом концепте вообще отпала.

Ситуация начинает изменяться с середины 90-х. Здесь важно сделать небольшую ремарку. В рамках настоящего исследования фокус будет наведен на концептуальные сдвиги, которые произошли уже в независимом Таджикистане. Вполне резонным считаем следующее этому объяснение. Мы намеренно не стали описывать общественно-политические условия в Таджикской ССР, поскольку суть социализма исключает этнический фактор; соответственно, все решения таджикской советской элиты абсолютно по всем вопросам (политическим, экономическим, социальным, культурным, просветительским и пр.) принимались только с согласия Москвы. Поэтому при описании процессов, происходивших в СССР, мы, безусловно, имели в виду и Таджикистан, и Узбекистан, и Азербайджан, и другие союзные

республики, которые подчинялись центру. Отметим, что анализ национальной политики советских республик – это тема нескольких отдельных, самостоятельных исследований, а согласно целям и задачам данной научной работы, концептуальные сдвиги будут рассматриваться в локальном формате на примере уже суверенной Республики Таджикистан, то есть с 1991 года.

Итак, в Таджикистане концепт «Патриотизм» («Патриот») обретает новое звучание в классическом его определении (тот, кто предан своей Родине) во второй половине 90-х. Политический распад в республике, переросший в гражданскую войну (1992-1997), стал серьезным вызовом для таджикистанцев. Кровопролитие, длившееся пять лет, не закончилось бы победой правительственных сил, конституционного строя без патриотично настроенного нового руководства страны и гражданского населения. Концепт «Патриотизм» («Патриот») в условиях межтаджикского конфликта представлен не только действиями правительства республики, но и экспрессией и импрессией речей главы государства. Легендарная фраза Лидера нации – Эмомали Рахмона на XVI сессии Верховного Совета в ноябре 1992 года «Я принесу вам мир, и на этом пути я или умру или достигну поставленной цели» стала своеобразным, символическим возрождением концепта «Патриотизм» («Патриот»). Свои концептуальные позиции термин «патриотизм» укрепляет, благодаря еще нескольким фразам таджикского президента: «Я не успокоюсь, пока последний беженец не вернется на Родину, в Таджикистан»; «Будущие поколения никогда не простят нам этих могил, в которых лежат таджики, умершие на чужбине» (на встрече с таджикскими беженцами в Афганистане).

В качестве примера пропаганды национальной идентичности и, соответственно, патриотизма можно привести знаковую цитату таджикского лидера: «Сегодня мир нас знает и признает под названием «таджики», наше

государство — под названием «Таджикистан», а наш язык — под названием «таджикский язык». Сотни и тысячи выдающихся личностей, в том числе и гении, творили и писали на этом языке, оставили в наследство бессмертные сочинения» [331]

Важным считаем обратить внимание на уникальное явление на государственном таджикском телевидении – звуковое оформление заставки новостной программы «Ахбор» («Новости»). Традиционно за минуту до старта программы на экране появляется циферблат, стрелки которого отсчитывают оставшиеся 60 секунд до начала эфира, эта телекартинка сопровождается следующим аудиорядом: отрывком из гимна Республики Таджикистан (один из символов государственности), детскими голосами на школьном уроке (образование как государственный приоритет), вырезками из радио- и телепрограмм (как некий показатель свободы СМИ (на наш взгляд)), звучат и мужские, и женские голоса (отсутствие гендерной дискриминации) и словами Президента страны Эмомали Рахмона: *«Дуст Бошед! Иттифок бошед! Шукронаи анахамин сарзамин кунед! Шукронаи анахамин давлат кунед! Шукрона кунед, ки чунин Ватани азизу махбуб доред!» (*букв. перевод с тадж. *«Будьте друзьями! Будьте едины! Будьте благодарны за землю, на которой вы живете! Будьте благодарны за государство, которое у вас есть! Будьте благодарны за то, что у вас есть такая Родина!»).* Мы уверены, что эта беспрецедентная практика является одним из важнейших имплицитных инструментов по пропаганде национальной идентичности и государственной идеологии.

Ранее нами уже было отмечено, что в процессе концептуализации первостепенная роль отводится СМИ, которые являются мощнейшим инструментом пропаганды и агитации масс. Наблюдения показывают, что в массмедиа Таджикистана уровень частотности использования концепта «Патриотизм» («Патриот») и его деривационного, фреймового и сценарного рядов на порядок превышает число обращений к другим концептам.

Популяризация патриотических настроений прослеживается и в законодательной базе Республики Таджикистан, в частности Законах «О государственной службе» и «Об органах национальной безопасности», согласно которым на госслужбе и в органах безопасности не могут работать лица с двойным гражданством.

В актуализацию данного концепта, его правильную (не националистическую!) интерпретацию значимый вклад внес Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон. По мнению депутата Европейского Парламента Херберта Дорфмана, которое он выразил в своей статье, посвященной 24-й годовщине государственной независимости РТ, «благодаря последовательным усилиям Эмомали Рахмона в конце XX века Таджикистан был спасён от национальной трагедии и укрепил свою государственную независимость <...> Таджикская нация, спустя тысячелетие, добилась огромных достижений на пути национального возрождения...» [299].

Всё, представленное выше, ярко демонстрирует факт концептуального сдвига в отношении единицы «Патриотизм» («Патриот») в Таджикистане. Очевидно, что данный концепт в исторической проекции «пережил» несколько этапов – введение, расширение, ограничение, исключение, обновление – и на сегодняшний день является одним из основополагающих элементов таджикской политики как внутренней, так и внешней.

Полагаем, что представленная нами картина была бы неполной без обращения к трансформации семантики слова «патриот» ввиду политических противостояний постсоветского периода, когда лексему часто употребляли и продолжают употреблять в значении термина «националист». В классической трактовке националист – это сторонник какой-либо национальной идеи, осуществление которой направлено на сохранение независимости Родины и не затрагивает интересов других народов. Однако в

современном прочтении национализм часто смыкается с фашизмом, нацизмом. Известно, что сущность германского нацизма заключалась в том, что его идеологи провозгласили немецкую нацию высшей ценностью, ради блага которой можно было идти на все. Евреи и цыгане, африканцы и мулаты оказались людьми, подлежащими немедленному уничтожению; славян было решено оставить в живых в качестве дешевой рабочей силы [71, с. 92]. Ярким примером «националистической» коннотации патриотизма в Таджикистане могут послужить выдержки из публикаций СМИ первой половины 90-х:

Произошедшее – позор нации, пятно на всей ее многовековой истории. Только так я могу назвать погромы, учиненные подростками и молодежью , и лозунги, которые выдвигали толпы собравшихся. Таджикский народ всегда был известен своим дружелюбием и гостеприимством, и невозможно поверить, что приезд нескольких семей беженцев мог спровоцировать массовые беспорядки... («Коммунист Таджикистана» № 38(17981), 14.01.1990)

...Они добивались высылки из Таджикистана кавказских беженцев, для которых якобы выделили квартиры в Душанбе, что игнорирует интересы коренных жителей города («Коммунист Таджикистана» № 38(17981), 14.01.1990)

...Люди, подобные ей, разжигают межнациональную рознь, сеют семя раздора между таджикским и русским народами... («Вечерний Душанбе» №206(5847) от 28.10.1991г

...очень огорчает и тревожит отток русскоязычных специалистов. Многие из них родилась здесь. Отдали республике лучшие годы… («Бизнес и политика» №3, июнь 1992 г.)

...Люди с автоматами стали полными хозяевами города (Рогун. –Х.Т.) *при полном вакууме местной власти. Угрозы раздаются и по адресу русскоязычного населения Рогуна...* («Вечерний Душанбе» № 4(6138), 7.01.1993 г.)

...Более того, стало известно, что афганский комиссар насильно удерживал беженцев на этом острове, препятствуя законной переправе их на родину и

запугивая расправой со стороны российских пограничников... («Вечерний Душанбе» № 6(6140), 11.01.1993 г.)

Проблемы национализма поднимаются и сегодня:

«На бытовом уровне ухудшение положения русских Таджикистана нашли своё проявление в обострившейся ситуации в сфере межнациональных отношений, ростом национализма. Негативное отношение русское население высказало по поводу разрушения исторической памяти, русской (советской) субкультуры: уничтожения памятников, архитектурных комплексов, переименование улиц и городов <...>.Вместе с тем объективную почву для бытового национализма создает проблема трудовой миграции на территорию России таджиков... » [146, с. 5].

Анализ публикаций на предмет националистических настроений показал, что. несмотря на культивируемую в Союзе «дружбу народов», условия скрытого напряжения в межэтнических отношениях и негативного восприятия людей другой национальности все же сохранялись. Перестройка, бесспорно, повлекла за собой ослабление идеологических принципов и, как следствие, активизацию националистических течений, а крушение страны Советов привело к обострению и появлению новых проблем и противоречий практически во всех его бывших республиках и во многом содействовало росту национализма во всех частях бывшего Союза. Более того, обретя суверенитет, новые государства нуждались в идеологическом обосновании своей легитимности, и наиболее удобной для этого стала идеология национализма [71, с. 93]. В качестве примера приведем следующие выдержки:

Послы Израиля и Польши в Киеве выступили с совместным заявлением, осудив чествование основоположников украинского национализма, сотрудничавших в годы Второй мировой войны с гитлеровцами. 1 января в ряде городов Украины радикалы отметили 111 лет со дня рождения Степана Бандеры. По мнению экспертов, нынешние власти страны

*продолжают закрывать глаза на действия националистов, и воздействовать на них можно только путём экономических санкций [*285*].*

*Современный российский национализм – скорее мода некоторых молодежных субкультур, чем политическая сила. Он маргинализован и невнятен. В нем нет никакой внятной доктрины и весомых фигур [*292*].*

Национализм поднимает голову и становится модным трендом во многих странах мира. А как обстоит с этим в Казахстане? Понятно, что как серьезное движение казахские националисты не состоялись, это в основном какие-то разрозненные, конфликтующие между собой группы или люди. Но если посмотреть на посты и комментарии в соцсетях, то можно прийти к выводу, что идеи национализма становятся все более популярными среди наших (казахских. –Х.Т.) *соотечественников* [333].

День победы интернет-пользователям Киргизии омрачили местные националисты, устроившие провокацию с использованием нацистской символики. В сети Facebook, которая набирает популярность в стране, местные «патриоты» опубликовали изображение, оскорбившее пользователей ресурса. На черном фоне националисты изобразили свастику, сложенную из георгиевских ленточек, а под ней подпись: «Геноцид кыргызов: победа наша, символ – нет». Свою выходку сторонники нацизма сопроводили исторической справкой, в которой напомнили местным интернет-юзерам события 1916 года. Авторы изображения, размещенного в Facebook, пояснили, что под геноцидом они понимают «массовое переселение русских крестьян и их оседание в Киргизии...[284].

Националистические настроения нельзя назвать исключительно постсоветским явлением, эти идеи активно популяризируются в каждой стране мира, но, как правило, отличаются определенной латентностью ввиду поступательного развития международного сотрудничества по всем пунктам современной повестки.

Оценивая национализм с морально-этической точки зрения, следует признать его огромную историческую роль в становлении и консолидации многих наций и государств, в частности бывших советских республик. Многие достижения в литературе, искусстве, культуре и в ряде

гуманитарных наук были в значительной мере обусловлены национализмом [71, с. 88].

Таким образом, национализм есть не что иное, как сочетание идеологии и политики в их неразрывном единстве, которое способно создавать и разрушать государства, объединять и разделять людей. Исключение хотя бы одного элемента трансформирует его в чувство привязанности к своему народу, преданности своей родине, то есть «этические категории, сами по себе не обладающие реальной силой» [71, с.91].

В контексте полновесного концептуального звучания термина «Патриотизм» («Патриот») будет рассмотрен его логический континуум – масштабный идеологический проект под названием «Всесоюзная пионерская организация им. В.И.Ленина», который отличался исключительной по своей силе волной политической активности подрастающего поколения советских граждан и их национального самосознания.

Концепт «Пионер». Понять суть концептуального сдвига произошедшего с лексической единицей «Пионер» можно, проследив историю развития его содержательно-смыслового состава. Анализ лексикографических источников показывает обобщенный характер слова, представленный рядом обязательных признаков.

В соответствии со словарем А.Д. Михельсона (1866 г.) слово «пионер» – это *солдат, занимающийся возведением земляных укреплений, копанием рвов, постановкой мостов, проложением дорог.*

Далее, начиная с 1907 года данная словарная статья практически полностью дублируется, а расширение семантики происходит за счет фиксации общественно-политических реалий определенного периода времени (*в северной Америке – поселенец, проникающий вперед в девственные леса (скваттер) или вообще в новые, неисследованные еще места, чтобы здесь положить основание будущей культурной жизни;*

первые переселенцы в Америку, занимавшие еще неизвестные девственные места, где им пришлось много работать, чтобы заложить основы для менее трудной и менее опасной жизни будущих поколений.

Дефиниционный анализ в хронологической проекции (1866–2000 гг.) не показал принципиальной лексико-семантической эволюции данной единицы. Единственным новшеством стало определение пионера, как *члена массовой детской коммунистической организации, объединявшей в своих рядах школьников от 9 до 14 лет (в СССР и некоторых других странах)*. Именно это обозначение станет для нас концептообразующей интерпретацией данного понятия, так как оно формируют универсальный, инвариантный прототип, который является типичным для всех без исключения граждан советских стран середины – конца XX века. В их языковой картине мира слову «пионер» присваивается концептуальный статус, поскольку пионерская организация – это целая эпоха для советского человека, когда «мы жили плохо, но хорошо». В сугубо политическом срезе пионерию можно считать тщательно продуманной и мастерски реализованной частью идеологической пропаганды.

Проведем небольшой исторический экскурс. На II Всероссийской конференции комсомола было принято решение о создании в Советском Союзе пионерской организации. Пионерия просуществовала 69 лет, за это время в ее рядах побывало более 210 млн. человек. Считается, что у истоков пионерского движения стояла супруга вождя мирового пролетариата – Надежда Крупская, хотя, по сути, пионерская организация является прототипом западного скаутского движения, которое было «перепрофилировано» в соответствии с социалистическими политическими реалиями.

По всему Советскому Союзу процедура принятия в пионеры была, несмотря на свою протокольность, событием долгожданным, торжественным и волнительным. Обязательным символом пионеров был значок с

изображением Ленина в подростковом возрасте и красный галстук, который считался частичкой революционного красного знамени, следовательно, забота о галстуке – была делом чести.

Отметим, что у советских детей была возможность продвигаться по так называемой «карьерной лестнице» и развивать административные навыки уже с начальной школы – классы делились на «звездочки» (небольшие группы из 5-6 человек), в каждой назначался свой «звездный» председатель, из которых выбирался староста класса и его заместитель; назначались также ответственные за политинформацию, за соблюдение санитарно-гигиенических норм; совершенствовался институт «шефства», то есть наиболее перспективные старшеклассники Советом Дружины назначались вожатыми в младшие классы; соблюдалась четкая преемственность: октябрята – пионерия – комсомол.

Полагаем, данная стратегия была уникальным механизмом, позволявшим вести полноценную подготовку высокопрофессиональных кадров, которые бы продвигали политику партии и правительства.

Особый интерес представляет свод пионерских законов, где помимо общественных обязанностей, были прописаны бытовые нормы и поведенческие модели:

- пионеры стоят и сидят прямо, не горбясь;
- пионеры не курят; курящий пионер уже не пионер;
- пионеры стелют постели своими, а не чужими руками;
- пионеры моются тщательно, не забывая мыть шею и уши, чистят зубы и помнят, что зубы — друзья желудка;
- пьяный пионер позорит дружину;
- пионеры не держат руки в карманах; держащий руки в карманах не всегда готов (имеется в виду характерное положение полусогнутой правой руки на манер приветствия военных. –Х.Т.);
- пионеры помнят всегда свои обычаи и законы и пр.

По мнению Н. Крупской, воспитание будущих коммунистов, преданных Родине и партии, должно начинаться именно с вступление в ряды пионерской организации. Пионеры всегда были заняты общественно-полезными делами, направленность которых зависела от запросов страны в конкретный период времени. Например, 1950-е в стране ощущалась острая нехватка металла для развития тяжелой промышленности, и все советские пионеры собирали металлолом.

В СССР героями и ударниками труда были не только взрослые, этой категории почетных знаков удостаивались и пионеры. Сегодня, в эпоху тектонических концептуальных сдвигов, их имена забыты, хотя в свое время они были примерами служения Родине и были постоянными героями публикаций СМИ. Например, имя 11-летней таджикской пионерки Мамлакат Нахангговой навсегда вошло в историю советской пионерии. На сборе хлопка девочка за день приносила 70–80 кг. сырья (для сравнения взрослые в среднем собирали по 15 кг). В 1935 году в Кремле юной пионерке вручили высшую советскую государственную награду, а Сталин лично дал ей фотокарточку со своим автографом. Маленькая «стахановка» провела следующее лето (1936 г.) в лагере «Артек» – мечте всех советских пионеров, вершине детской самодеятельности, социальной активности.

О пионерах писалось очень много книг, но культовым произведением считается повесть А. Гайдара «Тимур и его команда» о группе пионеров, которые тайно делали добрые дела, по сути занимаясь волонтерством.

Существование всесоюзной пионерской организации официально завершилось 28 сентября 1991 года, однако во всех постсоветских странах были образованы ее аналоги. В Казахстане, например, функционируют Союз детских организаций Казахстана, общественное объединение «Союз детских общественных организаций «Жулдыз», общественное движение «Атамекен», «Союз скаутов Казахстана»; в Узбекистане – Общественное движение молодёжи Узбекистана «Камолот»; в Республике Туркменистан –

Молодёжная организация Туркменистана имени Махтумкули; в Беларуси – «Белорусская Республиканская пионерская организация». Все они являются самостоятельными, как правило, добровольными, общественными объединениями детей, подростков и молодежи, ориентированные на общечеловеческие ценности, представляющие и защищающее интересы и права своих членов.

В Республике Таджикистан в 1998 году при поддержке Министерства образования было создано Республиканское ученическое объединение, включающее в себя три (возрастных) ученических объединения «Ахтарон» (7–11 лет), «Ворисони Сомониён» (12–16 лет) и «Сомониен» (17–18 лет). В настоящее время эти объединения функционируют во всех образовательных учреждениях республики.

Лейтмотивом всех государственных детско-юношеских организаций является гражданско-патриотическое воспитание, то есть это целенаправленный, нравственно обусловленный процесс подготовки подрастающего поколения к функционированию и взаимодействию как гражданина и патриота. Государства–участники СНГ, на основе советского опыта, в полной мере осознают, что патриотическое воспитание – это не разовое мероприятие, а многоплановая, систематическая, целенаправленная и скоординированная деятельность. В нынешних условиях детские общественные объединения, возродившиеся после распада всесоюзной пионерской организации им. Ленина, вобравшие в себя лучший её опыт и традиции, эффективно работают в гражданско-патриотическом направлении, используя современные педагогические и методические подходы, адаптированные под общественно-политические условия конкретного государства.

Резюмируем: лексическая единица «пионер», безусловно, утратила свою концептуальную нагрузку и сегодня несет в себе лишь универсальный смысл, представленный выше в рамках дефиниционного анализа.

Естественно, это понятие продолжает оставаться неотъемлемой частью жизни граждан, рожденных в СССР, вызывая ностальгию по навсегда ушедшим временам, навевая воспоминания о беззаботном советском детстве. Поколение независимости воспринимает пионерию как сухую, протокольную историческую хронику. Однако в тех случаях, когда властями предпринимаются попытки «переписать» историю или в условиях исторической «амнезии», пропагандируемой главами отдельных государств, у постсоветских поколений не остается шанса узнать о мощнейшей идеологической практике – всесоюзной пионерской организации.

Таким образом, на примере двух концептов «Патриотизм» («Патриот») и «Пионер» нами был доказан факт наличия концептуальных сдвигов. Проведенный анализ подтверждает «текучее» состояние рассмотренных концептов, которое было обусловлено целым рядом экстралингвистических факторов. Общественно-политические условия определили алгоритм функционирования этих концептов – введение, расширение, ограничение, исключение, обновление, национализация, расширение. На настоящем этапе развития в Республике Таджикистан расширение концепта «Патриотизм» («Патриот») отмечено национальной спецификой, которая отражается в пропаганде национальной идентичности, что находит мощнейшую реализацию в отечественном массмедийном дискурсе.

Напомним, что вначале раздела отмечалось отсутствие универсальной трактовки понятия «концептуальный сдвиг», применимой с небольшой долей скептицизма к любой области научного знания. Формулировка целостной, емкой и при этом лаконичной дефиниции – это, безусловно, достаточно сложная задача не только в редакторском плане. Однако нами была предпринята попытка представить определение концептуального сдвига в соответствии с заявленными выше критериями. Так, концептуальный сдвиг, как представляется, выражается в «построении рассуждений представителей конкретного этноса (нации) и/или социальной группы в ключе

деятельностной парадигмы вследствие исторических изменений, произошедших в силу общественно-политических трансформаций». То есть в определенный исторический период трансформации любого толка, считаясь своеобразным «вызовом», заставляют общество дать «ответ». И социум, находясь под воздействием практически всегда агрессивной внешней среды и условиях непрекращающихся идеологических разногласий, меняет свои оценочные критерии, пересматривает и просчитывает (не без помощи СМИ) достижения и риски, в результате чего в языковой и информационной картинах мире происходят кардинальные изменения, в результате чего отдельные элементы этих картин утрачивают концептуальный посыл, а другие, наоборот, приобретают полновесное концептуальное звучание.

Исходя из этой формулировки, мы можем констатировать, что в рамках тридцатилетнего опыта государственного суверенитета в Республике Таджикистан произошел целый ряд концептуальных сдвигов во всех социально значимых сферах: экономика, культура, образование, здравоохранение и пр. Сам факт многочисленных концептуальных сдвигов и способы их репрезентации станут предметом анализа следующего параграфа, а в завершении этого раздела главы отметим, что первый этап концептуальных сдвигов в таджикском обществе, равно как и во всех бывших союзных республиках, приходится на последнее десятилетие XX века. Гражданская война тяжелым катком прошлась по судьбам миллионов таджикистанцев, что стало крупнейшим испытанием и трагедией в истории страны. В этой связи все концептуальные сдвиги в нашем обществе, так или иначе, связаны с этим противостоянием, которое считается и отправной точкой трансформаций, и точкой невозврата к тому периоду, когда таджикская государственность могла разбиться на мелкие политические осколки.

2.3. Объективизация концепта «Исламизм» в контексте политических трансформаций

Сегодня уже совершенно очевидно (хотя этот факт еще недостаточно отрефлексирован), что политическое развитие посткоммунистических стран может идти по множеству разнонаправленных траекторий. В посткоммунистическом пространстве складывается чрезвычайно широкий спектр политических режимов, структур распределения и воспроизводства власти, формируются разные политические системы [126, с. 64], хотя основополагающим элементом и результатом «политической палитры» постсоветских трансформаций, безусловно, является формирование национальной государственности. Данный трансформационный процесс направлен на преодоление существенных элементов старого порядка, выработку новых целей и формирование специфических способов их достижения и по своей сути нацелен на новое качество политической системы. Фундаментальным, однако не имеющем однозначного ответа в этом процессе является вопрос о том, стоит ли разрушать до основания все достигнутое до трансформаций или ограничиться реформированием отдельных элементов старого порядка. Неоднозначность ответа видится в уникальности общественно-политической обстановки в каждой отдельной стране на каждом отдельном этапе ее развития.

Другим серьезным фактором является проблема целостного, адекватного восприятия средствами массовой информации этих преобразований и их объективная проекция в медийном дискурсе. За относительно короткий в историческом масштабе период государственного суверенитета массмедиа каждой постсоветской страны столкнулись с пограничным временем концептуальных сдвигов – трансформацией «классического», чеканного варианта СМИ в новый «перекрестный», в

котором отражался разлом эпохи и стремление отойти от глубокой культуры и деликатной коммуникации.

Эта теория в полной мере может быть применена к процессу формирования отечественных СМИ периода независимости, который проходил в сложнейших условиях становления новой таджикской государственности – политические схватки февраля 1990 года, голодовки митингующих, активное вытеснение коммунистической партии с лидирующих позиций, повышение роли и авторитета религии и религиозной элиты, давление на законодательный орган, волны политических противостояний, начало гражданской войны. Повестка массмедийного политического дискурса того периода диктовалась митингами, военно-политическим, социальным и гуманитарным коллапсом. СМИ, рефлексируя все возникающие противоречия, преднамеренно/неосознанно формировали определенный вектор общественного мнения, регулировали потоки передаваемой информации, меняя интенсивность и оценочность освещения какого-либо политического события и действий его участников. При этом необходимо выделить и реверсный путь – медийный дискурс диктовал, навязывал, регламентировал политический климат в республике, определял сценарий развития событий.

В этой связи правомерны, на наш взгляд, суждения М.Р. Желтухиной о том, что «политика и массмедиа давно тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. В СМИ политика является одной из самых важных тем. Взаимодействие массмедиа и политической идеологии состоит в том, что СМИ могут поддерживать или, наоборот, подрывать уже существующие в обществе политические структуры. Поскольку источники новостей транснациональны, то они неизбежно связаны с политикой тех стран, откуда они поступают» [61, с. 40].

Эту же взаимосвязь видит М.А. Мукимов: «Средства массовой информации не только пропагандируют, созидают, поддерживают, но и

разрушают, дезинформируют, борются, воюют, издеваются, возвышают, а иногда ниспровергают. Они – необходимая часть сложной политической машины. <...> В целом, современные органы информации превратились в самое мощное средство идейно - политического воздействия на население земного шара, причем средство исключительно массовое, охватывающее одновременно беспрецедентное в истории число людей» [132, с. 3]

Важно отметить, что для выявления концептуальной трансформации в специфике репрезентации политических событий целесообразно идентифицировать дискурсивные аспекты самой политической деятельности, в рамках и под воздействием которой и формируется политический дискурс. Так, в качестве эмпирической базы будут выступать тексты русскоязычных печатных СМИ Таджикистана, на основе которых представляется возможной попытка проследить политические преобразования, произошедшие в республике с момента приобретения ею государственного суверенитета. Тема политических трансформаций представлена огромным массивом материала, накопленного за почти тридцатилетнюю историю СМИ периода независимости, и провести подробнейший контент-анализ каждой публикации на предмет освещения ею реформ этой сферы не представляется возможным. В этой связи проанализированный политический медиадискурс будет условно разбит на отдельные концептуальные блоки (концепты «Исламизм» (данный параграф), «Гражданское общество» (§ 2.4), «Национальная идентичность» (§ 2.5)), охватывающие основные вехи политических инноваций.

В каком бы ракурсе не изучалась общественно-политическая ситуация в независимом Таджикистане, ислам становится отправной точкой этих дискуссий, а инновационный термин «исламизм» (термин получил широкое распространение после исламской революции 1979 года в Иране, а также в процессе формирования джихадистского движения в ответ на вторжение советских войск в Афганистан) входит в тезаурус данных диспутов.

Исламизм, вслед за исламоведом М.Ф. Муртазиным, мы воспринимаем как «политический феномен, целью которого является обустройство жизни мусульманского сообщества на социальных и правовых нормах, содержащихся в отдельных, но отнюдь не фундаментальных положениях Корана и Сунны. Исламизм является политической надстройкой по отношению к религиозной системе ислама» [137, с. 110].

Рассуждая о распространении исламизма на постсоветском пространстве, М.Ф. Муртазин говорит о том, «религиозный потенциал таджикского общества был использован в политических целях после 1991 года» [136, с.112]. Ученый объясняет это тем, что слабое распространение русского языка среди сельских жителей отдаленных районов давало им иммунитет от воздействия коммунистической и атеистической пропаганды, которая распространялась преимущественно через русскоязычную прессу, радио и телевидение. Соответственно, ислам оставался важным духовным устоем жизни населения в большинстве труднодоступных и горных районов. В крупных городах, таких как Душанбе, Ленинабад (современный Худжанд), Курган-Тюбе, Куляб превалировала атеистическая идеология, но высокая степень религиозности населения в условиях постоянного притеснения религиозных свобод и господства атеистической государственной политики порождала недовольство со стороны наиболее бедных слоев населения Таджикистана, проживавших в сельской и горной местностях» [136, сс. 111-112].

Тема исламизма стала одной из центральных в печатных СМИ начала 90-х. и продолжает сохранять этот статус до сегодняшнего дня. Однако за тридцатилетний период независимости Таджикистана эти публикации неоднократно изменяли своё коннотативную плоскость. Изначально авторы достаточно деликатно подходили к освещению этой тематики, придерживаясь определенного нейтралитета в оценках

В частности, в газете «Вечерний Душанбе» в выпуске под № 190

(5829) от 1.10.1991 года на первой полосе в рубрике «Взгляд» опубликована статья – размышление «Бояться ли человека с площади?» о социально-гуманитарных последствиях февральских митингов, прошедших 12 февраля 1990 года в центре таджикской столицы.

Р.Симонов, автор материала, пытается критически осмыслить ситуацию, и в этих попытках неоднократно упоминает исламский фактор, однако коннотативно это явление не представлено в негативной проекции: «*... События февраля породили синдром страха во многих из тех, кого объединило невнятное определение «русскоязычное население»... Нет* (ответ на вопрос– заголовок статьи. –Х.Т.) - *если вопрос адресован тем, кого продолжают запугивать бесчинствами «кучки экстремистов и отщепенцев»..... Разные люди пришли на площадь - по возрасту, мировоззрению, вероисповеданию...* »

Попытки серьезного анализа исламистских настроений в таджикском социуме были предприняты С.Ибрагимзаде в статье «Ваххобизм и исламская партия». Автор хочет убедиться и убедить читателя в том, что «*движение предводителей ваххобистов республики Химматова А. и Гадоева С. и подобных не чисто религиозное, а является тонко продуманной политической провокацией с целью создания исламского государства на территории республики.... Враждебные акции, проведенные так называемыми муджахедами, а на самом деле разбойниками из «Исламской партии Афганистана» на территории Таджикистана (в Калайхумском, Ленинградском, Пянджском районах), привели к тяжелым последствиям, в том числе и человеческим жертвам.... Нельзя умолчать и о том, что в самом начале февраля «Растохез» стал распространять слухи о митинге, который собираются проводить 17 февраля. Ученые мужи этой организации (прославившиеся дурными поступками, дурными словами и дурными помыслами своей бульварной газетенке, не выдержав ныне народного гнева, бегут по одному в Демократическую партию и, не дай Бог,*

запятнают и ее) хотели использовать рвущихся к власти мулл в лице ваххобитов – это факт... » [370].

Эта же газета под № 206(5847) от 28.10.1991 года в рубрике «Резонанс» в очередной раз поднимает исламскую тему: «Мы защитим своих русских братьев». Материал является ответом на статью С. Касымовой, которая *«опубликовала такое ярое, проникнутое националистическим духом письмо*» о своей ненависти к русским. «... *На моих глазах 12 февраля группа озверевших молодчиков избивала девушку – таджичку только за то, что она была одета по-европейски. Неужели С. Касымова думает, если она с готовностью оденет платье и штаны, то она от этого станет истинной мусульманкой? Нет, мусульмане никогда не разжигали вражду и рознь между народами.... Люди, подобные ей, разжигают межнациональную рознь, сеют семя раздора между таджикским и русским народами...*»

В газете «Коммунист Таджикистана» (Орган Центрального Комитета Компартии Таджикистана, Верховного Совета и Совета Министров Таджикской ССР) № 38 (17981) от 14.02.1990 была опубликована статья Д. Исмоилова, заведующего кафедрой алгебры и теории чисел ТГУ, кандидата в народные депутаты республики по Карабаевскому округу №33, «Прислушайтесь к голосу разума», в которой автор называет *«произошедшее - позором нации, пятном на ее многовековой истории*», имплицитно затрагивая вопросы исламизма: «*национальный вопрос – это один из главных пунктов программы кандидатов в народные депутаты. <...> Мы и помыслить не могли о распределении ящиков и мешков по национальному признаку. <...> Им можно внушить все, что угодно, сыграть на национальных чувствах...* ».

Уже весной 1990 года в «Коммунисте Таджикистана» (10 мая 1990г.) был представлен Проект за демократизацию и гуманизацию общества (платформа Компартии Таджикистана к XXI съезду КП Таджикистана), в

котором под пунктом 5 шло положение «Национальная политика – составная часть перестройки», где отмечается, что «*решение хозяйственных, социальных, культурных проблем само по себе не снимает всех проблем в межнациональных отношениях. У них есть свои специфические причины, устранение которых требует целенаправленных действий именно с сфере национальной политики...*». В документе представлены три основных направления по «гармонизации межнациональных отношений» – 1. в области самоопределения нации; 2. в области развития автономных образований и 3. в области прав наций и прав личности.

В рамках рассматриваемого документа концептуальный смысл приобретают такие понятия, как *патриотизм, нация, историческое сознание, национальная культура, национальная общность, религиозная ассоциация,* которые следует считать некой отправной точкой в процессе политических трансформаций в Республике Таджикистан.

Учитывая тот факт, что ислам исповедуют подавляющая часть жителей республики и наступившие перемены, которые принес трагический февраль 90-ого, в начале осени этого же года в Душанбе открылся исламский институт. В Таджикистане на тот момент функционировало около *«80 мечетей, но далеко не во всех из них работают люди, имеющее соответствующее образование... В институте будут изучаться не только религиозные дисциплины, но и история религии, культура Таджикистана, наследие великих поэтов Востока. Духовный вуз будет стремиться дать своим выпускникам всестороннее образование...* » [375].

Это учебное заведение функционирует до сих пор, его официальное название – Таджикский исламский институт имени Имама Аъзама – Абуханифа Нуъмона ибн Собита (ТИИ имени Имама Аъзама). В честь Имама Аъзама названа и медресе в Худжанде.

Отметим, что вопросы формирования национальной идеи таджиков и рассмотрения религии как части государственной концепции по

модернизации продолжали оставаться актуальным и 19 лет спустя после открытия исламской высшей школы в столице, в рамках которых неизменно затрагивается проблема выбора интерпретации исламского наследия. Так, Для Таджикистана, где 97% населения являются последователями ханафитского толка в исламе, именно это учение и его основатель – имам Абу Ханифа Нуман ибн Сабит, известный как Имоми Аъзам (Великий Имам), стали предметом внимания и изучения [375]. Учитывая исторические заслуги Абу Ханифы, 15 сентября 2008 года Президент Республики Таджикистан издал Указ «Об объявлении 2009 года – Годом памяти Великого Имама»: «*Абу Ханифа относится к тем выдающимся личностям, которые сыграли уникальную роль в формировании и совершенствовании национальной культуры, самобытности и аутентичности таджикского народа*» [382].

Февраль 90-го года, несмотря на жесткое осуждение митингов государственными СМИ, стал началом политической и социально-экономической депрессии, которая погрузила в состояние стагнации практически все государственные институты власти. Бесспорно, представленные выше выдержки не дают целостной картины происходившего с учетом развития социально-политической обстановки в республике, нами также не ставится цель осветить все аспекты этого вопроса. Напомним, что наша задача состоит в анализе освещения «исламского фактора» в русскоязычных периодических изданиях Таджикистана, однако в рамках исследования мы посчитали целесообразным обратиться к публикациям одного из российских изданий – газете «Известия», которая практически в каждом своем номере освещала таджикский вопрос. Например, только во второй половине 1992 года (судьбоносный этап для республики ввиду избрания ныне действующего Президента страны, Лидера нации – Эмомали Рахмона) в газете был опубликован массивный пласт материалов о РТ: «Резиденция президента Таджикистана в осаде.

«Третья сила» требует его отставки» (№ 197 (23771) от 3.09.1992); «Рахмон Набиев подал в отставку», «Курган-тюбе – город мертвых» (№ 200 (23774) от 8.09.1992); «Таджикистан: День независимости в условиях гражданской войны» (№ 202 (23776) от 10.09.1992); «В районы конфликта введены войсковые подразделения», «Караваны смерти» (№ 209 (23783) от 19.09.1992); «Напряжение в горячих точках Таджикистана не спадает» (№ 210 (23784) от 22.09.1992); «Власти Таджикистана ставят ультиматум противоборствующим сторонам» (№ 211 (237835) от 23.09.1992); «Кыргызстан протягивает руку помощи соседям (Таджикистану. –Х.Т.)» (№ 215 (23789) от 29.09.1992); «Таджикистан: Число жертв измеряется тысячами. Сторонники Набиева объявлены "предателями"» (№ 216 (23790) от 30.09.1992); «Российские военные уничтожают в Таджикистане украденные у них танки» (№ 217 (23791) от 1.10.1992); «Таджикистан: Акции протеста против братоубийственной войны« (№ 218 (23792) от 2.10.1992); «В Душанбе резко увеличилось число беженцев» (№ 219 (23793) от 3.10.1992); «Таджикистан: временное затишье» (№ 220(23794) от 6.10.1992); «Беженцы из Курган-тюбе протестуют против прибытия российских войск» (№ 221 (23795) от 7.10.1992); «Российская дивизия уйдет их Таджикистана» (№ 222 (23796) от 8.10.1992); «Ввод голубых касок в Таджикистан становится реальным» (№ 223 (23797) от 9.10.1992); «Генерал Ашуров: 201 дивизия остается в Таджикистане» (№ 224 (23798) от 10.10.1992); «Президент Афганистана Б. Раббани обещает в Ташкенте перекрыть пути поставки оружия в Таджикистан» (№ 227(23801) от 15.10.1992); «Еще одна трагедия в Таджикистане» (№ 238 (23812) от 30.10.1992); «В Таджикистан прибывают личные представители глав государств СНГ» (№ 241 (23815) от 4.11.1992); «Таджикистану помогут соседи» (№ 243 (23817) от 6.11.1992); «Власти Таджикистана уходят в отставку» (№ 246 (23820) от 12.11.1992);

«Таджикистан: Призыв к миру не услышан» (№ 247 (23821) от 13.11.1992); «Таджикистан: Принесет ли сессия парламента мир» (№ 249 (23823) от 17.11.1992); «Сессия парламента Таджикистана не может начать работу» (№ 250 (23824) от 18.11.1992); «Народное собрание Таджикистана принимает программу выхода из кризиса» (А. Карпов, О. Латифи) (№ 251 (23825) от 19.11.1992); «Снова убивают на улицах Душанбе» (А. Карпов, О. Латифи) (№ 252 (23826) от 20.11.1992); «Из Таджикистана раздается призыв о миротворческой помощи» (А. Карпов, О. Латифи) (№ 253 (23827) от 21.11.1992); «Таджикистан: Парламент созывает полевых командиров» (№ 255 (23829) от 25.11.1992); «Таджикистан: Появилась надежда на перемирие» (№ 257 (23831) от 27.11.1992); «Бои идут на окраине Душанбе» (№ 263 (23837) от 8.12.1992); «Таджики, спасаясь от гибели, бегут в Афганистан» (№ 266 (23840) от 10.12.1992); «В Душанбе снята блокада железной дороги» (А.Карпов, О. Латифи) (№ 269 (23843) от 15.12.1992); «Таджикистан: нормализация далека» (А. Карпов, О. Латифи) (№ 276 (23850) от 24.12.1992); «Беженцы на таджикско–афганской границе – проблема двух стран» (№ 279 (23853) от 29.12.1992).

Итак, по мере «раскручивания» событий (о чем свидетельствуют приведенные выше названия публикаций) вопрос исламизма, представленного в лице Объединенной Таджикской Оппозиции, получает в СМИ, в частности в «Известиях» уже однозначно негативную трактовку. Так, 5 сентября 1992 года корреспондент этой российской газеты А. Луговская в статье «Политический кризис в Таджикистане был неизбежен» пишет, что «*в политической жизни республики все более сильное влияние приобретает, в отличие от либерально демократической идеи, исламская ориентация. Исламская партия возрождения, возникшая в 1990 году. в условиях подполья, на сегодняшний день имеет хорошо отлаженные структуры, разветвленную сеть первичных организаций*

на местах, своих представителей в правительстве и большое влияние среди населения, получившего после десятилетий религиозного «табу» возможность исповедовать свою исконную религию. Хаос в структурах власти, религиозный голод, а также идеологизированное массовое сознание, готовое взамен коммунистической идеи к восприятию исламской - все это может выдвинуть исламскую партию возрождения на первые роли в политическом процессе. В ГБАО, в гармской группе районов исламисты, к примеру, не скрывают, что в перспективе видят Таджикистан исламской республикой… События в Курган-тюбе имеют политическую и местническую подоплёку, являясь продолжением двухмесячного противостояния на площадях Озоди и Шахидон. Отряды из Куляба поддерживают президента Набиева, полевые командиры Курган-тюбе – оппозицию, состоящую в основном из демократов и исламистов» [374]. Для Луговской *«совершенно очевидно, что в нынешней трагической ситуации, способной надолго дестабилизировать обстановку не только внутри, но и за пределами республики, Таджикистану нужен общенациональный лидер. Но его, увы, пока нет*» [374].

Представленный выше перечень публикаций газеты «Известия» и данную выдержку из статьи А. Луговской можно считать относительно объективным представлением того, насколько глубоким был на тот момент кризис власти и как несостоятельны были все государственные институты в вопросе стабилизации сложившейся ситуации. Об объективности свидетельствует и то, что данное издание в условиях начальной стадии государственного суверенитета всех союзных республик и отсутствия в этой связи политических притязаний разного толка наделено статусом стороннего наблюдателя.

Помимо этого, представленная хроника, несмотря на то, что в ней нет ни одного упоминания имени Президента Республики Таджикистан –

Эмомали Рахмона, наглядно демонстрирует высокую степень его гражданской позиции и ответственности, безграничную любовь к Родине, поскольку именно он возглавил обессиленную и разоренную войной, тонувшую в собственной крови республику и произнес легендарную фразу «Я приведу вас к миру» («Я принесу вам мир») на XVI Сессии Верховного Совета в ноябре 1992 года.

Об этих качествах таджикского лидера говорил в своем интервью Е. Белов – Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в РТ в преддверии президентских выборов 1999 года в республике: – «*Я любого и каждого, кто будет делать выбор в РТ и оценивать Рахмонова, попросил бы задать себе один вопрос: «А ты бы взялся быть на его месте?» Попробуй прийти к власти, когда в стране идет гражданская война, разруха, никаких перспектив, недостатков - тьма, опыта управления государством – нет. Я бы никому не позавидовал, взявшемуся быть на месте Рахмонова в 1994,1995 годы и далее. А он – взялся. Сделал. И сегодня, это мое личное мнение, не как дипломата, это прекрасная кандидатура на пост Президента РТ и для того процесса, который переживает Таджикистан. Конечно, есть недостатки у этого процесса, также как и у Рахмонова. Но надо судить по тому, что им сделано. Главное - достигнут мир в стране*» [376].

Отметим, что по заголовкам материалов СМИ, в частности общественно-политической и деловой ежедневной газеты «Известия», не говоря уже об их содержании, вполне реальной представляется попытка проследить концепцию политических преобразований в республике (что будет сделано в заключении настоящего параграфа), хотя относительно рассматриваемого периода более релевантным можно считать словосочетание «военно-политические трансформации», в которых исламский фактор, как показал контент-анализ всех этих публикаций, занимает одну из ключевых позиций.

В таджикской прессе регулярно поднимался вопрос о виновных таджикской трагедии и о степени их ответственности: сообщалось о том, Генеральный прокурор РТ М. Салихов 7.01.1993 года возбудил уголовное дело в отношении духовного главы таджикских мусульман Ходжиакбара Тураджонзода, председателя Демократической партии Таджикистана – Шодмона Юсуфа, заместителя председателя Исламской партии возрождения, бывшего вице-премьера республики Давлата Усмона и ряда других лиц. *«Они обвиняются в том, что, являясь руководителями религиозных и общественно-политических организаций, в апреле - мае прошлого года* (1992 г. –Х.Т.) *вступили в преступный сговор с целью захвата власти и свержения законно избранных структур власти. Более того, вышеуказанные лица создали незаконные вооруженные формирования в республике и по сути развязали братоубийственную войну...»* [364].

Исламизм рассматривается как основная причина таджикской трагедии и в статье А. Абдуллаева «Трагедия и величие человека и нации», опубликованной в газете «Голос Таджикистана» в августе 1993 года, спустя год после убийства Генерального прокурора республики Н. Хувайдуллаева «...*После этого подлого убийства всем стало ясно, что исламская оппозиция не остановится ни перед чем, лишь бы поскорее взять власть в свои руки на территории всей республики и развернуть массовый геноцид собственного народа за его неприятие фундаментализма ваххабитского толка. Однако враги добились одного – мужественная смерть Хувайдуллоева и отчаянные действия хатлонского сопротивления заставили честных людей республики консолидироваться и образовать Народный фронт Таджикистана, который выполнил свою историческую миссию и, разгромив вооружённые банды исламских фундаменталистов, вышвырнул эту нечисть за пределы Республики Таджикистан*».

В 1994 году тон публикаций на исламскую тему приобретает тенденцию к изменению в свете начала (точнее 2 раунда) межтаджикских переговоров, когда руководители ОТО (Х.А. Тураджонзода и М. Химматзода) согласились-таки принять участие в диалоге о мире. Переговорный процесс пережил много кризисных моментов и нередко срывался по разным причинам; каждый раунд этого межтаджикского диалога отличали свои уникальные особенности, и 27 июня 1997 года переговоры подошли к своему логическому завершению – подписанию Общего соглашения о мире и национальном согласии.

«Хрупкость» процесса межтаджикских переговоров была обусловлена нестабильностью позиций ОТО в отношении установления мира в республике. В частности, общественно-политическая и экономическая газета «Бизнес и политика», которая сыграла весьма активную роль в вопросе освещения хода гражданской войны, ее последствий, переговорного процесса и деятельности Комиссии по национальному примирению, в июне 1999 года опубликовала интервью Чрезвычайного и полномочного посла Российской Федерации в Республике Таджикистан Е.В. Белова (3.10.1996 - 28.04.2000) «Дорога к миру в Таджикистане приведет к национальному единству», где дипломат констатирует следующий факт: «*Очень жесткие условия были выдвинуты оппозиционной стороной. Практически на грани ультиматума правительству*» [366].

В этом же аспекте примечательно мнение руководителя правительственной делегации Шукурджона Зухурова, высказанное им в специальном интервью для газеты «Бизнес и политика»: *«...Со стороны оппозиции ощущался иногда не совсем конструктивный подход, создавалось впечатление, что там больше стремления, пользуясь моментом, уважить личные амбиции, высказать личные обиды. Считаю подобное отношение просто спекулятивным, особенно, если принять во внимание важность этих*

переговоров для всего таджикского народа. Ощущался несерьёзный подход к ним» («Бизнес и политика»18.07.1994 г.).

По истечению времени, когда темпы таджикского миростроительства набрали серьезные обороты и все риски возврата к нестабильности государственной системы и всех ее институтов стали практически нереальными (о чем в июне 1997г. говорил Т. Назаров «Оснований бояться хаоса и возвращения к войне нет» [386]), исламизм продолжал оставаться лейтмотивом дискуссий в СМИ. Если ранее деятельность исламистов могла трактоваться двояко в связи с участием представителей Объединенной таджикской оппозиции в диалоге о мире, в частности отмечалась конструктивная роль С.А. Нури в успешном исходе переговоров *(«Контактная группа высоко отозвалась о роли председателя А.Нури, который действовал в духе достижения согласия*» [366]), то с начала нынешнего столетия и посей день исламская тема вызывает неизменно отрицательный шквал эмоций, оценок и прогнозов, поскольку симультанно с исламизмом в качестве полных синонимов стали использоваться термины «терроризм», «экстремизм», «радикализм», «шовинизм», «сепаратизм», «фундаментализм». Во многом это обусловлено и крупнейшим по числу жертв терактом, совершенным в США 11 сентября 2001году.

Таджикские СМИ также следуют этой мировой тенденции, поскольку республика является неотъемлемой частью мирового сообщества и полноправным членом целого ряда международных политических объединений – СНГ, ООН, ШОС, ЕвраАзЭС, ОБСЕ, МВФ, ОДКБ и др. На регулярных саммитах, проходящих в рамках деятельности этих специализированных организаций, исламская тема всегда включается в повестку, в том числе и ввиду общей границы между Таджикистаном и Афганистаном, которая служит источником проникновения из ИРА в РТ и далее через центрально-азиатские страны в Россию опиатов и героина, а также исламских экстремистов.

Тема исламизма, терроризма и экстремизма создавала минусовый резонанс в отечественных СМИ и после подписания соглашения о таджикском мире. В частности в праздничном номере № 36(250) «Бизнеса и политики» за сентябрь 1997 года, посвященном Дню Независимости республики, в рубрике «Общество» опубликовано интервью с руководителем комитета по делам религии С. Ахмедовым «Исламский экстремизм – опасения обоснованы, но его можно и избежать». С.Ахмедов затрагивает такие аспекты, как дифференциация понятий «религия» и «государство», определяя природу религиозной нетерпимости, религиозной культуры, исламского фундаментализма и фанатизма.

Отдельным пунктом в этом вопросе следует затронуть «вопрос портфелей», который в свое время стал причиной войны в РТ и всех – до и после – конфликтов. В частности представитель ПИВ Х.А. Тураджонзода на сентябрьских митингах 1991года, будучи народным депутатом республики, официально объявил, что «*не будет баллотироваться на пост президента и считает, что место религии в нравственном и духовном воспитании людей, а не в насильственном захвате власти...*» [396]. Вопрос реформирования правительства, то есть предоставление 30-ти процентной квоты представителям ОТО также спровоцировал бурные дискуссии в СМИ республики.

Анализ отечественного медийного дискурса показывает, что понятие «исламский фактор» является активным фигурантом речей Лидера нации, Президента страны Эмомали Рахмона, в которых лексема «исламизм» используется в контексте не только самого драматического эпизода истории Таджикистана, но и в плане глобальной угрозы, как дестабилизирующий фактор, а концепт «национальный интерес» неизменно обозначен в качестве основного фактора при расстановке фигур на политической доске независимого Таджикистана: «...*Свобода совести не означает злоупотребление религией и религиозными чувствами народа.*

Злоупотребление религией стало причиной появления таких выражений, как «религиозный экстремизм», «исламский экстремизм» и др. На самом деле отнесение экстремизма к правоверному исламу не имеет другой цели, кроме преследования политической выгоды, очернения ислама и мусульман… Интересы нации и государства требуют борьбы с экстремистскими организациями, партиями в рамках закона и защиты прав и свободы народа...» [363].

Глава государства при этом обращает внимание на недопустимость сочетания слов «ислам» и «терроризм»: «*Сегодня в политической лексике мирового сообщества и политологов некоторых стран часто используются такие понятия, как «исламский терроризм», «исламский фундаментализм», «исламист». Эта тенденция приводит к возникновению в сознании населения планеты ненависти к светлой религии ислама и мусульманским народам*» [357].

Это, действительно, очень точное замечание, которое имеет под собой огромное количество достоверных фактов. В частности, в статье «Курган-тюбе - город мертвых», опубликованной в газете «Известия» (№ 200 (23774) от 8.09.1992) Вадим Булых и Николай Бурбыга пишут, что «*…все эти дни* (август 1992 г. –Х.Т.) *в городе* (Курган-тюбе. –Х.Т.) *идут бои. Отряды оппозиции закрепляют успех… Невиданная жестокость стала за эти дни обычным делом в этих местах. Такое впечатление, что в глумлении над живыми людьми участвуют долго практиковавшие профессионалы. Снимают скальпы, кастрируют, через маленькую дырку в темени извлекают у живого человека мозг, рвут ногти. Впрочем, в боевых действиях участвуют и наемники, … действуют отряды афганцев. Документы одного из них, убитого в бою, нам удалось достать. Есть литовцы, жители Санкт-Петербурга. Этому тоже есть документальное подтверждение. Очевидцы утверждают, что*

сталкивались с латышами, чеченцами, арабами-инструкторами. Насколько достоверны эти сведения, не беремся судить…» [360]

И. Асадуллаев, автор статьи «Политический акцент языка миротворчества», подчеркивает, что «*религиозный экстремизм бывает и «христианским», но не имеет отношения к христианской религии. Точно также обстоит дело и с фундаментализмом*» [357].

Еще в 2004 году в своем Послании Парламенту страны Президент Эмомали Рахмон говорил, что *«Центральная Азия является органической частью исламской цивилизации. Вместе с тем, конечно, мы не приемлем и не признаем организаций, которые прикрываясь исламом, занимаются террористической и экстремистской деятельностью, поскольку их разрушительная и губительная деятельность в корне противостоит духу и принципам ислама и одновременно дает повод некоторым безответственным политикам увязывать учение ислама с таким отвратительным явлением как терроризм. Мы в Таджикистане хорошо знаем, что из себя представляют религиозный экстремизм и терроризм*» [357].

Однако антимусульманская и, соответственно, антиисламская реакция всего христианского мира на события 11 сентября 2001 года и на сегодняшний день популяризирует, в том числе и в прессе, как элитарной, так и в массовой апелляцию к таким терминам, как «исламизм», «исламский экстремизм», «исламский радикализм» и прочим производным от слова «ислам», носящим крайне негативную коннотацию.

Анализ публикаций в отечественной прессе свидетельствует о том, что кардинальной переоценки в этом вопросе не произошло и десять лет спустя. В частности, в газете «Азия -плюс» № 43(632) от 8.06.2011 года было размещено интервью с таджикским ученым Абдулло Хакимом Рохнамо по поводу выхода в свет его книги «Ислам и национальная безопасность в Таджикистане». По мнению исследователя, «*об «исламском факторе» и о*

таджикском обществе невозможно говорить как о двух отдельных вещах. Само наше общество с 99% мусульманского населения и является исламским фактором». О ныне (2021г.) запрещенной в республике Партии исламского возрождения Таджикистана в этом интервью А. Рохнамо говорит, что «*ПИВТ играет роль легального канала социализации огромного потенциала политического ислама в Таджикистане и таким образом вносит в укрепление национальной безопасности.... Без ПИВТ мы бы столкнулись с массовым проявлением радикализма и с исламским активизмом партизанского характера...* » [367].

В другом номере этой же газеты опубликованы три знаковые статьи. Первая – «Уйдет ли «Хизб-ут-Тахрир» из Таджикистана?». Поводом стал арест двоих региональных лидеров экстремистской организации «Хизб-ут-Тахрир», а главными вопросами – рост активности организации и эффективность правоохранительных органов [392]. Вторая, политолога А. Мамадазимова, – «Уроки арабской весны», в которой автор, анализируя причины революций в арабском мире, рассматривает по меньшей мере три варианта обновления власти, последний из которых носит название «таджикская модель» [393]. Темой номера стала третья статья корреспондента Х.Мирсаидова «Журналист обвиняется в экстремизме», посвященная аресту журналиста узбекской службы радио Би-Би-Си в Согдийской области Урунбоя Усмонова по обвинению в «*членстве в запрещенной на территории РТ экстремистской партии "Хизб-ут-Тахрир*"» [378]. Автор материала отмечает, что «*арест журналиста вызвал широкий резонанс в мире и в самом Таджикистане... Журналистов часто обвиняют в том, что они пишут однобокие материал, не давая высказаться в них всем заинтересованным сторонам. Собирая информацию о деятельности «Хизб-ут-Тахрир» У. Усмонов избежал этой ошибки, он взял интервью у лидера экстремистов. Однако теперь он официально обвиняется в распространении идей «Хизб-ут-Тахрир» в своих материалах. Что касается*

слова «брат», которым якобы называли Усмонова члены «Хизб-ут-Тахрир», то если это слово имеет отношение непосредственно к «Хизб-ут-Тахрир», может быть стоит законом запретить использовать это слово в повседневной жизни? В противном случае, каждый второй гражданин Таджикистана может быть обвинен в экстремизме» [378].

Активизируется полемика и вокруг «сирийского вопроса»: «*Власти признают факты участия таджикских граждан в сирийской войне и даже привлекли к уголовной ответственности некоторых из них. В начале марта (20014 г.) милиция сообщила о задержании Давлатали Чолова, брата бывшего командира Народного фронта Курбона Чолова. По версии правоохранительных органов, Давлат занимался набором рекрутеров для джихада в Сирии...*» [399] Отметим, что в данной выдержке из статьи «С чем вернется «Джамаат Сабири» в ЦА?» проводится четкая параллель между событиями гражданской войны 1992-1997 годов в РТ и сегодняшними реалиями. В контексте этой публикации представлена и позиция известного богослова, политика, представителя ОТО и ПИВТ Х.А. Тураджонзода относительно принципов джихада: «*Если немусульманская страна нападает на мусульманское государство, и мусульмане этой страны не в силах оказать сопротивление оккупанту, то тогда мусульмане из других государств могут принять участие в этой войне, но в Сирии наблюдается другая ситуация...*» [399].

В блоках политических новостей и национальной безопасности постоянной темой стала деятельность запрещенной во многих странах террористической организации, пропагандирующей идеи радикального исламизма – Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ).

В «Народной газете», например, опубликована статья «Зловещий нахзат», в основу которой положен рассказ молодого человека из Вахшского района, оставшегося в живых среди 26 казненных сторонниками запрещенной в РТ Партии исламского возрождения, *братьями по вере и*

идеологии с ИГИЛ [377]. В статье снова приводится корреляция с гражданским противостоянием 90-х.: «*В конце мая 1992 г. <...> в Вахшском районе была организована преступная вооруженная группа <...> с целью захвата власти, приобретения политической силы в стране, создания так называемого "исламского государства"*» [377].

Вместе с тем, по словам журналиста А. Башировой, «*ни одна из политических партий в Республике Таджикистан и даже все они вместе взятые не провели столько времени на заседаниях, съездах, конференциях, в судебных разбирательствах, подготовке заявлений, обращений и протестов, сколько террористическо-экстремистская Партия исламского возрождения (ТЭО «ПИВ»). Как правило, там они выступают с бесконечными претензиями и обвинениями всех, кроме себя*» [359].

О том, что терроризм забирает детство у детей, в том числе и таджикских, как это происходит и что делают таджикские власти для решения этой проблемы говорят и отечественные журналисты. В газете «Азия-плюс» № 18(1400) от 2 мая 2019 опубликована заметка «Таджикских детей вернули из Ирака в Душанбе», материал дополнен фотографиями, на которых изображены дети, спускающиеся с трапа самолета, сопровождающие их официальные лица, медицинские работники, родственники детей. По понятным причинам лица детей на фото скрыты. «*Это дети таджикских боевиков экстремистских групп, которые находились в лагерях или тюрьмах Ирака... Некоторые из них в свое время были вывезены родителями в Ирак, другие родились уже там. Большинство их отцов были убиты, а их матери содержатся в иракских тюрьмах за пособничество террористам. В рамках решения вопроса о возвращении таджикских граждан из Ирака в Таджикистан было выявлено, что в иракских тюрьмах находятся 43 женщины и 95 детей. 84 из них сегодня были возвращены на родину, сейчас ведутся переговоры о возвращении еще 11 детей. Вопрос репатриации детей обсуждался на встрече посла*

Таджикистана в Кувейте и Ираке З.Зубайдзода с замминистра иностранных дел Ирака Хазимом аль-Юсуфи» [385].

В заключении дана небольшая справка: «*В последние годы около 1900 граждан Таджикистан выехали в Сирию и Ирак для участия в военных действиях на стороне ИГ. Среди погибших в вооруженных конфликтах на Ближнем Востоке числятся около 500 таджикистанцев*» [385].

Этот же вопрос поднимается и в следующем номере этого издания «Дети войны. Как вернуть в нормальной жизни детей, возвращенных из Ирака?». Журналист М.Турсунзода пытается ответить на ряд вопросов: «Насколько сложной может быть адаптация этих детей в обществе?», «Кто им должен помочь?», «Есть ли вероятность, что они пополнят ряды радикалов?». В статье представлены ужасающие факты, которые, действительно, свидетельствуют о том, что исламский терроризм отнимает у детей детство:

«Вы знаете политику ИГИЛ, когда муж умирает, то по истечению 40 дней они выдают эту женщину замуж еще и еще раз. У некоторых женщин, например, есть дети от таджика, русского, турка, араба» [388]. Поэтому, по словам президента иракской неправительственной организации «Ворота справедливости» Фираза Лаика Хасана, «*процедура подтверждения у детей гражданского подданства заняла очень много времени*» [388].

«В этот раз домой прилетели еще трое несовершеннолетних матерей, которым до 16 лет. По законам ИГИЛ, девушки должны выйти замуж в 12 лет. Женщины в ИГИЛ являются «заводом» по производству детей» [388].

«Математике их обучали на примере количества боевых гранат и «кафиров»... Их учили неправильно интерпретировать религию...» [388].

«ИГИЛ старалось сделать из детей машин-убийц... У них были военные уроки - как стрелять, как использовать гранаты, ножи, как резать головы... Обучают и девочек. Несмотря на то, что мальчики и девочки учатся раздельно, предметы и практика у них одинаковая» [388].

Согласно сообщениям прессы, по состоянию на май 2019 года своих детей отчасти (по 10-20 человек) вернули Турция, Азербайджан, Россия, Кыргызстан, Узбекистан, Франция, Швейцария, Германия. Максимальное количество одновременно возвращенных детей – это россияне – 30 человек. Таджикистан является единственной страной, вывезшей всех своих детей. По состоянию на 2020 год в Ираке остался единственный ребенок из РТ, который является грудным. Это самый успешный механизм по выезду детей из Ирака. В качестве ремарки отметим, что за каждого ребенка таджикская сторона заплатила штраф в размере 400 долларов США; изначально эта сумма составляла 2000 американских долларов.

Проблема радикального исламизма не обошла и тюрьмы республики, что стало предметом целой серии публикаций в локальных СМИ. Например, в 2019 году в колонии № 3/2 в г. Вахдате (19 км. от Душанбе) произошел бунт, организаторами которого, по предположениям следственных органов, стали члены организации «Исламское государство». По одной из версий, бунт стал итогом разборки между радикальными исламистами, в том числе и сторонниками ИГИЛ и последователями других мусульманских течений. Эксперты уверяют, что давно предупреждали таджикские власти о *«стремительной радикализации осужденных, о формировании так называемых «зеленых зон», где популярны исламистские идеи*» [361]. *МВД республики опубликовало список убитых заключенных Вахдатской колонии. Среди них есть 18 членов ИГИЛ, 3 члена группировки «Ансоруллох», 3 члена ПИВТ и 2 члена «Исламского движения Туркестана*» [361].

Бурные дискуссии в СМИ вызывает и тема ношения таджикскими женщинами и девушками хиджабов, сатров, бурок и других видов мусульманской одежды и головных уборов, точнее запрета властями страны на их ношение. Журналист газеты «Общественная жизнь» С. Восиев, автор статьи «Борьба с фанатизмом», уверен, что «*причина кроется в сущности тех процессов, которые на протяжении последних двух десятилетий*

происходят в религиозной сфере не только в Таджикистане, но и других центрально-азиатских станах. В частности, в первые годы независимости на смену советской идеологии пришел идеологический вакуум, который затем стремительно стал заполняться идеологией политического исламизма. Именно он выступил в качестве основы процесса тотальной исламизации населения центральной Азии.... Для указанных идеологий, которые условно можно определить как политический исламизм или исламский радикализм, важно все, начиная от длины волосяного покрова верующего, количества материи на нем и заканчивая жаждой власти... В связи с распространением в обществе политического исламизма и его обрядовых атрибутов в виде хиджабов и длинных бород и иных отличий, проповедуемых современными «духовными наставниками» боевиков-джихадистов, государство вынуждено принять меры к ограждению нации от вируса религиозного фанатизма и экстремизма, сохранению здорового климата в обществе...» [362].

Шквал в прессе вызвал и тот факт, что исламисты стали набрасывать эскизы будущих побед и в период борьбы всего мира с пандемией коронавируса. В «Народной газете», в частности, говорится, что с*егодня, когда Таджикистан наряду с другими странами мирового сообщества занят борьбой против пандемии COVID-19, некоторые таджикские террористическо-экстремистские организации в рамках так называемого «национального альянса» вновь призывают соотечественников к противоправным действиям и свержению конституционного строя в Таджикистане. Возникает вопрос, что хочет данное искусственно созданное сообщество и насколько реальны его угрозы? Почему именно сейчас таджикские религиозные экстремисты и террористы вновь призывают к кровопролитию? Разве им было мало той крови, которую они пролили в 90-х годах?.... На самом деле никакого альянса не существует, так как это всего лишь новое название запрещенной в Таджикистане*

террористическо-экстремистской организации «Партия исламского возрождения» (ТЭО ПИВ).... Печальный опыт истории Таджикистана, приобретенный в 90-х годах прошлого столетия, показал, что бездействие властей в отношении таких групп может спровоцировать гражданскую войну. Поэтому любые попытки таджикских религиозно-экстремистских и террористических групп по дестабилизации политической ситуации в Таджикистане будут жестко пресекаться правоохранительными структурами нашей страны....

Таджикистанцы сегодня должны проявить политическую бдительность и не поддаваться провокациям таджикских террористическо-экстремистских групп, которые пользуясь общечеловеческой бедой - пандемией COVID-19, хотят на этом заработать политический авторитет. Они пытаются манипулировать страхами людей, их неуверенностью. Пользуясь горем людей, потерявших своих близких, религиозные экстремисты пытаются зажечь огонь ненависти и вражды в таджикском обществе...» [395]

Фрагментарно присутствие исламского фактора констатируется в статье М. Абдуджабборова, замначальника Управления анализа и прогнозирования внешней политики ЦСИ при Президенте РТ, «Таджикистан: технология распространения паники и слухов в контексте COVID-19»: *«...В целом, распространителями ложной информации, создателями слухов и лицами, ответственными за панику, в основном являются следующие: антиправительственные силы, независимые СМИ, отдельные лица, предприниматели...* » [356]. Автор дает подробное описание каждой категории и анализирует причинно-следственные связи.

В статье «Кто желает зла народу Таджикистана...» [400] относительно вопроса исламизации приводятся контрадикторные позиции, что позволяет объективно оценить ситуацию, сделать правильные выводы и, естественно, определить концептуальную составляющую материалов, связанную с

исламским фактором: «*Сегодня террористическая организация за рубежом представляет собой жалкий конгломерат скрывающихся от уголовной ответственности террористов, пытающихся убедить своих спонсоров и кураторов из иностранных спецслужб в якобы все еще имеющихся у них возможностях дестабилизировать обстановку в Таджикистане и открыть «горные ворота» в регион скопившимся в приграничных афганских провинциях отрядам международных террористических организаций. На самом деле, и это понимают все, в том числе и исламисты, их время уже безвозвратно прошло...* » [400]

По мнению некоторых аналитиков, журналисты раздувают своеобразный психоз вокруг тем, связанных с религиозным аспектом, постоянно муссируя этот вопрос в СМИ, однако мы полагаем, что эта общественно-политическая тенденция имеет стратегическое значение и должна сохраняться ввиду повсеместного воздействия часто агрессивной внешней среды, когда во многих странах деградирует понятие «национальный интерес», когда происходит переоценка ценностей (явно не в поддержку традиционных), когда отдельные политики путают героев и жертв.

Возвращаясь к теоретическому аспекту исследования, следует отметить, что отличительной характеристикой материалов рассматриваемых хронологических рамок является интертекстуальность, то есть создание «взаимосвязи между текстами» и генерирование соответствующего ракурса понимания аудиторией. Эта особенность добавляет определенную глубину тексту, позволяя оказывать разного рода (в зависимости от целей) влияние на читателя и на уровень понимания им материала, а также на концептуальное восприятие контекста.

Интертекстуальность как бы устанавливает связь между поколениями, между традициями, однако ее ни в коем случае нельзя номинировать компиляцией разнородного материала, поскольку, по сути, она является

преобразованием услышанного или прочитанного текста в качественно новое образование. Более того, мы предлагаем рассматривать интертекстуальность в рамках дихотомии «текст – концепт(ы)», поскольку связь между поколения во многом осуществляется благодаря концептам, а благодаря текстам (здесь СМИ) происходит смысловое расширение концептов и образование качественно новых значений.

Начало расцвета этого явления в публицистических текстах неслучайно приходится на конец XX века, а полновесное звучание оно приобретает уже в XXI – веке рефлексии и в концептуальной журналистике, что объясняется беспрецедентным уровнем доступа к разноплановой информации и возможностью ее интерпретировать. В этом ключе вполне оправдано высказывание польского парадоксалиста Станислава Ежи Леца: «Обо всем уже сказано, к счастью, не обо всем подумано».

Детальный анализ медийного дискурса ввиду его массивности по рассматриваемому вопросу на предмет его интертекстуальности в рамках одного исследования не представляется возможным, однако вполне реальной является попытка проследить эту тенденцию на материале заголовков публикаций СМИ, что в свою очередь позволит выявить концептуальную составляющую исследуемого периода. Так, к элементам текста, для которых характерна интертекстуальность, можно отнести следующие заголовки: *«Не стразу все устроилось, страна не сразу строилась*» («Бизнес и политика» № 22(91), июль,1994 г.), *«Восток – дело не столько тонкое, сколько коварное*» («Бизнес и политика» № 11(226), март, 1997 г.), «*Пограничные службы СНГ, объединяйтесь*», *«В Афганистане пришли к власти талибы? Да здравствуют талибы? Или все на борьбу с талибами?*» («Бизнес и политика» № 12(227), март, 1997 г.), «*Маска, маска, кто ты? Конечно же, не Гульчатай, Абдулла!!!*» («Бизнес и политика» № 12(227), март, 1997 г.), «*Сейчас вновь пустить в ход оружие – стать всадником без головы*» («Бизнес и политика» № 31(245), март, 1997 г.), «*Не режьте курицу,*

несущую золотые яйца» («Бизнес и политика» № 33(247), август, 1997 г.), *«Дорога к «Вахшу» уложена не только благими намерениями, но и обставлена минами взрывами. Остановит ли это процесс национального согласия?*» («Бизнес и политика» № 37(251), сентябрь, 1997 г.) и пр.

Наблюдения показывают, что приемы интертекстуальности достаточно активно использовали корреспонденты общественно-политической и экономической газеты «Бизнес и политика». Возможно, эта практика, явно изменившая конкурентную среду в области отечественной периодики, связана с пропагандой нового политического мышления, закладывающего новые концепции, которые представляли собой не только новые вызовы, но и новые возможности для журналистов, почувствовавших вкус политической публицистики. Отметим, что «пальму первенства» в этом вопросе газета «Бизнес и политика», которая прекратила свое функционирование весной 2013 года, передала изданию «Азия-плюс», по сей день освещающей актуальнейшие темы общественно-политической жизни таджикистанцев.

Относительно рассматриваемого тематического блока (исламский фактор) обратимся к высказыванию А.В. Костиной: «Обладая такой силой воздействия на людей, российское телевидение в отличие от американского не позволяет «чувствовать себя хорошо». Как раз наоборот, оно создает довольно мрачную картину мира» [99, с. 34]. Позволим себе перефразировать это высказывание, обобщив его видовую классификацию и обозначив узкопрофильный тематический аспект: «Таджикские СМИ, обладая огромной силой воздействия на граждан страны, в вопросах, связанных с религией, не позволяют «чувствовать себя хорошо», создавая мрачную картину мира». Данная интерпретация обусловлена событиями, произошедшими в Таджикистане в 90-х годах XX века и их «отголосками», которые оказывают влияние на массовое сознание и картину мира современного таджикского социума.

В целях идентификации концептуальной составляющей данного тематического блока обратимся к разработанному нами протоколу по определению концептуального пространства, представленного в §1.4. «Проблема выделения концептуального пространства: структура и способы представления», однако использованы будут не все его положения, а лишь некоторые элементы, поскольку рассматривается только отдельный аспект исследуемой тематики.

Так, в контексте предтекстовых пресуппозиций, важных для формирования концептуального поля религиозного дискурса в русскоязычной прессе Таджикистана основополагающими факторами следует считать период создания текстов, семантику заглавий и их семантический радиус. Названия и содержание статей в рассматриваемых хронологических рамках позволяют проследить трансформацию концепта «Исламизм». Дискурс исламизма, представляющий собой совокупность дискурсов, возникающих под влиянием активизации присутствия ислама и исламских стран в международном политическом процессе, в Таджикистане сформировался под влиянием исламской повестки, ставшей актуальной частью внутренней политики страны в начале 90-х. Соответственно, это нашло отражение не только в мыслях и суждениях среднестатистического гражданина, формируя его взгляды на процессы, связанные с этой «политической надстройкой», но и получила соответствующую рефлексию в СМИ.

Анализ показал, что советская идеология изначально не позволила обывателю «распознать» суть затянувшегося кризиса власти и истинные цели политического противостояния, ввиду чего концепт «исламизм», занимая латентную позицию, реализуется такими лексическими единицами (под лексической единицей подразумевается и слово, и словосочетание, и фраза), как *оппозиция, митинг, февраль, февральские события, отток нетаджикоязычного населения, переселенец, отщепенец, погром, оружие,*

грабеж, баррикада, страх, вандализм, хулиганство, массовые беспорядки, мусульманин, русскоязычное население, игра кланов, развал аппарата государственной власти, сжигание партбилетов, националистические цели, ваххобизм, ПИВТ, Растохез, Демократическая партия Таджикистан, государственный переворот, легализация ПИВТ, раскол и дезинтеграция общества, групповые амбиции, духовный кризис, широкомасштабная антикоммунистическая пропаганда, снос памятника Ленину, нагнетание обвинений в адрес коммунистов, исламский институт, антисоциалистические, религиозно-экстремистские и националистические настроения, националистически настроенные лидеры, спекуляция на религиозных чувствах верующих республики и пр.

Начало гражданской войны (1992 г.) наделяет концепт «исламизм» уже эксплицитным статусом, что репрезентируется следующим набором единиц: *ОТО, ПИВТ, политические распри, гражданская война, боевик, талоны на хлеб, спекуляция, беженец (сравните - переселенец в начале 90-х), разделение по «местническому признаку», паралич конституционных структур, незаконные вооруженные формирования, враг народа и законного правительства Таджикистана, оружие, режим чрезвычайного положения, комендантский час, трагическое испытание, снайперы, боевые действия, баррикада, бородатые мужчины, невиданная жестокость, глумление над живыми людьми, убийство, террор, криминогенность* и пр.

Концепт «исламизм» в контексте межтаджикского переговорного процесса и деятельности КНП (Комиссии по национальному примирению) представлен следующей группой лексем: *ОТО, ПИВТ, исламист, исламист-фанатик, мечеть, возвращение беженцев, разоружение незаконных формирований, конфронтация, диверсия, боевики оппозиции, теракт, вооруженные силы ОТО, полевой командир, антиправительственный мятеж, Закон о политических партиях, вопрос разрешения конфликтов переместился из военной плоскости в политическую, сотрудничество,*

назначение представителей ОТО на должности в правительстве, ультиматум, 30-процентное представительство ОТО в правительственных структурах, интеграция бойцов ОТО в правительственные силовые структуры, политическая борьба за власть, талибы, амнистия, ультимативные требования и др.

В условиях современности исламизм находит реализацию посредством данной линейки лексических единиц: *терроризм, экстремизм, радикализм, шовинизм, сепаратизм, фундаментализм, теракт, Афганистан, Сирия, пытки, опиаты, героин, исламский экстремист, религиозная нетерпимость, исламский фундаментализм, фанатизм, насильственный захват власти, исламский терроризм, ненависть, оппозиция, боевые действия, наемник, разрушительная и губительная деятельность, антимусульманская/антиисламская реакция, ИГИЛ, «Хизб-ут-Тахрир», «Аль-каида», ОТО, ПИВТ, сирийская война, джихад, радикальный исламизм, бандформирования, казни и убийства мирных жителей, хиджаб, сатр, бурка, тотальная исламизация и т.д.*

Таким образом, концепт «Исламизм», прошедший несколько этапов трансформации в условиях общественно-политических реалий суверенного Таджикистана, имеет следующую структуру:

Ядро: Исламизм

Приядерная зона: *ОТО, ПИВТ, Растохез, оппозиция, митинг, мятеж, февраль, февральские события, муджахед, переселенец, беженцы, развал аппарата государственной власти, сжигание партбилетов, гражданская война, государственный переворот, полевой командир, мечеть, снос памятника Ленину, оружие, снайперы, боевые действия, бородатые мужчины, жестокость, убийство, террор*.

Ближняя периферия: *исламист, исламист-фанатик, Закон о политических партиях, политическая борьба за власть, талибы, ваххобит, амнистия, ультимативные требования, сирийский конфликт, ИГИЛ.*

Дальняя периферия: *терроризм, экстремизм, радикализм, шовинизм, сепаратизм, фундаментализм, теракт, пытки, религиозная нетерпимость, хиджаб, сатр, исламский фундаментализм, фанатизм, насильственный захват власти, исламский терроризм, ненависть, оппозиция, боевые действия, наемник, антимусульманская/антиисламская реакция, «Хизб-ут-Тахрир», «Аль-каида», джихад, радикальный исламизм, бандформирования. казни и убийства мирных жителей, тотальная исламизация.*

Безусловно, представленная структура не может считаться идеальной и полной ввиду массивного пласта фактического материала и постоянно изменяющегося мирового политического климата, однако в условиях нашей страны она (структура) может считаться вполне адекватной. Хотя общественно-политические реалии могут «спровоцировать» как расширение, так и сужение отдельных ее слоев.

2.4. Объективизация концепта «Гражданское общество» в условиях появления новых форматов информирования и коммуникации

Прошедшие три десятилетия современной таджикской истории ознаменовались глубочайшими переменами в структуре и сущности всех сфер жизнедеятельности страны – социальной, экономической, политической и духовной. Однако отечественные и зарубежные аналитики до сих пор констатируют в республике статус переходного периода. Во многом это обусловлено не только институциональной модернизацией, но и актуализацией вопроса активности гражданского общества. Под гражданским населением традиционно понимается совокупность граждан, не приближенных к рычагам государственной власти. Однако мнение исследователей относительно его определения не столь однозначно. В частности, О.Н.Ганин природу гражданского общества воспринимает как результат «европейско-американского развития» [42, с. 94], основанного на

плюрализме и принципе самоопределения личности. Мы полагаем, что суть этого развития заключается в его эволюционной природе, которая отличается последовательностью, системностью и прочими характеристиками, наделяющими социум способностью гармонично сочетать общественное и личное.

Более того, проходя многочисленные стадии развития и перерождаясь в ходе этапных скачков роста и совершенствования, современное гражданское общество наделяет всех своих членов, независимо от их происхождения, религиозных убеждений, социального статуса, равными юридическими возможностями. Сущность «гражданства» проявляется в участии членов общества в таких негосударственных институтах, как семья, система образования и науки, организации, объединяющие представителей различных профессий и пр., при этом перед гражданами не ставятся высокие государственные цели, они не обременены «большой идеей», стратегические государственные задачи как бы имеются в виду, то есть присутствуют и понимаются по умолчанию.

Частично эта мысль дублируется в «Российской социологической энциклопедии», в которой подчеркивается, что основу гражданского общества составляет «развитая система гражданского права», а последнее, как нам кажется, зависит от политических установок правящих элит и от степени готовности электората соблюдать баланс между индивидуальным, коллективным и государственным.

В понимании С.Н. Кожевникова, самодостаточность гражданского общества проявляется в наличии «экономической свободы, многообразия форм собственности, рыночных отношений» [92, с. 38].

Профессор Ю. Ирхин воспринимает гражданское общество как «совокупность негосударственных социальных, духовных, религиозных, нравственных, семейных, национальных и других отношений, огражденных от прямого вмешательства государственной власти» [73, с. 44]. Здесь

следует обратить внимание на ремарку ученого от «прямого вмешательства», следовательно «большая идея» опосредованно все-таки регламентирует эти отношения и направляет их в соответствующее «государственное русло».

Отметим, что на сегодняшний день существует огромное количество многопараметрических определений гражданского общества. Например, российский ученый Ю.М. Резник представляет около пятидесяти трактовок этого общественного феномена [177, с. 152]. Однако это вовсе не означает, что все предложенные исследователями толкования дублируют друг друга; напротив, каждая предложенная дефиниция вбирает в себя специфику общественно-политических условий и проецирует особый признак гражданского общества.

Понятно, что попытка рассмотреть все научно-методологические концепции, модели, матрицы, их комбинации и варианты, оказавшиеся в основе многочисленных современных определений гражданского общества не представляется реальной в контексте настоящего исследования. Однако осветить некоторые положения этого полифункционального явления считаем вполне целесообразным.

Формирование гражданского общества обозначено в качестве одного из необходимых условий реализации экономических, политических и правовых реформ в государстве, однако процесс его становления отличатся сложностью, противоречивостью и пролонгированностью. Более того, по мнению ученых, этот процесс не завершен ни в одной из существующих стран мира.

Необходимо отметить, что в период семидесятилетнего существования СССР, в условиях жесткой иерархии социалистической действительности сущность гражданского общества резко расходился с одноименной теорией. Сегодня, в контексте различного рода трансформационных процессов, потенциал концепции гражданского общества находится на этапе своего

творческого раскрытия. Экспертами были определены пять базовых критериев, соответствие которым детерминирует общество как гражданское:

1. Юридически свободный индивид;
2. Принятие Конституции;
3. Социальное пространство, в котором люди взаимодействуют относительно свободно, без непосредственного вмешательства государства;
4. Деятельность независимых от государства субъектов, действующих самостоятельно в рамках закона (предприниматели, партии, общественные объединения, движения и иные негосударственные организации);
5. Функционирование в условиях рыночной экономики [92, с. 38].

Предпримем попытку интерпретировать их в срезе Таджикистана.

1. Юридически свободный индивид. Свобода индивида органически связана с его материальным благополучием, наличием собственности, свободой частного предпринимательства. Данный критерий вполне правомочен ввиду наличия в Конституции РТ Статьи 12.

2. Принятие Конституции. Референдумы по внесению изменений и дополнений в основополагающий Закон Республики Таджикистан (1999, 2003, 2016 гг.) можно рассматривать как полноценный этап развития и реализации идеи формирования гражданского общества и правовой государственности

3. Социальное пространство, в котором люди взаимодействуют относительно свободно, без непосредственного, прямого вмешательства государства. Права, предоставленные гражданам РТ, позволяют им активно участвовать в политической жизни, свободно избирать представительные органы государственной власти и местного самоуправления. Определено также право каждого на объединение, включая право создавать

профессиональные союзы для защиты своих интересов. Данное положение также нашло отражение в Конституции РТ – Статьи 27, 28.

4. Деятельность независимых от государства субъектов, действующих самостоятельно в рамках закона (предприниматели, партии, общественные объединения, движения и иные негосударственные организации). Данный критерий представлен в Статье 28 Конституции РТ, при этом регламентация его положений зафиксирована в Статьях 8, 25, 32.

5. Функционирование в условиях рыночной экономики, где государство лишается функций хозяина с неограниченными полномочиями, оно берет на себя обязанности защищать и обеспечивать экономические права и свободы человека. Конституция Республики Таджикистан закрепляет и законодательно обеспечивает свободу экономической и предпринимательской деятельности, равноправие и правовую защиту всех форм собственности, в том числе частной (Статья 12)

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на отсутствие самого термина «гражданское общество» в тексте Конституции РТ и отдельной главы, посвященной гражданскому обществу, законодательно возможность формирования гражданского общества на основе частной инициативы, предпринимательства и рыночных отношений все-таки предусмотрена. Этот факт свидетельствует о том, что общественно-политический вектор развития республики направлен на расширение линейки принципов гражданского общества, в частности политический плюрализм и многопартийность; свобода человека в экономической, личной и духовной сферах; идеологическое многообразие и, наконец, открытость гражданского общества и его вовлеченность в мировое сообщество.

Отечественные эксперты также убеждены в том, что «*формирование гражданского общества в Таджикистане зависит от наличия многих факторов: состояния экономики, демократических институтов в системе органов государственной власти, духовно-культурного потенциала*

общества, влияния провозглашённых механизмов, функционирующих как на международном, так и на национальном уровне, создания реального плюрализма в обществе» [355].

В настоящее время в Таджикистане гражданское общество включает в себя широкий круг участников, это и местные организации (советы по принципу совместного территориального проживания и т.д.) до более формальных, официально зарегистрированных общественных ассоциаций.

Неоценима роль гражданского общества в процессе таджикского миростроительства. В 1996 году ряд национальных общественных организаций создали совместно Общественный Совет (ОС) для установления доверия между конфликтующими сторонами и скорейшего заключения мирного соглашения. Создание ОС в Таджикистане, по мнению экспертов, – это выдающийся пример роли гражданского общества в вопросе выхода из военно-политического коллапса. Активное лоббирование организаций гражданского общества привело к подписанию Общего соглашения о мире и национальном согласии в июне 1997 года Президент Эмомали Рахмон позднее был избран председателем ОС, состоящего из государственных деятелей, а также лидеров учреждений гражданского общества [312].

В рамках рассмотрения данного вопроса не следует игнорировать тот факт, что в республике до сих пор параллельно «*идут два процесса – возрождение таджикской государственности и формирование гражданского общества, и последнее имеет свои отличительные особенности, поскольку Таджикистан традиционно относится к тем странам, которые больше ориентированы на государство, чем на общество, что характерно почти для всех восточных народов*» [355].

Сегодня непосредственное участие гражданского населения в общественно-политическом сегменте связано со вступлением в активную фазу молодого постсоветского поколения. К концу 90-х интерес в том числе

и молодых таджикистанцев к политическим преобразованиям нельзя назвать пристальным, хотя его уровень заметно повысился. Мы полагаем, что это связано с миротворческими инициативами руководства страны и решением целого ряда социально-экономических проблем, в том числе и сугубо гуманитарных, с которыми столкнулось молодое независимое государство после окончания братоубийственной войны 1992 – 1997 годов., когда все усилия были направлены на стабилизацию обстановки и ее поддержание.

Наблюдения показывают, что в конце 80-х начале 90-х таджикистанцев отличало неравнодушие к происходившим в республике трансформациям, это можно проследить посредством анализа материалов СМИ на предмет их авторства. Так, рядовой гражданин был в праве (и правом этим активно пользовался) написать письмо в редакцию любого периодического издания, выразив свое личное мнение по любому вопросу общественно-политической, социальной, культурной, образовательной сфер, и после всех редакционных коллизий нарратив выходил в свет. Отметим, что большинство «гражданских» авторов того периода являлись представителями русскоязычного населения республики. Однако данная тенденция что называется «сдала обороты» ввиду начала межтаджикского противостояния. Причинно-следственную связь можно проследить и в обращении к Председателю Верховного Совета К. Махкамову «Сохраним наш общий дом», опубликованном в 1990 году в одном из летних выпусков газеты «Вечерний Душанбе»: *«Мы, ветераны партии, войны и труда, вооруженных Сил СССР, члены президиума Железнодорожного районного совета ветеранов - таджики, узбеки, русские, евреи, представители других национальностей, давно живущие в Таджикистане и считающие республику своей родиной, очень обеспокоены усиливающемся оттоком русскоязычного населения, поставившем республику и г. Душанбе в чрезвычайное положение. <...> Нам известны и понятны причины, вынуждающие людей покидать свой дом.*

Во-первых, это нарушение принципа интернационализма при решении кадровых вопросов <...>Во-вторых, непродуманность и поспешность при принятии Закона о государственном языке, что привело к непониманию этого Закона, неправильному его толкованию как со стороны нетаджикоязычного населения, так и со стороны таджиков <...> Частыми стали конфликты между покупателями и продавцами из-за нежелания последних отвечать на вопросы, заданные по-русски. Почти исчезло традиционное на Востоке чувство уважения младших к старшим, особенно если эти люди - русскоязычное население. На республиканском телевидении резко сокращено число передач и кинофильмов на русском языке <...> В школах на 40 часов сокращено преподавание русского языка, все чаще возникают конфликты между детьми на почве межнациональных отношений. В-третьих, чрезвычайно медленно ведется расследование февральских событий в Душанбе<...> В четвертых, отсутствие должной социальной защищенности людей, в особенности обеспечение их жильем... » [384].

Заканчивается письмо обращением к *«согражданам, представителям русскоязычного населения*» с просьбой *«отбросить обиды и не спешить рвать связи с этой* (таджикской. –Х.Т.) *землей... Необходимо понять, что причиной февральских событий в Душанбе были преступные действия экстремистских сил, и они не отражают отношение таджиков к русскоязычному населению*» [384]. Подчеркнем, что письмо написано от имени 15 тысяч ветеранов партии, войны и труда, вооруженных Сил СССР, живущих в Железнодорожном районе города Душанбе

Начиная со второй половины 1992 года, авторами подавляющей части материалов периодических изданиях становятся профессиональные журналисты, собственные корреспонденты изданий, перепечатываются статьи из российской прессы, не считая различного рода обращений главы государства, министерств и ведомств к гражданам страны в целом и

жителям столицы в частности. Касаемо жанровой составляющей этих материалов обратим внимание на то, что в процентном соотношении аналитические публикации явно уступали материалам в жанре интервью, поскольку в неоднозначной военно-политической обстановке имплицитно действовало правило предоставить аудитории возможность самостоятельно критически осмыслить сложившиеся социально-политические обстоятельства и сделать собственные выводы.

Несмотря на стремительный отток русскоязычного населения, которое отличалось высокой степенью активности в вопросе осуществления обратной связи с редакциями газет, журналов, теле- и радиопередач, часть таджикистанцев, в том числе и этнические таджики, продолжают эту практику. В отдельных периодических изданиях функционируют специальные рубрики. Например, в «Народной газете» такой раздел носит название «Обзор писем», и в одном из номеров опубликована статья «Портрет Президента в эпистолярном жанре», которая начинается следующей выдержкой из письма в редакцию от рабочего Яванского электрохимзавода Д.Рахимова: «*В жизни народов и стран существуют исторические даты, с которыми связаны определяющие их жизнь события и явления. Они служат вехами в развитии народов, отсчетом новых страниц в их истории. Такой датой для нас является 9 сентября 1991 г. Но есть и другая, может быть, не столь громкая, но не менее славная дата – 5 октября 1952 г. Это день рождения национального лидера, творца независимости и возрождения таджикского государства, нашего уважаемого Президента…* » [381].

Далее, по контенту этой рубрики представлены несколько писем, поступивших из г. Чкаловска Согдийской области от инженера Х.Махмудова, от бизнесмена из Турсунзаде М. Джураева, от депутата Мургабского маджлиса Х. Урунбаева.

Подобная практика свидетельствует об определенной доле

гражданского если не участия, то внимания к общественно-политическому устройству республики.

Доля «политических пофигистов« (по Л.И. Никовской [145, с. 100]) значительно сократилась, что видно по результатам различных предвыборных кампаний (президентские выборы - 1999, 2006, 2013, 2020 гг.; парламентских выборов - 2000, 2005, 2010, 2015, 2020 гг.) и референдумов (1999, 2003, 2016 гг.). Во многом этому способствовали журналисты, почувствовавшие вкус политической публицистики. К подобным материалам можно отнести публикацию под авторством Я. Тиллоева «Почему Президентом Таджикистана станет Эмомали Рахмон?» (дата создания: 11.07.2013). Автор статьи, опубликованной на официальном сайте «Народной газеты» (http://www.narodnaya.tj/), предпринимает попытку рассмотреть причины, по которым «*все складывается так, что действующий президент, желает он того или нет, вынужден будет отслужить народу на своем посту еще один 7-летний срок*» [336]. Рассматривается региональный фактор, оцениваются реальные шансы оппонентов действующего Президента Э.Рахмона – «*Рахматилло Зойирова, Шокирджона Хакимова, Ходжи Акбара Тураджонзода, Мухиддина Кабири и Файзинисо Вохидовой*».

Следует отметить определенную смелость и рациональный критицизм анализа и прогнозов автора материала: «*...При условии, что действующий Президент выдвинет свою кандидатуру на выборы осенью, он просто обречен победить...* », «*...Внешние силы (не будем конкретизировать, слишком все явственно и без указаний и перечислений) сумели нам даже устроить братоубийственную гражданскую войну по принципу "юг-север"...* », «*...Иначе он (*Рахматилло Зойиров. –Х.Т.) *на юге не получит ни одного голоса, так как здесь если и есть социал-демократы, то они так глубоко законспирированы, что никто о них ни слухом. ни духом не ведает...* », «*.. Остальные недостающие «несколько голосов» дадут избиратели от*

трех остальных частей страны. Здесь, сегодня, достаточно людей, искренне или из корыстных целей связавших свою жизнь и деятельность с Народно-демократической партией Таджикистана (она и выдвинет Эмомали Рахмона, если тот даст согласие, кандидатом в президенты). Так что, никаких фальсификаций не требуется, победа в кармане...», *«...Если бы не последний пассаж, можно было аплодировать логическому выводу. Но «предложить программу, которая бы соответствовала интересам ПИВТ, Коммунистической партии, СДПТ и других граждан Таджикистана», это просто химера. В уставе каждой из этих перечисленных (как и любых других) партий главный смысл существования - приход к власти, самостоятельный приход. Ведь не составлять состав коалиционного правительства при, скажем, парламентской республике ребята собрались?!...* » [336].

Считаем целесообразным провести лингвистический контент-анализ представленного текста. Несмотря на то, что текст пестрит разнообразными клише, отметим своеобразный стиль автора в их использовании, который не позволяет материалу превратиться в сухой, протокольный отчет и значительно повышает степень его читабельности.

Обратим внимание и на наличие феномена дисфемизации в тексте, то есть те языковые средства выражения, которые маркируют негативное отношение к объектам и субъектам. В рассматриваемом контексте к таким единицам можно отнести следующие: *кликушествующий* (Кликушество: 1) нервно-истерическое заболевание (обычно у женщин), выражающееся в судорожных припадках, выкриках, причитаниях, взвизгиваниях, бурной жестикуляции. 2) крикливое и пристрастное выражение своего мнения. 3) нервно-психическое заболевание на религиозной почве, вызванное страхом перед кознями Беса, Дьявола, вселением нечистой силы в человека и характеризующееся бессодержательными выкриками, бурной жестикуляцией, судорожными припадками (по Ожегову*); коллективное*

сумасшествие, ненавидеть «своего» Главу государства; и здесь ожидается «облом», «свалить» с должности, посторонние шумы (о кандидатах, не являющихся фаворитами предвыборной кампании)*; стилистически сниженное «Кто не понял, я не виноват!*».

Подчеркнем, что нарочитое употребление грубых, стилистических сниженных слов и выражений стречается практически во всех материалах СМИ. Дисфемизацию можно также рассматривать как антипод эвфемизма – слова или выражения, заменяющего другое, нежелательное, грубое с точки зрения культурно-речевых норм.

Из ряда ключевых можно выделить слова, имеющие для таджикского социума концептуальную нагрузку («кулябцы», «ленинабадцы», «памирцы», «гармцы») и заключающие в себе значимую культурно-историческую информацию.

Возвращаясь к вопросу участия гражданского общества в общественно-политическом сегменте, обратим внимание на то, что одной из первостепенных причин уменьшения степени политического «пофигизма» среди граждан республики можно считать развитие гражданской журналистики и социальных медиа.

Согласно энциклопедической справке, гражданская журналистика считается разновидностью журналистики, которая получила широкое распространение с развитием интернета и новых цифровых технологий. Как правило, под гражданской журналистикой понимается деятельность не профессиональных авторов, и суть ее заключается в активном участии обычных граждан в процессе сбора, анализа и распространении информации. Так, гражданские журналисты могут освещать не только события, которые остались без внимания традиционных СМИ, но и активно обсуждать вопросы, вызвавшие особый общественный резонанс, предоставляя более детальную информацию посредством видеозаписи с места события и/или рассказов очевидцев.

Считается, что основателем гражданской журналистики является американский бизнесмен еврейского происхождения Запрудер Абрахам, большой поклонник президента Кеннеди, который 22 ноября 1963 года в Далласе (штат Техас, США) запечатлел на любительскую кинокамеру убийство Президента США Джона Кеннеди, а потом продал этот 26-секундный ролик. По сути, бизнесменом был «запрограммирован» некий алгоритм действий, которым в наши дни, в практически неизменном формате, пользуются большинство блогеров. Изменились лишь социальные формы коммуникации. Интернет представляет собой исторически новый вид коммуникации, которая основана на компьютерных технологиях, что облегчает создание и обмен информацией, идеями, профессиональными интересами и другими формами выражения посредством виртуальных сообществ в сети. По некоторым оценкам в социальных медиа зарегистрировано более 100000000 пользователей. Подчеркнем, что Твиттер обозначен в качестве одного из ключевых инструментов гражданской журналистики – новость о смерти культовой американской певицы Уитни Хьюстон (11 февраля 2012 года) опубликовали в Твиттере за час до сообщения традиционных СМИ; об убийстве Усама бен Ладена (2 мая 2011 года) стало известно через Твиттер за день до того, как Барак Обама выступил с официальным объявлением об этом; при освещении взрывов на Бостонском марафоне (15 апреля 2013 года) традиционные СМИ широко использовали данные, предоставленные гражданскими журналистами с места событий; они же сыграли заметную роль при освещении событий Арабской весны, украинских майданов, сирийского конфликта и других знаковых общественно-политических фактов современности.

Эксперты в области журналистики, анализируя уникальные характеристики классических СМИ и их социальных аналогов, отмечают, что гражданская журналистика и социальные медиа апеллируют к чувству

принадлежности аудитории к определенному сообществу, тогда как традиционные СМИ берут за основу институционализированный, идеологический авторитет. Гражданская журналистика и социальные медиа тесно связаны с таким феноменом как блог, посредством которого его владелец устанавливает обратную связь со своей аудиторией.

На сегодняшний день наблюдается активный частичный переход (или полная трансформация) из традиционных СМИ в блогсферу. Некоторые редакции даже обязывают своих журналистов вести блоги в целях пиара как самого журналиста, так и медийного субъекта, на который тот работает. В этой связи объектом научно-практических дискуссий выступает жанровый аспект блогерских материалов, который напрямую зависит беспрецедентного развития гражданской журналистики, которая «уравняла» профессионалов и людей, выдающих себя за профессионалов. Умение писать в различных жанрах, безусловно, не может быть обязательным требованием для блогера. Однако даже в блогосфере классические законы журналистики занимают свою особую позицию. Практикующие журналисты активно используют в своей работе широкую жанровую палитру: хроника, заметка, репортаж, интервью, статья, обзор и т.д. В случае отсутствия у блогера традиционного журналистского образования возможность правильно классифицировать тот или иной текст и, следовательно, представить его конкретном жанре не представляется возможным. Ввиду того, что большинство «блогерских» текстов не имеют ничего общего со стилистическим разнообразием, их можно объединить в одном емком слове «материал».

Между тем важно понимать, что строгое разделение по жанрам существует лишь в теории и, в определенной степени, в информационных материалах. На практике же происходит повсеместное взаимопроникновение жанров и/или размывание между ними границ, что особенно часто и в высокой степени концентрации наблюдается в блогах. Однако мы считает, что всем, кто работает в сфере журналистики, даже в гражданском ее

аналоге, необходимо иметь фундаментальные знания о жанровых вариациях и их отличительных признаках. Безусловно, блогерские тексты отличаются от классических журналистских методом подачи, стилем изложения, композицией, количеством строк и т.д. Но именно эти фундаментальные знания и навыки позволят вывести тексты блогеров, а значит и гражданскую журналистику на качественно новый уровень.

Фрагментарно следует упомянуть вопрос о профессионализации блогосферы (гражданской журналистики), под которой подразумевается не столько наличие у блогера диплома об окончании какого-либо конкретного высшего учебного заведения (диплома журналиста – предпочтительно), сколько ситуация, при которой блогеры (гражданские журналисты) будут получать за свой медиа-продукт деньги. Безусловно, блогерство (гражданская журналистика) на коммерческой основе сделает эту площадку достаточно многолюдной, что обусловит появление целого ряда проблем, в частности лингвистических, концептологических, социальных. Хотя, вполне возможно, что именно профессионализация и будет способствовать пропаганде экологии языка СМИ и полноценной, правильной объективизации национально значимых концептов, поскольку, по мнению профессора Ш.Б. Муллоева, СМИ (в том числе и гражданские. – Х.Т.) «служат для современного человека не только неиссякаемым источником информации о реальности, но и фабрикой по производству «кумиров», «образцов для подражания», источником ценностных ориентаций и предпочтений» [317].

В нынешних условиях мы наблюдаем достаточно высокую степень активности гражданского сегмента в журналистике. Полагаем, что эта самая активность обусловила трансформацию понятия «гражданская журналистика» на «стихийная журналистика». Под «стихийной журналистикой» мы, в отличие от некоторых ученых, не понимаем «запечатлённые очевидцами свидетельства крупных, зачастую

форсмажорных событий (авиакатастрофы, акции протеста, перестрелки, необычные атмосферные явления)» [6, с. 77]. «Стихийная журналистика» в нашем видении – это «молодая и быстро меняющаяся − крайне разнообразная, даже хаотичная в своих проявлениях журналистика; она вытекает из специфики Интернета, который не препятствует появлению новых форматов информирования и коммуникации, где важнейшим фактором становится «социальность» информации, распространение её через страницы друзей и знакомых» [279]. Все это способствует быстрому привлечению внимания аудитории, и, как следствие повышает значимость, и даже некое доминирование данного способа информирования в сравнении с институтом классической журналистики.

Возвращаясь к вопросу реализации принципов гражданского общества посредством СМИ, в том числе гражданской журналистики, отметим, что все эти новшества стали инструментом качественного осуществления профессиональной деятельности для журналистов, а также превратились для активных представителей гражданского общества в своеобразный рычаг воздействия на государственные институты. При этом зарубежные аналитики выдвигают на первый план *«негативную тенденцию сокращения пространства для гражданского общества в РТ, подчеркивая, что в интересах долгосрочной стабильности и экономического развития в стране необходимо дать возможность людям выражать различные, демократические и политические взгляды»* [288].

Одним из ярких примеров конструктивного диалога гражданского общества с властями страны может послужить так называемый «интернет – скандал», произошедший весной 2019 года. Новые тарифы на мобильную связь в Таджикистане, которые вступили в силу с 18.04.2019., вызвали бурное недовольство пользователей, особенно молодежи. Это непопулярное решение Антимонопольной службы активно обсуждалось в прессе и в гражданском сегменте журналистики – «Что подорожало в Таджикистане »

(«Азия-плюс» № 14 (1396) от 4.04.2019), «Вроде не бездельники и могли бы жить... » («Азия-плюс» № 15(1397) от 11.04.2019), «Тариф - "Все включено"» («Азия-плюс» № 16(1398) от 18.04.2019), «Подорожание мобильного Интернета равносильно ограничению свободы слова» («Вечерка» от 16.04.2019) и пр.

Многие статьи, опубликованные в сети, были дополнены наиболее яркими, едкими, что традиционно для интернет сегмента, комментариями по этому поводу, оставленными активными пользователями соцсети Фейсбук: «*...Народ как дойная корова для них. Напугали, что в несколько раз поднимут цены и бац! взяли и подняли на 25%, и народ это схавает со словами «ну не в несколько раз же» (*Субхиддин Бадалзода*)*», *«40 дней протестов и борьбы гражданского общества против повышения цен на Интернет и NGN не принесли результатов... (*Mirzo Salimpur*)»,* *«Уважаемые правозащитные и общественные организации, занимающиеся на правительственном уровне решением вопроса о недопущении повышения цен на мобильные и интернет-услуги!.... Они* (статьи. –Х.Т.) *помогут достичь поставленной задачи для защиты социального положения жителей нашей страны* (Елена Черкасова)» [326].

Многообразную и широкую реакцию гражданского общества на эту беспрецедентную практику антимонопольной службы страны можно было проследить и в соцсетях, где 17 апреля назвали «Днем смерти интернета» в Таджикистане, а представленные выше комментарии являются своеобразным показателем настроений гражданского общества, которому в одночасье изменили заданные жизненные координаты.

В этих неоднозначных условиях несколько организаций гражданского общества Таджикистана обратились в Генеральную прокуратуру Таджикистана с требованием отменить распоряжение о повышении тарифов на интернет и звонки мобильных операторов. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон утром 24 апреля отменил распоряжение Антимонопольной

службы Таджикистана о повышении тарифов на мобильный интернет и снял с должности главу этой государственной структуры. Пресс-секретарь Президента особо отметил, что «*глава государства осведомлен о недовольстве граждан страны ростом цен на мобильный интернет*» [328].

«*Он распорядился вернуть все прежние цены на использование интернета и мобильные услуги. В отношении ответственных лиц будут приняты соответствующие меры. А мы подскажем, за что следует наказать ответственных чиновников, и почему указанное распоряжение и все, связанные с ним заявления, сделанные данным ведомством за последние дни, нелогичны и даже незаконны*» [389], – именно так начинает корреспондент газеты «Азия-плюс» М.Турсунзода свою статью «"Интернет дорожать не будет", – так сказал Президент».

История, связанная с подорожанием связи, сплотила таджикское общество и является свидетельством того, что в отдельных случаях власти страны готовы менять решения в соответствии с требованиями гражданского общества республики.

Силу гражданского общества и потенциал гражданской инициативы раскрыла борьба с пандемией коронавируса в Таджикистане. Так, гражданские активисты призвали Президента республики воздержаться от подписания поправок в Кодекс об административных правонарушениях (КоАП), в соответствии с которыми будут накладываться штрафные санкции за распространение ложной информации о пандемии. В обращении за подписью 31 организации гражданского общества, активистов и независимых журналистов выражается твердая уверенность в том, что «*принятие и вступление в законную силу данных поправок серьезно ухудшит и так сложную ситуацию со свободой слова в стране, усилит цензуру и самоцензуру среди редакций СМИ, журналистов и правозащитников, а также ограничит доступ населения к информации о распространении опасных заболеваний, тогда как граждане имеют право на получение*

информации об уровне заболеваемости населения и факторах, влияющих на их здоровье. Поправки могут послужить поводом для преследования и привлечения к ответственности не только СМИ и журналистов, но и гражданских активистов за распространение информации, которая может быть интерпретирована, как заведомо ложная« [297].

Вопрос участия гражданского общества не получил бы полноценного рассмотрения без освещения конструктивных инициатив такой организации, как Коалиция гражданского общества против пыток и безнаказанности в Таджикистане, проявленных в контексте консолидации усилий в борьбе с COVID-19.

В период пандемии COVID-19 Коалиция, помимо деятельности, входящей в круг ее прямых компетенций, при поддержке международных организаций, а также в рамках благотворительной деятельности, закупала и распространяла медицинские средства, средства индивидуальной защиты и продукты питания для представителей правоохранительных органов, медицинских учреждений и малоимущих семей; проводила информационные и просветительские мероприятия, продолжала осуществлять правовые и психологические консультации непосредственно и по телефонам горячей линии. Коалицией, совместно с другими организациями гражданского общества, были подготовлены обращения и заявления в государственные органы республики.

Все эти инициативы были освещены отечественными СМИ. Например, Гражданское общество Таджикистана предлагает Минздраву сотрудничество в борьбе с COVID-19, о чем пишет «Вечерка»: «*Представители Коалиции гражданского общества против пыток и безнаказанности в Таджикистане и Сеть женщин с инвалидностью в Таджикистане выразили готовность сотрудничать с Министерством здравоохранения и социальной защиты населения РТ в целях предотвращения распространения коронавируса….»* [298]

Призыв Коалиции к соблюдению прав заключенных в условиях ограничений в рамках борьбы с COVID-19 был опубликован на информационном канале Таджикистана «Tajweek«: «...*Правительством Таджикистана принимаются меры для предотвращения риска распространения вируса и защиты различных уязвимых групп. Ситуация с COVID-19 действительно требует введения особого режима, но при этом должны быть гарантированы соблюдения прав человека, в том числе в отношении лиц, содержащихся под стражей, а также соблюдения свободы информации и выражения мнений*...» [310]

В контексте заявленной проблематики нелишним считаем рассмотреть один из механизмов, которым пользуется современное гражданское общество в целях оказания определенного влияния на решения высших эшелонов власти, – социальный опрос.

Опросы общественного мнения в эру глобализации приобретают небывалую популярность, поскольку интерес к этому относительно недавнему изобретению проявляют представители различных профессий, возрастов, социальных рангов. Безусловным катализатором этого явления считаются СМИ. Специалисты отмечают, что около 70 процентов информации, представленной на медийном пространстве, включают данные, полученные в результате опросов. Методика сбора материалов путем различного рода опросов становится приоритетной среди журналистов. Более того, опубликованные в СМИ опросы, в свою очередь, могут оказать довольно ощутимое воздействие как на аудиторию, так и на органы государственной власти при принятии или коррекции отдельных политических решений.

Специалисты подчеркивают, что споры о степени точности, влияния и политическом подтексте опросов возникали изначально ввиду отсутствия данных о преднамеренности или неосознанности разработки социологами перечня вопросов, которые считаются легитимными при интервьюировании

частных лиц на предмет их личных пристрастий, образа жизни и политических взглядов. Некоторые эксперты и сегодня отмечают крайний примитивизм и абсолютную ненаучность технологии опроса. Однако, не смотря на этот факт, опросы общественного мнения стали общепринятым, достаточно распространённым способом определения реальных настроений общества.

Отметим, что соцопросы активно использовались и в СССР в 20-х годах прошлого века. Победа революции, становление Советской власти на местах, уничтожение основных сил басмачества выдвинули на первый план одну из насущных проблем – необходимость национально-территориального размежевания среднеазиатских республик, что позволило бы обеспечить правильное развитие и равноправие всех национальностей. Так, после публикации статьи советского государственного и партийного деятеля М.И. Калинина в «Туркменской искре», где «всесоюзный староста» [56] объясняет, что «*проведение размежевания не явилось актом, продиктованным свыше и надуманным в условиях кабинетной работы, а отражением действительных чаяний и ожиданий трудовых народов, населяющих Красный Восток»* («Туркменская искра» 13.11.1924 г.), журналисты использовали разнообразные методы подачи материалов – от анкет-опросов до выступлений представителей номенклатуры [208, с. 9].

В десятках корреспонденций читателей газеты – рядовых коммунистов, беспартийных активистов, учащихся школ, которые помещались в отдельных подборках, выражается удовлетворение национальной политикой партии [208, с. 10].

Результатом этой кампании стало создание Таджикской АССР, что выразилось и в телеграмме ЦИК Восточной Бухары, направленной в адрес ЦИК СССР: «*Решение ЦК о Таджикской республике, безусловно, является актом правильного подхода к размежеванию как национальной политики <…> Центральный Исполнительный Комитет Восточной*

Бухары...заявляет... благодарность от имени всего таджикского народа и готовность... бороться совместно с мировым пролетариатом против посягателей на волю трудящихся всего мира»[208, с. 13].

Политическая проекция социологических опросов на локальном уровне наблюдается в социальном проекте «Микрофони озод» («Свободный микрофон»), о котором было упомянуто в предыдущей главе (см. § 1.5.). Детальный анализ этого своеобразного соцопроса показал, Закон РТ «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» (8.06.2007 г.) призван «расшатать» многовековые традиции проведения свадеб, упорядочив традиции, торжества и обряды с учётом потребностей развития общества. Президент Таджикистана в своём выступлении 24 мая 2007 года, отметил, что правительство страны не намерено «*полностью искоренить или ликвидировать народные обычаи и религиозные обряды, нашей главной целью является то, чтобы наряду с определением критериев их проведения заложить доброе начало освобождению народа страны от оков самодовольства, предрассудков и фанатизма. Возникновением религиозных течений экстремистского характера и расширением вредной пропаганды посредством интернет порталов в стране усилились тенденции преклонения и подражание чужой культуре, особенно национальным обычаям и обрядам, фанатизм и излишество при проведении целого ряда обрядов и торжеств становится традицией. <...> Многие наши соотечественники представили предложения о разделении времени проведения мероприятий на летние и зимние сезоны, проведении мероприятия по обрезанию в рамках семьи и совершении обрезания в медицинских учреждениях в период от восьмого дня рождения до двадцатого дня*» [294].

Детальный анализ всех комментариев и предложений представителей гражданского общества послужил для властей республики мотивом для внесения соответствующих коррективов в данный закон.

Исследователи утверждают, что за последние десятилетия соцопросы, проведенных посредством привлечения массмедийных ресурсов, приобрели колоссальное влияние на политику, поскольку наблюдается учет их данных законодателями, политиками, чиновниками, журналистами, избирателями и другими группами.

Определенный политический подтекст можно прочесть и серии соцопросов, проведенных мэрией города Душанбе в первой половине 2017 года. Исполнительный орган государственной власти таджикской столицы обратился с неординарным предложением к горожанам – принять участие в разработке Программы экономического и социального развития города Душанбе на период до 2025 года. Одним из способов реализации этой инициативы стал опрос общественного мнения по поводу социальной инфраструктуры столицы.

Выделим несколько положительных, по мнению социологов, характеристик его проведения: учитывались предпочтения абсолютно всех возрастных групп; не игнорировались никакие, даже самые нелепые, на первый взгляд, предложения; широкая география опроса, т.е. опрашивались не только жители престижных, центральных районов Душанбе, но и обитатели спальных микрорайонов. Относительно последней характеристики отметим, что опрос проводился не только посредством электронного сегмента СМИ, в частности еженедельником «Азия-плюс». Активное участие в этой кампании приняли волонтеры, которые лично опрашивали жителей и гостей столицы на предмет их пожеланий по преобразованию городской среды.

Беспрецедентная практика обращения мэрии к жителям столицы вызвала широкий интерес среди горожан и СМИ. Так, согласно результатам опроса на сайте газеты «Азия-плюс» по состоянию на 13.05.2017 год, большинство респондентов (271 человек, 48%) предложили уволить всех коррупционеров и неприкасаемых. Также читатели предлагают дать

реальные льготы среднему и малому бизнесу (190 человек, 26%). 170 человек (17%) считают, что предложения известны, но исполнять их некому.

Как показал опрос жителей города и комментарии читателей в электронных СМИ, рациональных предложений у таджикистанцев по обустройству Душанбе накопилось немало: *в каждом квартале построить зеленые зоны – небольшие парки; в городе почти нет туалетов и телефонных будок; при строительстве культурно-социальных объектов необходимо широко использовать элементы таджикской архитектуры; подумать о создании душанбинского «Арбата» – то есть пространства, где художники, ремесленники и другие умельцы смогут выставлять свои работы для продажи туристам, смогут просто рисовать* [319].

Имели место и пессимистические настроения: *все-таки нет точного видения того, каким должен быть Душанбе. <…> строительство ведется без учета всего «ансамбля»; это все нужно было делать 15 лет назад, тогда многие специалисты, экономисты и бизнесмены еще ждали, что руководство начнет оздоравливать политическую и экономическую ситуацию, сейчас люди - сами по себе, государство - само по себе* [319].

Многие из горожан выражают крайнюю степень обеспокоенности касательно сноса «старого Душанбе», исторических памятников прошлого века, а также повсеместную вырубку чинар.

«Еще не поздно, мы просим нового мэра прекратить снос домов и других объектов в Душанбе, а построить новый город на восточных и южных окраинах. Так, например, поступили в Баку, Ташкенте, других городах, где есть старый и новый города. Какая бы ни была, это наша история. К тому же это обойдется государству намного дешевле».

Тема демонтажа зданий советского периода продолжает волновать таджикистанцев и сегодня. В частности, большой общественный резонанс вызвало решение о сносе здания ЦК республики, бывшего аппарата президента, построенного в 1957 году на центральном проспекте столицы.

Об этом сообщили на пресс-конференции столичной мэрии в начале февраля 2020 года, при этом информация дате, причине сноса не публиковалась, равно как и что будет построено на этой территории.

Историк Гафур Шерматов считает, что «*здание, построенное для правительства, для партии, сделано по всем канонам архитектуры. Это здание имеет огромнейший запас прочности, как минимум на 300-500 лет. Когда нам говорят, что это здание выработало свой ресурс, это, по меньшей мере, не честно, это обман. Вы посмотрите на его гранитную облицовку, вы посмотрите на его чудесную архитектуру. Сохранять историю очень важно. В этом дворце работали Джаббор Расулов, Турсунбой Ульджабаев, Рахмон Набиев, Каххор Махкамов и тысяча других людей. На этом здании выросло более 10 поколений в Таджикистане. Это все равно, что душу вынуть*» [379].

По этому поводу корреспондент газеты «Азия-плюс» Надиров Б. пишет о том, что «*быть услышанными столичные жители особо не надеются – не в первый раз в столице сносятся здания без учета мнения горожан*» [379], ввиду чего последние просят хотя бы организовать экскурсии для желающих, мотивируя это высокой исторической ценностью подлежащего сносу объекта.

В эпицентре постоянного и повышенного внимания гражданского общества находятся и вопросы, связанные с трудовой миграцией. Особую обеспокоенность вызывает женская миграция. «*У таджикских женщин есть веские причины, что бы принять решение ехать за куском хлеба в другую страну»* [365]. В прессе говорят о внесении нескольких пунктов в государственную Программу по защите мигрантов: *«1. Если женщины вернулись из миграции с определенными финансами на руках, то правительство должно содействовать им в получении беспроцентных кредитов для развития своего дела; 2. Те предприятия, которые откроют женщины, должны быть освобождены от налоговых выплат; 3.*

Государство должно открыть множество разных мелких предприятий, чтобы женщины могли найти там работу» [266].

Следует признать, что власти страны не оставляют данную проблему без внимания, и чиновники находятся в регулярной кооперации по этим вопросам с гражданскими активистами. Однако прогнозы журналистов нельзя назвать позитивными. В частности, в одном из номеров «Азия-плюс» опубликована статья «Страшный сон мигранта», в которой автор пытается ответить на вопрос о готовности отечественных чиновников к возможному массовому возвращению наших мигрантов из России: «*Таджикский трудовой мигрант, который всегда был предметом «торга» между Душанбе и Москвой, снова жертва. Но теперь более полутора миллиона наших граждан страдают из-за ухудшения отношений между Россией и странами Запада. Чем закончатся русско-американские разногласия, и какие уроки из этого извлекут власти Таджикистана?»* [397]. В статье приводятся мнения отечественных аналитиков.

«Женский» вопрос во всем его многообразии продолжает волновать СМИ и в 2019, когда акцент делается на многограннике «ислам – брак – развод – безработица»: «*Когда муж заставляет жену надевать хиджаб, это насилие. Женщина имеет право обратиться в соответствующие органы, это впоследствии может привести и к разрушению семьи. В итоге муж женится второй раз, а разведенную женщину общество Таджикистан не может обеспечить работой, чтобы она самостоятельно могла прожить дальше»* [398].

Таким образом, проведенный анализ материалов русскоязычных СМИ республики на предмет выявления степени участия гражданского общества в политическом устройстве страны не позволяет дать однозначную трактовку и оценку. На наш взгляд, эта особенность обусловлена трансформационными процессами, происходящими практически во всех странах бывшего советского союза. Аналитики видят неразрывную связь между влиянием

Запада в лице международных организаций и «советским» идеологическим наследством, которое досталось гражданам в одночасье ставших суверенными стран, что создало принципиально и концептуально новую платформу формирования нового гражданского мышления. В Таджикистане ситуация на порядок усугубилась за счет военно-политического кризиса в стране в последней декаде прошлого века, когда разного рода преобразования происходили в условиях гражданской войны и/или ее последствий, когда о полновесной силе слова гражданского общества, а тем более о его влиянии на решения властей не могло идти и речи, поскольку оно (гражданское общество) было вовлечено в пучину кровавого противостояния. Подписание Общего соглашения о мире и национальном согласии, которое, кстати, состоялось, в том числе, благодаря содействию организаций гражданского общества, можно считать качественно новым этапом развития гражданского общества в Таджикистане. Но ввиду трагического локального опыта само гражданское общество, а также свобода и сила его слова, соответственно, еще долгое время не смогут занять нишу реального стимулирующего фактора при принятии важнейших политических решений, несмотря на попытки СМИ и различных международных организаций, аккредитованных на территории Таджикистана, активизировать деятельность гражданского общества в политической жизни государства, как это происходит в западных и европейских странах.

Данный прогноз основан на гипотезе, согласно которой свобода слова и свобода политической борьбы, которые отличают западную и европейскую политические традиции, являются следствием эволюции, то есть процесса постепенного изменения, последовательного развития кого-л. или чего-л. от одного состояния к другому. В случае же с постсоветскими странами, Таджикистаном особенно, эти свободы были достигнуты революционным путем, а революцией, как известно, является 1) быстрое и глубокое изменение основных устоев политического, социального и культурного

порядка, великое потрясение, происходящее в том случае, если другого выхода из социальных и политических противоречий обществу не оставлено; коренной переворот, означающий низвержение отжившего и утверждение нового, прогрессивного общественного строя; 2) Глубокое качественное преобразование в какой-либо области, ведущее к коренному обновлению и усовершенствованию чего-либо.

В этой связи было бы наивным полагать, что руководство республики, которое ценой сотен тысяч жертв и многомиллионного ущерба вследствие гражданской войны восстановило таджикскую государственность, находившуюся под угрозой своего полного исчезновения в начале 90-х, предоставит полноправную, повсеместную возможность гражданскому обществу во всем его многообразии, многогранстве и сложности принимать равноценное с политическими элитами участие в решении как внутри-, так и внешнеполитических вопросов страны. Безусловно, власти соблюдают определенный баланс, и в современных условиях не прозвучит знакомая каждому советскому гражданину фраза о «повышении цен по просьбам трудящихся», в том числе и потому что СМИ в этом аспекте активно освещают деятельность организаций гражданского общества, которые представляют интересы всех социальных групп.

С другой стороны, мы в определенной степени поддерживаем мнение Л.Е. Филипповой, которая предполагает, что «низкий уровень участия населения в политике и неверие в эффективность политической активности объясняются тем, что в стране не сложилось чёткого представления о том, что собой представляет политика как специфическая сфера общественной активности. Во многом причина этого заключается в том, что у широких масс населения слабо дифференцированы гражданская и политическая сферы, не происходит формирования политических идентичностей» [218, с. 29]. В этой связи вполне объяснимо мнение скептиков, выражающих сомнение по поводу самого факта существования гражданского общества.

В Таджикистане, как и в других странах бывшего Союза, основу протокола отношений гражданского общества и властей составляет реализация, мониторинг, поддержка и защита гражданским обществом проектов и программ, направленных на укрепление демократических норм. Аналогичную цель преследуют СМИ, которые освещают проблемы общественности, тем самым также как и НПО формируют социальную повестку. В Таджикистане действуют общественные организации как ОО «Хома», Национальная ассоциация независимых СМИ Таджикистана (НАНСМИТ) и коалиция женщин – журналистов Таджикистана. Их деятельность направлена на защиту свободы слова и прессы, что вписывается в общую повестку гражданского общества [287].

Для государства гражданское общество — это, безусловно, ценный актив. Государство, в отличие от гражданского общества, не так эффективно выстраивает связи с общественностью: даже на местном уровне чиновники либо не заинтересованы в работе с населением, либо на это не хватает времени и ресурсов. В таких случаях именно гражданское общество играет роль моста между обществом и государством.

Прежде чем обозначить репрезентационный блок концепта «гражданское общество», следует отметить, что трансформационные процессы последних трех десятилетий в истории суверенного Таджикистана не оказали существенного влияния на развитие гражданского общества Таджикистана. Подтверждение этой теории можно увидеть в лексической реализации концепта «Гражданское общество» в СМИ, которая демонстрирует достаточно ограниченный ракурс презентации:

Ядро: *Гражданское общество*

Приядерная зона: *сограждане, народ, мир, спокойствие, нация, выборы, референдум, патриотизм, патриот, гражданские активисты русскоязычное население, русский язык, плюрализм, молодежь, конституция,*

семья, профсоюзы, страна, культура, «Микрофони озод» («Свободный микрофон»), омбудсмен, новая мэрия, столичные жители и пр.

Ближняя периферия: *социальная защищенность, экономика, виртуальное сообщество в сети, социальные сети, культурные ценности, интернационализм, культура, кадровый вопрос, гражданская журналистика, Facebook, Google, Instagram, Twitter, Viber, WhatsApp, YouTube, блог, комментарии, пиар, Лига женщин - юристов, социальный опрос и др.*

Дальняя периферия*: февральские события в Душанбе, гражданская война, митинг, экстремистские силы, политическая партия, интернет, трудовые мигранты, свобода слова и выражения мнений, правозащитные и общественные организации, пандемия коронавируса, благотворительность, хукумат, демонтаж, домоуправление и т.д.*

Лимитированность диапазона объективизации данного концепта объясняется частичной корреляцией представленного концептуального поля в контексте социологической модели гражданского общества, состоящей из нескольких блоков: экономического, политического, правового, духовного, ценностного, управленческого и информационного [100, с.11], каждый из которых может иметь национальную/региональную/общественно-политическую специфику на конкретном этапе развития гражданского общества. Рассмотрим концептуальную реализацию каждого из этих блоков в проекции Республики Таджикистан.

Экономический блок включает широкую сеть структур гражданского общества, образованных негосударственными организациями, функционирующих в условиях рыночной экономики, в рамках которой существует вероятностью банкротства, жесткой конкурентной борьбой и другие риски. Частная собственность, безусловно, являет собой серьезный показатель независимости человека от государства, хотя требует от ее

обладателя повышенной активности и организованности. Однако, несмотря на наличие государственных инициатив, направленных на поддержку малого и среднего бизнеса в Таджикистане, данная область остается вне зоны участия подавляющего большинства рядовых граждан, основным источником доходов которых является работа в госсекторе. Этот факт объясняет отсутствие лексем, реализующих концепт «гражданское общество» в срезе экономики и финансов в приядерной зоне, при этом фиксируется небольшое их количество в ближней и дальней периферии.

Социальный блок**.** Его системообразующим элементом является средний класс, который считается гарантом стабильности общества и обладает следующими характеристиками: реальное обладание материальной (частной) собственностью; свобода в выборе форм собственности, определении профессии и вида труда, стабильный источник дохода, распоряжении результатами своей деятельности; высшее/послевузовское образование и пр. Судя по лексической актуализации концепта, можно утверждать, что в этом аспекте таджикское гражданское общество отличается достаточной степенью активности.

Политический блок – свидетельство политической активности граждан, которая проявляется преимущественно через участие или учреждение политических партий, общественных движений, гражданских инициатив, наделенных определенными властными функциями и направленных на реализацию интересов, прав и свобод граждан, обеспечение социальной защиты и справедливости. В условиях Таджикистана данный блок получает определенную долю концептуальной реализации, обусловленной многопартийной системой республики. В этой связи единица «*политическая партия*», казалось бы, должна занять место в приядерной зоне структуры концепта «Гражданское общество», однако она «ушла» в слой дальней периферии. Полагаем, что подобная расстановка обусловлена тем, что в мировой практике практически нет примеров, когда у политических партий,

за исключением правящей, есть интересные, запоминающиеся лидеры, отвечающие современным требованиям и способные в трудные политические периоды принимать ответственные политические решения или хотя бы демонстрировать это. Как показали социологические исследования, о подавляющем большинстве партийных лидеров многие люди вообще никогда ничего не слышали [101, с. 35].

Считаем принципиально важным упомянуть локальный опыт по легализации деятельности партии религиозного характера. Данная повестка не оправдала ожиданий таджикских властей и гражданского общества в вопросе обеспечения стабильности в мусульманских обществах со светским режимом правления. В контексте проведения 30% реформы правительства, власти страны руководствовались несколькими принципами: а) легальная деятельность исламских политических сил приведет к глубокой эволюции их сущности, структуры и методов ведения политической деятельности в целом, а также к трансформации их политической культуры; б) действуя на легальной политической арене и в строгих рамках закона, эти силы постепенно пройдут процесс глубокой социализации и модернизации, разделят чувство ответственности за стабильность и развитие общества в стране; в) адаптируясь к политической культуре общества, они перейдут на умеренные созидательные позиции и станут естественной частью легального политического пространства. По мнению аналитиков, такая трансформация должна была привести к снижению религиозного и политического экстремизма в обществе, поскольку легализация – это канал их социализации, модернизации и национализации [176, с.195]. Однако «элемент стабильности» таджикского мира (так воспринимало ПИВТ таджикское руководство) в силу определенных обстоятельств превратился в «фактор нестабильности» таджикской государственности, которую представляет нынешнее правительство страны, действующее на основе Конституции.

Более того, по мнению аналитиков, открытие доступа для всех представителей гражданского общества в круги политической элиты обусловит ситуацию, когда в «политические партии полезут карьеристы, авантюристы, популисты и демагоги, стремящиеся и здесь получить собственную выгоду, что, кстати, уже было» (по Котлярову) в Таджикистане в начале 90-х прошлого века.

Соответственно, лексема «политическая партия» как репрезентант концепта «Гражданское общество» встречается в материалах СМИ достаточно часто, но степень реального концептуального смысла, вкладываемого в эту единицу, можно считать в определенной степени усеченной.

Правовой блок – гарант обеспечения правовых методов прав и свобод граждан, социальной защиты и справедливости, свободы и демократии, плюрализма мнений и возможности каждого человека выражать свою политическую волю. В Республике Таджикистан, как и во многих странах, имеющих большой опыт деятельности гражданского общества, на основе Закона Республики Таджикистан «Об уполномоченном по правам человека в Республике Таджикистан» (принят Постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 27 февраля 2008 г., № 902) официально введена одноименная должность. Принятие данного закона помогает решить многие проблемы современного гражданского общества нормативными методами. Внимание к правовой сфере позволяет расширить структуру рассматриваемого концепта за счет включения в правовые отношения всех участников современного таджикского социума.

Духовный блок – транслирует идею развития гражданского общества на основе собственной национальной культуры и духовных ценностей (наука и знания, мораль и нравственность, нормы поведения и т.д.). В этом смысле духовность призвана обеспечить свободу мысли, совести, слова, развивать и преумножать патриотический потенциал нации. Анализ материалов СМИ

показал, что духовный аспект в контексте таджикского гражданского общества занимает приоритетные позиции – приядерную зону и ближнюю периферию – ввиду активной политики в области национализации массового сознания граждан страны.

Управленческий блок стал основополагающим в системе развития гражданского общества, поскольку никакая общественная проблема не может быть решена без активного участия местного самоуправления. Однако данный блок не является свободным от проблем: большинству таджикистанцев свойственна политическая и социальная пассивность, неразвитость соответствующих личностных и профессиональных характеристик у управленцев, неспособность отстаивать реальные интересы коллег, односельчан, отдельных сообществ [101, с.70]. Это практически «закрытое» пространство находит такую же «закрытую» актуализацию в структуре концепта «Гражданское общество», как бы «загоняя» лексику его реализующую в зону дальней периферии.

Информационный блок – естественное право человека на информацию, которое не даруется государством, а существует независимо от него, хотя и закреплено в Конституции. Центральный элемент данного блока – средства массовой коммуникации, прежде всего, электронные, роль которых в формировании современного таджикского гражданского общества, развитии гражданской культуры трудно переоценить ввиду неоднозначной роли СМИ в период паралича власти (начало 90-х) и гражданской войны (1992-1997 гг.). Под неоднозначностью имеются ввиду обвинения в адрес отечественных массмедиа (в основном это касается оппозиционной и независимой прессы) в разжигании и пролонгации межтаджикского конфликта. А ведь именно СМИ призваны формировать высокие нравственные ценности, идеалы и ценностные ориентации. Первостепенное значение в этом отводится активной гражданской позиции самих журналистов, их профессиональному мастерству. Как показывает социальная реальность, СМИ способны

воспитать гражданина, патриота, героя. Но от их влияния могут сформироваться «подлецы и негодяи, лицемеры и демагоги. Ведь современные электронные средства массовой информации, как утверждают многие аналитики, характеризуются потерей вкуса, жалким примитивизмом, невежественным мышлением, вседозволенностью» [101, с.220].

В этой связи полагаем уместным фрагментарно упомянуть вопрос о профессионализации блогосферы (о которой мы уже говорили выше), поскольку данный массмедийный сегмент играет сегодня одну из знаковых ролей в развитии не только гражданской журналистики, но и гражданского общества. Блогерство на коммерческой основе может привести к двум отличным друг от друга сценариям: 1) сделать эту площадку достаточно многолюдной, что обусловит появление целого ряда проблем, в частности остросоциальных; 2) «очистив» эту площадку от непрофессионалов, специалисты испытают все позитивные в экономическом аспекте формы воздействия правящей элиты, а это, в свою очередь, будет способствовать масштабной идеологической пропаганде и, как следствие, высокому уровню национальной идентичности гражданского общества. Более того, материалы СМИ, в том числе и гражданских позволят расширить пространство базовых национальных, исторических, культурных и общечеловеческих концептов, представляющих наибольшую ценность для народов, населяющих конкретную территорию.

Подводя итог, отметим, что гражданское общество, несмотря на различные ограничительные меры, принятые в контексте социально-политических условий каждого отдельно взятого государства, не должно уклоняться от определенной доли ответственности за положение дел в стране, принимать участие в формировании национальной идеологии и стратегии национального развития. Анализ материалов СМИ показал, что гражданское общество в Республике Таджикистан еще недостаточно активно, чтобы выражать аргументированное мнение по всем проблемам

гражданского строительства. И все же некоторые институты гражданского общества эту роль начинают успешно выполнять, хотя положительная тенденция влияния гражданского слова на решения властей – явление, отличающееся определенной турбулентностью, которая может найти свою полновесную объективизацию в контексте выделения концептуального пространства СМИ на всех этапах развития гражданского общества.

2.5. Объективизация концепта «Национальная идентичность» в условиях государственного суверенитета

Современные модернизация и глобализация, сиречь трансформация, бесспорно, представляют собой серьезную угрозу для политического и культурного единства состоявшихся наций. Так называемый Дамоклов меч висит, как правило, над полиэтническими странами с исторически закрепленными территориями компактного проживания этносов. Как следствие, существуют реальные риски не только утраты национальной идентичности и дробления ее на этнические составляющие, которые под повсеместным воздействием процессов глобализации приобретают тенденцию к укреплению, рождая многоликий национализм. В этой связи одним из ключевых вопросов современности обозначено влияние глобализации на национальную идентичность отдельных народов и на различные культурные и цивилизационные формы, созданные на протяжении тысячелетних течений мировой истории [127, с. 29]. Данное положение в полной мере применимо к Советскому Союзу, поскольку его идеология априори исключала этнический фактор и латентно была нацелена на денационализацию всех этнических групп его населяющих, которая выражалась в попытке сформировать «советского космополита» – феномен, включавший в себя универсальное понятие – концепт «Советский человек». Эта цель достигалась преимущественно путем плотного заселения

территорий республик представителями разных национальностей, что, безусловно, «размывало» доминирующее положение коренного этноса. Общественно-политическая депрессия первой половины 90-х положил начало новой тенденции – национализации не только материальных объектов, но и культурно-исторического сознания наций.

Беспрецедентное расширение родственных, местных и региональных общественных групп в более широкое общественное целое способствовало появлению понятия «национальная идентичность». Важно детерминировать типы (образцы) национальной идентичности: первый (старейший), получивший название «традиционный», базируется на общем происхождении, традиции и культуры отдельных народов, то есть наций. В основе второго типа, «либерального» (гражданского, универсального), лежит принадлежность индивида к государству (гражданству), то есть общественному порядку и его правовым нормам, которые важнее этнических, культурных, религиозных и других характеристик общественных групп, «объединившихся в либеральное политическое сообщество, т.е. государство равноправных граждан» [127, с. 30]. Согласно постулату либерального типа национальной идентичности, разрешается все, что не запрещается законом. В рамках этого образца каждый индивид имеет право исповедовать свою религию, уважать и соблюдать свои этнические обычаи, говорить на своем языке и пр. Более того, все эти действия, несмотря на свою «частность» сохраняют за исполнителем статус равноправного с другими членами общества гражданина. В Республике Таджикистан наблюдается гармоничное сочетание этих двух типов, несмотря на полновесную политику по продвижению первого «традиционного» образца, основу которого составляет «учет менталитета таджикского народа <...> и активная культурно-просветительская деятельность» [7, с. 160].

Понятие «национальная идентификация» нередко используется как

полный синоним национального самосознания. Однако ученые настаивают на их концептуальном разграничении и предлагают обозначить национальную идентификацию в качестве основополагающего элемента национального (этнического) самосознания. Так, национальное самосознание – это осознание народом себя как этнической общности, то есть относительно устойчивая система осознанных представлений и оценок, реально существующих «этнодифференцирующих и этноинтегрирующих компонентов жизнедеятельности этноса» [227, с. 15]. В то время, как национальная идентификация подразумевает процесс отождествления личности с национальной общностью, к которой она принадлежит, она выступает наряду с «общечеловеческой» и «личностной» идентификацией в качестве когнитивной структуры, в которой соединены те связи, отношения, оценки, которые «структурируют место данного конкретного индивида в нации»[290].

Таджикский ученый М.А. Абдуллаев в контексте своей монографии предлагает не дифференцировать понятия «национальное самосознание», «национальное самоосознание», «национальная идентичность», «этническое самосознание», «национальное сознание», «этнонациональная идентичность», а применять их «в качестве близких и равнозначных понятий» [5, с. 19]. Мы воспринимаем данный подход как весьма приемлемый и в рамках настоящего исследования он будет использован в статусе опорного.

Весьма интересной представляется идея отождествления процесса становления национальной идентичности с этапами психологического формирования ребенка, предложенная еще в 1951 году швейцарским психологом и философом Жаном Вильямом Фрицом Пиаже. Ученый выделяет три этапа в развитии этнических характеристик: «в 6-7 лет ребёнок приобретает первые – фрагментарные и несистематичные знания о своей этнической принадлежности; к 8-9 годам ребёнок уже чётко

идентифицирует себя со своей этнической группой, выдвигает основания идентификации – национальность родителей, место проживания, родной язык; в 10-11 лет этническая идентичность формируется в полном объёме, в качестве особенностей разных народов ребёнок отмечает уникальность истории, специфику традиционной бытовой культуры» [275].

Если провести аналогию выше представленной теории с процессом формирования национальной идентичности таджиков в период постсоветских трансформаций, то вполне резонно можно отметить, что в республике этот процесс проходит с определенными задержками в силу идеологического разлома и военного противостояния 90-х годов, хотя на сегодняшний день находится на беспрецедентно высоком уровне своего развития. Важно понимать, что подобная тенденция не является стихийной, это серьезный, тщательно выверенный алгоритм, который определяется такими факторами, как:

- законодательная база (например, наличие и соблюдение законов о государственном языке, о национальном образовании, о религиях и вероисповедании и пр.);
- проводимая демографическая политика, которая должна сопровождаться активной пропагандой со стороны государства и общественных организаций традиционных семейных ценностей, организации заботы о людях преклонного возраста как важных носителях традиций и опыта народа; обеспечение связи поколений этноса, уважительное отношение к его истории и др.;
- образовательные и молодежные программы, направленные, в том числе, и на предоставление подрастающему поколению знаний о родной культуре и сохранении ее ценностей;
- состояние межэтнических отношений;
- наличие или отсутствие массовой миграции;
- эффективность мер по охране памятников национальной культуры и

защите окружающей среды [137, сс. 29-30].

В качестве не просто и не только важного дополнения к этому перечню, но и действенного инструмента имплементации всего перечисленного следует назвать средства массовой информации, которые находятся на переднем фланге в вопросе становления и развития национальной идентичности на любом этапе этого процесса. Ведь идеи национальной идентичности и патриотизма невозможно формировать без их пропаганды, разъяснения и освещения.

Профессор М.А. Абдуллаев уверен в теснейшей взаимосвязи национального и политического самосознания с журналистикой и публицистикой. Более того, ученый обращает внимание на концептуальную составляющую таких понятий, как средства массовой информации, средства массовой коммуникации, публицистика, журналистика, нация, национальное самосознание, национальная идентичность[4, с.8]. Исследователь убежден, что «политика перестройки дала толчок возрождению национально-исторической памяти, которая, прежде всего, находит отражение в публицистике» [5, с. 4].

Примером формирования и развития этнической идентичности таджиков в период независимости Республики Таджикистан могут послужить отдельные материалы отечественной прессы разного периода публикации. Одной из знаковых можно считать программную статью таджикских ученых И.К. Усмонова и А. Сатторзода «Необходимость формирования национальной идеи», опубликованную в июне 2006 году в одном из общественно-политических периодических изданий республики. Исследователи отмечают, что «*сегодня мы* (таджики. –Х.Т.) *как никогда остро нуждаемся в определении национальной идеи и становлении единой нации. Потому что в нынешних условиях переходного периода от тоталитарной системы к демократическому строю только формирование национальной идеи и единой нации может вывести нас из кризисной*

ситуации... » [394]

О национальной идентичности И. Усмонов говорит и в своем объемном интервью газете «Азия-плюс». М.Курбанова, корреспондент, беседовавшая с профессором, в одном из тематических блоков разговора отмечает, что в И. Усмонове «*заложен патриотизм, гордость за свой народ и нацию, за ее язык; он был первым, кто в СМИ поставил вопрос о придании статуса государственного таджикскому языку, хотя об это мало кто знает*» [373]. На вопрос о своем личном вкладе в национальный вопрос исследователь отвечает, что в свою бытность деканом филологического факультета Таджикского государственного университета «*после принятия Закона «О языке», не стал дожидаться постановления правительства и претворил повсеместное изучение таджикского языка в университете*» [373]. В контексте этого же интервью очень сильный национальный посыл несет следующее его высказывание: «*Таджик, который не любит и не уважает Иран, не таджик. И в то же время, если таджик не любит Таджикистан, он вообще не человек*» [373].

Тема этнонациональной идентичности и самоосознания стала лейтмотивом книги профессора И.К. Усмонова «Таджикнаме», состоящей из трех частей (две первые на таджикском, последняя – на русском). По сути, это издание является сборником практически всех трудов ученого, изданных в течение более 45 лет. И.К. Усмонов задается целью выявить место таджикского народа в Средней Азии и среди ираноязычных народов. Исследователь научно обосновывает и доказывает полноценное право таджиков на национальную идентификацию, парируя таким авторам, как Л. Левитин («Узбекистан на историческом повороте», где *«речь идет не об Узбекистане и узбеках, а о Таджикистане и таджиках* [208, с.79]), Г. Хидоятов («Крушение Саманидов», в которой автор «*нагло лжет своему читателю*» [208, с.121]*),* А.Д. Гребенкин («Таджики», в котором *«не все оценки автора можно считать научно-приемлемыми*» [208, с. 224]*),*

В.И. Бушков («Таджикистан в XIX-XX вв. Традиции и современность», «*работа выполнена не в духе реалистичной российской востоковедческой науки, которая рассматривала все проблемы после тщательного анализа существующей литературы и источников*» [208, с. 236])

Относительно вопроса этнонациональной идентичности и самосознания профессор И.К. Усмонов отмечает, что *«национальная идея – это идея Таджикистана. Нацию надо понимать не просто как народ, национальность, а как государство. <...> У каждого государства должна быть определенная, передовая мысль, которая могла бы объединить весь народ. Мы в ответе за то, чтобы ни один таджик не отделился от своей нации, от языка и культурных ценностей..* [208, с. 190]. *Слова «таджик» и «таджикский язык» являются нашим национальным достоянием...* [208, с. 196].

Помимо сугубо профессиональной журналистской пропаганды национальной идентичности таджиков, в СМИ публикуются и статьи людей далеких от журналистики, чей вклад в освещение этого вопроса трудно переоценить. В частности, в одном из весенних выпусков газеты «Курьер Таджикистана» была опубликована статья под авторством А.С. Достиева – видного государственного деятеля, политика, политолога, которая «*по содержанию изложенных фактов и комментариев к ним, по широте рассуждений и оценкам достояна страниц любых политических или научно-политических мировых изданий* [208, с.197].

Нарратив «Таджикский народ не нуждается в чьих-то подарках в виде «Истории» (ответ академику Б.Литвинскому)» является реакцией на опубликованные на одном из сайтов рунета воспоминания известного ученого – археолога, доктора исторических наук, академика Академии наук Таджикистана Б.А. Литвинского. Дискуссия разгорелась вокруг интереснейшего научного труда современности – книги «Таджики», написанной ученым и государственным деятелем Таджикистана академиком

Б.Гафуровым. По воспоминаниям Литвинского, *«инициативу и готовность оказывать помощь в реализации авторской идеи бессмертного труда Б.Гафурова «Таджики» молодой тогда ученый проявил сам. И связано это было не только с безусловным уважением к личности Гафурова, но и интересом к его направлению в научной работе по изучению истории Таджикистана, к которому он приобщил Б.А.Литвинского*» [369].

Отметим, что, к большому сожалению, оригинальный текст или аудиозапись этого интервью оказались недоступны по официальным ссылкам, в этой связи предметом анализа стали лишь его выдержки, опубликованные в рассматриваемой статье.

Негодование А.С. Достиева вызвал тот факт, что «*при подготовке интервью слова академика Литвинского... были неверно интерпретированы, так что исказился смысл. Ведь нельзя подарить народу историю, если она, и причем, богатейшая, у него есть. Историю можно неустанно и подвижнически изучать, как делает это на протяжении десятилетий сам Литвинский... А отдельные эпизоды выхватываются некоторыми читателями из контекста воспоминаний и трактуются весьма вольно, так что смысл их искажается. Доходит до неприятных, а порой и гнусных оскорблений в адрес Б.А. Литвинского*» [369].

Усматривая в этом «сценарии» националистический подтекст, в своей статье А.С. Достиев с сожалением отмечает, что «*сейчас мало поощряется, когда говорят правду о достижениях или выдающихся личностях советского периода нашей в прошлом общей страны... На протяжении 67 лет нахождения в составе СССР никто из таджиков не был в его руководящем составе. А руководили страной представители других республик. ... Наряду с общими проблемами, большая часть нашего народа, проживая на своей исконной территории древних городов и поселений, росчерком пера кого-то стали гражданами других стран... Хотя, по большому счету, мы благодарны тому государству и, прежде всего,*

народам той страны за восстановление нашей государственности» [369].

Вполне резонно А.С. Достиев затрагивает и вопрос миграции, обозначая очевидные причинно-следственные связи: «*Государство* (СССР. –Х.Т.) *с помощью льгот поощряло рождаемость в таких республиках, как Таджикистан, а предприятия для этой рабочей силы строило в других местах. Вот тогда и сложился этот перекос: работа в одном месте, а люди в другом. И хоть за последние 17 лет в Таджикистане создано немало рабочих мест, последствия этого перекоса дают о себе знать, в том числе и сегодняшним наплывом трудовых мигрантов*» [369].

В заключении известный таджикский политолог подчеркивает, что *«таджикский народ, имеющий древние государственные образования, не нуждается в чьих-то подарках в виде истории. ... Наблюдались попытки присвоения нашей славной истории, но никогда никто не дарил нам ничего, никто не дарил нам нашу историю..* » [369].

Безусловно, широкий исторический контекст статье придает имя знаменитого таджикского ученого современности Б.Гафурова, которого называют отцом советского востоковедения, а его произведение «Таджики», изданное в 1972 году на русском языке, до сих пор сохраняет статус наиболее полного исследования одного из древнейших народов мира. В этом труде ученый доказал, что формирование таджиков происходило еще в древнейшие времена и именно на территории Центральной Азии. Книга «Таджики» считается прорывом в историческом, национальном самосознании таджиков, это «*факел, который пролил свет на темные и забытые страницы истории таджикского народа*» [401].

По словам Президента Республики Таджикистан, Б. Гафуров был государственным деятелем с академическим кругозором и академиком с государственным мышлением. Вся его жизнь являет собой пример преданного и самоотверженного служения интересам науки, своего народа и Отечества. В рамках своего ежегодного Послания Парламенту Республики

Таджикистан Лидер нации заявил о том, что к 30-летию Государственной независимости страны каждой таджикской семье подарят книгу Б. Гафурова «Таджики». Глава государства поручил правительству переиздать за счет Фонда Президента Республики Таджикистан этот фундаментальный труд.

Президент страны выразил уверенность в том, что «*это позволит населению глубоко изучить славную историю своего народа, являющуюся великой школой самосознания, которую необходимо почитать, изучать яркие страницы героизма и подвигов своих предков и утверждать их как основу идеи патриотизма и верности Родине. В особенности в условиях глобализации и развития информационных технологий, что способствует засорению национальной культуры чуждыми элементами, обращение к истории, познание себя, очень важны и даже обязательны для каждого человека, в особенности подростков и молодежи. Министерствам образования и науки, культуры и Академии наук поручается перевести и издать эту книгу на иностранные языки и её электронный вариант распространять посредством интернет сайтов. Научная ценность этого фундаментального исследования весьма велика, и Бободжон Гафуров этим своим подвижническим многолетним трудом познакомил нас и мир с яркими страницами истории нашей нации.*

В нынешних условиях, в период, когда каждый житель общества как никогда нуждается в самосознании и защите своей исторической памяти, издание этого выдающегося произведения и его распространение среди народа страны будет способствовать расширению и укреплению чувства патриотизма, национальной гордости и повышению уровня просвещенности нашего общества» [325].

Весьма пристальное внимание со стороны таджикского лидера к вопросам национальной идентичности вполне объяснимо – вся его политическая карьера, которая началась в условиях глубочайшего кризиса таджикской государственности, всегда была направлена на становление и

развитие национального самосознания. Об этом ярко свидетельствуют уникальные труды, написанные на эту тему главой республики. В частности, его книга «Таджики в зеркале истории» даёт персональный взгляд на историю и идентичность современного таджика, чьи корни глубоко уходят в персидскую культуру и историю. Это издание было переведено на русский, английский, немецкий, арабский, китайский, персидский и французский языки. В своей книге, которая «*является больше, чем просто ещё одна книга по истории Центральной Азии*», помимо исторического контекста Лидер нации подробно описывает «*смутный период, который привёл к формированию современной Республики Таджикистан и укрепил таджикскую идентичность*» [323].

Стремление поддержать патриотический настрой и чувство самосознания граждан республики подвигло Комитет по телевидению и радиовещанию обязать отечественные радиокомпании проводить *«литературные чтения трудов таджикского Президента Эмомали Рахмона на всех частотах. Литературное наследие Лидера нации насчитывает больше 20 книг. Директор государственного радио «Точикистон» Фаррух Зиёев рассказал, что для того, чтобы донести их до слушателей, будут наняты специальные актеры. Он добавил, что две книги уже были запущены в эфир – «Таджики в зеркале истории» и «Язык нации – бытие нации». Обе аудиозаписи попали в золотой фонд радиопрограмм. В 2016 году отрывки из произведения Эмомали Рахмона «От арийцев до саманидов» уже транслировались по телевидению*» [293].

Инициативы данного порядка вполне обоснованы и в основе своей направлены на формирование и развитие стойкого чувства патриотизма и национального самосознания, однако эксперты обращают внимание и на их отрицательный аспект, который связан, в том числе, и с проявлением националистических настроений.

По мнению экспертов (Н. Садыкова), национальная идентичность, в основном имеет конструктивный, созидательный характер, но в отдельных случаях приобретающей оттенок этнической нетерпимости. Другим важным для региона фактором является «*религиозная идентичность, которая порой навязывается на бытовом уровне в довольно жестких формах. Религиозная идентичность в ее крайних формах исламского экстремизма затягивает Таджикистан в новую региональную, географическую реальность, вырывая его из постсоветского пространства и включая в мир ислама. Но в то же время она может быть и совместимой и с национальной, и с наднациональной, региональной идентичностью*» [322].

Н. Садыкова с определенной долей осторожности воспринимает «*тенденцию (как актуальную, так и потенциальную) исламизации таджикского общества*», поскольку считает *н*авязываемую исламизацию серьезнейшей угрозой многовековой традиционной культуре таджиков, которая способна подорвать нашу стабильность и разрушить государственность Таджикистана. Исследователь исключает возможность обратного процесса, отмечая, что *«развивая светскую культуру, образование, мы не разрушим веру наших людей. Напротив, в атеистическом СССР таджики спокойно исповедовали ислам, развивая при этом науку, образование, литературу, изучая свою древнюю богатейшую культуру и во многом восстанавливая ее, знания о ней, а также обогащая ее. Сегодня же мы видим, что радикальные исламские течения не только выступают против науки и образования, против равноправия мужчин и женщин, но и, по сути, отрывают таджиков от национальной культуры, национальных традиций*» [322].

Противодействие этой угрозе Н.Садыкова видит, помимо всего прочего, *и в «изучении культурного наследия, в том числе и философско-исламского наследия. Ведь суфизм, калам в прошлом были своего рода реакцией прогрессивных мыслителей против религиозного мракобесия.*

Поэтому светское образование, в том числе — на русском языке, может стать важным основанием нашей новой евразийской идентичности» [322].

О национальной идентичности и о конструктивной роли СМИ в его формировании и развитии говорит и известный таджикский журналист, профессор И.К. Усмонов, выделяя несколько ключевых факторов:

Во-первых, государственная независимость предоставила долгожданную возможность *«свободно говорить о таджикской нации, ее роли в обществе, а также предпринимать шаги по территориальным и культурным правам таджикского народа. Советский период создавал условия для национального самосознания наций, в том числе для таджиков, и в первые годы советской власти из таджикской среды выходили на политическую и литературную сцену такие видные деятели как Садриддин Айни, Абдукодир Мухиддинов, Шириншо Шотемур, Нусратулло Махсум, Саидризо Ализода и их соратники, которые начинали борьбу за национальное самосознание таджикского народа. Они с трудом добились создания таджикской печати и школ, а позднее и Республики Таджикистан. Айни не только своими литературными произведениями, а также своими публицистическими и научными работами, в том числе статьей «Смысл слова таджик», открыл путь к самопознанию для собственной нации. В те годы – двадцатые годы двадцатого века – таджикские газеты «Шуълаи инкилоб», «Овози точик», «Рахбари точик», «Бедори иточик» были пионерами в борьбе за национальное самосознание. Но этот процесс в целях сохранения дружбы советского народа в дальнейшем был задушен советской властью, а после репрессий ограничивался рамками социалистического национального самосознания и искусства по форме национальное. Литераторы С. Улугзаде, М. Турсунзаде, М. Каноат, Лоик, Бозор, Гулрухсор на своем творчестве касательно национального самосознания придерживались духа двадцатых годов, но в общих чертах в СМИ национальное самосознание понималось в официальном понимание*

этого термина. Независимость, обретенная в 1991 году, сломала все ограничения такой пропаганды, а руководитель государства во многих своих официальных заявлениях называет формирование национального сознания в числе одной из важнейших задач таджикского общества» [348].

В этом же контексте отметим, что профессор А.Х.Азимов, говоря о роли таджикской журналистики в период культурной революции (1929 – 1940 гг.), также подчеркивает значимый вклад языковедов, литераторов и публицистов в формирование национальной идентичности таджикского народа, в частности национальной периодической печати, что, действительно, является неординарной практикой в период «денационализации».

Основу следующего фактора составляет определенная степень стагнации таких общественных механизмов, как школы, клубы и библиотеки, учреждения культуры и искусства в вопросе пропаганды национального самосознания, что явилось прямым результатом затянувшегося политического противостояния и гражданской войны в республике. И.К.Усмонов подчеркивает тот факт, что за 25 лет государственного суверенитета в таджикской литературе на эту тему «*не было создано достойного произведения. В то время как Правительство предпринимало шаги по воспитанию национального самосознания на примере чествования тысячелетия образования государства Саманидов, празднования круглых дат исторических городов Худжанд, Истаравшан и Куляб, тем не менее, большинство песен и спектаклей, посвященных этим праздничным мероприятиям, призванным воспитать национальное самосознание, были созданы в общих чертах, поверхностно, ответственные государственные учреждения не сумели правильно воспользоваться указанными мероприятиями*» [348].

Третий фактор представляет некорректное толкование терминов «патриотизм» и «национальное самосознание», что является следствием

гражданской противостояния, способствовавшего разобщенности таджикской нации. «*В литературной, научной и культурной среде появились силы, которые нарядили лозунг национального единства местническими свойствами и неверно трактовали национальное сознание*» [348].

В этих неоднозначных условиях именно СМИ взяли на себя инициативу по пропаганде национальной идентичности в политическом, социальном и культурном контекстах, хотя бывали ситуации, когда эти инициативы «*принимали националистическую окраску*» [348]. Сравнивая подход официальных и независимых СМИ в освещении этой темы, И.К. Усмонов отмечает деликатность первых и нетерпимость вторых. Лозунг независимой прессы «Национальный интерес превыше любого другого интереса», безусловно, повышает уровень национальной идентичности, однако материалы, опубликованные под этим девизом, в отдельных случаях носят ярко выраженный националистический характер. Подобные тенденции могут быть оправданы лишь естественной реакцией на такие заявления, как «*Все таджики везут в Россию болезни и наркотические средства, а также ими совершаются все преступления*», «*Закрыть все наземные и воздушные пути, связывающие с Таджикистаном*», «*Прекратить денежные переводы таджикских мигрантов на родину*», «*Ввести визовый режим для граждан Таджикистана*». *Ответ таджикской независимой печати был в таком же духе*» [348].

По мнению ученого, в СМИ отсутствуют организованность и единство по вопросам формирования национального самосознания, и зиждется эта «недоработанная» практика на нескольких подходах, в разной степени практикуемых отечественными массмедиа : а) исламофобия; б) иранофобия; в) русофобия; г) таджиколюбие и пропаганда собственной нации.

Журналист и политолог Зафар Сайидзода поднимает тему национального самосознания в своей монографии «Укрепление нравственных устоев общества - ответ на разрушительные вызовы глобализации», о которой он говорил в своем

интервью газете «Азия-плюс»: *«Сегодня вопрос обретения и укрепления национальной идентичности носит для Таджикистана, как для других постсоветских стран, фундаментальный характер. Ведь, в конце концов, и экономический прогресс, и народное благосостояние, и духовно-культурное влияние - это производные от состояния самого общества, от того, насколько граждане той или иной страны чувствуют себя единым народом, насколько они укоренены в своей национальной истории, ценностях и традициях, объединяют ли их общая цель и социальная ответственность. Между тем сегодня Таджикистан испытывает не только последствия минувшей в конце XX века гражданской войны, но и объективное давление глобализации на свою национальную идентичность. Культурный и духовный код нации оказался под постоянным внешним разрушительным воздействием*» [305].

Анализ материалов русскоязычных СМИ республики на предмет формирования и развития патриотизма и национального самосознания показал, что в целом публикации, входящие в хронологические рамки настоящего исследования, могут считаться полноценной платформой, которая формирует в обществе устойчивый этнический личностный образец, идеал человека с высоко развитым чувством национальной идентичности и самосознания.

По проблемам национальной идентификации и самопознания таджиков одну из ключевых позиций занимают трансформационные процессы в языковой политике страны. Успех и эффективность национальной политики любой страны, находящей свою реализацию посредством медиадискурса, не представляется возможным без планирования и реализации его языковой политики, основополагающим компонентом которой является государственный язык, что считается вполне объективным в рамках возрождения национальной культуры в условиях трансформации, то есть новой парадигме гуманистических ценностей наступившего столетия. В этой связи языковая политика приобретает статус субъектности ввиду наличия

нескольких ключевых факторов. Так, субъектами языковой политики являются:

- ✓ государство (все государственные институты), осуществляющее государственную поддержку национального языка в соответствии со стратегическими интересами страны;
- ✓ интеллектуальная элита – писатели, деятели культуры и искусства, языковеды, переводчики, журналисты, литературоведы и т.п., вплотную занимающиеся осуществлением языкового планирования;
- ✓ представители проживающих в стране различных диаспор, приоритетной задачей которых, в свою очередь, является сохранение собственных языков и языковых прав [148, с. 5].

Особый исследовательский интерес для нас представляет второй субъект языковой политики, в частности журналисты, реализующие медийный дискурс государства.

Вопросу медиадискурса в рамках новой языковой политики РТ отводится одна из приоритетных позиций. В частности, профессор Х.О. Хушкадамова отмечает, что Республика Таджикистан переживает трудный путь возрождения языкового и культурного кода, соответственно, таджикский язык подвергается трансформации, обусловленной объективными и субъективными культурно-историческими причинами. С одной стороны, «ускоряющиеся темпы жизни способствуют появлению новой лексики, которую необходимо оперативно и при этом компетентно интегрировать в современный словарный запас нации. С другой стороны, важно сохранить литературно-историческую основу родного языка предков: классический персидский язык и богатство разговорной речи, которые порой недостаточно грамотно употребляются в современных средствах массовой коммуникации. Процесс языковой адаптации должен опираться на взаимодействие официальных структур и гражданского общества таким

образом, чтобы все нововведения были обоснованы, понятны и удобны для использования всеми слоями общества» [230, с. 120].

В связи с этим следует констатировать, что языковая политика в РТ характеризуется своей многовекторностью, которая проявляется в:

а) расширении и укреплении социально-коммуникативных функций государственного (таджикского) языка, его стандартизации, нормализации и унификации терминологии;

б) создании благоприятных условий для процессов языковой нормализации, что подразумевает «здоровые» отношения между государственным (таджикским) и другими (узбекским, грузинским, азербайджанским, туркменским, киргизским и пр.) функционирующими в республике языками;

в) сохранении общекультурных функций русского языка (ввиду его конституционального статуса и многолетнего стратегического партнерства двух стран);

г) развитие других языков народов Таджикистана. Подчеркнем, что статус государственного, коим наделен таджикский язык, ни в коей мере не ущемляет права других языков.

Срез языковой политики государства, призванный удовлетворить естественную или социальную потребность современных таджикистанцев в таджикско – русско – английском многоязычии, проявляется в Указе Президента Республики Таджикистан «О совершенствовании преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан« (4 апреля 2003 г.). Данная государственная Программа была продлена на период до 2030 года (Приложение 1 к Постановлению Правительства Республики Таджикистан от 30 августа 2019 года, № 438).

Однако наряду с консолидирующими государственными инициативами в этом направлении, вопрос медиадискурса республики продолжает сохранять свой дискуссионный статус, и эта сфера не является свободной от проблем. Прежде чем сфокусировать внимание на этом

сегменте, отметим, что формирование национальной государственности и, как следствие, языковой политики является основным результатом постсоветских преобразований. В рассматриваемом ракурсе с уверенностью можно констатировать рационализм положений нынешней языковой политики Республики Таджикистан, в рамках которой не предпринимаются попытки переписать или «забыть» советское прошлое – правовой статус русского языка закреплен на конституционном уровне, в то время как «во многих республиках бывшего Союза русский язык подвергается целенаправленному гонению, а его носители – завуалированной или открытой дискриминации» [318].

Не следует игнорировать тот факт, что понятие «государственный язык» являлось «новым» понятием для постсоветской действительности, особенно в условиях Таджикистана, на долю которого после распада СССР выпали все тяготы гражданской войны и который, несмотря на политический и социально-экономический коллапс, начал формировать собственную языковую политику, в реализации которой ключевая роль отводилась, естественно, СМИ.

В качестве примера для сравнения приведем позицию Туркмении относительно русского языка, где *он* (русский язык) *считается не более чем одним из артефактов советской эпохи. После получения независимости, правительство взяло курс на тотальную «туркменизацию» и русский лишился статуса официального языка Туркменистана. «Туркменский парадокс: русского языка де-юре нет, де-факто он необходим*» [337], – так лаконично описывают ситуацию аналитики.

Русский язык не имеет официального статуса и в Азербайджане, хотя продолжает активно использоваться в повседневной жизни граждан страны, особенно в ее столице. В декабре 2018 года *«в парламенте Азербайджана даже предложили отменить школьное образование на русском языке*» [286], что вызвало шквал недовольства среди населения.

В Армении русский является первым и обязательным для изучения иностранным языком. В Грузии по причине продолжительного дипломатического, экономического и информационного противостояния с Россией говорить об официальном статусе русского языка и не приходится, хотя Грузия ратифицировала рамочную Конвенцию о защите национальных меньшинств, а русский как раз и является языком русского национального меньшинства.

Правовой статус русского языка претерпевал неоднократные изменения на территории Республики Узбекистан, то теряя, то приобретая право называться языком межнационального общения.

Безусловно, Туркменистан, Азербайджан, Армения и другие бывшие страны союза, включая Таджикистан, ведут национализацию госсектора, в рамках которой языковой политике отводиться особая, знаковая роль. Однако таджикское руководство в этом вопросе соблюдает максимальный баланс, в результате чего таджикский язык, как государственный, получает полновесное звучание во всех сферах и институтах, а русский, в качестве конституционно языка межнационального общения, выступает платформой многопланового стратегического развития и показателем лучших гуманистических характеристик таджикского народа.

Данные переписи населения на 2010 год позволяют констатировать факт многонациональности состава населения Таджикистана и отметить, что подавляюще большинство (не считая, естественно, этнических таджиков) владеет таджикским и русским языками

Таблица 3. Распределение населения республики по полу, национальностям и родному языку

национальность	всего, человек	в том числе считают родным языком			
		язык своей национальности	язык другой национальности		
			таджикский	русский	другие языки
Таджики	6373834	6357071	-	3182	13581
Узбеки	926344	903211	21999	866	268
Русские	34838	32747	819	-	1272
Татары	6495	3996	470	1704	325
Киргизы	60715	59437	897	53	328
Украинцы	1090	451	41	588	10
Немцы	446	222	33	177	14
Туркмены	15171	13653	164	44	1310
Корейцы	634	296	25	287	26
Казахи	595	396	47	78	74
Евреи	34	13	2	14	5
Осетины	396	198	32	160	6
Белорусы	104	31	11	58	4
Азербайджанцы.	371	252	44	61	14
Афганцы	3675	2320	763	12	580
Грузины	92	58	7	19	8
Поляки	23	6	2	13	2
Греки	28	16	2	10	-
Китайцы	801	786	5	8	2
Персы (иранцы)	473	395	26	20	32

Согласно статистическому бюллетеню, на территории Таджикистана проживают представители более 90 национальностей [141, сс. 12-58], и в условиях такого мультилингвализма СМИ республики осуществляли и продолжают осуществлять свою деятельность на трех основных языках: таджикском (государственном), русском (по Конституции – язык межнационального общения), узбекском (в силу географических, исторических, культурных, родственных связей таджиков и узбеков). Следует, однако, отметить, что на сегодняшний день сетку вещания

дополняют передачи (как правило, новостные) на английском и арабском языках. Информационное сопровождение важнейших государственных мероприятий в прямом эфире также проходит на трех языках (таджикском, русском, английском). Но основным языком вещания и печати остается таджикский, что соответствует Статье 4. Язык средств массовой информации Закона Республики Таджикистан о периодической печати и других средствах массовой информации, согласно которой СМИ в Республике Таджикистан осуществляют свою деятельность на государственном и других языках в порядке, установленном законодательством Республики Таджикистан.

Анализ данных Таблицы 3 показал, что, несмотря на миграцию населения (особенно русскоязычного) в свете трагических событий начала 90-х в стране, этнический состав населения республики продолжает оставаться достаточно плотным и разнообразным, и русский язык по-прежнему является вторым родным языком для представителей более 80 различных национальностей, проживающих на территории республики. Невозможно не заметить и плоды активной языковой политики относительно государственного языка. Так, еще в 2012 уже около 40% населения страны, которые не являлись этническими таджиками, считали вторым родным языком именно таджикский.

В соответствии с доступными официальными статистическими данными (возможно, существует и обновленная статистика, но поиск этих источников не увенчался успехом), бюллетени о национальном составе населения Республики Таджикистан выходят с промежутком в 10 лет, соответственно, рассмотреть нынешнее состояние населения республики по национальностям и родному языку на данном этапе не представляется возможным, хотя мы убеждены, что изменения и не будут столь значительными чтобы оказать существенное влияние на реализуемый курс языковой политики страны. Государственный медиадискурс, без отказа от

проверенных временем традиций, не изменит заданных руководством республики координат в языковой политике, основополагающими из которых являются Закон о языке, «Концепция языковой политики Республики Таджикистан» (4 ноября 1996 г.), «Государственная программа функционирования и развития языков» (5 октября 1998 г.) и другие нормативно-правовые акты. Следовательно, по состоянию на 2020 год отметка в 40% имеет все шансы увеличится на порядок.

М.Имомзода отмечает логичность, естественность и формальность процесса использования таджикского языка в правительственных организациях. Вместе с тем он обращает особое внимание на то, что «*сегодня мы являемся свидетелями возникновения важного процесса – зарождения разговорного таджикского языка, общего и понятного для всех регионов Таджикистана и основанного на литературном языке, и следующее поколение таджикистанцев будет говорить на чистом, красивом литературном таджикском языке. Более того, расцвет таджикской государственности не может не стать расцветом таджикского языка, государственного языка суверенного Таджикистана*» [383].

В начале 2019 года в интернете появился первый толковый онлайн-словарь таджикского языка «Вожаджу», что в дословном переводе означает «словоискатель». Это уникальное событие не осталось незамеченным отечественными журналистами и на страницах газеты «Азия-плюс» было опубликовано интервью с разработчиком этого словаря И. Рафиевым «В поисках таджикского слова». В беседе молодой лексикограф отметил, что причиной создания онлайн-словаря стал дефицит копий словаря «Фарханги забони точики» («Словарь таджикского языка»), поскольку его издание датируется 1969 годом, что объясняет факт высокой стоимости даже бывших в употреблении экземпляров этой книги – *«700 сомони при средней зарплате 1000 сомони*» [371]. Он рассказал о трудностях, с которыми

пришлось столкнуться при реализации своей идеи, объяснил правила пользования словарем; поделился планами о разработке всевозможных версий электронного словаря.

Итак, проводимая в Таджикистане языковая политика оценивается положительно по нескольким ключевым критериям:

1. централизованность (поскольку проводится государством и предусматривает систему общеобязательных мероприятий);
2. перспективность (поскольку направлена на изменение существующей языковой ситуации);
3. демократичность (поскольку учитывает интересы широких масс);
4. интернациональность (поскольку основными стратегическими направлениями избраны, в первую очередь, развитие таджикского языка, а также русского языка и языков всех других этнических групп);
5. конструктивность (поскольку направлена на расширение функций и развитие государственного языка, сфер его применения, повышение социально-коммуникативной роли, поддержание функционирования русского языка, а также всех других языков страны) [148, с. 5].

Таким образом, ключевой аспект данной части нашего исследования, коим является концептуальная репрезентация темы национальной идентичности и самосознания в русскоязычных СМИ Таджикистана, может быть представлен в следующем ракурсе.

Предтекстовые пресуппозиции, важные для формирования концептуального пространства текстов, реализующих концепт «Национальная идентичность», заключаются, естественно, в исследуемой хронологии. Помимо этого, ключевая роль отводится общественно-политической ситуации, которая вначале рассматриваемого 30-летнего этапа отличалась своей неоднозначностью и сложностью.

Авторство отдельных публикаций, безусловно, считается одним из основных факторов в вопросе концептуальной презентации, и в данном

конкретном случае такие имена, как Эмомали Рахмон, Абдумаджид Достиев, Ибрагим Усмонов, Зафар Сайидзода, Масрур Абдуллоев и другие для аудитории, чей уровень интереса к политическому устройству страны выше самой низкой отметки, непосредственно связаны с вопросами национального самосознания и со всеми вытекающими факторами.

Проводить семантический анализ названий статей мы посчитали нецелесообразным ввиду массивности исследуемого материала. Однако считаем необходимым отметить, что слова «таджик», «нация», «народ» и все их производные являются неотъемлемыми компонентами практически всех заглавий публикаций, посвященных вопросам национальной идентичности.

Структура концепта «Национальная идентичность» может быть представлена в следующей модели, основу которой составляет словарная дефиниция анализируемого концепта. Так, согласно общедоступной универсальной интернет–энциклопедии со свободным контентом – Википедия, национальная идентичность или национальное самосознание — это одна из составляющих идентичности человека, связанная с ощущаемой им принадлежностью к определённому этносу или нации. Национальная идентичность не тождественна понятиям национальность или гражданства, хотя они могут быть факторами, оказывающими на неё сильное влияние. Национальная идентичность, не относится к врожденным характеристикам человека, она проистекает из приобретённого осознания общности культуры, истории, языка с определённой группой людей. К этому может добавиться чувство принадлежности к определённому государству, приверженность его государственной идентичности, национальной идее и государственным символам.

Также национальная идентичность выступает в качестве многомерного понятия, частично охватывающего понятия исторической, политической идентичности, политической культуры, гражданства, патриотизма. Для ее понимания применим образ «зеркала», в котором общество узнает себя, или

«матрицы», которую «сканируют» и размножают в копиях. Национальная идентичность имеет непосредственное отношение к проблеме целостности общества и состоятельности государства [321].

Национальная идентичность может трактоваться и как чувство сопринадлежности человека к определенному государству или нации, разделяемое с группой людей независимо от гражданства индивида [321].

Таким образом, классическая структура исследуемого концепта объективируется посредством следующих лексических единиц:

Ядро: *Национальная идентичность/национальное самосознание*

Приядерная зона: *Республика Таджикистан, Таджикистан, таджикское государство, государственная независимость, таджикское гражданство, таджикское общество, таджикский язык, государственный язык, таджикский герб, флаг Таджикистана, гимн Таджикистана, таджикский народ, гражданское общество Таджикистана, Конституция, Лидер нации, государственный язык, закон о языке, таджикская печать, национальное самоосознание, этническое самосознание, национальное сознание, этнонациональная идентичность, книга «Таджики», национальное единство, восстановление государственности, Президент Республики Таджикистан, национальное достояние, национальная культура, национальная политика, таджикская государственность, таджики, сомони (денежная единица) государство Саманидов, гражданская война, суверенный Таджикистан, Родина и др.*

Ближняя периферия: *историческая память, культурное наследие, патриотизм, патриот, языковая политика страны, исторически закрепленная территория, этнос, традиции/обычаи, таджикское кино, «Хатлон-синамо», уникальная, богатая культура, национальное образование, носители традиций и опыта народа, демографическая политика, военно-политический кризис, Отечество, гордость, памятник национальной культуры, национально-историческая память, национальная история,*

демократия, демократический строй, единый народ, созидание, равноправие, светская культура и образование, семейные ценности, СМИ, «Точикистон - ватани азизи ман» («Таджикистан - моя любимая родина») (масштабный творческий конкурс республиканского уровня), *законодательство Республики Таджикистан, культурный и духовный код нации, созидательный характер, местные и региональные общественные организации и пр.*

Дальняя периферия: *национализм, религия, ислам, исламизм, постсоветские трансформации, связь поколений, уважительное отношение к истории (этноса), образовательные и молодежные программы, массовая миграция, переходный период, героизм, идеи патриотизма, независимые СМИ, чуждые элементы, националистические настроения, этническая нетерпимость, исламский экстремизм, ПИВТ, оппозиция, наднациональная идентичность, региональная идентичность, евразийская идентичность, вера, философско-исламское наследие, репрессия, стагнация, разобщенность таджикской нации, местничество, визовый режим, таджикские трудовые мигранты, этнический таджик, исламофобия, иранофобия, русофобия, таджиколюбие внешние разрушительное воздействие, словарный запас нации, народное благосостояние, экономический прогресс, межнациональное общение, литературный таджикский язык, полиэтническая страна и пр.*

Возвращаясь к «политическому» осмыслению концепта «национальная идентичность», отметим, что политика таджикских властей совпадает с тенденциями мировой политики в вопросах формирования и развития национального самопознания. Анализ концептуальной репрезентации политических трансформаций в отечественном медиа-дискурсе в контексте национальной идентификации показал, что национальная идеология имеет и определенную экономическую базу; ее также формируют отдельные исторические явления, поскольку историческая составляющая играет важную роль в таджикском понимании национальной идентичности и менталитете.

Отметим, что новым, но при этом одним из основополагающих витков в процессе формирования чувства таджикского национального самосознания считается период гражданского противостояния в Республике Таджикистан 1992-1997 годов, то есть условия кризиса и даже угрозы исчезновения таджикской государственности.

Отечественный политический медиа-дискурс изобилует именами политических, общественных деятелей, представителей различных научных сфер, литературы, искусства, спорта, актуализирующих рассматриваемый концепт – Каххор Махкамов, Рахмон Набиев, Эмомали Рахмон, Нурулло Хувайдуллоев, Сафарали Кенджаев**,** Саид Абдулло Нури, Ходжи Акбар Тураджонзода, Абдумаджид Достиев, Махмадсаид Убайдуллоев, Рустами Эмомали, Садриддин Айни, Бободжон Гафуров, Ибрагим Усмонов, Отахон Латифи, Муродулло Шерализода**,** Минхонж Гулямов, Юсуф Исхаки, Мухаммад Осими, Муссо Диноршоев, Ато Мухаммаджонов, Малика Собирова, Хошим Гадоев, Давлат Худоназаров, Зебунисо Рустамова, Дилшод Назаров и др.

Кризис национальной идентичности таджиков и формирование двух противоположных точек зрения на таджикское самосознание наблюдается в конце 80-х начале 90-х годов прошлого столетия, вследствие чего фиксируется некая неоднородность концепта «Национальная идентичность», который объективируется такими лексическими единицами, как, например, *исламизм, репрессия, стагнация, разобщенность таджикской нации, местничество* и др.

Подводя итог, подчеркнем, что концепт «Национальная идентичность» осмысляется в таджикской языковой картине мира и актуализируется в медиадискурсе в рамках таких концептуальных областей как *политика, культура, история, литература, спорт.* Также реализация концепта происходит за счет упоминания прецедентных имен, поскольку именно они,

как правило, обуславливают объективацию того или иного элемента структуры концепта.

Выводы по второй главе

Основополагающим элементом любого трансформационного процесса является дихотомия «вызов–и–ответ», в «рамках которой разные социальные общности используют те социальные механизмы регуляции функционирования и развития, которые в наибольшей мере выражают их генотип и их социальную среду, а также стадии развития – генезис, рост, надлом и разложение как этапы жизненного пути» [195]. Именно «вызов» стимулирует рост, изменения, преобразования, трансформацию. Своим «ответом» общество решает вставшую перед ним задачу; соответственно, рост и развитие есть прямое следствие «вызовов».

Смена парадигм трансформации, запущенная перестройкой, коснулась всех социальных сегментов. Ученые называют эти тенденции «преодолением апатии и застоя». СМИ стали проводником новых непривычных для официальной советской пропаганды ценностей.

Трансформационные процессы во всех странах СНГ осуществляются в едином экономическом и информационном пространстве, в условиях интенсивного обмена знаниями и технологиями, что в каждой отдельной республике приобретает свою уникальную, специфическую концептуальную трактовку и реализацию. В этой связи, исследовательское внимание должно быть сфокусировано на рассмотрении трансформационных преобразований именно на локальном уровне. Все проводимые в Таджикистане (как и в любом другом государстве) реформы активно освещаются республиканскими СМИ, что формирует соответствующее концептуальное пространство, которое в определенной степени реализует ключевые государственные

стратегии и в значительной степени определяет успешность и завершенность проводимых реформ.

Социум, находясь под воздействием практически всегда агрессивной внешней среды и в условиях непрекращающихся идеологических разногласий, меняет свои оценочные критерии, пересматривает и просчитывает (не без помощи СМИ) достижения и риски, в результате чего в языковой картине мире происходят кардинальные изменения, и отдельные ее элементы утрачивают концептуальный посыл, а другие, наоборот, приобретают полновесное концептуальное звучание.

Тема политических трансформаций представлена огромным массивом материала, накопленного за почти тридцатилетнюю историю СМИ периода независимости, в этой связи проанализированный политический медиадискурс условно разбит на отдельные концептуальные блоки (концепты «Исламизм» (§ 2.3), «Гражданское общество» (§ 2.4), «Национальная идентичность» (§ 2.5), охватывающие основные вехи политических инноваций.

Своеобразный психоз, раздуваемый журналистами вокруг тем, связанных с религиозным аспектом, является значимой обшественно-политической тенденцией, имеющей стратегическое значение, которая должна сохраняться ввиду повсеместного воздействия часто агрессивной внешней среды, когда во многих странах деградирует понятие «национальный интерес и происходит переоценка ценностей (явно не в поддержку традиционных).

Трансформационные процессы последних трех декад в истории суверенного Таджикистана не оказали существенного влияния на развитие гражданского общества Таджикистана, о чем свидетельствует лексическая реализация в СМИ концепта «Гражданское общество», которая демонстрирует достаточно ограниченный ракурс презентации.

Анализ материалов медийного дискурса на предмет формирования и развития патриотизма и национального самосознания показал, что в целом публикации, входящие в хронологические рамки настоящего исследования и объективирующие одноименный концепт, могут считаться полноценной платформой, которая формирует в обществе устойчивый этнический личностный образец, идеал человека с высоко развитым чувством национальной идентичности и самосознания.

ГЛАВА 3.
АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ТАДЖИКСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ ПРИ ОСВЕЩЕНИИ ПРОБЛЕМ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

3.1. Трансформационная парадигма авторского идиостиля таджикских публицистов

На современном этапе развития научного знания наблюдается устойчивый интерес к изучению стилистических особенностей речевой практики языковой личности. Данная проблематика, безусловно, всегда находилась в фокусе внимания ученых, однако рассматривалась она, как правило, исключительно в лингвистическом или литературоведческом воззрении. Исследование идиостилей медийных языковых личностей (журналистов, писателей, блогеров и др.) в их всевозможных ипостасях считается относительно новым, но весьма актуальным направлением в отечественной филологии.

Термин «идиостиль», отличаясь «многоаспектной сущностью» [24, с.147], может быть реализован целым спектром дефиниций, представляющих различные научные области. В лингвистике, например, отношение к этому понятию и его сущность не столь однозначны. Термин «идиостиль» в качестве одного из синонимов представлен лишь в самом конце словарной статьи к слову «идиолект» в «Полном словаре лингвистических терминов». Лексикограф видит суть термина «идиостиль» во «внимании к текстовой деятельности индивида: коммуникативной стратегии автора, типам смыслового развёртывания, выбора регулятивных структур, прагматическом эффекте текста» [406, с. 119]. Т.В. Матвеева за основу берет художественный текст, в рамках которого рассматривается диада «стилистика – писатель». Но нам кажется, что такая позиция исследователя априори сужает рамки

научного интереса, блокируя возможность проведения штудий в данном направлении на материалах, которые не попадают под классификацию «художественный текст».

Идиостиль в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» представлен как «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, учёного, публициста, а также отдельных носителей данного языка; проблема индивидуального стиля речи носит «интердисциплинарный характер, поэтому зафиксирована в литературе в разных аспектах: историко-научном, науковедческом, психологическом и функционально-стилистическом» [408]. Здесь мы фиксируем расширение исследовательских возможностей за счет включения в понятийный аппарат идиостиля текстовой деятельности ученых, публицистов и даже некоторых представителей этнической группы. Однако предложение составителей словаря изучать идиостиль в литературной проекции предоставляет, безусловно, многоаспектные, но достаточно узкопрофильные возможности.

И.Я. Чернухина, рассматривая понятие идиостиль, вполне объективно расширяет круг обладающих им (идиостилем) субъектов, то есть идиостиль имеют все одаренные личности, так или иначе связанные со словесной деятельностью: «художники слова», публицисты, ученые. Исследователь выражает твердую уверенность в том, что «создание собственного идиостиля есть вершина пирамиды языковой личности» [232, с. 10].

Относительно данной позиции важно сделать две ключевые ремарки. И.Я. Чернухина выделяет словосочетание «одаренные личности», однако не определяет критерии, на которые следует опираться при установлении степени одаренности/неодаренности автора. Несколько дискуссионной кажется фраза «создание собственного идиостиля». Полагаем, что если идиостиль «создается», то это говорит о его (идиостиля) «искусственном», артифициальном начале. В этой связи предпочтительней было бы заменить слово «создавать» на «иметь». В этом случае мы, бесспорно, имеем в виду

скрупулезную работу по его совершенствованию, что по умолчанию подразумевает его «создание», но центральным смыслом здесь является априорное наличие особой, неповторимой манеры нарратива – когда текст подвергается не литературной правке, а лишь композиционной обработке.

Это особенно важно в контексте пресуппозиционной природы текстового материла – когда имя автора является указателем его идиостиля. А «создание» предполагает некие трансформации, предоставляет площадку для сравнения в формате «до и после». Хотя в обоих случаях идиостиль имеет идентичный потенциал стать объектом научного анализа.

Несмотря на то, что идиостиль выражается в «эксплицитности и узнаваемости языковых средств» [283], за «диапазоном речевых перевоплощений» всегда стоит «структурообразующий стержень творчества» личностей, «дорожащих своей индивидуальностью» [354]. Безусловно, идиостиль является той основополагающей сущностью, которая «пронизывает» текст, наделяя его уникальной способностью быть узнанным или выделиться среди многих других нарративов; для автора рукописи, «дорожащего своей индивидуальностью», вопрос об индивидуальной манере повествования должен находиться в иерархии приоритетов в самом начале творческой деятельности, хотя не исключается идея «создания» идиостиля (по Чернухиной) и его развития, в основе которого лежит трансформация авторской картины мира.

Идиостиль, уверены лингвисты, связан с определенным выбором, отбором языковых средств (слов) и способами их комбинирования, взаимодействия [156, с. 28; 217, с. 223], а также с частотностью их употребления [234, с. 30]. Селективность, конечно, считается показателем профессионального подхода к текстовой деятельности, в то время как количественный показатель напрямую связан с выделением концептуальной составляющей творчества отдельного автора и способами лексической объективизации выделяемых им концептов.

Н.С. Болотнова, рассматривая проблематику идиостиля, обозначает его в качестве «многоаспектного, многоуровнего проявления языковой личности автора, «стоящего» за любым текстом: его лексикона, тезауруса, мотивов, определяющих своеобразие семантики, прагматики и структуры текста...» [25, с.182]. Данное толкование представляет огромный диапазон характеристик, однако особый интерес с нашей стороны направлен на прагматику текста, поскольку именно она определяет стратегию выбора и использования всех остальных параметров. То есть автор изначально фокусируется на интенции, которая, в свою очередь, зависит от множества факторов, формирующих(весьма изменчивую) картину мира адресата. В этой связи один и тот же текст может быть интерпретирован по-разному в зависимости от социальных параметров адресата, и одна и та же интенция, заложенная в текст, может получить различную (парадигматичную и/или синтагматичную) авторскую объективизацию. Отметим также, что заданные координаты составляют основу диалога «журналист/публицист – аудитория».

А.В. Болотнов полагает, что идиостиль отражает «речевую культуру, тип мышления, тезаурус, психологические особенности, доминирующий характер общения, своеобразие в постановке и решении проблем и специфику познавательного отношения к происходящему» [24, с. 182]. Здесь во главу угла мы бы поставили отношение автора к проблематике, поднимаемой в нарративе и его речевую культуру, поскольку, как нам кажется, эти два аспекта могут в полной мере быть апробированы в журналистском творчестве.

Ученый также выделяет ряд универсальных субстилей: «а) тезаурусный – лексическая актуализация ключевых концептов; б) интеллектуальный –постановка и решение проблем, способность к анализу и синтезу, сравнению, обобщению, абстрагированию, конкретизации, классификации, систематизации; в) эпистемологический – познавательное отношение личности к происходящему»[24, с. 182].

Стабильным объектом внимания в идиостилевом контексте становятся гендерный и этнический факторы в том числе и сфере массмедийной коммуникации. В этой связи принципиальную важность приобретают такие параметры, как а) жанрово-стилистические особенности информационно-медийной личности, то есть стилевые характеристики публицистического, научно-публицистического и других стилей в условиях сложившейся на тот период языковой ситуации (политики); б) языковая специфика, что подразумевает использование различных лексических, грамматических, словообразовательных и других средств; в) общая тональность и культура общения, в также учет/игнорирование (намеренное и/или неосознанное) языковых и этических норм. Основу же этих критериев составляют цели и мотивы текстовой деятельности.

Таджикский исследователь М. Ходжаева также делает акцент на «многослойной и многоступенчатой структуре стиля» [224, с.47] (здесь позволим себе исправить на «идиостиля». –Х.Т.). Так, его (идиостиль) могут представить фрагмент или целое произведение, или все произведения одного автора; вполне резонно учитываются также «стиль эпохи, национальный стиль, региональный стиль» [224, с. 47]. Исследователь уверена, что идиостиль – это учет взаимодействия и взаимоотношения формы и содержания, то есть «анализ стиля на основе языка (фонетики, морфологии, синтаксиса, изобразительно – выразительных средств, интонационной структуры), композиции (образа, сюжета, повествования), художественной детали следует осуществлять в соотношении с темой, идеей, пафосом творчеств автора, с его мировоззрением, нравственно – эстетическими принципами и художественным вкусом» [224, с. 47].

Важно отметить, что изучение идиостиля публицистов, журналистов и других информационно-медийных личностей не представляется возможным без применения методик наблюдения, анкетирования и контент-анализа не только речевых произведений ими созданных, но и учета их

(информационно-медийных личностей) биографического, социального, коммуникативного, культурного, ситуативного и языкового контекстов.

Пояснительный аппарат, представленный вначале раздела, несмотря на свою избирательность, даже некоторую аспектную ограниченность (в силу специфики настоящей работы) все-таки позволяет выявить суть термина «идиостиль», в связи с чем нами не выдвигается опорное, или рабочее его определение. Далее, в рамках настоящего раздела, рассмотрим парадигматический срез трансформации авторского идиостиля на примере текстовой деятельности двух таджикских публицистов – И.К. Усмонова и О. Тутубалиной.

Однако прежде чем приступить к анализу считаем целесообразным выдвинуть тезис, согласно которому фундаментом западных традиций авторского идиостиля является экономика и политика, в то время как базис восточного идиостиля, в частности таджикских авторов представляют просвещение и литература. Предпримем попытку подтвердить представляемую научную гипотезу.

Полагаем, что крайне символично начать анализ трансформационной парадигмы авторского идиостиля отечественных информационно-медийных личностей с известнейшего таджикского журналиста, публициста, в прошлом успешного политического деятеля, ученого Усмонова Ибрагима Кенджаевича. Данный выбор обусловлен несколькими факторами. Во-первых, его автобиография – это в определенном смысле история таджикской журналистики и хроника таджикского миротворчества. По заголовкам его статей и трудов можно проследить историю советского и независимого Таджикистана, а по их содержанию узнать больше, чем показывают СМИ.

Во-вторых, его журналистская карьера началась в 1970 году с позиции литературного сотрудника газеты «Тоҷикистони Советӣ» («Советский Таджикистан»). Это период правления Л.И.Брежнева, который больше известен как эпоха застоя, безусловно, отразился и на СМИ. Так,

традиционный советский подход к формированию повестки общественно-политических СМИ (газет, радио, ТВ) предполагал «жесткий контроль за упорядоченным освещением различных сфер жизни и быта» [62, с. 30]. Такой контроль был способом создания определённой картины мира посредством СМИ – кстати, современный анализ советской действительности показывает, что основным результатом такой упорядоченности освещения было несомненное доверие «аудитории к печатному слову, передачам в эфире» [62, с. 31].

Контекст трансформации авторских идиостилей заставляет обратить внимание на тот факт, что после перестройки СМИ выходят из-под тотального идеологического контроля и оказываются под контролем (властью) рынка, и лишь некоторые журналисты, публицисты не участвуют в этой «гонке» за читателем/слушателем/зрителем и сохраняют (безусловно, внося соответствующие коррективы, диктуемые современными реалиями) вектор пропаганды традиционных ценностей, культурно-исторической памяти конкретного народа, нации, этноса. К этим некоторым можно отнести и профессора И.К. Усмонова и пропагандируемую им идею национальной идентичности и самопознания таджиков.

Исследование идиостиля информационно-медийной личности (коей и является личность И.К. Усмонова) напрямую коррелирует, в том числе, и с информационным полем личности, отраженным в ее текстовой деятельности. Именно это поле позволяет языковой личности участвовать в создании медиатекстов и увеличивает или снижает рейтинг известности и цитируемости.

Информационное поле отличается крайне сложной структурой, состоящей из нескольких компонентов, первостепенными из которых являются «1. ядро информационного поля – личность создателя (медиаперсона) и ее медийные продукты – первичные тексты, у которых есть авторство; 2. круг медийной деятельности личности (взаимоотношения с

различными СМИ: участие в передачах, блогах, выступление на разных медийных площадках; 3. слой взаимоотношений с аудиторией (пиар-мероприятия, пиар-кампании, деятельность по самопродвижению, самопрезентации); 4. круг деловых контактов и контактов с другими медийными личностями; 5. слой обратной связи (рефлексии языковой личности на обратную связь – поле вторичных текстов, столкновения с текстами оппонентов, их оценка); 6. слой третичной коммуникации – «рождение» в массмедиа информационных поводов, реакция на вторичные тексты, то есть появление третичных текстов; расширение информационного поля (контактов) медийной личности за счет информационного эха» [24, с. 172].

Рассмотрим информационное поле И.К. Усмонова в контексте некоторых из этих слоев.

1. Ядро информационного поля – личность создателя (медиаперсона) и ее медийные продукты – первичные тексты, у которых есть авторство. Первостепенное значение здесь отводится пресуппозиционой информации, то есть тем фоновым, профессиональным автобиографичным сведениям, которые призваны сформировать некий образ, на который будут логично «наслаиваться» другие компоненты информационного поля.

И.К. Усмонов – это известная и весьма уважаемая личность не только в журналистском сообществе, но и в политических кругах Таджикистана, а также некоторых странах ближнего и дальнего зарубежья.

По мнению В.В. Матвиенко, И.К. Усмонов является «родоначальником теории политической журналистики в Таджикистане» [125, с. 25]. Труд «Ёрдамчии содики партия» («Преданный помощник партии»), опубликованный в 1975году, можно считать первыми шагами И.К. Усмонова на олимп политической публицистики. Более того, развитию таджикской политической журналистики и появлению независимых и партийных СМИ поспособствовала его статья «Хамдили аз хамзабони бехтар аст» («Единение

сердец лучше языкового единства») в газете «Комсомолец Таджикистана», где И.К. Усмонов говорил о важности присвоения государственного статуса таджикскому языку.

Начиная с 1980 года, он, уже кандидат исторических наук, смело вступает в ряды авторов учебной литературы по специальности «Журналистика». Годы, проведенные в афганской столице в качестве преподавателя – консультанта в Кабульском университете, также отмечены целым рядом узкопрофильных работ, написанных в том числе и в соавторстве с российскими и афганскими коллегами (Г.С. Песковым, Б.К. Черкасовым, В.Л. Артемовым, Д. Джумбиш, Х. Вафо). В 1984 году И.К. Усмонов становится членом союза журналистов Афганистана.

1986 год, время его возвращения в Душанбе, – начало перестройки, свежих взглядов, глубочайших изменений во всех сферах общественного бытия и общественного сознания, «кардинальных переосмыслений социально-политических приоритетов и системы духовно-культурных ценностей» [161, с. 52], а также упора на национальный компонент в политическом устройстве Таджикской ССР. В республике, так же как и в других странах союза, в сложный, противоречивый диалог вступили старые и новые символы, концепты. Новое, естественно, редуцировало или «аннулировало» прежние партийно-идеологические установки, активировав новые смыслы или реактивировав старые, забытые, сохранившиеся в «"запасниках" культуры» [161, с. 52].

Именно в период этого идеологического излома (1990) И.К. Усмонов защищает докторскую диссертацию по теме «Роль СМиП в развитии дружественных отношений стран с разным политическим строем». Чуть позже, в 1992 году, начинается его сознательный путь в качестве политического публициста, который не только освещает, но и комментирует общественно-политическую обстановку в уже охваченном огнем Таджикистане.

Такие его работы, как «Соли Набиев« («Год Набиева») (1995 г.), «Чор рӯз ва рӯзҳои дигар» («Четыре дня и другие дни») (1995 г.), «Рисолаи давлат» («Трактат о государстве») (1995 г.) «Асноди сулҳ» («Документы о мире») (1997 г.), «Пайки оштӣ» («Вести о мире») (1997 г.), «Лаҳзаҳои сулҳи ботадбир» («Моменты долгожданного мира») (1999 г.), созданные в самые трагичные для страны годы, являются прямым свидетельством его непосредственного участия в сложнейшем процессе по стабилизации критической ситуации в республике.

После подписания мирного соглашения (27.06.1997 г.) И.К. Усмонов становится членом КНП (Комиссии по национальному примирению) – специально созданного политического института, который способствовал осуществлению мирного процесса на территории республики. В составе Комиссии, представляя правительство, он занимал позицию Председателя подкомиссии по политическим вопросам. Усмонов – политик продолжает писать, его приглашают на интервью различные СМИ. Отметим, что из всех республиканских изданий более активно деятельность КНП освещалась на страницах газеты «Бизнес и политика».

В нулевых (период 2000-х гг.) тематика работ профессора И.К. Усмонова взяла курс (который продолжается и по сей день) на пропаганду национальной идентичности таджиков. Этот вопрос в различных его проекциях поднимается в контексте целой серии его книг и статей по таджикскому миротворческому процессу («Сулхнаме» («Книга о мире») (2001 г.), «Бунёди давлатдории навин» («Строительство новейшей государственности») (2002 г.), «О совместимости политического ислама и безопасности в пространстве ОБСЕ» (2003 г.), «Политический процесс в Центральной Азии: результаты, проблемы, перспективы» (2004 г.), «Применение принципа отделения религии от государства в условиях таджикского государства» (2004 г.), «Миростроительство в Таджикистане» (2006 г.), «Таҳкими сулҳ ва таҳавуллоти Тоҷикистон» («Укрепление мира и

перемены в Таджикистане») (2016 г.), «Савганди сулҳофарин̄» («Миротворческая клятва») (2017 г.) и др.), а также в линейке изданий об истории таджикского народа и его месте в региональной политике («Мулк бе сиёсат пойдор намонад» («Государству не устоять без политики») (1996 г.), «Тоҷикон» («Таджики») (2001 г.), «Таърихи сиёсии Тоҷикистони соҳибистиқлол» («Политическая история независимого Таджикистана») (2003 г.), «Ҳақиқат дар бораи Тоҷикон» («Правда о таджиках») (2006 г.), «Баҳси алифбои тоҷикӣ» («Споры о таджикском алфавите») (2008 г.), «Сарнавишти тоҷик» («Судьба термина "Таджик"») (2015 г.), «Тоҷикнома» («Таджикнаме») (в трех томах) (2018 г.).

Представленная информация свидетельствует о двух наиболее важных концепциях: 1) природная научная дотошность – это ученая сущность И.К. Усмонова; 2) профессор выступает популяризатором двух идеологий – миротворчество и национальная идентичность.

2. Круг медийной деятельности личности (взаимоотношения с различными СМИ: участие в передачах, блогах, выступление на разных медийных площадках.

В рамках этого слоя важно отметить, что И.К. Усмонов дважды (1995 г., 2000 г.) был избран депутатом парламента РТ и руководителем Парламентского комитета, Председателем Государственного комитета по телевидению и радиовещанию Республики Таджикистан, Государственным советником Президента РТ. Принимал активнейшее участие в миротворческом процессе в Таджикистане, занимал позицию Председателя подкомиссии КНП по политическим вопросам; работал деканом факультетов таджикской филологии и журналистики и перевода ТГУ; заведовал кафедрой международной журналистики ТНУ; был профессором Таджикского, Кабульского национального, Российско-Таджикского (Славянского) университетов; являлся членом Союза журналистов СССР (1974 г.), Афганистана (1984 г.) и Таджикистана. Он автор 65 изданий. Основные

направления научных исследований профессора: журналистика, таджиковедение, политика, война и мир, вопросы религии.

В 1998 году (через год после подписания Общего соглашения о мире и национальном согласии, но все еще в условиях социально-политической нестабильности) таджикское телевидение запустило качественно и концептуально новый проект – авторскую программу И.К. Усмонова «Вахдат» («Единение»). Участниками передачи становились представители и правительства, и оппозиции (М. Химматзода, А. Сатторзода, А. Амирбек, Х. Сангинов, Х. Хайдаров, З. Алиев, Х. Хомидов).

И.К. Усмонов принимает активное участие в передачах радио и телевидения в качестве приглашенного эксперта по таджикскому миростроительству, дает многочисленные интервью печатной прессе.

Сегодня профессор И.К. Усмонов является Председателем основанного им же общественного фонда «Диалог цивилизаций», который занимается изучением гуманитарных вопросов в срезе Таджикистана, в частности историей политического противостояния и гражданской войны в республике, историей таджикского народа, его культуры и языка, историей формирования таджикской интеллигенции, а также проблемами геополитики центральноазиатского региона. В работе фонда и его заседаниях принимают участие видные политические деятели литераторы, журналисты, ученые, представители политических партий и общественных движений, творческой интеллигенции, студенческой молодежи. В числе приглашенных на заседания фонда были К. Махкамов – первый и последний президент Таджикской ССР, Б. Каримов – Председатель Госплана республики, А. Азимов – следователь, проводивший расследование по событиям февраля 1990 года. В 2020 году вышла книга «Политическое противостояние, война и миротворчество в Таджикистане»; текст этого издания составлен на основании записей выступлений и обсуждений, проводимых на заседаниях фонда. Кстати, материалы заседаний и комментарии к ним были

опубликованы в СМИ, что позволило расширить аудиторию, проявляющую как гражданский, так и научный интерес к проблемам таджикского миростроительства.

Все эти факты профессиональной деятельности свидетельствуют о широчайшем круге общения И.К. Усмонова как информационно-медийной личности, что, безусловно, отражается на его информационном поле и трансформационной парадигме идиостиля ученого.

Слои 3 и 4. Взаимоотношения с аудиторией и круг деловых контактов и контактов с другими медийными личностями. Общение И.К. Усмонова в рамках профессиональной деятельности журналиста, публициста, государственного деятеля (депутатство, председательство в комитетах, позиция госсоветника Президента РТ), ученого, активно занимавшегося преподаванием в ведущих вузах страны и за ее пределами, априори предполагает наличие плотных взаимоотношений с разнородной аудиторией, за счет чего реализуются третий и четвертый слои – взаимоотношение с аудиторией и круг деловых контактов и контактов с другими медийными личностями. Более того, здесь происходит значимое усиление поля за счет включения одного в орбиту другого. Например, Абдумаджид Достиев, Шукурджон Зухуров, Рахим Масов, Караматулло Олимов и Ибрагим Усмонов – члены КНП и непосредственные участники миротворческого процесса активно взаимодействовали друг с другом в рамках многочисленных встреч по разным информационным поводам. Как следствие, наблюдается поступательная динамика информационного поля каждого участника, однако поле И.К. Усмонова получает наибольшее расширение ввиду активного диалога профессора с каждым из них.

Слои 5 и 6. Обратная связь (поле вторичных текстов, столкновения с текстами оппонентов, их оценка) и третичная коммуникация находят свою полноценную объективацию посредством многочисленных цитирований высказываний профессора И.К.Усмонова. В

частности его позиции о непоколебимом следовании интересам государства и законного, конституционного правительства:

«...На каждой государственной должности должен находиться человек, профессионально подготовленный, который, в первую очередь, был бы обеспокоен интересами государства, Родины, а не корыстными политическими или какими-то ещё помыслами одной определённой партии или этнической группы, выдвинувшей его. И неважно кто его выдвинул, лишь бы его работа на этом месте была плодотворной, направленной во благо многострадального народа Таджикистана...»

«*С большинством членов КНП со стороны оппозиции я знаком ещё со времён длительных межтаджикских переговоров. Нас связывает большой и трудный этап мирного урегулирования – от непонимания и размолвок до нынешнего дня, когда КНП стала реальной силой в деле установления мира в нашей стране.... Мы будем работать, независимо от того, совпадают ли наши политические убеждения или нет. Лишь бы наша общая совместная работа выражала интересы таджиков и таджикистанцев*»

"...Мы (члены КНП. –Х.Т) *не должны способствовать тому, чтобы наши выступления, наши слова стали поводом разборок в обществе... Не о победивших или побеждённых должна идти речь, не об интересах какого-либо региона, национальности, политической группы, а об интересах единого суверенного Таджикистана, об интересах тех, кто родился и вырос здесь, кто считает Таджикистан своей Родиной...»* («Бизнес и политика» №29. 1997 г.)

«В нашем понимании светский характер – это обеспечение мирного сожительства религий и государств, не мешающих делам друг друга, не претендующих на права и обязанности друг друга» («Садои мардум». 23.10.1998 г.)

Здесь важно отметить, что для И.К. Усмонова трансформационная парадигма авторского стиля начала зарождаться еще в конце 80-х годов; в свою бытность деканом факультета таджикской филологии ТГУ он, не дожидаясь официального постановления правительства после принятия Закона «О языке», ввел практику повсеместного изучения таджикского языка в главном вузе страны. А в СМИ И.К.Усмонов был одним из первых, кто ставил вопрос о придании статуса государственного таджикскому языку. Более того, из списка трудов, изданных ученым к 2018 году, который насчитывает 63 позиции (не считая публикаций в СМИ), всего 15 написано на русском языке, и те являются дву-, трехъязычными изданиями.

Одними из его цитируемых высказываний в ключе приверженности национальному культурно-историческому наследию являются следующие: «*Таджик, который не любит и не уважает Иран, – не таджик. И в то же время, если таджик не любит Таджикистан, он вообще не человек*» [373] или «*Быть таджиком – это гордиться тем, что Таджикистан – моя, таджика, Родина*» («Азия-Плюс». 15.09.2016 г.).

Нередко обращаются к его высказываниям о теологической составляющей современного таджикского общества: «*Религия должна быть отделена от политики, а не от государства. Это ведь вера народа*»; «*Появление различных религиозных течений может привести к опасности, к войне. Здесь не обойдется без экстремизма*»; «*Молодежь идет в мечети не только потому, что укрепляются наши религиозные исламские традиции, а потому что ей, по большому счету, больше некуда идти*» («Азия-Плюс».15.09.2016 г.).

Помимо этого, площадкой вторичных и третичных текстов является научная литература и разного рода научные труды (бакалаврские и магистерские выпускные квалификационные работы, диссертации на соискание ученых степеней кандидата и доктора филологических и исторических наук), что, в принципе, является естественным ввиду активной

преподавательской деятельности профессора в высших школах страны и ближнего зарубежья, а также благодаря его научно-исследовательской работе.

Таким образом, констатируем высокую степень актуализации информационного поля информационно-медийной личности И.К. Усмонова по всем 6 слоям, традиционно выделяемых учеными.

Контент его текстовой деятельности свидетельствует о наличии трансформационной парадигмы в творчестве И.К. Усмонова, которая, прежде всего, проявляется в его (творчества) направленности: а) узкопрофильной (учебные и учебно-методические пособия по журналистике), б) общественно-политической и в) исторической. Так, по различным аспектам журналистики, начиная 1978 года, было опубликовано 33 работы; по вопросам политики – 24 издания; исторический контекст представлен в 4 трудах ученого. Обратим внимание на тот факт, что в 1995 году профессор И.К. Усмонов обращается к жанру политической публицистики и до сегодняшнего дня продолжает активную деятельность на этом поприще, при этом «разбавляет» эту тенденцию и чисто журналистскими учебными и академическими материалами. Ученый издает трилогию «Точикнома» («Таджикнаме»), где ставит перед собой цель идентифицировать место таджикского народа в средней Азии и среди ираноязычных народов.

Основу такого творческого «размаха» И.К. Усмонова составляют понимание, осознание и принятие им новых веяний, тенденций, чаяний таджикского социума, который пережил трагедию гражданской войны, и сегодня, как и другие народы бывшего Советского Союза находится под сильнейшим влиянием глобальных процессов и вызовов и, естественно, реагирует на них. Этот широкий творческий диапазон проявляется в контекстуальном многообразии, что дает основания с уверенностью говорить о трансформационной парадигме в информационном поле такой, в первую и главную очередь, медийной личности, как И.К. Усмонов.

Возвращаясь к теоретическому аспекту исследования, обратим внимание на очевидную и достаточно многогранную связь информационного поля языковой личности (здесь медийно-информационной) с ее идиостилем. Преимущественно, она (эта связь) проявляется в доминантах смыслов (по Болотнову) и типичных для языковой личности средствах выражения и приемах. Так, например, И.К. Усмонов – это яркая, эрудированная личность, практически с энциклопедическими знаниями, однако его тезаурус характеризуется подчеркнутой простотой и параллельно масштабностью. Акценты расставляются на разные области знаний – нравственные ценности, политику, религию, историю, которые оказали серьезное воздействие на процесс формирования его как личности, что можно проследить по названиям его книг и публикаций, а также по тематикам его выступлений в прессе.

О масштабе информационного поля И.К. Усмонова можно судить по степени его известности и по количеству его трудов, охватывающих три основные проекции: (политическая) журналистика, политика, история. Идиостилевую манеру И.К. Усмонова отличают взвешенность и отсутствие необоснованных оценок, а также ссылка на фактические, документальные источники (последнее следует считать проявлением высокой степени профессионализма): «...*Человек, который подсчитал, что в Санкт-Петербург приехала правительственная делегация во главе с Э. Рахмоновым, состоящая из 153 человек..., делает вид, что не знает, кто выступил организатором этого мероприятия...»* [208, с. 98]*; «Хидоятов прав, когда, вспоминая годы территориального размежевания, упоминает: "Городов в новой республике практически не существовало" »* [208, с. 109]*; «Кто прав? Какова на самом деле реальность? Предоставим слово ученым, которые писали об этом еще до....»* [208, с. 145]

Идиостиль И.К.Усмонова также определяют его аналитические умения, которые составляют остов практически всех его материалов.

Например: *«Наше пропагандистское окружение родило идолов и мюридов (послушников)»* [272, с. 188]*; «Если считать интеллигентами всех тех, у кого есть образование и тех, кто работает в идеологической системе, все они – интеллигенция. Но если мы подразумеваем тех, кто может встать на защиту интересов нации, народа, своей Родины, таких единицы. И причина такой разрозненности интеллигенции - местничество»* [272, с. 188].

В трудах И.К. Усмонова особое место занимают риторические вопросы; отметим, что это не является его излюбленным приемом, хотя они (риторические вопросы) в определенной степени усиливают информационное поле информационной медийной личности: *«...Как строить взаимоотношения с этими* (мусульманскими. –Х.Т.) *государствами? Как ислам относится к Западным странам? Почему противопоставляют ислам Западу? Неужели весь Запад без ислама, а остальной мир только исламский? Как будут оценивать Таджикистан? Население Таджикистана только верующие, однако государство носит светский характер. Что это тогда за государство - Таджикистан?»* [207, с. 55]*; «Я иногда размышляю, могут или могли бы авторы данных произведений в действительности повлиять на ход событий?»* [207, с. 4]

К наиболее предпочитаемым приемам профессора И.К. Усмонова можно отнести проведение исторических аналогий, которые ярко демонстрируют огромнейший потенциал его информационного поля: «*...политически неграмотное заявление Буша о крестовом походе против мусульман (сентябрь 2001)*...» [207, с. 59]; *«...свидетельством тому – разделение населения бывшей Югославии на мусульман и сербов...*» [207, с. 55]; «*...Этим он схож с религиозным верованием христиан Европы...»* [207, с. 62]. Исторический контекст творчества И.К. Усмонова в полной мере отражен в его трилогии «Точикнома» («Таджикнаме»), последний том которой написан на русском языке. Здесь автор весьма убедителен в своих суждениях, выступая в роли историка, аналитика, публициста, полновесно и

активно влияющего как на массовую, так и на профессиональную аудиторию.

Рассмотрение идиостилевых особенностей не может считаться полноценным без внимания к когнитивному стилю языковой личности, поскольку данный стиль представляет собой важнейшее проявление общего идиостиля (наравне с коммуникативным и культурно-речевым стилями, которые, однако, не входят в поле нашего научного интереса ввиду чего будут проигнорированы). Так, внимание к когнитивному стилю обусловлено тем, что он является неким отражением типа мышления личности, ее тезауруса и концептосферы, то есть он может быть логично представлен как «система субстилей (ментально-психологический, тезаурусный, интеллектуальный и эпистемологический), характеризующих различные аспекты деятельности человека, его интеллектуально-эмоциональной активности» [24, с. 182].

Специфика сформулированной темы исследования позволяет рассмотреть лишь тезаурусный подстиль, потому что именно он проецирует индивидуально авторские проявления концептосферы, а) тематические предпочтения, б) масштаб и характер знаний о мире, в) многообразие и оригинальность обусловленных этим ассоциаций. В фокус попадают несколько основных аспектов, в соответствии с которыми и будет проанализирована текстовая деятельность И.К. Усмонова.

1) Доминирующие темы.

Изначально отметим, что И.К. Усмонов относится к языковой личности, являющейся носителем элитарного типа речевой культуры, так как он обладает навыками и умениями создания как устной, так и письменной речи, грамотно ведет полемику с представителями различных слоев общества, высокопрофессионально владеет приемами выступления на радио и телевидении. Тематику его дискурса составляют всего три базовых тематических блока: таджикская журналистика, таджикская миротворчество

и таджикская история, однако масштабностью отличается разнообразие проекций (вопросы религии, воины и мира, политики, таджиковедение и пр.), рассматриваемых в рамках этих тем. Интенциями для текстовой деятельности профессора И.К.Усмонова становятся значимые политические, информационные (как мировые, так и отечественные) и научные поводы.

2. Масштаб и характер знаний о мире. Данный аспект объективируется обилием в дискурсе И.К. Усмонова антропонимов, топонимов, наименований периодических изданий, медийных субъектов, теле- и радиопрограмм, партий и учреждений, стран, исторических событий, дат. Более того, все эти паттерны относятся и к Таджикистану, и к России, и к другим государствам СНГ (СССР), и к странам региона и дальнего зарубежья.

Данный аспект характеризует профессора И.К. Усмонова как писателя, публициста, историка и даже документалиста. О последнем свидетельствуют практически все его труды по вопросам гражданской войны и мира в РТ, в частности, книга «Миростроительство в Таджикистане», изданная в канун 15-летия независимости республики. Это авторитетное издание не только представляет описание социально-политических событий этих лет (каждому году посвящен отдельный раздел), называя имена героев главных политических событий года, но и подробно информирует читателя о каждом этапе и раунде межтаджикского переговорного процесса, включая полный перечень подписанных документов. Более того, книга включает краткие автобиографические справки на участников, занимавших первостепенные позиции в миротворческом процессе, что также свидетельствует о широте информационного поля И.К. Усмонова.

Возвращаясь к «гипотетическому» рассмотрению вопроса об идиостиле, важно отметить одну из знаковых работ И.К. Усмонова «Трактат о государстве», которую можно считать уникальной ввиду ключевых параметров – обращение к опыту предков, описанному классиками, и

сопоставление этих сведений с реалиями современного Таджикистана. За основу профессор берет труды Ахмада Дониша, Абдулкосима Фирдавси, Саади Шерози, Адиба Собири Тирмизи, Мухаммад Гизоли и других общепризнанных творцов слова, а также бесценные произведения «Шахнаме», «Кабус-наме», «Дастур-ул-мулук» и др. В этой связи важным считаем обратиться к часто цитируемому высказыванию профессора о великом литературном наследии таджиков: «*Таджикская литература – это наша история, и, в свою очередь, наша история - это литература*»[272, с. 186].

В «Трактате о государстве» И.К. Усмонов упоминает и имена современников, занимавших стратегические позиции, в частности в период политического коллапса в Таджикистане, – Б.Н. Ельцин, Р. Хасбулатов, Б. Руцкой [210, с. 44], Р. Набиев [210, с. 38], А. Искандаров [210, с. 39].

3. Ключевые концепты. Труды И.К.Усмонова стали платформой объективации целого ряда концептов, связанных с

– политикой: «*оппозиция», «партия», «власть», «переговоры», «мир», «нация», «гражданская война», «компартия», «беженец», «таджикский язык», «президент», «независимость», «религия», «таджик», «марксизм», «государство», «справедливость», «закон», «порядок», «разруха», «СМИ», «кризис власти», «жертва», «национальная идентичность» и пр.;*

– историей: *«государство», «Саманиды», «таджик», «нация», «язык», «СМИ» «восток» (востоковедение), «наука», «религия», «достоинство», «честь», «национальная идентичность», «процветание», «президент», «Средняя Азия», «гражданская война», «патриотизм», «борьба» и др.;*

– журналистикой: *«пропаганда», «СМИ», «пресса», «газета», «советский журналист», «таджикский журналист», «кризис», «ответственность», «этика», «наука», «интеллигенция», «политика», «свобода слова», «гражданская война», «патриотизм», «национальная идентичность», «история», «власть», «общество», «гражданское общество» и т.д.*

Обратим внимание на повторное присутствие некоторых концептов (*национальная идентичность, таджик, гражданская война* и др.) во всех трех аспектах текстовой деятельности, что не стоит воспринимать как техническую погрешность. Это связано с разнообразными контекстами деятельности профессора И.К.Усмонова и важнейшими вопросами, с которыми столкнулось относительно недавно обретшее независимость государство.

Отдельным пунктом следует выделить деликатный, весьма дипломатичный подход Усмонова – политика при обсуждении «скользких» тем, что выражается в тактичном, взвешенном подборе лексических единиц и их сочетании: *не может быть глубоких противоречий; спорные моменты возникают лишь в деталях; не все одинаково понимали вопрос о..., наша цель – наладить связи с правительственными органами управления; необходимо выслушать все стороны; хотим разоружить всех, кто не связан с официальными силовыми структурами; путём аттестации очистить силовые структуры от непрофессионалов; хотим организовать диспуты на всех уровнях власти* и пр.

Судя по материалам СМИ и авторским работам, написанным после 1990 года, ядро концептуального поля И.К.Усмонова как публициста и участника таджикского миростроительства составляют лексемы: *родина, Таджикистан, государство, независимость, мир, межтаджикские переговоры, миростроительство, мирное урегулирование, нация, национальное согласие, народ, таджики, таджикистанцы, таджикский язык, закон, законное правительство* и др. Позже мы наблюдаем расширение его концептуального поля за счет беспрецедентного развития информационного поля, соответственно.

Вопрос о трансформации авторского стиля сохраняет свою приоритетную позицию в контексте настоящего диссертационного исследования. Так, информационное поле в целом и фрагмент

концептосферы рассматриваемой языковой личности (И.К. Усмонов) позволяет констатировать признаки парадигматического преобразования, практически по всем аспектам текстовой деятельности. Предпримем попытку систематизировать этот процесс, представив его в табулированной форме:

Таблица 4. Трансформационная парадигма идиостиля И.К. Усмонова (на основе когнитивного стиля и его тезаурусного субстиля)

Период	**Рабочий язык**	**Сфера деятельности**	**Тематические доминанты**	**Базовые концепты**
До 1990 г.	таджикский	Журналистика	Печать, международная пропаганда	Таджики, таджикский язык, компратия, пропаганда.
1991 – 2001 гг.	таджикский русский	Политика, журналистика, публицистика	Кризис власти, политическое противостояние, гражданская война, миротворческий процесс, деятельность КНП	Таджик, мир, нация, национальная идентичность, патриотизм
2002 г. по настоящее время	Таджикский, русский, английский	Журналистика, политика, история	Узкопрофильная учебная литература, таджики (исторический контекст), политический ислам и безопасность	Мир, национальная идентичность, независимость

Данные таблицы показывают, что в автобиографии профессора И.К. Усмонова журналистика всегда занимала приоритетные позиции. Независимо от общественно-политической и экономической ситуации в

стране, он продолжал совершенствовать профессиональное мастерство, и контекстуально его труды, безусловно, изменялись в соответствии с современными тенденциями.

Политическая карьера И.К. Усмонова, которая началась в самый трагический для истории современного Таджикистана период, и по сей день находит полноценное отражение в его дискурсивной практике.

Обращение к истории таджиков, мы полагаем, не носит спонтанный характер, а является обдуманным решением доказать всему мировому сообществу, что околонаучные или псевдонаучные теории об этногенезе таджикской нации (начиная с собственно названия нации, заканчивая ее унифицированными характеристиками) не имеют ничего общего с объективной действительностью. Именно в этой связи свою книгу «Вся правда о таджиках» профессор И.К. Усмонов разослал во все посольства и международные организации, аккредитованные на территории Республики Таджикистан.

В заключении анализа трансформационной парадигмы идиостиля И.К. Усмонова, в частности относительно базовых концептов творчества профессора отметим, что концепты «Таджик», «Мир» (состояние не войны) и «Национальная идентичность» составляют «топовую» триаду его дискурса. Эти концептуальные предпочтения предоставляют возможность утверждать, что идеологическая направленность пронизывает все его труды, которые помимо информирования и просвещения, обладают огромнейшим потенциалом для пропаганды государственной, национальной идеологии и выполняют роль транслятора ее в массы.

Для более полного осмысления трансформационной парадигмы авторского идиостиля считаем необходимым взять ориентир на молодое поколение отечественных журналистов. В этом контексте особо хотелось бы выделить весьма неординарную личность, которая известна и как храбрый журналист, и как «высокомерная хамка» [289] – Ольга Тутубалина.

Последние 20 лет она трудится на поприще отечественной журналистики в одном из передовых информационных агентств страны – «Азия-плюс». В 2011 году О. Тутубалина была признана самой смелой личностью года по версии газеты «Миллат», получила орден за отвагу Санкт-Петербургского фонда «Честь и мужество», в 2014 году ее признали одной из влиятельных персон СМИ [278]. Ее отличает необычная для обычных журналистов способность «говорить о том, о чем остальные предпочитают молчать» [289].

Рассмотреть идиостиль О. Т утубалиной через призму трансформации в широких хронологических рамках не представляется возможным, поскольку ее профессиональная карьера в журналистике началась уже в суверенном Таджикистане – специфических условиях, в которых не было столь жесткой монополии правительства на печатное слово, как в Советском Союзе, но все же сохранившейся ввиду идеологического распада и военного противостояния 90-х гг. прошлого столетия.

Обратим внимание на то, что личностное и профессиональное становление О. Тутубалиной (1979 г.р.) проходило в переломный для страны период, однако в данном конкретном случае это скорее можно считать плюсом, нежели минусом, поскольку это был качественно и концептуально новый этап для всех политических и общественных институтов страны, что, возможно, обусловило выбор профессии журналиста. Ее путь в журналистику не был классическим. Изначально (три месяца – с июня по сентябрь 2001 года) О. Тутубалина работала в качестве наборщика текстов в газете «Таджикистан», после чего практически сразу ушла в периодическое издание «Азия-плюс», где и было опубликовано ее первое интервью с известным неонатологом. А факультет журналистики одного из престижных вузов страны, Российско-Таджикского (Славянского) университета, окончила в 2007 году.

Сейчас Ольга Тутубалина почти не пишет, причиной чему является, в том числе, и самоцензура: «Сложно поднимать какие-то темы, зная, что тебя

неожиданно могут за это осудить. Даже за твоё личное мнение. Мы уже много лет и по собственной воле сами стали цензорами – редакторы, журналисты, владельцы медиа. Мы знаем, о чём можно писать, а о чём лучше промолчать. Это объективная реальность нашего времени. Причём речь идёт не столько о каких-то политических вопросах, сколько об экономических и даже социальных вещах»[352].

Для О. Тутубалиной, судя по ее авторским публикациям и комментариям к ним, характерны активная жизненная и гражданская позиция, неравнодушие, энергичность и целеустремленность, что, как показал анализ, находит отражение в ее текстовой деятельности.

Идиостиль этой яркой публичной ЯЛ ввиду ее потенциальной способности эффективно воздействовать на массовую аудиторию, формировать общественное мнение, влиять на ценностные установки коллективного адресата вызывает особый исследовательский интерес.

В ходе настоящего анализа нами было рассмотрено несколько публицистических статей из онлайн версий газеты «Азия-Плюс». Список статей с указанием их полного названия и ссылок на Интернет-ресурсы представлен в конце работы.

Ранее мы уже отмечали, что профессионально заниматься журналистикой О. Тутубалина начала еще в 2001 году – период многообещающий в плане повсеместной реализации всех миротворческих инициатив и потенциально насыщенный для становления и беспрецедентного развития новой таджикской журналистики. Эти тенденции, безусловно, расширили тематические рамки публикаций, четко регламентировав, однако, их идеологическую направленность. Данный факт позволяет констатировать отсутствие трансформации идиостиля Тутубалиной в идеологическом ключе (в отличие от журналистов, имеющих опыт работы в условиях разных политических курсов). Таким образом, здесь следует говорить не трансформации идиостиля отдельной информационно-

медийной личности, а о возникновении качественно нового «типа» журналистов – журналистов независимости (принципиально не «независимых журналистов»). В этом контексте важно понимать, что в основе той журналистики, которую «делают» журналисты независимости, лежит уже не революция, а эволюция. То есть сегодня стоит вопрос не о выборе, а необходимости открытого декларировании тенденциозности и национальной идеи. Сегодняшние журналисты ощущают себя людьми государственными и свое служение Отечеству видят в том, чтобы «управлять общим мнением» (по Пушкину) [90, с. 8], что, возможно, обусловило приоритет публицистических жанров над информационными.

Итак, О.Тутубалина, согласно нашему определению, – журналист независимости, и такой, несколько утопический подход ни в коем случае не отменяет наличие теснейшей корреляции идиостиля и информационного поля информационно-медийной личности, которая прослеживается в текстовой деятельности этой самой личности (здесь О.Тутубалиной).

Особый интерес в данной проекции представляют последние два компонента структуры информационного поля (по Болотнову): 1(5). обратная связь (рефлексии языковой личности на обратную связь – поле вторичных текстов, столкновения с текстами оппонентов, их оценка); 2(6). третичная коммуникация. Предпримем попытку рассмотреть информационное поле О.Тутубалиной через призму именно этих слоев. Изначально отметим, что они реализуются за счет многочисленных реакций на публикации О.Тутубалиной, эхо которых усиливают коммуникативные технологии.

В этом ключе следует эпизодически обратиться к рассмотрению самой известной и одновременно самой скандальной статьи О. Тутубалиной «Неинтеллигентно об интеллигенции» [341], которая даже стала предметом судебного разбирательства. Героем публикации стал некогда опальный таджикский поэт Бозор Собир, который вернулся в Таджикистан по приглашению Президента республики Эмомали Рахмона. Поводом для

возмущения стали высказывания поэта о нерациональности многопартийной системы в современном политическом устройстве РТ: *«...о ненадобности для страны такой партии, как ПИВТ, становится понятным, какая именно партия мешает Таджикистану жить.... Этот, в принципе уважаемый в народе, человек скоро вновь пойдет на баррикады, но теперь уже под другими лозунгами: «Оппозицию в Магадан!», «Мигрантам – миграцию, власти – власть безграничную!». Политический опыт есть, некогда именно господин Собир был одним из основателей Демократической партии… (молодому поколению, наверное, в это сложно будет поверить). Вот так вот быстро и без особых церемоний «переобулся» некогда известный демократ и революционер,...*» [341].

Статья вызвала огромнейший резонанс и породила информационное эхо не только в медиасфере, но и соответствующую реакцию аудитории СМИ за счет использования О.Тутубалиной цитаты В.И.Ульянова-Ленина: «*Интеллигенция - это не мозг нации, это ее г...но». Так говорил вождь мирового пролетариата Владимир Ленин, так хочется сказать и мне...* » [341].

Безусловно, не стоит вести речь ни о жестком характере автора, ни о том, что ее мнение является истиной в последней инстанции, но то, что статья носит провокационный характер – это факт. На нарратив обрушился шквал комментариев с позитивной и негативной коннотацией. По состоянию на 29.11.2020 года было зафиксировано 123002 просмотра и 52 комментария – это данные только с официальной страницы «Азия-Плюс».

Уже 17.06.2013 года был опубликован материал М. Киромовой «Мехмон Бахти: За такие слова Тутубалиной в других странах "содрали бы кожу"» [309], в котором отмечалось, что «*около 10 творческих объединений Таджикистана планируют подать в суд на редактора газеты «Азия-Плюс» Ольгу Тутубалину за ее личное мнение, опубликованное в колонке «Мысли вслух» под заголовком "Неинтеллигентно об интеллигенции"*» [309]. Данный материал был просмотрен 25467 раз, 145 человек оставили свои комментарии.

Следует отметить, что представленная выше информация является лишь малой долей в так называемом «Деле о г... нации», однако по накалу страстей становиться очевидным, что вторичные и третичные тексты, создавшие огромный, хоть и отрицательный резонанс, действительно, отражаются на информационном поле языковой личности О. Тутубалиной.

Портфолио О. Тутубалиной насчитывает не один десяток разноплановых публикаций, что позволяет выделить характерные особенности ее идиостиля, основу которых составляют доминанты смыслов (по Болотнову) и типичные для языковой личности средства выражения и приемы.

Об охвате информационного поля О. Тутубалиной свидетельствует наличие профильного, университетского образования, количество и контент ее работ, а также степень ее известности не только в журналистских кругах. Идиостилевая манера О. Тутубалиной проявляется в постановке политических, общественных, экономических «диагнозов»: «*..кризис государства многих привел к пониманию, что Таджикистану необходим реальный суверенитет...* », *«драма президента Махкамова»*, *«первые ростки будущей идеи о независимости республики начали появляться в неформальных объединениях интеллигенции и молодежных кружках*» [340], *«Новое миграционное законодательство России может поставить вне закона сотни тысяч таджикских мигрантов*»[339],«*растущее недовольство народа политикой правительства*» [342], «*Получается, это не интересы общества, а интересы власти*» [345].

Работа в информационном агентстве «Азия-Плюс», насыщенность, даже некий водоворот «журналистских» событий, встречи с представителями разных общественно-политических сфер накладывают на идиостилевую манеру О. Тутубалиной определенную долю эксцентричности, которую не могли себе позволить представители советской журналистики. Для нее характерны:

1) частое использование метафор, что свидетельствует о метафорическом типе мышления (*Вот так вот быстро и без особых церемоний «переобулся» некогда известный демократ и революционер, а ныне, по всей видимости, уже глашатай воли руководства страны* [341]*; Стремление Душанбе к Тегерану можно объяснить законом геополитического тяготения* [347]*;...стало шагом к будущему краху советской империи. Но окончательный приговор Союзу был вынесен несколько позже* [340]*; ...скрываться от властей, уйти в подполье* [339]).

2) достаточно частое проявление иронии и сарказма, отражающее особенности ее мировосприятия и осознание важности того, что критика притягивает интерес и внимание аудитории, создает репутацию и харизму (*И вероятно, кто-то скажет, что старика можно понять, на склоне лет он просто захотел вернуться на родину, на которую раньше, как сам же заявлял, не собирался больше и ногой ступить (то было раньше, до теплого приема президента). Но лично мне понимать этого не хочется, лицемерие есть лицемерие, как его не камуфлируй. И противно оно в любом возрасте и не может быть оправдано ничем* [341]*).*

У О. Тутубалиной нет стремления уйти от открытого выражения эмоций и крайностей в оценках острых социально-политических событий, что проявляется в особой тональности рассуждений, общей логике изложения и развертывания содержательной и подтекстовой информации (*Таджикистан и Узбекистан делают все возможное, чтобы не только оградить себя от общения друг с другом, но и, порой они даже вставляют палки в колеса соседней арбы. Такое ощущение, что в последние годы в таджикско-узбекских взаимоотношениях появилась новая тенденция «Вопреки соседу»*, <...> *а потом Россия забыла поддержать нас в принципиальном для нас вопросе* [344], «*каста неприкасаемых» (в лице пенсионеров-министров, остающихся на работе*) [345]).

Еще одной отличительной особенностью материалов О. Тутубалиной является использование ею разговорных средств для создания атмосферы естественности и доверительности общения с адресатом (*Если Таджикистан не откажется от Рогуна, Узбекистан устроит международные разборки* [338]*; Бескровное правительственное заседание дало понять, что президент страны «коней на переправе менять», по всей видимости, не собирается. Как говорится, плохонький заборчик из чиновников, да свой. Он много выстоял и сейчас от невзгод закроет...* [345]*; может возьмете нас с собой в рейд по зонам?* [390]*; дуракам закон не писан* [391)].

Дискурсивно-стратегическая компетенция О. Тутубалиной реализуется в свойственной ей манере деления создаваемого ею текста на тематические блоки, названия которых отличаются лаконичностью, яркостью и «едкостью», их основу, как правило, составляют выдержки из прецедентных текстов (*А мы пойдем на Юг...* [347]; *остаться любой ценой* [339]; *восточный подход* [346]; *убийца был рядом* [343])

Все эти дискурсивные методики, используемые О. Тутублиной в текстовой деятельности, свидетельствуют о высоком потенциале ее информационного поля.

Проследить характерные особенности когнитивного стиля данной информационно-медийной языковой личности становится возможным посредством обращения к ее тезаурусу и концептосфере, то есть выделения тематических предпочтений, а также оригинальности ассоциативного разнообразия.

1) Доминирующие темы. Судя по тематике и степени популярности вопросов, затрагиваемых О. Тутубалиной в своих публикациях, следует отметить факт ее состоятельности как политического обозревателя, экономического аналитика, а также активного полемиста.

В основу тематического «диапазона» ее дискурса положены, прежде всего, значимые общественно-политические тенденции современного

Таджикистана. Более того, в этом вопросе нельзя игнорировать и тот факт, что газета «Азия-Плюс» рассчитана на образованную и социально активную аудиторию, что опять-таки обусловливает актуальность/неактуальность проблем, затрагиваемых журналистами этого издания.

Тематическое «портфолио» О. Тутубалиной насчитывает несколько интервью с экспертами разных областей (сейсмология, медицина, подростковая преступность, транспорт, журналистика, авиация, миграция, гособорона и пр.) и политическими деятелями (руководители партий, послы, омбудсмен), аналитические публикации, статьи на злободневные темы (незаконное строительство, реконструкция зданий), публикации в формате «журналистское расследование» и пр.

2. Ключевые концепты. Материалы под авторством О. Тутубалиной являются платформой актуализации целого ряда концептов, представляющих различные аспекты общественно-политической и экономической жизни страны: «*сотрудничество*», «*энергетика*», «*образование*», «*здравоохранение*», «*президент*», «*нация*», «*таджики*», «*ШОС*», «*Душанбе*», «*альянс*», «*исламофобия*», «*мигрант*», «*переселение*», «*квота*», «*война/мир*», «*русский язык*», «*закон*», «*независимость*», «*интеллигенция*», «*молодежь*», «*кризис*», «*правительство*», «*Конституция*», «*партия*», «*оппозиция*», «*митинг*», «*местничество*», «*вода/водные ресурсы*», «*постконфликтная политика*», «*кадровые перестановки*», «*враги нации*», «*справедливость*» *и пр*.

Разделение концептов на тематические блоки в текстовой деятельности О. Тутубалиной не представляется целесообразным, поскольку весь ее дискурс отличается интегрированностью, то есть происходит имплицитное пересечение различных вопросов современного таджикского общества и их эксплицитная дифференциация в контексте отдельно взятой статьи.

Возвращаясь к вопросу о трансформационной парадигме идиостиля таджикских публицистов (на материале текстовой деятельности

И.К. Усмонова и О. Тутубалиной) отметим, что подтверждение тезиса, согласно которому фундаментом западных традиций авторского идиостиля являются экономика и политика, в то время, как базис восточного идиостиля, в частности таджикских авторов проецируют просвещение и литература, видится нам в следующей представленности.

Так, И.К. Усмонов, являясь представителем поколения журналистов, испытавших идеологические трансформации, опору своего дискурса продолжает видеть в просвещении и литературе, соответственно, неся эти классические нормы в массы. Журналисты независимости (О. Тутубалина, в частности) начали свое профессиональное и личностное становление в условиях разноплановых рисков и положительных тенденций глобализации, основу которых составляют западно-европейские социально-политические тренды, пропагандирующие не только идеи толерантности, социального равенства и разных свобод, но и концепции индивидуализма, оппортунизма и консюмеризма. Следовательно, говорить о трансформации их авторского стиля не приходится, поскольку это, по сути, уже новая «политико-экономическая» журналистика со свойственными ей векторами развития, со специфической внутренней цензурой, создающей определенное концептуальное поле, где происходит «разграничение элитарного и массового сознания» [69, с. 540]. Таджикские же публицисты, прошедшие классическую школу журналистики, миссию свою видят в просвещении масс, в полновесной пропаганде культурно-исторических, духовно-нравственных ценностей, основу которых составляют классические произведения искусства, литературы, науки. Однако приходится констатировать, что историческое время для массового сознания, «испорченного западизацией», неприемлемо и непонятно, для элитарного же свойственно преодолевать «хронотоп современности» [69, с. 521]. Хотя сегодня, во многом благодаря журналистике, испытавшей «шок» трансформации, массовое сознание преодолевает пороговые границы

элитарного поля, привнося несколько упрощенную интерпретацию оценок событий, происходящих в современном мире.

3.2. Функциональные характеристики концептуальных полей публицистов периода государственной независимости

Концептуальное пространство, реализуемое средствами массовой информации, призвано формировать национальный характер, поскольку мировоззренческое и нормативно-ценностное содержание этого пространства оказывает моделирующее влияние на мироощущение и поведение человека – представителя определенного этноса. Национальный характер обнаруживает себя как порождение культурно-исторических смыслов и ценностей. Следовательно, концепты следует считать своеобразным «культурным геном», который участвует в сохранении «генотипа культуры» и отмечен в большей или меньшей степени «этносемантической спецификой» [13, с. 112].

При этом СМИ, журналисты, которые, как принято считать, сообщают только о социально значимых событиях, «не обладают монополией на некое специальное знание, которое включено в концептуальное поле (или структуру отдельного концепта), а выступают в качестве хорошо информированных мирян, наделенных здравым смыслом» [57, с. 57]. Однако мнение журналистов отличает высокая степень влияния, и оно – это мнение – имеет вполне естественную «тенденцию превратиться в мнение» [236, с. 77] самих читателей/зрителей/слушателей, следовательно, наиболее популярные, часто используемые концепты, формируя одноименное поле, являют собой основополагающие идейно-пропагандистские элементы.

В информационном пространстве, которое объективируется посредством всевозможных, разнородных концептуальных полей, происходит постоянное столкновение декларируемых ценностей, что актуализировало национальную повестку, основанную на государственных

интересах. Вследствие чего журналистика неформально приобрела статус субъекта национальной политики, а СМИ стали реализуемой за счет концептов площадкой «артикуляции национальных интересов и дискуссий о базовых общественных ценностях» [306].

В Таджикистане, впрочем, как и в любой другой стране, властные политические структуры используют СМИ как инструменты защиты и буферизации нежелательной и разрушительной для таджикского общества информации со стороны как зарубежных, так и оппозиционных отечественных игроков, а также создают медиа-продукты, которые бы позволяли формировать и развивать национальные ценности и идеологию страны.

Роль журналистики в этом вопросе в нынешних условиях может показаться неоднозначной, поскольку она (журналистика) становится платформой разноречивых убеждений, на которой сталкиваются приверженцы всевозможных мнений и позиций. Однако именно этот статус формирует мощнейшую базу для продвижения национальной идеи, основу которой составляют соответствующие концепты. Следовательно, чем больше концептов, объективирующих идеи правящей политической элиты, используются в материалах СМИ, тем успешнее происходит реализация государственной политики во всех общественных и экономических институтах, в частности в вопросах сохранения и пропаганды народных идеалов и традиционных ценностей страны или целой нации. Поток концептов, несмотря на кажущуюся «банализацию» (по Виноградовой и Мельнику), осуществляет важную интегративную, или консолидирующую, функцию, поскольку приучает человека/гражданина «считать себя обязанным <...> государству за счастье быть элементом системы» [35, с. 326], что особенно важно для поддержания и укрепления миротворческих, созидательных инициатив нынешнего руководства страны, приход во власть

которой ознаменован окончанием затянувшейся политической депрессии и гражданской войной в республике.

По мнению Н.Н. Салихова, в публицистике периода суверенитета Республики Таджикистан прослеживаются два тематических направления [186, с. 329]: а) история становления государственности таджиков, современная внешняя и внутренняя политика страны и созидательные инициативы; б) критика антисоциальных тенденций. Все эти материалы, независимо от обсуждаемой в них проблематики, четко обозначают «концептуальную позицию» массмедиа послевоенного Таджикистана, наращивающего миротворческий потенциал.

Полагаем, что выявление базовых концептов, используемых отечественными публицистами, позволит идентифицировать особенности каркаса концептуального пространства современных таджикских СМИ и, соответственно, его несовершенства; принципиальным является и то, что анализ в этом ключе предоставит возможность определить и функциональные характеристики концептуальных полей журналистов республики.

Мы уже отмечали факт массивности фактического материала исследования, что делает практически невозможным его детальное рассмотрение тем более на предмет авторства материалов, в этой связи мы обратились к интернет–ресурсу (https://polpred.com/news/?ns=1&cs%5B153%5D=on&os%5B15%5D=on&fulltext=on&word=clr&period_count=1&sortby=date&page=5), в котором собраны практически все материалы отечественных журналистов, публицистов, освещающих различные общественно-политические и экономические проблемы современного Таджикистана. На его основе будет предпринята попытка реализовать цели и задачи данного этапа исследования, о которых было заявлено в рамках научного аппарата настоящей диссертации. Отметим, что первая статья по данной ссылке датирована 23.06.2004 года, и

обновление, соответственно, происходит в соответствии с естественным хронологическим циклом. Данный временной принцип считаем вполне релевантным в срезе этой диссертационной работы, поскольку первая декада общественно-политической устройства уже независимого Таджикистана достаточно подробно описана в предыдущих разделах работы, что дает нам право в рациональных целях не возвращаться к этому вопросу в контексте настоящего параграфа.

Так, реализация концептуальных полей публицистов второй декады государственной независимости происходит за счет таких лексических единиц (под лексической единицей мы понимаем и слово, и словосочетание, и фразу, и предложение), как: *налоговые реформы, повышение тарифов на все средства связи, финансовые затруднения, сотовая связь, развитие, интернет, мобильная связь, национальная безопасность, информационная и экономическая безопасность, цифровой формат, запуск цифрового оборудования, закон «О языке«, государственный язык, творческая интеллигенция, независимость, низкие показатели условий ведения частного бизнеса, внешняя политика, интеграция стран региона, развал государственной почтовой службы, инициатива изъять русский суффикс «ов» из таджикских фамилий, национальные традиции, отсутствие ежедневных газет, малорентабельность сферы масс-медиа, отсутствие профессиональной экономической журналистики, война с «серыми мобильниками», домашняя телефонная видеосвязь, сохранение национальных традиций и обрядов, закрытие/блокировка интернет-сайтов, антитеррористические операции, мобильный интернет, поправки в Таможенный кодекс, исламская тематика, самый высокий флагшток в мире, оппозиционный журналист – Дододжон Атовуллоев, разносторонняя информационная политика, монополизация отечественного телевидения, проблемы со свободой слова, обострение отношений между властями и независимыми СМИ, недостаточная развитость рекламного бизнеса и пр.*

Контент-анализ материалов отечественных русскоязычных СМИ показал, что в рамках второй декады государственной независимости Республики Таджикистан повышенное внимание было уделено таким общественно-политическим тенденциям, как:

1. Технологизация, которую принято считать основополагающим фактором современного этапа «цивилизационного развития» [335], поскольку она играет определяющую роль в развитии социально-экономического сектора и всех его сегментов, а также в нашей повседневной жизни и межличностных отношениях.

2. «Политизация СМИ» – стремление политической системы доминировать над СМИ и использовать их для достижения собственных целей и интересов. Сегодня отмечается тотальное проникновение и присутствие политики в ежедневной деятельности СМИ. Этому способствует тенденция к «расширению государственной информационной политики» [125, с. 4], более того наблюдаются процессы «увеличения объёма информации, её усиления и совершенствование стандартных» [125, с. 18] и появление инновационных методов коммуникации. Политики признают, что именно массмедиа влияют на процесс формирования мнения и поведения общества, знакомя общественность с результатами политических действий и процессов, подвергая их соответственной интерпретации [12, сс. 64-65].

3. Активнейшая языковая политика, которая ориентирована на пропаганду национально-культурных ценностей, исторических традиций и защиту национальных интересов. Период руссификации сменил этап беспрецедентного развития государственных языков стран бывшего Союза. Хотя говорить о тотальной руссификации нет оснований, поскольку еще в 1918 году в рамках проведения языковой политики, не имевшей на тот момент аналогов в мире, И.Сталин заявил следующее: «Никакого обязательного «государственного языка» — ни в судопроизводстве, ни в школе! Каждая область выбирает тот язык или те языки, которые

соответствуют национальному составу ее населения, причем соблюдается полное равноправие языков как меньшинств, так и большинств во всех общественных и политических установлениях» [280].

4. Исламизация – тема, внимание к которой обусловлено ростом влияния радикального ислама в бывшей советской Средней Азии, в частности Таджикистане и определенная степень религиозной интенсификации.

5. Экономика. Следует признать, что перегруз сообщений об экономических процессах цифровыми данными делает их (сообщения) трудными для восприятия и, как следствие, в некоторой степени бесполезными для массовой аудитории. При всем многообразии методов и возможностей создания аналитических экономических материалов отметим, что по большей части для обывателей эти публикации остаются событийными, а не направленными на систематическое осмысление экономических явлений в стране и мире.

Данные пять пунктов, безусловно, не являются полным и полноценным охватом всех тематических предпочтений отечественных публицистов, однако в их рамках представлены не только наиболее популярные тенденции современного таджикского общества, но и некоторые проблемные факторы при их освещении. Здесь же важно отметить, что деятельность журналиста, которая, по сути, является элитарным занятием, базирующимся на интенсивной интеллектуальной деятельности, в действительности находится в полной зависимости от аудитории, поскольку не журналистика и не журналисты формируют массовое сознание, а массовое сознание, которое находится в постоянном ожидании «нужной информации» формирует журналистику в принципе, и концептуальные поля журналистов/публицистов в частности.

Возвращаясь к лексическому аспекту объективизации концептуальных полей публицистов третьего десятилетия независимости Республики Таджикистан, отметим наличие следующего пласта единиц: *открытие*

радиостанций и телеканалов, международные организации, радио для таджикских мигрантов «Муходжир», миграция/мигранты, квоты, образование, строительство, религиозно-экстремистская организация, амнистия, круглосуточное вещание первого государственного канала таджикского телевидения, мобильная связь, интернет, экономическое развитие, активисты гражданского общества, боевые действия, блокировка интернет-сайтов с независимой информацией, цензура, алименты, проблема насилия в семье, браки несовершеннолетних, право наследования, наркоторговля, преступность среди молодежи, коррупция, родственные браки, борьба с терроризмом, культура, ремесленничество, рациональное использование пахотных земель, книгопечатание, книгоиздание, независимость, энергетика, контрабанда наркотиков, Конституция, таджикский кинематограф, Рогун, ГЭС, социальные сети. мобильные интернет, цифровое вещание, ПИВТ (Партия исламского возрождения Таджикистана), международное/региональное сотрудничество, реформы высшего профессионального образования, открытие филиалов российских вузов, библиотека, создание новейшей инфраструктуры, информационная безопасность, Олимпиада, театральное искусство, спорт, туризм, армия, проблемы свободы слова, художественное искусство, послание Парламенту, проституция, хиджаб, ВОВ (Великая Отечественная Война), горный туризм, демонтаж и реконструкция зданий советской эпохи, реклама, интеграция, гражданское противостояние, финансовый кризис, защита/обеспечение сохранности/популяризация/использование объектов историко-культурного наследия, отсутствие полноценной журналистской деятельности, здравоохранение, отсутствие адекватного диалога между чиновниками и журналистами, образовательные ярмарки, запрещение в стране религиозных течений – «Салафия», «Ансаруллох» и «Хизб ут-Тахрир», меры по не распространению религиозного экстремизма среди населения,

миграционная амнистия, развитие сотрудничества в области спорта высших достижений/массового спорта/спорта инвалидов/ спортивной науки/борьбы с применением допинга в спорте, национальные и государственные интересы, квоты на получение высшего профессионального образования (в том числе и вузах ближнего и дальнего зарубежья), уход СМИ в «цифру», Навруз/плов/вышивка «чакан» вошли в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества, сельскохозяйственное планирование и выработка соответствующей политики, агробизнес, фермерство, непопулярные решения антимонопольной службы, поддержка женского предпринимательства, транспортная сфера, экологическая журналистика, авиация, выдача паспортов нового образца, развитие точных наук, пандемия коронавируса, президентские/парламентские выборы, национальная экономика и пр.

Исследование показало, что тематический охват публикаций третьей декады рассматриваемого периода основывается на тех же актуальных для второго десятилетия стратегиях: технологизация, политизация СМИ, активная языковая политика, исламизация, экономика. При этом фиксируется его расширение за счет акцента на социальную, культурно-историческую и гражданско-патриотическую составляющие, а лексическое и, соответственно, концептуальное наполнение контента по всем повесткам определенно отличается полнотой, разнообразием и некоторой новизной.

Такие вопросы, как государственная независимость, национальное согласие и единство, политические и общественные институты, энергетическая независимость, международное сотрудничество, образование, здравоохранение, экономика, сельское хозяйство, культурно-историческое наследие, инновационные технологии, гражданское общество, борьба с религиозным экстремизмом и терроризмом, а также тотальной исламизацией и другие остаются лейтмотивом публикаций периода

независимости и определяют аспект лексико-семантических и концептуальных полей авторов этих материалов. Однако в этом же контексте важно отметить и высокую степень утрирования отдельных материалов, что, возможно, является некой приметой времени и создает дополнительный эмоциональный фон для усиления упора на национальный компонент в каждом сегменте общественно-политической сферы.

В ходе анализа было установлено, что проблема со свободой слова стоит не на последнем месте в иерархии приоритетов журналистов. В этой связи особое внимание уделяется независимой прессе, под которыми в условиях Таджикистана подразумеваются СМИ, не находящиеся на государственном финансировании или дотации, они также экономически независимы от каких-либо политических партий. Функционируют эти массмедийные субъекты исключительно за счет саморентабельности, поскольку формально и практически являются самостоятельными субъектами предпринимательской деятельности. Независимые СМИ, доминируя абсолютно, представляют читателям свой, основывающийся исключительно на собственных редакционных принципах и политике, взгляд на явления и процессы в жизни страны.

Современная независимая таджикская пресса начала складываться в конце 80-х, на фоне перестроечного ослабления и деградации советского государства. С 1988 года и до конца 1992 года она из зажатой советской периодики превратилась в раскованную и практически самостоятельную силу, способную эффективно влиять на развитие политических процессов в республике. Зарождавшаяся независимая пресса была новой по тематике, языку, подаче материала; разрушала прежние стереотипы, клише; хорошо ощущала пульс времени, а также настрой и психологию людей, пробудившихся к активной деятельности в позднеперестроечные времена. Независимые периодические издания («Чароги руз», «Адолат», Сухан», «Хафтгандж») буквально с первых же вышедших в свет номеров была

нарасхват. Однако идеологический коллапс конца 80-х – начала 90-х годов стал причиной появления в независимой прессе «девиантной» концепции в освещении событий, которая накаляла и без того сложную обстановку. В конце 1992 года выпуск независимых изданий «Сухан», «Хафтгандж» и других в Таджикистане был прекращён. «Чароги руз» и «Адолат» стали издаваться за рубежом под грифом «Газета в изгнании».

Постсоветская разруха и гражданская война (1992–1997 гг.) на время прервали развитие независимой прессы как самостоятельного института. Прекращение гражданского противостояния и запущенные процессы миростроительства (1997–2000 гг.) стимулировали оживление и развитие независимых СМИ. Яркими представителями современной независимой прессы в Таджикистане являются два еженедельника «Азия-Плюс» и «Фараж», а позиции их главных редакторов Умеда Бабаханова и Хуршеда Атовулло считаются созвучными настроениям общества.

Предпримем попытку рассмотреть характер и суть независимой прессы на примере в некотором смысле провокационного образа известного таджикского журналиста, публициста – Атовуллоева Хуршеджона Ниёзовича (Хуршеди Атовулло) (1973 г. р.). Данный выбор обусловлен несколькими основными факторами. Во-первых, в данном параграфе мы не ставили перед собой цель изучить идиостиль Х. Атовулло, в этой связи язык его публикаций не являлся принципиальным критерием при отборе его персоналии в качестве объекта исследования. Более того, среди его публикаций есть две статьи на русском языке, которые достаточно четко позиционируют его как «журналиста независимости» (понятие, введенное нами в § 3.1.), что позволило нам очертить парадигму независимой таджикской журналистики. Во-вторых, Умед Бабаханов, бесспорно, занимает равные с Х. Атовулло позиции в рассматриваемом нами аспекте, но в рамках определенной нами исследовательской линии считаем несколько некорректным вносить некий дисбаланс, обращаясь к двум представителям

одного информационного агентства «Азия-Плюс» – Умеду Бабаханову и Ольге Тутубалиной.

Итак, рассмотрим специфику таджикской независимой журналистики, ярчайшим репрезентантом которой является Х. Атовулло – выпускник факультета журналистики Таджикского национального университета. Его профессиональная карьера началась в 1996 году в качестве корреспондента газеты «Чархи гардун», позже он заведовал редакцией газеты «Джавонони Точикистон», был заместителем главного редактора газеты «Таджикистан», а также первым заместителем главного редактора газеты «Рузи Нав»; долгое время занимал позицию Генерального секретаря Медиа Альянса Таджикистана. Сегодня Хуршед Атовулло является председателем Центра журналистских исследований и главным редактором еженедельника «Фараж», который считается одним из самых читаемых в стране и известен, прежде всего, публикацией критических материалов о чиновниках.

Деятельность Х. Атовулло отмечена целым рядом наград: Отличник прессы (2001 г.) и культуры Республики Таджикистан (2012 г.); обладатель Премии Абулкасима Лохути, Премии Молодежного комитета Республики Таджикистан в области журналистики (2004 г.) и Премии ОБСЕ в области прав человека; он был признан Лучшим публицистом (2008 г.) и журналистом (2009 г.).

Все эти регалии и серьезный послужной список позволяют сделать вывод о том, что независимые СМИ официально признаны непосредственными участниками процесса демократизации таджикского общества, имеют политическую силу и оказывают определенное влияние на формирование политического мышления и имиджа страны.

В ключе настоящего исследования нас привлекло интервью Х. Атовулло, которое он дал Н. Кахаровой, корреспонденту газеты «Бизнес и политика» в 2011 году. Отличительной особенностью данной беседы является то, что ответы собеседника не подвергались редакторской обработке

цензоров, что считается не вполне типичным для данного жанра журналистики. Х. Атовулло первым согласился на этот смелый эксперимент и «без купюр» ответил на все вопросы корреспондента.

Интерес для анализа представляет мысль журналиста о том, что *«не совсем правильно говорить о полном отсутствии свободы слова и независимой прессы в Таджикистане, однако существуют они под прессингом судебных органов и экономического кризиса и половина независимых СМИ, которые сейчас* (2011 г. –Х.Т.) *существуют, не доживут до выборов* (выборы президента 2013 г. –Х.Т.) *именно по этой причине*» [372].

В 2007 году газета «Фараж» начала публикацию целой серии статей о полевых командирах, чьи имена даже боялись произносить вслух, занималась журналистскими расследованиями. По словам Х. Атовулло, на этих публикациях издание сделало большой тираж, хотя в результате этой практики он и его коллеги неоднократно становились жертвами нападений. При этом журналист не отрицает, что в погоне за прибылью некоторые СМИ публиковали и «фэйковые» статьи на тему политико-идеологического распада и гражданского противостояния в стране.

Х. Атовулло также признает, что его позиция главного редактора газеты «Фараж» стала причиной появления большого количества недругов и с некоторой иронией отмечает, что «*при 100 влиятельных врагах, у него нет ни одного влиятельного друга*» [372].

Факт толерантного отношения журналиста к проявлениям разных культурных паттернов можно проследить в его ответе на вопрос «Что лучше: оши нахор (традиционный утренний плов к свадебному мероприятию. –Х.Т.) или водка? » – «*Ош и водка – это неразделимое. Сейчас модно в чайниках приносить водку на оши нахор*» [372].

Х. Атовулло не стесняется говорить и о своем далеко не безоблачном прошлом – журналист не один месяц толкал тележку на российских рынках и даже планирует написать об этом мемуары.

Свое призвание главный редактор «Фараж» видит только в журналистике, но никак не в политике, вопреки распространенному о нем мнению: «*...Я был и останусь журналистом. Сами наши политики признаются, что одна независимая газета может сделать больше, чем политическая партия*» [372].

Сила Медиа Альянса Х. Атовулло видится в том, что само появление МАТ (Медиа Альянс Таджикистана) «*связано с защитой своего чувства достоинства теми журналистами, которые его создали*» [372].

Целесообразным считаем фрагментарно рассмотреть его статью «Тураджонзода возвратится? », опубликованную в газете «События» (24 августа 2006 г.) в рубрике «Особое мнение» раздела «Политика». Материал представляет собой аналитический обзор политических расстановок в партии Исламского возрождения на момент съезда ПИВТ, который должен был состояться 2 сентября 2006 года Х. Атоввулло, на тот период руководитель центра журналистских расследований Таджикистана, в рамках публикации также прогнозирует дальнейшие действия «политизированного духовенства» и их влияние на «рядовых верующих». В статье активно фигурирует имя тогда еще *«молодого политика популярного в некоторых кругах европейских политиков, знающих несколько языков, исламоведа*» [358] Мухиддина Кабири, который с октября 1997 года являлся помощником лидера ПИВТ С.А. Нури, и которому «*по слухам, Нури сам завещал лидерство*» [358]. Журналист приводит краткую автобиографическую справку, однако наибольший интерес представляет оценка шансов этого политика руководить республикой: «*Конечно, можно предположить, что на предстоящих президентских выборах ПИВТ выдвинет Кабири в качестве кандидата на пост президента. В таком случае испытывать иллюзии о*

том, что Кабири наберет заметное количество голосов избирателей - это абсурд, потому что он два раза пробовал стать депутатом Парламента от одномандатного округа в Файзабадском районе, но оба раза "провалился"» [358].

Обратим внимание на способность 33-летнего (в 2006 г.) публициста прогнозировать политическую расстановку сил, как внутри партии (*...могут стать причиной раскола партии.<...> Среди религиозных кругов партии Кабири известен как политолог, а не духовных лидер. Даже, кажется, что современно одетый Кабири не нравится некоторым провинциальным верующим, которые «встречают по одежке»... У него нет стажа как члена партии. Он, как основные члены партии, не пережил трудные времена на чужбине – в Афганистане...* [358]), так и в «большой политике» (*Но станет ли Тураджонзода серьезным соперником или нет, зависит от того, вернется ли он в ПИВТ* [358].).

Таким образом, можно с большой долей вероятности предположить, что политический климат в стране и различные ситуации на различных этапах личностного формирования оказали серьезное влияние на процесс становления Х. Атовулло как журналиста, чьи материалы не позволяют путать героев и жертв и рассчитаны на «политических гурманов».

Итак, резюмируем: Х. Атовулло, на наш взгляд, является одним из ярчайших представителей современных независимых таджикских СМИ, которые в своей деятельности не пытаются скрывать, маскировать тревожные «симптомы» разноплановых тенденций в стране, регионе, мире; не боятся переносить ситуации из социального поля в юридическое; не занимают радикальных позиций, пытаясь найти пути решения острых проблем, не отвергая при этом новые вызовы и новые возможности.

Обращаясь к собственно вопросу данного параграфа, то есть функциональным характеристикам концептуальных полей публицистов периода государственной независимости следует отметить, что лексико-

семантический и концептуальный аспекты всех их материалов представляют собой ценнейший пласт информации, а все вопросы условно могут быть разбиты на группы, которые имеют реальную перспективу превратиться в направления работы, однако данный аспект может стать объектом и предметом отдельного, самостоятельного исследования.

Относительно концептуальной составляющей публикаций рассматриваемой категории публицистов, целесообразным считаем поддержать тезис о том, что «никакой концепт не выражается в речи полностью» [162, с. 88], поскольку концепт является результатом индивидуального познания, а индивидуальное нуждается в комплексе средств для своего полного выражения. Соответственно, концепт в материалах СМИ не может иметь жесткой структуры, что делает практически невозможным его полноценную, объемную реализацию. Более того, бесперспективной и практически нереальной можно считать фиксацию всех репрезентаций концепта.

Проанализированный пласт лексики объективирует целый ряд разноплановых концептов, которые, «обеспечивая процесс отождествления и различения объектов окружающей действительности» [122, с. 117], позволяют носителям языка, то есть носителям определённых концептуальных систем (здесь журналистам) свести воедино ключевые знания о мире, передавая от поколения к поколению «всё множество знаний, присущих определённому народу и составляющих его культурный код» [162, с. 88].

В условиях современного Таджикистана архиважное значение имеет историческая память и ее место в таджикском самосознании и менталитете, где ключевая роль отводится концепту «Национальная идентичность» и его лексической репрезентации. В фокусе внимания публицистов периода независимости находится идея единства нации и кризиса национальной идентичности в начале 90-х годов XX века, причиной которого послужил

затянувшаяся политическая депрессия власти, ее паралич и гражданская война в республике.

Концепт «Национальная идентичность» актуализируется через обращение современных авторов к важнейшим историческим событиям суверенного Таджикистана, а также ценностям таджикской нации, которые определяют некоторые стереотипы поведения.

Следует обратить внимание и на то, что реализация концепта «Национальная идентичность» происходит в рамках интереса таджиков к собственной истории, примером чему являются книги «Таджики» Б. Гафурова, «Таджики в зеркале истории» Э. Рахмона, «Таджикнаме» И.К. Усмонова.

Таким образом, активную объективизацию этого концепта можно рассматривать, как один из способов преодоления кризиса национальной идентичности таджиков, пик которого приходится на первую половину 90-х годов.

Прагматическую доминанту дискурс отечественных публицистов получает посредством актуализации прецедентного высказывания Лидера нации Эмомали Рахмона «Я приведу вас к миру» (1992 г.) и понимания того, что кризис национальной идентичности возникает в условиях политических катаклизмов (здесь развал СССР, приобретение суверенитета, гражданская война).

Объективизация концепта «Национальная идентичность» происходит на всех уровнях концептуального пространства современных отечественных СМИ, что призвано убедить аудиторию в духовном и культурном единстве Таджикистана, таджикистанцев, таджиков, которое существует, несмотря на изменения в политическом устройстве. Более того, не следует игнорировать и факт возрастающего влияния политических событий как внутри страны, так и за ее пределами на осмысление данного концепта и способов его актуализации.

Концепты, активно реализовываемые в текстовой деятельности современных публицистов, априори призваны последовательно сближать основные общественно значимые сферы – политику, экономику и культуру. Данная интеграция происходит за счет распространения разнородных потоков общественно значимой информации, основу которых составляют именно концепты.

Журналистика в условиях трансформирующего общества, в природу которого заложена «внешняя глобализация и внутренняя модернизация», обретает цивилизационные цели, задачи, направления, средства только в рамках правового демократического государства, которое, по утверждению Р.Ф. Абдеева, «должно строиться по принципу "пяти колец"», что подразумевает полноправное взаимодействие пяти независимых властей: законодательной, исполнительной, судебной, власти информации и власти интеллекта, – причём «последние две власти должны пронизывать все остальные» [2, сс. 96-97]. Особой значимостью, естественно, наделяется власть информации, то есть свобода печати, гласность, обилие общедоступных банков данных, и круглосуточного потока новостей, доступ к которым осуществляется через спутниковое ТВ, социальные медиа, веб-сайты медийных субъектов. А вот реализация власти интеллекта зависит от компетентности специалистов, работающих в сфере концептуальной обработки информационных потоков, что предполагает выделение идеологически важных концептов и отсечение тех, которые представляют определенную угрозу устоявшейся (с учетом всевозможных парадигм), адекватно функционирующей системе государственного управления.

Таким образом, на пересечении разносторонних процессов информатизации и политизации трансформирующегося общества возникает синтез двух видов власти – информационной, или власти общественного мнения, и политической, или власти закона и порядка. Из этого причинно-следственного ряда проистекает высокая степень зависимости политики от

медийной (посреднической) роли печати, радио, телевидения, интернет-изданий. Реверсный же алгоритм заключается в том, что именно политика определяет идеологическую составляющую функций журналистики, которую последняя реализует посредством объективизации целого ряда соответствующих концептов со свойственной им полевой структурой, которые, в свою очередь, формируют концептуальное пространство СМИ, независимо от преференций отдельных представителей политических элит.

3.3. Социальный опрос как инструмент определения концептуального поля журналиста

В профессиональном журналистском сообществе приобретают все большую популярность вопросы развития социологической науки и ее социальной миссии. Причина такого повышенного интереса видится в безусловной «публичности» и социологии, и журналистики (как социологического феномена), движущей силой которых является стремление улучшить общество, ведь «в (позволим себе несколько расширить суть высказывания. –Х.Т.) их сердцах лежит забота об обществе» [274].

В нынешних условиях потребности среднестатистической аудитории в компетентной информации не снижают, а, наоборот, усиливают поступательный социальный аспект развития современной журналистики.

Однако недоверие к СМИ, как отмечают эксперты, растет, и ответственность за это возлагается именно на журналистов ввиду «произвольных и фрагментарных интерпретаций» [281] разного рода информации. Журналисты довольно скептически относятся к подобным претензиям, объясняя тенденцию персональной трактовки материалов закрытостью доступа к общественно значимым темам.

Ученые констатируют огромное количество точек пересечения социологии и журналистики. Например, социолого-журналистские

положения являлись одной из ключевых составляющих марксистской теории печати. Журналисты-практики, авторы «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркс (немецкий философ, социолог, экономист, писатель, поэт, политический журналист, лингвист, общественный деятель) и Ф. Энгельс (немецкий политический деятель, философ, историк и предприниматель) в своих произведениях трактовали любой факт исключительно в его социальном контексте, отображая его в широком диапазоне мнений, характеров, политических взглядов. В основе их успешного опыта руководства периодическими изданиями стоит особое, неподдельное внимание к «потребностям и настроениям аудитории, пожеланиям народа, а также их стремление говорить на языке тех людей, к которым обращались» [97, с.8]. К. Маркс признавал, что «свободная пресса является продуктом общественного мнения и одновременно выступает его создателем» [97, с.8]. Если интерпретировать данное высказывание в контексте современного журналистского знания, можно с уверенностью говорить о высоком «социологическом потенциале» журналистики ввиду трансформации средств массовой коммуникации, в результате которой в нее (журналистику) пришли люди, далекие от СМИ, но которые также видят свою миссию в «служении Отечеству» (см. § 3.1), однако в несколько искаженном, «стихийно-гражданском» исполнении.

О взаимосвязи социологии и журналистики весьма эксцентрично рассуждает П.Н. Киричек в своей статье с оригинальным названием «Река по имени «Факт»: «Каждый начинающий журналист до поры до времени слышит только себя. <...> Собственное творческое «Я» кажется центром принципиальной координации мироощущения. Но приходит время, когда узколичностный мирок собственных ощущений становится подобным жесткому корсету, стесняющему творческое «дыхание». Появляются симптомы фактурного удушья, а за ними — дистрофия мысли... По одну сторону от барьера познания лежит скудный запасец того, что думаю и

чувствую «Я», а по другую – несметные сокровища того, что думают и чувствуют «Они» [89, с. 27]. Здесь следует обратить внимание на изначально негативное восприятие социологического начала журналистского творчества, однако отрицание чужеродности социологии – это лишь вопрос времени, по мере «врастания» в профессию каждый журналист/публицист (без исключения) организует свою деятельность в соответствии с социологическими критериями. Данная гипотеза подтверждается самобытными суждениями автора о синтезе журналистики и социологии: «...журналистика и социология «стреляют» в одну и ту же цель – корень жизни. Только первая делает это пристрастно, а вторая, наоборот, бесстрастно...» [89, с. 27]; «социологу быть журналистом желательно. Журналисту же быть социологом обязательно – если не профессионалом, то хотя бы любителем...» [89, сс. 28-29]; «информация, произведенная социологом, нейтральна и объективна. Она является зеркальным отражением жизни. Она не «навязывает» себя для обязательного применения в социальном управлении. И наоборот, информация, произведенная журналистом, обычно используется в деле. Она «навязывает» себя большими тиражами в качестве импульса, позыва, сигнала для управленческого решения...» [89, сс. 28-29]; «социологическая информация вмонтирована в публицистический текст... » [89, с. 29].

Интеграция журналистики и социологии настолько очевидна, что подобное единение, даже некое родство дает право говорить об этих двух областях знаний не столько как о разных, сколько как о взаимозависимых явлениях. Под взаимозависимостью мы имеем в виду интерес медиасообщества к социологической проблематике и социологическим данным. Более того, это внимание подвигло отдельных журналистов и целые редакции к проведению собственных исследований в социологическом ключе. В принципе это может быть воспринято как положительная тенденция, хотя эксперты заявляют о наличии некоторых проблемных

факторов. Во главе этого «проблемного угла», безусловно, стоит отсутствие специализированной подготовки журналистов, отсутствие у последних навыков и умений работы с методологическим (подход) и методическим (методики, приемы, шаги) арсеналом социологической науки, а, следовательно, и неспособность корректной, адекватной интерпретации получаемых данных, что, в свою очередь, негативно сказывается на качестве и валидности (надежности) публикуемой информации.

Вместе с тем отмечается явный рост социологической грамотности представителей массмедиа, о чем свидетельствуют разного рода социологические опросы, проведенные в том числе и в отечественных СМИ (см. Главу 2).

Отметим, что социологические опросы по своей природе зиждутся на экспериментальной методике и тяготеют к функционально-матричному подходу. Эксперимент, применение которого относительно недавно ограничивалось естественными науками, сегодня вышел за область естественнонаучного знания и вошел в круг социальных и гуманитарных наук. Так, в журналистике (как в теории, так и в практике) существует несколько определений эксперимента. Оптимальным считаем воспринимать его как метод работы журналиста, используемый при подготовке остро-социальных материалов.

Один из первых журналистских экспериментов связан с именем Элизабет Джейн Конкран (США, 1887 г.), которая для расследования случаев жестокого обращения с пациентами женского сумасшедшего дома, мастерски симулировала помешательство и провела десять дней в психиатрической лечебнице. Вскоре вышла статья о жутких условиях, в которых содержатся пациентки, издевательствах персонала, пьянстве и неправомерном заключении в лечебницу некоторых пациентов. Статья вызвала широкий общественный резонанс и реакцию властей.

Примером экспериментальной методики для советских журналистов стали публикации М. Кольцова «Три дня в такси», «Семь дней в классе», «В загсе», автор которых задался целью выявить правонарушения в сфере оказания различных услуг советским гражданам.

Исходя из этих двух практик, вполне обоснованным считаем определение журналистского эксперимента, введенное в научный оборот А.А. Тертычным: «Искусственная, специально организованная самим журналистом предметно-практическая ситуация» [204, с. 97].

В классическом представлении Т.В. Шумилиной, эксперимент – это «комплексный метод, сочетающий различные методы сбора информации, с его помощью устанавливается реакция изучаемого объекта на экспериментальный фактор. Экспериментальным фактором является переменная или ряд переменных, под влиянием которых проявляется та или иная деятельность изучаемого объекта» [242, с. 65]. Важным добавлением к этому определению является упоминание о таких важных методах, как наблюдение, анкетирование, интервью и изучение документов. Мы полагаем, что данная трактовка априори несет в себе социальное начало, поскольку подразумевает наблюдение за объектом, функции которого тем или иным образом пересекаются с деятельностью членов конкретной социальной/этнической/профессиональной группы и, более того, оказывают влияние на настроения общества в целом.

Другим ключевым параметром, позволяющим считать эксперимент важным инструментом журналистского творчества и определения реальных социальных преференций, является мнение философа и социолога Карла Поппера о том, что именно эксперимент отличает научную теорию от ненаучной. Конечно, принципиальное значение здесь имеет количественный фактор (число участников эксперимента), хронологический срез, гендерный и возрастной ценз (баланс / дисбаланс) и прочие критерии, однако подтверждение выдвигаемых гипотез базируется на комплексном анализе

полученных данных, который уже придает проведенному эксперименту статус научности, валидности и социальной направленности.

Проанализировав ключевые для данного этапа исследования понятия социологии и эксперимента, а также некоторые аспекты их корреляции с журналистикой, мы пришли к выводу, что социологические исследования в журналистике – явление, в целом, достаточно распространенное, хотя частоту использования некоторых направлений можно считать ограниченной. Именно этот «лимитированный» прием станет предметом дальнейшего рассмотрения.

Так, в контексте настоящего труда социологическое исследование будет проведено посредством одного из его эмпирических методов – метода свободных ассоциаций. Изначально отметим, что ассоциативный метод, в различных своих вариациях, находит широкое применение в исследованиях на стыке лингвистики, психологии, философии, психологии, культурологии и прочих областей научного знания. Подход к исследованию ассоциаций в социологии, бесспорно, отличается от других наук, поскольку для социологии важны «устойчивые характеристики ассоциаций, их социальные основания, взаимосвязь с различными общественными явлениями и общественными процессами» [67, с. 116]. Здесь считаем необходимым добавить, что «устойчивость этих характеристик» и «связь социальными явлениями и процессами» обеспечивается именно за счет журналистики/журналистов.

Свободный ассоциативный эксперимент направлен на выделение и изучение «прецедентных феноменов, включённых в структуры сознания» [70, с. 5], он позволяет регистрировать не только первичный ответ, но и «легализовать» вторичную реакцию.

В социологических исследованиях в контексте метода ассоциаций в его «традиционном варианте» предлагается следующий протокол: респонденту следует назвать (написать) ассоциации, вызванные определенным стимулом,

выбрав их из предложенного набора стимулов, которые могут представлять релевантное объекту исследования слово, словосочетание, картинку, фотографию или предмет. Более простым считается вариант свободных ассоциаций, при котором не задаются направления или рамки ответов, что значительно расширяет аспект предполагаемых реакций и предоставляет объемный материал для анализа.

Социологическое «осмысление» ассоциаций/реакций респондентов показывает их (ассоциаций) дуальность: отражение личного жизненного опыта респондента и социального опыта общностей, групп, в которые он (респондент) включен. Вместе с тем, ученые предупреждают, что ассоциации респондентов «могут не иметь ничего общего с реальной действительностью, так как на них оказывают влияние стереотипы, традиции, социализация, СМИ и много других факторов, вследствие этого отражение действительности в восприятии респондента становится искаженным, трансформированным» [67, с. 121].

В контексте настоящего исследования мы несколько модернизировали платформу проведения свободного ассоциативного эксперимента, посредством включения в этап его проведения интернет-ресурсов.

Поскольку наиболее распространённым и доступным по форме методом проведения различных экспериментов считается анкетирование, именно оно было выбрано в качестве ключевого метода нашего эксперимента.

Чем социологический подход, в частности методика свободного ассоциативного эксперимента в форме анкетирования, развиваемая нами в рамках настоящего параграфа, может быть полезна для понимания концептуальной основы творчества публицистов? В первую очередь тем, что он (подход) позволяет осмыслить природу «журналистского» концепта как механизма активного идеологического воздействия на аудиторию. Во-вторых, он дает возможность определить концептуальное поле журналиста в

контексте расширения или сужения его профессиональной деятельности. В-третьих, он актуализирует принцип «обратной концептуальной связи» в триаде «журналист – материал – аудитория», в результате которой происходит или напряжение, или ослабление, или чередование, или отсутствие внимания аудитории к журналистскому творчеству.

Реализация заявленных целей предполагает участие неограниченного количества респондентов, а ввиду специфики эксперимента абсолютная спонтанность их ответов не была заявлена как обязательная.

Разработанная анкета была условно разделена на два блока, призванных сформировать два банка данных:

1. социальный – данные о гражданстве (принципиально не национальность) и возрасте респондентов;
2. собственно ответы вопросы.

Возрастной ценз не являлся значимым критерием, однако жесткое определение его нижней границы рамками 19-20 лет (студенты – бакалавры четвертого курса – целевая аудитория эксперимента – входят в данную возрастную группу) и открытость верхней границы (при анализе результатов она показала отметку в 36 лет) позволили наиболее полно и точно структурировать концептуальное поле отечественных публицистов.

Процедура проведенного нами анкетирования не отличалась особой новизной. Каждый респондент, в том числе и принимавшие участие в эксперименте в онлайн режиме, должны были заполнить свои анкетные листы. Время заполнения анкеты не было ограничено ввиду, напомним, «легальности» и первого, и второго, и последующих ответов, включая также не зафиксированную в опроснике реакцию.

Онлайн версия данной анкеты находилась в открытом доступе с 1.12. – 14.12.2020 год. Интернет-ресурсы предоставили нам возможность значительно расширить базу данных.

Подчеркнем, что валидность полученных результатов была обеспечена за счет включения в эксперимент двух категорий респондентов: первая – это представители студенческой молодежи, поскольку вузовское образование играет ключевую роль в создании картины мира; более того, прогнозируя развитие сознания молодых людей, можно утверждать, что в ближайшие тридцать лет они будут определять языковую, духовную и материальную жизнь нашего общества [403, с. 5]. Более того, выбор студенческой аудитории обусловило и мнение Р.В. Соколова и А.И. Назарова, о том, что «...ассоциация – это следствие образованности, а не ее причина» [139, с. 130].

Во вторую группу вошли интернет – пользователи (не заявленные в качестве целевой группы), которые заполнили анкету по собственной инициативе. Однако их реакции обладают потенциалом содержательно расширить исследуемое концептуальное поле и привносят в процедуру проведения эксперимента и подведение итоговых результатов существенную долю объективизма.

В проведенном нами эксперименте принимали участие студенты–бакалавры IV курсов факультета журналистики Таджикского национального университета и кафедры печатных СМИ и PR Российско-Таджикского (Славянского) университета, а также интернет пользователи. Своими ответами поделились 135 респондентов: 35 студентов РТСУ, 50 – ТНУ, 38 человек представили свои реакции через интернет-платформу.

Неприемлемо заявить о том, что опрос был проведен методом случайной выборки, поскольку мы намеренно выбрали данный контингент ввиду его непосредственной близости к миру журналистики, этапом обучения (семестр до получения диплома журналиста-бакалавра). Метод сплошной выборки в нашем конкретном случае может считаться релевантным только по отношению к интернет-респондентам, то есть в данном сегменте не были заранее установлены строгое число и социальные параметры опрашиваемых. Объем собранного материала считается

достаточным для проведения репрезентативного анализа, поскольку по Вахтину и Головко, минимальное число респондентов в одной группе при «социолингвистическом исследовании равняется пяти» [30, с. 58]. Вполне правомерно возможное замечание о соответствии данного числа участников в социальном эксперименте по журналистике. Полагаем, что если и следует говорить о разнице, то небольшой. В контексте настоящего исследования количество опрошенных (135 респондентов) на порядок – в 27 раз – превысило (как в плане социолингвистическом, так и в журналистском) заявленную учеными норму.

Так, результаты анкетирования показали достаточно широкий спектр реакций на первый вопрос *«Кого, по Вашему мнению, из таджикских журналистов можно причислить к современной журналистской элите?»*. В список вошли имена 42 журналистов. Топовые позиции при этом занимают: *Ибрагим Усмонов, Хуршеди Атовулло, Джамшед Саъдуллоев, Сухроб Саъдуллоев, Вера Исмоилова, Субхон Джалилов, Орзу Исоев, Наргис Касимова, Ольга Тутубалина, Шариф Хамдампур, Мубориз Усмонов, Орзу Исоев, Бахтовар Джамшед, Тахмина Раджабова, Вера Кулакова, Лидуш Хабиб (Алидоншо Шорахматуллоев).*

В этот же рейтинг попали *Муслимбек Буриев* (политолог, участник Школы аналитики cabar.asia (Душанбе)) и *Тимур Темирханов* (гражданский активист), хотя в отличие от выше представленных имен, они не имеют классического журналистского образования, а являются выпускниками направления подготовки «Международные отношения» филиала Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова в г. Душанбе. Отметим и *Мубориза Усмонова*, который закончил юридический факультет Таджикского национального университета, в настоящее время известен как телеведущий, шоумен и певец.

Данный факт свидетельствует о том, что представителями «элиты таджикской журналистики» являются не только журналисты и публицисты,

имеющие (многолетний) опыт профессиональной деятельности, но и «околожурналистские» (судя по диплому о базовом образовании) личности. Это обстоятельство, однако, ни в коей мере не помешало им считаться частью профессионального журналистского сообщества в Таджикистане.

По второму вопросу *«Впишите имя таджикского журналиста, который зарекомендовал себя как...»* по отдельным пунктам были получены вполне ожидаемые результаты.

Так, востребованными журналистами, публицистами, по мнению большинства респондентов, являются: *Хуршеди Атовулло, Ольга Тутубалина, Джовид Муким, Мубориз Усмонов, Манижа Курбанова* и др. Более того, в данной категории было упомянуто даже имя *Отахона Латифи* (1 позиция). Уникальность данной реакции видится нам в том, что карьера О.Латифи, который трагически погиб в 1998 году, является предметом интереса для отдельных представителей студенческой молодежи, что позволяет говорить о вполне реальной перспективе исследования творчества таджикских журналистов начального периода независимости, для которых характерна трансформационная парадигма картины мира и профессиональной деятельности.

В качестве авторов телевизионных и/или радио проектов были отмечены всего пять журналистов – *Вера Исмаилова, Тахмина Раджабова, Субхон Джалил, Орзу Исоев, Мубориз Усмонов*. Важно обратить внимание на то, что данный пункт анкеты был пропущен практически всеми респондентами.

Однако по вопросу авторства учебной литературы по специальности «Журналистика» были представлены вполне компетентные ответы практически в каждой анкете: *А. Садуллоев, И. Усмонов, С. Гулов, М. Муродов, П. Гулмуродзода, И. Хамидов, Дж. Садуллоев, А. Нуралиев, Ш. Муллоев*. Мы полагаем, что причиной такой осведомленности является учебный план обоих университетов, основу которого составляют

государственные стандарты в области образования. Так, в соответствии с этими нормами, обучение осуществляется на базе учебников и пособий, составителями которых являются и отечественные авторы. Вторым немаловажным фактором считаем содействие соответствующих государственных департаментов изданию учебной литературы на государственном языке, что является актуальным для вузов с таджикским языков обучения.

Относительно вопроса об активном участии в миротворческом процессе в Таджикистане было представлено две позиции – *И. Усмонов, О. Латифи*. К сожалению, ни одним студентом из РТСУ данная графа заполнена не была, в то время как учащиеся ТНУ, как показали наблюдения, в большинстве своем достаточно уверенно вписали эти две фамилии. Полагаем, это связано, помимо сугубо академических факторов, и со страноведческой компетенцией студентов Национального университета, в развитии которой имплицитную роль сыграл интерьер факультета журналистики ТНУ. Благодаря портретным стендам с изображениями известнейших таджикских журналистов и кратким автобиографическим описанием их жизнетворчества, студенты сами того не осознавая, вбирают в себя важнейшую информацию, эти сведения как бы становятся частью их «журналистского ДНК». Подобных стендов на этаже, где расположена кафедра печатных СМИ и PR Российско-Таджикского (Славянского) университета, нами замечено не было, хотя интерьер этажа, где находится кафедра, располагает к закреплению целой линейки профессиональных навыков и умений.

Вопрос о политической карьере таджикских журналистов подвиг респондентов фрагментарно отметить имена *И. Усмонова и О. Латифи,* хотя, как показал анализ, подавляющее большинство опрашиваемых оставили данную позицию без ответа.

Не получил достаточно реакций и пункт, затрагивающий глубокие знания об истории таджиков. В круг представленных реакций вошли *И. Усмонов, Каххор Раджаб, Каххор Расулиен, Ш. Муллоев, П. Гулмуродзода, Г. Шерматов*.

В рамках ответа на вопрос «*Кто из отечественных журналистов специализируется в области социальных, политических, экономических проблем и темы национальной идентичности и самосознания*» был представлен достаточно широкий диапазон реакций. Так, по мнению респондентов, проблемами социума активно занимаются *Наргиз Касымова, Алла Куватова, Джамила Назарова, Ольга Тутубалина, Лутфулло Давлатов, Афсона Акобиршоева, Гульнора Амиршоева, Тимур Темирханов, Хуршед Атовулло, Орзу Исоев.*

Политический сегмент освещают: *Ибрагим Усмонов, Бахманиер Кодиров, Нусратулло Саидзода, Фатхиддин Замон, Парвиз Муллоджонов, Сангин Гулов, Джовид Муким, Саефи Мизроб, Манижа Курбанова*

Экспертами в экономической сфере считаются: *Пайрав Чоршанбиев, Абдулло Ашуров, Шамсиддинзода Субхиддин, Азизбек Мавлонов*. Следует обратить внимание на тот факт, что определенный процент опрошенных оставили данную позицию без конкретного ответа, поскольку, по их мнению, в республике нет профильных (то есть специализирующихся сугубо в экономическом секторе) СМИ. При обработке данных также было выявлено, что участники эксперимента не владеют достаточной информацией по этому вопросу, о чем свидетельствует игнорирование данного пункта анкеты.

Вопросы национальной идентичности и самопознания волнуют: *Веру Исмоилову, Фарангез Шозидову, Талабшо Муминова, Абдурашида Ализода, Викторию Петрову, Бахтиера Муртазаева, Бахтовари Джамшеда, Хуринисо Ализода*. Несколько респондентов отметили, что главная функция СМИ заключается в пропаганде именно национальной идентичности. Данное обстоятельство следует расценивать как положительную тенденцию,

поскольку заполнившие анкету студенты в перспективе имеют вполне реальные шансы стать практикующими журналистами, следовательно, вопросы, поднимаемые СМИ, будут непременно освещаться с позиции национальной идентичности и интересов, что особенно важно в период различного рода угроз мирового и регионального уровней.

В рамках опроса нами была также предпринята попытка, хотя и виртуальная, реализовать принцип обратной связи, посредством предоставления учащимся возможности задать любой интересующий их вопрос журналисту, чья деятельность является для них профессиональной моделью для подражания. В группе «кумиров» оказались *Афсона Акобиршоева, Наргиз Касымова, Мубориз Усмонов, Тимур Темирханов, Ольга Тутубалина, Субхон Джалилов, Манижа Курбанова*. Будущих журналистов интересовали разные вопросы: *Каково быть журналистом в Таджикистане?* (вопрос к Н. Касымовой); *Не мешает ли смелость журналистской карьере?* (вопрос к А.Акобиршоевой, О.Тутубалиной); *Как стать известным журналистом?* (вопрос к М.Усмонову); *Когда таджикские журналисты будут получать за свой труд достойную зарплату?* (вопрос к Т.Темирханову).

При этом следует констатировать несостоятельность данного пункта анкеты ввиду либо его полного игнорирования, либо неадекватности постановки вопросов респондентами, хотя этот прием (при более осмысленном подходе со стороны опрашиваемых) позволил бы нам выделить дополнительные компоненты информационного поля журналистов, а также расширить содержание концептуального пространства современных СМИ.

Особый исследовательский интерес представляет идентификация реакций, ассоциирующихся с конкретными чувствами – доверием, патриотизмом, смелостью, сатирой/иронией. Так, *И. Усмонов, О. Тутубилина, В. Исмоилова, С. Джалилов, С. Садуллоев, О. Исоев, Г. Амиршоева, Т. Темирханов, М. Буриев* больше ассоциируются со

смелостью и доверием. Сатиричными/ироничными журналистами, по мнению респондентов, являются *М. Усмонов, С.Джалилов и К. Багданова*. Патриотами подавляющее большинство считают *И. Усмонова и Х. Атовулло.*

Таким образом, анализ данных, полученных в ходе анкетирования, показал, что ассоциативный эксперимент, действительно, может быть использован как инструмент определения концептуального поля журналиста. Уровень частотности/ограниченности использования респондентами имен отдельных журналистов позволяет сделать ряд выводов:

1. Зафиксирована высокая степень частотности упоминания имен таких журналистов, публицистов, как *И. Усмонов, О. Тутубалина, Х. Атовулло, Г. Амиршоева* практически по всем вопросам анкеты, что дает основания говорить о широте их информационного поля, которое, как отмечалось ранее, отличается крайне сложной структурой (см. § 3.1.)

2. В ходе обработки данных были отмечены реакции (имена журналистов), которые отличались одноразовостью предъявления, в связи с чем не вошли в круг анализируемых аспектов, однако их наличие является ярчайшим свидетельством широты и полноты концептуального пространства современных таджикских СМИ, которое, напомним, состоит из множества концептуальных полей журналистов, специализирующихся в различных сферах: экономика, политика, культура, здравоохранение, оборона и пр.

3. Концептуальные поля журналистов, многократно отмеченных во всех позициях анкеты, непосредственно связаны с информационным полем и эхом этих журналистов, создаваемым их текстовой и речевой деятельностью, основу которого составляет в том числе и тезаурус. Наиболее часто употребляемые ими концепты, в свою очередь, принимают непосредственное участие в формировании и развитии концептуального пространства СМИ, демонстрируя парадигму трансформации современного общества

4. Контекст нашего исследования, в частности настоящий его раздел, предоставляет уникальную возможность дуального анализа. То есть

определить объем и содержание концептуального пространства СМИ возможно при рассмотрении концептуального поля каждого практикующего (практиковавшего) журналиста (что сложнее) и редакционной коллегии издания (более упрощенная опция). Вполне реальным можно считать и реверсный путь: от определения концептуального поля отдельного журналиста/редколлегии к выявлению концептуального пространства средств массовой информации отдельной страны.

5. Неадекватная или полное отсутствие специализации журналистов в конкретной общественно-политической области позволяет идентифицировать лакуны в концептуальном пространстве, которое по сути является зеркалом, отражающим все процессы – и трансформацию, и статичность.

Таким образом, логично предположить, что различные типы информационно-медийных ЯЛ (в данном конкретном случае таджикские журналисты, публицисты) обладают разным потенциалом воздействия на медиасреду, при этом абсолютно неважным параметром становится площадка их (журналистов, публицистов) функционирования – локальная (известность в пределах страны), масштабная (известность за пределами страны). А дискурсивные практики информационно-медийных личностей, имеющих сильное информационное поле, высокий рейтинг авторитета и доверия (как в случае с И. Усмоновым, Х. Атовулло, О. Тутубалиной, С. Джалиловым), могут стимулировать информационные волны и порождать информационное эхо не только в медиасфере, но и соответствующую реакцию аудитории СМИ.

Медиадискурс, создаваемый информационно-медийными личностями, формирует имидж не только высшего руководства страны, но и имидж государства на мировой арене. Полностью поддерживая мнение Е.В. Осетровой и лишь фрагментарно перефразировав ее определение, мы предлагаем понимать под имиджем «динамичный образ страны, который

возникает в результате целостного восприятия концептуального пространства, центральной характеристикой которого является контрадикторность» [152, с. 12].

Следовательно, публичное выражение комплекса концептов, реализуемое СМИ и вторичными и третичными текстами, является своеобразным процессом самопризнания, который раскрывает особенности мировидения и общей культуры граждан конкретной страны в определенный период ее развития. Результатом этого «целостного восприятия» может стать или проектирование, или культивация, или изменение, или разрушение имиджа.

Вновь затрагивая вопрос об ассоциативном эксперименте как инструменте определения концептуального поля журналиста, важно обратить внимание на то, что в эпоху беспрецедентного развития коммуникативных технологий можно правомерно поставить знак равенства между всеми компонентами триады «журналисты – концепты – имидж страны», поскольку государство представляет концептуальное пространство СМИ, которое, в свою очередь, состоит из концептуальных полей журналистов.

Выводы по третьей главе

Изучение идиостиля публицистов, журналистов и других информационно-медийных личностей не представляется возможным без применения методик наблюдения, анкетирования и контент-анализа не только речевых произведений ими созданных, но и учета их (информационно-медийных личностей) биографического, социального, коммуникативного, культурного, ситуативного и языкового контекстов.

Исследование идиостиля информационно-медийной личности напрямую коррелирует с информационным полем личности, отраженным в ее текстовой деятельности. Именно это поле позволяет языковой личности

участвовать в создании медиатекстов и увеличивает или снижает рейтинг известности, цитируемости.

В информационном пространстве, которое объективируется посредством всевозможных, разнородных концептуальных полей, происходит постоянное столкновение декларируемых ценностей, что актуализировало национальную повестку, основанную на государственных национальных интересах. Вследствие чего, журналистика неформально приобрела статус субъекта национальной политики, а СМИ стали реализуемой за счет концептов площадкой «артикуляции национальных интересов и дискуссий о базовых общественных ценностях» [306].

Базовые концепты, используемые отечественными публицистами, позволяют идентифицировать особенности каркаса концептуального пространства современных таджикских СМИ и, соответственно, его несовершенства. Хотя здесь же следует признать, что эти пробелы имеют потенциал превратиться в направления активной работы

Реализация концептуальных полей публицистов второй декады государственной независимости происходит за счет лексических единиц, актуализирующих такие тенденции, как технологизация, политизация СМИ, активнейшая языковая политика, исламизация, экономика.

Тематический охват публикаций третьей декады рассматриваемого периода не особенно отличается от предыдущего этапа и состоит из тех же пяти параметров, однако он расширен за счет усиления социальной, культурно-исторической и гражданско-патриотической составляющих, при этом лексическое и, соответственно, концептуальное наполнение контента по всем повесткам определенно отличается полнотой, разнообразием и новизной.

Важно отметить и высокую степень утрирования отдельных тематик, что, возможно, является некой приметой времени и создает дополнительный

эмоциональный фон для акцента на национальный компонент в каждом общественно-политическом сегменте.

Концепт в материалах СМИ не может иметь жесткой структуры, что делает практически невозможным его полноценную, объемную реализацию. Более того, бесперспективной и практически нереальной можно считать фиксацию всех репрезентаций концепта.

В профессиональном журналистском сообществе приобретают все большую популярность вопросы развития социологической науки и ее социальной миссии. Интеграция журналистики и социологии настолько очевидна, что подобное единение, даже некое родство дает право говорить об этих двух областях знаний не столько как о разных, сколько как о взаимозависимых явлениях.

Социологический подход, в частности использованная нами методика свободного ассоциативного эксперимента в форме анкетирования, оказалась полезна для понимания концептуальной основы публицистического творчества в трех базовых проекциях (осмысление природы «журналистского» концепта как механизма активного идеологического воздействия на аудиторию; возможности определить концептуальное поле журналиста в контексте расширения или сужения его профессиональной деятельности; актуализации принципа «обратной концептуальной связи» в триаде «журналист – материал – аудитория»), в результате которой происходит напряжение/ослабление/чередование/ отсутствие внимания аудитории к журналистскому творчеству.

В эпоху беспрецедентного развития коммуникативных технологий можно правомерно поставить знак равенства между всеми компонентами триады «журналисты – концепты – имидж страны».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование, посвященное концептуальной составляющей журналистского творчества, призванного формировать и развивать концептуальное пространство страны, можно считать вкладом в отечественную «медиа-археологию», поскольку именно концепты являются тем существенным, что позволяет изучить СМИ через призму исторического развития и национального самосознания.

Значительные преобразования в концептуальном пространстве СМИ современного Таджикистана неразрывно связаны со сменой парадигм трансформации общества; безусловно и их взаимовлияние, в основе которого лежат информационные технологии, изменения каналов связи и характера общения, усиление ролевых и влиятельностных позиций массмедиа.

В контексте рассмотрения теоретических основ исследования концепта в журналистике было выявлено, что антропоцентризм по-прежнему остается одной из ключевых особенностей современного научного знания, определяя стабильное внимание к вопросам языковой личности.

В целом, результаты диссертационного исследования позволяют сделать выводы о решенности поставленных во введении научных задач:

Задача 1. Литературный обзор по вопросам типологизации информационно-медийных языковых личностей зафиксировал плюралистический подход к определению понятия «языковая личность» и, как следствие, быстрое и прочное вхождение этого термина в тезаурус целого ряда наук. При этом интерпретация и типология языковой личности зависят от особенностей подхода к ее определению.

Задача 2. Было определено, что медийное пространство стало площадкой активного функционирования представителей всех трех типов ЯЛ, создающих различные тенденции, в том числе и негативные. Контент-анализ современного медиадискурса осуществляется посредством трех базовых подходов «от автора к тексту», «от текста к автору» и «от читателя к тексту»,

в рамках которых равноценное значение имеют и лингвистические, и экстралингвистические факторы.

Задача 3. Сравнительно-сопоставительный анализ авторских картин мира журналистов советского и постсоветского периодов показал, что основу авторской картины мира составляет конкретный исторический период со свойственными ему идеологическими, экономическими, культурными, социальными характеристиками. Смена парадигм авторских картин мира журналистов привела к рождению принципиально новых СМИ, хотя советское наследие до сих пор остается в определенной степени существенным фактором в работе всех видов и сегментов СМИ.

Задача 4. Рассмотрение собственно теории концепта и концептуального пространства журналистики выявило необходимость опоры на лингвистические теории, позволившие констатировать наличие нескольких инвариативных признаков концепта, которые получили полноценную «журналистскую» интерпретацию.

Задача 5. Разработка универсальной процедуры выделения концептуального пространства медиатекста потребовала комбинирования и дополнения пунктов соответствующих протоколов по работе с художественным текстом. Согласно разработанному нами протоколу, который позволяет буквально «препарировать» журналистский, публицистический нарратив на предмет выявления его концептуального пространства, следует: а) определить пресуппозицию, б) идентифицировать ключевые слова, в) выделить концепты, г) детерминировать лексемы, реализующие базовый концепт текста, и д) смоделировать структуру концепта.

Задача 6. Результатом установления причинно-следственных связей между авторской картиной мира, идиостилем и концептуальным полем журналиста стало осознание того, что картина мира получает парадигматическую интерпретацию, выражающую три основных параметра: глобальный образ мира, инструмент познания, теоретический конструкт-модель. Более того, и

картина мира, и идиостиль, и концептуальное поле журналиста определяются типом политической системы, уровнем политической культуры, степенью развития гражданского общества, законодательством, которое регулирует отношения между властью, обществом и СМИ.

Задача 7. Идентифицировать природу концептуального сдвига и дать ему универсальную трактовку оказалось возможным при рассмотрении (по принципу дихотомии «вызов – и – ответ») известной на всем постсоветском пространстве реформы конца 90-х под названием «сухой закон» и при обращении к трансформационной парадигме концептов «Патриотизм» («Патриот») и «Пионер» в рамках тридцатилетнего опыта государственного суверенитета Республики Таджикистан.

Задача 8. Изучение принципов объективизации концептов «Исламизм», «Гражданское общество» и «Национальная идентичность» в контексте социально-политических преобразований позволило не только вычленить разного рода приемы воздействия на аудиторию, но и исследовать их в холистическом единстве. Выявляется их концептуальная трансформация в специфике репрезентации политических событий, в рамках и под воздействием которых и формируется политический дискурс, являющийся площадкой функционирования трех рассматриваемых концептов.

Задача 9. В контексте выявления парадигматического среза идиостиля таджикских публицистов в условиях смены парадигм трансформации общества было установлено, что поколение журналистов, испытавших идеологические трансформации, миссию свою видят в просвещении масс, в полновесной пропаганде культурно-исторических, духовно-нравственных и гражданско-патриотических ценностей, основу которых составляют классические произведения искусства, литературы и фундаментальная наука и образование. Журналисты, чье профессиональное и личностное становление происходило в условиях глобализации, ее разноплановых угроз и положительных тенденций, остов своего творчества видят в западно-

европейских социально-политических трендах, пропагандирующих не только идеи толерантности, социального равенства и разных свобод, но и концепции индивидуализма, оппортунизма и консюмеризма.

Задача 10. Функциональные характеристики концептуальных полей таджикских публицистов периода государственной независимости Республики Таджикистан прослеживаются в повсеместном и полновесном освещении (через культурно-историческую и гражданско-патриотическую призмы) тем, входящих в следующие тематические блоки: компьютеризация, активная языковая и социальная политика, религия, экономика. В ходе анализа было также установлено, что проблема со свободой слова стоит не на последнем месте в иерархии приоритетов журналистов. Прагматическую доминанту дискурс отечественных публицистов получает посредством актуализации прецедентного высказывания Лидера нации Эмомали Рахмона «Я приведу вас к миру» («Я принесу вам мир»).

Задача 11. Факт конструктивной интеграции социологических методов и журналистских исследований подтверждается высоким «социологическим потенциалом» журналистики не только ввиду традиционной социальной миссии журналистики, но и трансдисциплинарного характера исследований по журналистике, в рамках которого каждое научное знание приобретает социальную сущностью.

Постфактум логику настоящего диссертационного исследования можно свести к трем этапам научного поиска:

1. критериальному обоснованию концептуальности современного массмедийного пространства;

2. выявлению мигрирующего статуса картины мира журналиста, которая имеет непосредственную корреляцию с его творческой деятельностью и концептуальным пространством СМИ;

3. рассмотрению функционального инструментария по определению концептуальных полей журналистов в контексте смены парадигм активных общественно-политических трансформаций.

В ходе исследования было доказано, что беллетристичность, свойственная языку художественной литературы и языку СМИ советского периода, заняла теневую позицию в современном журналистском творчестве ввиду повсеместных трансформаций во всех общественно-политических институтах, требовавших обновленный формат освещения происходивших событий; от СМИ хотели намного больше: не сухие формулировки приказов правительства, а пронзительные истории. Вторым вызовом для СМИ стала возможность разъяснять суть событий, информацией о которых она была «завалена». Эти два фактора положили начало качественно новым процессам в журналистике и «запуску» серии концептов, реализующих теперь уже национальную политику независимого государства.

Отхождение от принципов беллетристичности дало толчок исследованиям в векторе антропоцентричности журналистского творчества.

Факт активного присутствия всех трех типов информационно-медийных языковых личностей в СМИ можно рассматривать и с положительной, и с отрицательной стороны. Основным преимуществом является создаваемое ими концептуальное пространство со свойственной ему контрадикторностью. К негативным характеристикам следует отнести интолерантный тон публикаций и создаваемый ими минусовой резонанс.

По вопросу авторской картины мира в контексте ретроспективного сравнительного анализа обратим внимание на принципиальное расхождение АКМ журналистов двух периодов – жесткой советской цензуры и государственного суверенитета. Однако, несмотря на смену идеологий, основным параметром функционирования СМИ по-прежнему остается их пропагандистский характер. Важную роль в формировании и развитии картины мира играют экстралингвистические факторы, такие как фоновые

знания, образование, семейный бэкграунд, национальность, возраст, гендер, социальный статус, профессиональный и личностный профиль, законодательная база, общественно-политический климат и пр. Все это свидетельствует о не статичности, а динамичности картины мира, в соответствии с которой изменяется и авторское «Я».

Концепт и концептуальное пространство журналистики на сегодняшний день не достигли того уровня научного признания, которое по праву заслуживают. Выражаем твердую уверенность в том, что концепт и журналистское слово пересекаются у самого основания; собственно существование СМИ невозможно без обращения к концептам, то есть СМИ концептуальны по своей сущности. В этой связи все представленные в теоретической части работы «лингвистические» дефиниции относительно самого концепта, одноименного поля и пространства подверглись полновесной журналистской интерпретации.

В рамках исследования было идентифицировано несколько центральных критериев по оценке концептуального пространства журналистики, ключевыми из которых является национальная специфика и его контрадикторность, то есть наличие и даже столкновение противоположностей. Первая, кстати, придает этому пространству исторически-культурную и идейно-политическую проекцию и выделяет его из многих других.

Классическая процедура выделения концептуального пространства складывается из лингвистических принципов, положенных в основу анализа художественного текста. Нами был разработан уникальный и в одновременно универсальный протокол по обозначению концептуального пространства публицистического нарратива. Этноспецифичность, составляющая основу концептопространства, которая прослеживается в наборе лингвокультурных символов. Авторскими разработками могут считаться рисунки, представляющие системную организацию концептосферы, принцип

организации концептуального пространства и концептуальное пространство публикаций в концептуальном пространстве СМИ.

Картина мира в концептуальном пространстве СМИ не сужает, а расширяет потенциал публикаций, высвобождая креативные, творческие и идейно-политические ресурсы для углубленного концептуального поиска. Эволюционный характер картины мира журналистов, их аудитории и правящих элит обусловил трансформацию функциональной сущности СМИ.

Синтагматическая и/или парадигматическая модель функционирования массмедиа зависит от социально-политического климата в каждой конкретной стране, а их название (СМИ/СМК/СМАП/СМИП) определяется спецификой исторического этапа развития государства, так как каждая новая эпоха вносит свои коррективы не только в характер журналистского творчества, но и в его ценнейший концептуальный ресурс. Нельзя игнорировать и факт развития информационных технологий, точнее, их потенциал в обеспечении обратной связи в триаде «власть – журналист – общественность». Эта связь сегодня может быть актуализирована и без журналиста (в классическом понимании этого понятия) ввиду активнейшего развития гражданской журналистики, эволюционировавшей, по нашему определению, в стихийную журналистику, тон, манеру и принципы подачи материала которой определяет интернет.

Трансформационным процессам свойственна неоднозначность, которая фиксируется и в контексте их научного изучения. Проведенный нами аналитический обзор содержательной базы понятия «трансформация» показал высокую степень вариативности его интерпретации.

Концептуальные сдвиги являются «сюжетообразующей доминантой» одноименного пространства СМИ; именно благодаря или вопреки им, одни лексические единицы приобретают концептуальный смысл, а другие эту нагрузку утрачивают. Концепты «Патриотизм» («Патриот») и «Пионер» были рассмотрены в качестве модели, доказывающей, что часть концептов

проходят традиционные для концептуальных сдвигов этапы – вхождение, расширение, ограничение, исключение, обновление, национализация, расширение. Принципиальными и весьма деликатными этапами следует считать обновление и национализацию, поскольку именно в этот период может возникнуть «историческая амнезия» и предприняты попытки «переписать» историю.

Активный научный поиск показал отсутствие полноценного определения понятия «концептуальный сдвиг», в связи с чем нами была предложена, на наш взгляд, его универсальная трактовка. Выдвинутая нами дефиниция позволила констатировать, что в рамках тридцатилетнего опыта государственного суверенитета в Республике Таджикистан произошел целый ряд концептуальных сдвигов во всех социально значимых сферах, при этом все эти сдвиги так или иначе связаны с гражданской войной в республике.

За тридцать лет государственного суверенитета исламизм неизменно является одной из центральных тем СМИ Республики Таджикистан. Начиная с 90-х годов прошлого столетия и до настоящего времени, эти публикации неоднократно меняли свою коннотативную плоскость. Изначально авторы достаточно деликатно подходили к освещению этой проблематики, придерживаясь определенного нейтралитета в оценках, позже мы становимся свидетелями негативного к нему отношения, с началом межтаджикского переговорного процесса тон публикаций немного смягчился, но сложности, с которыми сталкивались обе стороны диалога, обусловили его (тона) турбулентный характер. На современном этапе развития страны исламизм приобрел крайне негативную проекцию, поскольку стал практически взаимозаменяемым синонимом шовинизма, сепаратизма, экстремизма, терроризма. Таким образом, исламистская повестка СМИ «не позволяет чувствовать себя хорошо, создавая мрачную картину мира». Данный тезис доказывает выделенная нами структура концепта «исламизм» с его объемной лексической актуализацией.

Интерпретируя пять базовых критериев по определению общества как гражданского в срезе Таджикистана, следует признать, что общественно-политический вектор развития республики направлен на расширение линейки принципов гражданского общества, однако при этом ракурс актуализации концепта «Гражданское общество» в отечественных СМИ достаточно ограничен, что, возможно, связано с этноспецифическими факторами и идейно-политическим климатом страны.

Выделенный лексический пласт также свидетельствует о сокращении политической индифферентности граждан страны, начиная со второго десятилетия государственной независимости. В определенной степени это связано с: а) вступлением в активную фазу молодого постсоветского поколения; б) творчеством журналистов, почувствовавших вкус политической публицистики; в) развитием гражданской журналистики со свойственными ей принципами структурной и лексической организации текста.

Концепт «Национальная идентичность» становится лейтмотивом всех публикаций СМИ Республики Таджикистан с момента объявления государственного суверенитета. Тенденция к расширению концепта наблюдается с конца 1992 года – периода избрания президентом страны Эмомали Рахмона. Лексическая наполняемость концепта свидетельствует о нахождении его (концепта) в активной фазе уже на протяжении почти 30 лет.

Повестка национальной идентичности и, соответственно, реализация одноименного концепта представлена в нескольких ипостасях: политика, культура, история, литература, спорт, языковая политика. В вопросе актуализации концепта одну из ключевых позиций занимают прецедентные единицы – антропонимы и топонимы, являющиеся частью культурно-исторического наследия и современного этапа развития таджикской государственности.

При изучении трансформационной парадигмы идиостилей таджикских публицистов было установлено, что в ее основе лежит выход СМИ из-под тотальной цензуры на каждое опубликованное слово. В целом это способствовало развитию нового этапа отечественной журналистики, для которой априорным смыслом стало сведение к политическому началу любого события. Ситуация усугубилась за счет продолжительной политической депрессии и военного противостояния. Представленное в работе разделение таджикских СМИ периода независимости на три основных этапа (1) медиа гражданской войны (1990-1996 г.), где правительственные (официальные), оппозиционные и независимые СМИ функционировали в условиях «информационной войны»; 2) медиа национального примирения (1996-2000 гг. (прекращение деятельности Комиссии по национальному примирению (КНП))) – это бескомпромиссная поддержка законодательных инициатив и активизация миротворческих ресурсов; 3) медиа национальных интересов – этап, который продолжается и по сей день, – СМИ являются ретранслятором флагманских проектов президентской площадки, материалы выходят за рамки сухих цифр и прогнозов, фиксируется беспрецедентный уровень пропаганды национальной идентичности и самопознания) обусловили трансформационную парадигму картин мира отечественных журналистов и их идиостилей.

Первостепенным параметром при оценке идиостиля публицистов, переживших трансформационный шок, является их стремление к пропаганде национальных культурно-исторических ценностей через призму просветительства и литературных традиций. Идиостиль публицистов, не имеющих опыта работы в условиях смены идеологических парадигм, находится под влиянием западных веяний, где приоритетным считается экономический фактор. Обобщая, можно отметить, что первые делают акцент на ценностные ориентиры общества, а вторые пропагандируют идеи личностного и оппортунистского толка. Однако повода для негативной

интерпретации относительно этого разделения нет, поскольку функциональные характеристики концептуальных полей публицистов периода государственной независимости показывают тенденции полновесной реализации миротворческих инициатив и преумножения миротворческого потенциала.

Выявление базовых концептов, используемых отечественными публицистами, позволило идентифицировать особенности каркаса концептуального пространства современных таджикских СМИ, в частности печатных и, выявить его несовершенства. Анализ показал определенную степень лакунарности, обусловленной обращением лишь к нескольким базовым темам.

Социологическая составляющая журналистики складывается из набора взаимодополняющих характерных особенностей этих двух областей научного знания – социологии и журналистики. Использование социологических методов в журналистике открывает возможности «концептуально» расширить медиапространство и разнообразить его проекцию. Проведенный ассоциативный эксперимент и его результаты, безусловно, внесут вклад в расширение концептуального потенциала медийного дискурса страны.

Завершая исследование, отметим, что главным теоретическим вопросом остается формирование концептуального пространства СМИ на основе осмысления уже существующего инструментария журналистского творчества и направлений его развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. на русском языке:

1. VI съезд Союза журналистов СССР. Стенографический отчет. 14-16 марта 1987г. Ред. Шкондин М. -М.: Правда, 1987. -436с.
2. Абдеев, Р.Ф. Философия информационной цивилизации / Р.Ф. Абдеев. - М.: ВЛАДОС, 1994. -335с.
3. Абдуллаев, М.А. Проблемы эволюции национальной идентичности в таджикской публицистике: конец XIX - первая половина XX веков: дис. ... д-ра филологических наук: 10.01.10 / Абдуллаев Масрур Ахматович. - Душанбе, 2011. –343 с.
4. Абдуллаев, М.А. Идеи национального самосознания в таджикской публицистике эпохи просветительства: монография / М. Абдуллаев. – Душанбе, изд-во РТСУ, 2010. –111с.
5. Абдуллаев, М.А. Таджикская публицистика и национальная идентичность (посл. четверть XIX- и первая половина XX веков): монография / М.Абдуллаев // –Душанбе, 2014. –309с.

6. Агеев, Д. В. Определение границ «гражданской журналистики» / Д.Агеев // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. –2015. № 1. – С.76-79

7. Азимов, А.Х. Таджикская журналистика в период культурной революции (1929 -1940гг.) / А.Х. Азимов. –Душанбе: Шаркиозод, 2014. –313 с.
8. Азимов, А.Х. Таджикская журналистика в период культурной революции (1929-1940 гг.). Дис. … д-ра филологических наук: 10.01.10. / Азимов Аъзамджон Холматович. –Душанбе, 2009. –279 с.
9. Азимов, А.Х. На заре становления / А.Азимов. – Душанбе: Шарқи озод, 2013. – 99 с.

10. Актуальные проблемы журналистики // Сборник научных статей. - Душанбе: РТСУ, 2015. – 276 с.
11. Аминова, Ф.Ш. Этнопсихокогнитивный анализ концепта «Страх» в таджикской и английской языковых картинах мира: авторефе. дис. ... канд. филологических наук: 10.02.20 / Аминова Фарангис Шарифовна. – Душанбе, 2022. –231с.
12. Ануфриенко, С.В. Медиатизация политики и политизация медиа / С.В. Ануфриенко // ВСб.: Универ. чтения – 2016. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ, 2016. – С. 62-66
13. Арутюнова, Н. Д. Введение / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – 356 с.
14. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. -М.: Советская энциклопедия, 1990. –685 с.
15. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 496 с.
16. Бабенко, Л.Г., Казарин, Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. - 3-е изд., испр. - М.: Флинта: Наука, 2005. - 496 с.
17. Бакиева, Л.Ф. Роль СМИ в формировании общественного мнения в период независимости Таджикистана / Л.Ф. Бокиева // Вестник таджикского национального университета. – 2014. -№4/2 (133). С.292-295
18. Бассовская, Е.Н. Концепт «Чистота языка» в советской газетной пропаганде: дис. … д-ра филол. наук: 10.01.10 / Бассовская Евгения Наумовна. –Москва, 2011. –356 с.
19. Белова, А.Д. Языковые картины мира в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы / А. Д. Белова // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 29. –С. 17–23.

20. Бободжанова, Р.М. Роль СМИ в формировании гендерных стереотипов. Дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Бободжанова Ранохон Махмудовна. – Душанбе, 2006. –274 с.
21. Богин, Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис… д-ра филол. наук: 10.02.19 / Богин Георигий Исаевич //–Ленинград, 1984. – С. 31.
22. Бойматова, Н.К. Семантическое поле концепта «красота« в таджикской и английской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Бойматова Нигора Камолиддиновна. –Душанбе, 2020. –174 с.
23. Боков, М.Б. Коммуникативная функция СМИ / М.Б. Боков // Мониторинг общественного мнения. –№5(93). –2009. –Сентябрь-октябрь.
24. Болотнов, А.В. Идиостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования: дис... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Болотнов Алексей владимирович // –Томск, 2015. – 405с.
25. Болотнова, Н. С. Новые подходы к изучению идиостиля в современной лингвистике / Н.С.Болотнова // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: материалы Всерос. науч. конф., 14–16 апреля 2005 г., Екатеринбург, Россия / под ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург, 2005. –С. 182–183
26. Брежнев, Л.И. О пятидесятилетии СССР. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов / Л.И. Брежнев // 21 декабря 1972г. –М.:Политиздат, 1973. –126 с.
27. Бурдье, П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики / П. Бурдье // Социоанализ Пьера Бурдье. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – С.107–138

28. Буров, А.А., Бурова, Г.П. Два этюда о языке современной журналистики / А.А.Буров, Г.П. Бурова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. –2011. –№ 4. – С. 221-225

29. Быкова, Ю.Н.. Языковые средства формирования имиджа современного российского тележурналиста: на примере информационных и информационно-аналитических программ: дис. ... канд. филол.: 10.01.10 / Быкова Юлия Николаевна; – Тверь, 2012. –150 с.

30. Вахтин, Н. Б., Головко Е.В. Социолингвистика и социология языка: учебное пособие / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головко. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004. — 336 с.

31. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособ. / [Попова З. Д. и др.]. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. –220с.

32. Вдовин, Ю. Сколько правд у одной истины? / Ю.Вдовин // Журналист. –2001. –№3.

33. Вержбицкая, А. Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вержбицкая. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 568 с.

34. Виноградов, В.В. О художественной прозе / В.В. Виноградов. –М.;Л.: Наука, 1930. –186с.

35. Виноградова, С.М., Мельник Г.С. Психология массовой коммуникации / С.М. Виноградова, Г.С. Мельник. - М.: Юрайт, 2014. – 326 с.

36. Винокур, Т.Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция / Т.Г.Винокур // Язык и личность: сб. ст. / отв. ред. Д.Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1989. –С. 11-23

37. Воеводин, Ф.С. К вопросу о специфике языковой личности журналиста / Ф.С. Воеводин // Университетские чтения – 2016. –Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2016. – С 81-86

38. Волкова, Е.П. Феномен «врага народа» в советской печати конца 1920-х - первой половины 1930-х гг.: по материалам центральных партийных изданий: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Волкова Екатерина Павловна. –Москва, 2013. – 228 с.
39. Володина, М.Н. Язык СМИ — основное средство воздействия на массовое сознание / М.Н. Володина // Язык средств массовой информации. – М., 2008. – С.6-25
40. Ворошилов, В. В. Журналистика / В. В. Ворошилов. – СПб.: Издательство Михайлова В. А., 2000. – 360 с.
41. Выровцева, Е.В., Исакова, Т.Б. Формирование авторского стиля журналиста в процессе обучения / Е.В.Выровцева, Т.Б. Исакова // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. –№ 1, –Том 2, 2017. – С. 1-8
42. Ганин, О.Н. Понятие «гражданское общество»: сущность и содержание. / О.Н.Ганин // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 2. – С. 93-94
43. Гества, К. Советский человек. История одного собирательного понятия / К.Гества // Вестник общественного мнения. –2018. –январь-июнь. – № 1-2 (126). – С. 58-75
44. Глаголева, А.В. «Чужое слово» в заголовках газетных текстов: дискредитации имиджа: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Глаголева Анна Васильевна. –Москва, 2014. –178 с.
45. Гулова, З.А. Концепт «Еда» в русском и польском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Гулова Зевар Ахлиддиновна. –Душанбе, 2013. – 178с.
46. Гоибова, Ф.М. Публицистика Сайида Джамалиддина Афгани: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Гоибова Фируза Махмадовна. –Душанбе, 2015. –181 с.
47. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие / Е. И. Голованова . –М.: Наука: Флинта, 2011 . –225 с.

48.Грушин, Б.А. Массовое сознание / Б.А.Грушин. –М.: Политиздат, 1987. Разд. 2 и 3. – 368 с.

49.Давлатмирова, М.Б. Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта «Судьба» (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Давлатмирова Манижа Бораковна. –Душанбе, 2019. – 389 с.

50.Данилов, А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации / А.Н,Данилов. –Минск, 1997. – 431с.

51. Демьянков, В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В.З.Демьянков // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35-47

52.Десюкевич, О. И. к вопросу о концептуальной научной журналистике: из опыта работы журнала «знание - сила» / О.И.Десюкевич // Вестник БДУ. Сер. 4. –2007. –№ 2. – С. 102-103

53.Джураева, М.Р. Коммуникативно-прагматический анализ устойчивых формул общения в средствах массовой информации Таджикистана [2010-2016 гг.]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Джураева Мушаррафа Рустамовна. –Душанбе, 2017. – 320 с.

54. Дикаев, Т. СМИ Таджикистана: нельзя идти вперед, повернув голову назад. Свобода средств массовой информации в период борьбы с терроризмом / Т.Дикаев // Материалы третьей центрально-азиатской конференции по вопросам СМИ. г. Алматы, 10-11 декабря, 2001г., – Вена, 2002. –140с. – С.117-131.

55. Дипломатия Таджикистана – 2009. Ежегодник. Внешняя политика Республики Таджикистан: хроника и документы. Под общ. редакцией Х.Зарифи. –Душанбе: Ирфон, 2011. – 370 с.

56. Душенко, К. В. Цитаты из русской истории / К.В.Душенко. –М.: Эксмо, 2005. – 580 с.

57. Дьякова, Е.Г., Трахтенберг, А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов / Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг. –Екатеринбург, 1999. – 130 с.
58. Ежова, Е.Н. Картины мира в СМИ: типология, функциональность, каналы трансляции / Е.Н.Ежова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. –2011. –№1. – С. 132-135
59. Ермоленкина, Л. И. Метаречевые реализации дискурсивной идеологии информационно-аналитического радио (на примере канала «Эхо Москвы») / Л.И.Ермоленкина // Вестн. Том. гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). –2014. –Вып. 10 (151). – С. 145–152
60. Ефремов, В.А. Теория концепта и концептуальное пространство / В.А.Ефремов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. –2009. –№ 104. –С. 96-106
61. Желтухина, М.Р. Политический и массмедиальный дискурсы: воздействие – восприятие – интерпретация / М.Р.Желтухина // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. – М., 2003. Вып. 23. – С. 38-51.
62. Загидуллина, М.В. Формирование контента СМИ и информационные потребности аудитории / М.В.Загидуллина // Журналистика постсоветских республик: 20 лет спустя. Сб. трудов Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 24-27 сентября 2012 г./ под ред. проф. А.П. Короченского и проф. М.Ю. Казак. – Белгород: КОНСТАНТА, 2012. – 352 с.
63. Заславская, Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельно-структурная концепция / Т.И. Заславская. –М.: Дело, 2002. – 568 с.
64. Зубенко, С.А. Трансформация социально-экономических систем: тенденции и факторы / С.А.Зубенко // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. –2009. –№ 3. – С. 303-308

65. Зиновьева, Е. И., Юрков, Е. Е. Лингвокультурология: теория и практика / Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков. – СПб.: МИРС, 2009. – 291 с.
66. Зинченко, В.Г., Зусман, В.Г., Кирнозе З.И. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме / В.Г. Зинченко, В.Г.Зусман, З.И. Кирнозе. – М. :Флинта : Наука, 2007. – 224 с.
67. Иванова, Н.А. Применение метода свободных ассоциаций в эмпирических социологических исследованиях / Н.А.Иванова // Вестник СПбГУ. Сер. 12. – 2013. Вып. 3. – С.116-122
68. Иванцова, Е.В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности / Е.В.Иванцова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 160 с.
69. Иконникова, С.Н., Большакова, В.П. Теория культуры: учебное пособие / С.Н.Иконникова, В.П. Большакова. –СПб.: Питер, 2008. – 592 с.
70. Ильина, В.А. Ассоциативный эксперимент как способ образования семантического поля / В.А.Ильина // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. –2010. –№ 5. – С. 7-10.
71. Ильченко, Д.А., Смирнова, Н.П. Проблема национализма на современном этапе развития общества / Д.А.Ильченко, Н.П.Смирнова // Право и современные государства. –2015. –№ 1. – С. 87-98
72. Имомзода, М.М. Национальная специфика языковой объективации концепта «семья» в лексико-фразеологической и паремиологической системах таджикского и китайского языков. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Имомзода Махина Мухаммадюсуф. – Душанбе, 2017. – 192 с.
73. Ирхин, Ю. Анализ взаимодействия гражданского общества и государства в Российской Федерации / Ю. Ирхин // Научный эксперт. – 2008. – № 3. – С. 44-61

74. Исмоилзода, З.Б. Социальные мотивы в современной публицистике (на примере публицистики Асадулло Садуллаева): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Исмоилзода Зинатуллох Бурхон. –Душанбе, 2019. –180 с.
75. Казыдуб, Н.Н. Дискурсивное пространство как фрагмент языковой картины мира (теоретическая модель) : автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.02 / Казыдуб Надежда Николаевна. – Иркутск, 2006. – 34 с.
76. Каневская, Я.Е. Прагматика словоупотребления в медиатексте (на материале журналов «Огонек» и «КоммерсантЪ.Власть» 2000-2018): дис ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Каневская Яна Евгеньевна. –Москва, 2019. – 227 с.
77. Капра, Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / пер. с англ. В.Г. Трилиса / Ф. Капра. – К.: София; М. : ИЗ София, 2003. – 336 с.
78. Карасик, В. И. Антология концептов / В. И Карасик, И. А Стернин. – М. : Гнозис, 2007. – 512 с.
79. Карасик, В.И. Концепт как индикатор эпохи («очковтирательство») / В.И.Карасик // Политическая лингвистика. –2009. –№ 4(30). – С. 9-13
80. Карасик, В.И. Этноспецифические концепты / В. И. Карасик // Введение в когнитивную лингвистику; отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 61–105
81. Карасик, В.И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики / В.И. Карасик // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. –2011. –Т. 62. –№ 8. –С. 109-115
82. Карасик, В. И., Слышкин, Г. Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. –Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 13–15
83. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н.Караулов. Изд. 5-е, стер. – Москва: КомКнига, печ. 2006. – 261с.

84. Караулов, Ю.Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н.Караулов // Язык и личность. –М.: Наука, 1989. – С. 3-8.

85. Карпов, В. А. Язык как система / В. А. Карпов. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.

86. Ким, М. Основы теории журналистики: учебное пособие. Стандарт третьего поколения. Для бакалавров / М.Ким / –СПб.: Питер, 2013. – 288 с.

87. Ким, М. Теория и практика массовой информации: учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / М.Ким. –СПб.: Питер, 2017. – 304 с.

88. Ким, Н.М. Основы творческой деятельности журналиста: учебник для вузов / Н.М.Ким. –СПБ.: Питер, 2016. – 400 с.

89. Киричек, П.Н. Река по имени «Факт» / П.Н.Киричек // Журналистика и социология // Вестник Мордовского университета. – 1992. – № 2. – С.27-30

90. Ковалева, М.М. Лекции по истории отечественной журналистики / М.М. Ковалева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1996. – 176 с.

91. Ковтун, М.Б. Жанрово-стилевые искания в творчестве Мансура Суруша : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Ковтун Марина Борисовна. – Душанбе, 2003. –170 с.

92. Кожевников, С.Н. Гражданское общество: понятие, основные признаки, предпосылки формирования в России / С.Н.Кожевников // Вестник ННГУ. Серия Право. Вып. 1(5). – Н.Новгород, 2002. – С.26-35

93. Кондратчик, Ю.К. Особенности выделения трансформационных процессов в современном контексте развития социально-экономических систем / Ю.К.Кондратчик // Вестник ТвГУ. Серия «Экономика и управление». – 2014. – № 3. – С. 246-252

94. Конев, Е.Ф. Теория и практика зарубежной журналистики: пособие В 3 ч. Ч. 1. / Е.Ф. Конев, И.И.Саченко, Т.Н. Дасаева. – Минск: БГУ, 2012. – 110с.

95. Кононенко, В. И. Концепты украинского дискурса: монография / В. И. Кононенко. – К.; Ивано-Франковск: Плай, 2004. – 248 с.

96. Корконосенко, С.Г. Моделирование теории журналистики: методологические подходы / С.Г.Корконосенко // СМИ– Общество – Образование: модели взаимодействия : материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. И. А. Фатеева. –Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2007. –С. 199–212

97. Корконосенко, С.Г.Социология журналистики: учебное пособие для студентов вузов / С.Г.Корконосенко. –М.: Аспект Пресс, 2004. – 320с.

98. Косвои, М.М. Лексико-семантическое поле «Еда» в персидском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Косвои Махдии Мухаммадбегии. – Душанбе, 2014. – 173 с.

99. Костина, А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества / А.В.Костина. – М.: Комкнига, 2006. – 453 с.

100. Котляров, И. В. Политическая социология: теория, история, методология, методика / И. В. Котляров. – Минск: МИУ, 2004. – Т. 1. – 286 с. –Т. 2. – 284 с.

101. Котляров, И.В. Политические партии Беларуси: теория, история, современность / И. В. Котляров. – Минск: МИУ, 2006. – Т. 1. – 364 с. –Т. 2. – 240 с.

102. Котляров, И. В. Управление совершенствованием гражданского общества: нормативный аспект / И. В. Котляров, Т. В. Хузеева // Экономика и управление. –2006. – № 4. – С. 66-73

103. Котляров, И. В. Что делать страусу на каменном полу, или О проблемах формирования гражданского общества / И. В. Котляров // Беларусь и Россия в европейском контексте: проблемы гос. управления процессом модернизации: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 20-21 окт. 2011 г. – Минск: Право и экономика, 2012. – С. 211-223

104. Кошарная, С.А. Миф и язык : Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С. А. Кошарная. – Белгород : БелГУ, 2002. – 288 с.

105. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

106. Кулявина, А.П. Соотношение понятий «текст» и «дискурс» как методологическая проблема / А.П.Кулявина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т.17, №1(5), 2015. -С.1157-1159.

107. Кучарова, Н.А. Жанрово-стилистические особенности публицистики Абдулхамида Самада : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Кучарова Насиба Аламхоновна. – Душанбе, 2012. – 161с.

108. Лазутина, Г.В. Основы творческой деятельности журналиста: учебник для вузов / Г.В. Лазутина. – М.: Аспект пресс, 2001. – 240 с.

109. Лазутина, Г.В. Термины – хранилище концепции / Г.В.Лазутина // Вестник московского ун-та. сер.10. Журналистика. – 2012. –№ 1. – С.41-59

110. Леонтович, О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О.А.Леонтович. –М. : Гнозис, 2005. – 352 с.

111. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287.

112. Лукашева, Е.А. Права человека и процессы трансформации в современном мире. Права и свободы человека / Е.А.Лукашева // Труды института государства и права РАН. 3/2016. – С. 129-149

113. Лукашева, Е.А. Трансформационные процессы XXI века: институциональный контекст / Е.А.Лукашева // Труды Института государства и права РАН. – 2018. –Том 13. –№ 5. – С. 9-30

114. Лукина, М.М., Фомичева, И.Д. СМИ в пространстве Интернета: учебное пособие / М.М.Лукина, И.Д. Фомичева. – М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. – 87 с.

115. Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания: монография / Вал. А.Луков, Вл. А. Луков. –М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008. – 784 с.

116. Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р.Лурия. –М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 335 с.

117. Ляпин, С.Х. Концептология: к становлению подхода / С.Х.Ляпин // Концепты. Научные труды Центрконцепта. Вып. 1. – Архангельск, 1977. – С. 11–55

118. Малышева, Е.Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 / Малышева Елена Григорьевна. – Омск, 2011. – 307 с.

119. Мамедова, М.Дж. Концепт «Ум» в китайской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Мамедова Мехрангиз Джахонгировна. –Душанбе, 2015. – 245 с.

120. Марьина, А.В. Функционирование концепта ДОМ в рекламном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук:10.01.10 / Марьина Анна Викторовна. –Москва, 2017. – 158 с.

121. Марьянчик, В.А. Пространство медиа-политического текста как средство оценки / В.А. Марьянчик // Вестник РУДН, серия Лингвистика, 2009. – № 2. -С. 11-18.

122. Маслова, В.А. Homo lingualis в культуре / В. А. Маслова. – М. : Гнозис, 2007. – 320 с.

123. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М. : Наука, 2010. – 312 с.

124. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. –М.: Тетра Системс, 2004. – 256 с.

125. Матвиенко, В.В., Маъруфи, З. Взаимоотношения государственной власти и независимых СМИ Таджикистана: особенности и перспективы : монография / В.В. Матвиенко, З. Маъруфи. –М.: National Research, 2020. – 96 с.

126. Мельвиль, А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций / А.Ю. Мельвиль // Полис. – 2004. – № 2. – С.64-75.

127. Матич, П. Национальное самосознание в эпоху глобализации / П. Матич // Вестник Череповецкого государственного университета. Исторические науки. – 2014. – № 5. – С. 28-32

128. Мирзоев, Х.Х. Лексико-семантическое поле horse/асп в английском и таджикском языках: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Мирзоев Хабибулло Холович. –Душанбе, 2013 – 308 с.

129. Мирзоева, М.М. Лексическая и фразеологическая синонимия в художественных произведениях С. Айни: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.22 / Мирзоева Мохира Мадиброхимовна. – 2017. – 391 с.

130. Моисеев Н.Н. Современный рационализм / Н.Н. Моисеев // Российский научный гуманитарный фонд. Международный независимый эколого-политологический университет. МГВП КОКС, 1995. – 380с.

131. Мошняга, Е.В. Концептное пространство / Е.В. Мошняга // Энциклопедия гуманитарных наук. – 2011. – №1. – С. 269-273

132. Мукимов, М.А. Действительность независимого Таджикистана и проблемы её освещения в зарубежных средствах электронной информации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Мукимов Мухамади Аминович. –Душанбе, 2006. – 341 с.

133. Муллоев, Ш.Б. Роль русскоязычных СМИ в информационном пространстве Республики Таджикистан / Ш.Б. Муллоев // Проблемы русскоязычных СМИ в Таджикистане. – Душанбе: РТСУ, 2010. – С. 90-93

134. Муминджонов, З. Эволюция и развитие телевидения Республики Таджикистан за годы независимости (на примере телевизионных каналов «Таджикистан» и «Пойтахт» 1991-2016гг.): дис. ... д-ра филол. наук:10.01.10 / Муминджонов Зулфиддин. –Душанбе, 2013. – 314 с.

135. Муродов, М.Б. Публицистическая сатира в таджикской периодической печати (проблемы истории, теории и практики): дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / Муродов Мурод Бердиевич. – Душанбе, 2009. – 329 с.

136. Муртазин, М. Таджикистан: победа над исламизмом? Проблемы безопасности / М.Муртазин // Россия и новые государства Евразии. – 2018. – № 2. – С. 109-129

137. Мухлынкина, Ю.В. К вопросу формирования этнической идентичности / Ю.В. Мухлынкина // Научный вестник МГТУ ГА. – 2015. – №215. – С.27-33

138. Мухтори, К. Особенности языка СМИ и социальной коммуникации (на материале таджикской периодической печати 1991-2020 гг.): дис. ... д-ра филол. наук:10.01.10 / Мухтори Кутбиддин. –Душанбе, 2021. – 295 с.

139. Назаров, А.И., Соколов, Р.В. Ассоциация и ассоциативный эксперимент: разные судьбы / А.И. Назаров, Р.В. Соколов // Вопросы психологии. – 2007. – № 4. – С. 125-138

140. Национальная идентичность и будущее России. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». – Москва, февраль, 2014. – 74 с.

141. Национальный состав, владение языками и гражданство населения Республики Таджикистан. Том 3. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. –Душанбе, 2012. – 537 с.

142. Нерознак, В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В.П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск, 1998. – С. 80–85

143. Нерознак, В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. Моск. лингв. унта. – М.: Изд-во Моск. лингв. ун-та, 1996. Вып. 426. – С. 112-116.

144. Нещименко, Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: Проблемы. Тенденции развития / Г.П. Нещименко // Вопросы языкознания. – 2001. – № 1. – С. 98-132

145. Никовская, Л.И. Проблемные аспекты социально-политической трансформации современной России / Л.И. Никовская // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2014. – № 4. – С. 94-101

146. Николаева, Л.Ю. Роль русского населения Таджикистана в трансформирующемся таджикском обществе. Сравнительный анализ локального опыта / Л.Ю.Николаева // Сравнительная политика. – 2015. – № 2 (19). – С.100-109

147. Николина, Н. А. Филологический анализ текста : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений /Н. А. Николина. – М. : Академия, 2003. – 256 с.

148. Нозимов, А.А. Языковая ситуация в современном Таджикистане: состояние, особенности и перспективы развития: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.22. / Нозимов Абдулхамид Абдуалимович. – Душанбе, 2010. – 47 с.

149. Нуралиев, А. Правовые основы журналистики / А. Нуралиев. - Душанбе : Деваштич, 2005. – 138 с.

150. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса: монография / А.В.Олянич. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.

151. Олянич, А.В. Роль массово-информационного дискурса в формировании лингво-культурной среды / А.В.Олянич // Эколингвистика: теория, проблемы, методы: Межв. сб. науч. тр. – Саратов: Научная книга, 2003. – С. 70-74

152. Осетрова, Е. В. Речевой имидж: учебное пособие / Е. В. Осетрова. – Красноярск, 2004. – 219 с.

153. Пак, А.О. Сопоставительное исследование концепта «красота» в китайском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Пак Анна Олеговна. –Душанбе, 2009. – 174с.

154. Петрова, Т.Ю. СМИ в формировании государственной идеологии / Т.Ю.Петрова // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 1. – С 146-149.

155. Петрушкова, Е.К. Имидж трудового мигранта в средствах массовой информации Республики Таджикистан и Российской Федерации (сопоставительный анализ 2008-2013гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Петрушкова Екатерина Анатольевна. – Душанбе, 2017. – 200 с.

156. Пищальникова, В.А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект / В.А. Пищальникова. – Барнаул, 1992. – С.28

157. Плотникова, А. Новые тенденции в русском лексикографическом дискурсе / А.Плотникова // Вестник НГПУ. – 2014. – № 3 (19). – С. 22–30.

158. Плотникова, С.Н. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий / С.Н.Плотникова // Лингвистика дискурса: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Иркутск, 2005. – С. 5–16.

159. Пожидаева, Е.В. Пути формирования и развития национальной лингвокультуры питания (на примере английского языка) / Е.В.Пожидаева // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. – 2012. – Т.18. – №5. – С. 84-87.

160. Подкина, Ю.В. Использование лексических средств выразительности в журналистских публикациях на экономическую тему (на материале массовых и специализированных изданий): дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Подкина Юлия Владимировна. –М., 2020. – 153 с.

161. Полонский, А.В. Культурно-идеологические парадигмы современных российских масс-медиа: / А.В. Полонский // Сб. трудов Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 24-27 сентября 2012 г./ под ред. проф. А.П. Короченского и проф. М.Ю. Казак. – Белгород: КОНСТАНТА, 2012. – 352 с.

162. Полюжин, М., Остапчук, А. Типология и основные функции концептов / М. Полюжин, А. Остапчук // Научный вестник Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки. Когнитивная лингвистика. – 2015. – №4, – С. 86-91

163. Попова, З. Д., Стернин, И. А. // Vita in lingua: К юбилею профессора С. Г. Воркачева: сб. ст.; отв. ред. В. И. Карасик. – Краснодар: Атриум, 2007. – С. 171–180

164. Приходько, А. Н. Концептология дискурса, или дискурсология концепта / А.Н.Приходько // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Филология». Том 18(57). – 2005. – №2. – С. 327-351

165. Приходько, А. Н. Концепты и концептосистемы / А. Н. Приходько. – Днепропетровск: Белая Е. А., 2013. – 307 с.

166. Прохоров, Е.П. Введение в теорию журналистики / Е.П.Прохоров. –М., 1995. – 351с.

167. Прохоров, Е.П. Журналист и массовое сознание. / Е.П.Прохоров. – М.: РИП-холдинг, 2007 . – 96 с.

168. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю.Е.Прохоров. 2-е изд. М.: Флинта : Наука, 2009. –176 с.

169. Прохорова, С.М. Концептуальная журналистика в Беларуси / С.М. Прохорова // Избранные работы. – Минск, 2009. – С. 263-275.

170. Раджабов, Б.М. Литературно-критические воззрения и идейно-художественные искания Лоика Шерали в контексте его публицистики:

дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Раджабов Бохир Мукаммилович. – Душанбе, 2017. – 176 с.

171. Радчук, О. Корреляция понятий языковая личность, образ автора и модальность в художественном тексте / О.Радчук // Психология. Выпуск 26. Педагогика. Научный вестник кафедры Юнеско КНЛУ Серия Филология. – 2013. – С. 140-143

172. Распопова, С.С. Автор как реальный человек и образ автора в медиатексте / С.С.Распопова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2015. – Т. 4. – № 2. – С. 149-158

173. Рахими, С.С. Концепт «измена» в русском и таджикском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Рахими Садат Сухробовна. – Душанбе, 2016. – 293 с.

174. Рахмонова, Дж.М. Постановка проблемы в публицистике Мутеулло Наджмиддинова : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Рахмонова Джамила Мирзоевна. – Душанбе, 2010. – 148 с.

175. Рахмонова, Н.Б. Отражение концепта «свадьба» в таджикском и памирских языках (на материале прецедентных текстов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Рахмонова Нушофарин Бадалбековна. –Душанбе, 2019. –167 с.

176. Рахнамо, А. Трансформация политической культуры «политического ислама» в Таджикистане / А.Рахнамо // Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии. – М., 2009. – С. 186–195

177. Резник, Ю.М. Гражданское общество как понятие / Ю. М. Резник // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 2. – С. 140-157

178. Рогач, Т. М., Молчанова, Е. В. Основные аспекты когнитивного подхода к изучению языковых явлений / Т. М.Рогач, Е. В. Молчанова // Материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21–22 марта 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Пригодич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 65-69

179. Рогозина, И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / Рогозина Ирина Владимировна. – Барнаул, 2003. – 430 с.

180. Руденко, А.М., Котлярова, В.В. Воздействие средств массовой коммуникации на современное общество / А.М.Руденко, В.В. Котлярова // Медиаобразование. Media Education. –2017. –№ 3. – С 134-142

181. Садуллаев, Дж.М. Межгосударственная телерадиокомпания МИР как новый тип межгосударственного средства массовой информации в контексте интеграционных процессов СНГ: дис. … д-ра филол. наук : 10.01.10 / Садуллаев Джамшед Муллокомилович. –Душанбе, 2013. –313 с.

182. Садуллаев, Д.М. Государство, СМИ и проблемы информационной безопасности / Д.М. Садуллаев // Вестник Таджикского национального университета. Серия «Филология». – Душанбе, 2012. – № 4/6 (103). – С. 274 – 280

183. Садуллаев, Д.М. К вопросу о свободе слова и ответственности журналиста / Д.М. Садуллаев // Вестник университета (РоссийскоТаджикский (славянский) университет). – Душанбе, 2013. – № 3. – С. 285-287

184. Садуллаев, Д.М. К проблеме социальных функций журналистики в условиях информационного общества / Д.М. Садуллаев // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе, 2012. – № 1 (36). – С. 218-222

185. Салихов, Н.Н. К проблематике научно-публицистических трудов Мухаммаджона Шакури (постановка вопроса) / Н.Н.Салихов // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет. – 2014. – № 3(46). – С. 223-232

186. Салихов, Н.Н. Проблемы формирования общественного сознания в таджикской публицистике периода государственного суверенитета:

дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / Салихов Нурали Назарович. – Душанбе, 2010. – 349 с.

187. Самситова, Л., Ташбулатова, Р. Концепт в современной лингвистической литературе: основные подходы и направления его изучения / Л. Самситова, Р. Ташбулатова // Вестн. Башкир. ун-та. – 2015. – Т. 20. – № 1. – С. 220–226

188. Саъдуллаев, А. Техника и технология средств массовой информации / А. Садъдуллаев, Н. Салихов. – Душанбе: Ирфон, 2009. – 244 с.

189. Саъдуллаев, А. Горизонты публицистики / А.Саъдуллаев. – Душанбе, 2009. – 306 с.

190. Сборник нормативно-правовых актов Республики Таджикистан в сфере средств массовой информации. – Душанбе: Изд-во Бухоро, 2014. – 408 с.

191. Селиванова, О.О. Лингвистическая энциклопедия / О. О. Селиванова. – Полтава: Довкилля-К., 2010. – 844 с.

192. Сентенберг, И.В. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте: сборник научных трудов // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград: Перемена, 1994. – С. 14-24

193. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – Пер. с фр. и португ. – М. : Прогресс, 1999. – С. 14-53

194. Сметанина, С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): монография / С.И. Сметанина. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 383 с.

195. Соколова, Г.Н. Трансформационные процессы как предмет социологического анализа / Г.Н.Соколова // Социология. –2009. – №3. – С. 57-69

196. Солганик, Г.Я. Автор как стилеобразующая категория публицистического текста / Г.Я.Солганик // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. – 2001. – № 3. – С. 74-83

197. Социальное функционирование журналистики / под ред. С.Г. Корконосенко. – СПб.: Час-пик, 1994. – 181с.

198. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов.–М.: Академический проект, 2001. – 990 с.

199. Супрун, В.И., Кудряшова, Р.И., Брысина, Е.В. Донская казачья лингвокультура в произведении Б.П. Екимова / В.И. Супрун, Р.И.Кудряшова, Е.В. Брысина // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. – 2013. – №6 (81). – С.79-85

200. Сухих, С.А. Структура коммуникантов в общении / С.А. Сухих // Языковое общение: процессы и единицы. – Калинин, 1988. – С. 22-29

201. Сухих, С.А. Языковая личность в диалоге / С.А. Сухих // Личностные аспекты языкового общения. - Калинин, 1989. – С. 82 – 87

202. Тендит, К. Н. Теория и практика массовой информации: учеб. пособие / К.Н. Тендит, А.В. Иваньков. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2013. – 56 с.

203. Теория журналистики в России / под ред. С. Г. Корконосенко. – СПб.: Алетейя, 2018. – 254 с.

204. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тертычный. – М. : Аспект-Пресс, 2011. – 320 с.

205. Токарев, Г. В. Лингвокультурология / Г.В. Токарев. Тула: изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2009. – 135 с.

206. Тяньци, М. Экономическая трансформация в Китае и России: методы и основные вопросы сравнительного исследования// Вестник СПбГУ. Серия 5. – 2003. - Вып. 4 (?29). – С. 56.

207. Усмонов, И.К. Применение принципа отделения религии от государства в условиях таджикского государства. Построение доверия между исламистами и секуляристами - таджикский эксперимент / И.К.Усмонов. –Душанбе: Деваштич, 2004. – 360 с.

208. Усмонов, И.К. Таджикнаме (Книга 3) / И.К.Усмонов. –Душанбе: Матбуот, 2018. – 254 с.

209. Усмонов, И.К. Тернистый путь независимости (трансформационные процессы в современном Таджикистане) / И.К.Усмонов // Политический процесс в центральной Азии: результаты, проблемы, перспективы. – Москва: ИВ РАН. ЦСПИ, 2011. – С. 356-359

210. Усмонов, И.К. Трактат о государстве / И.К.Усмонов. -Душанбе: культурный центр посольства ИРИ в Таджикистане. – 2005. -175 с.

211. Усмонов, И.К. Правда о таджиках (размышления по поводу книг Г.Хидоятова «Крушение Саманидов» и Л.Левитина «Узбекистан на историческом повороте») / И.К.Усмонов. – Душанбе, 2006. – 156 с.

212. Усмонова, Н.К. Место автора в публицистике / Н.К.Усмонова // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2018. – №6. – С. 304-308

213. Ученова, В.В. Гносеологические проблемы публицистики / В.В.Ученова. – М., 1971. –146 с.

214. Фазилова, Ш. К. Концепт «богатство» в английской, русской и таджикской лингвокультурах (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок): дис. … канд. филол. наук:10.02.20 / Фазилова Шахноза Камилджоновна. –Душанбе, 2019. – 211 с.

215. Федоров, А.В. Медиаобразование в педагогических вузах / А.В. Федоров. Таганрог: Изд-во Кучма Е.А., 2003. – 124 с.

216. Федоров, М.А. Термин «Лигвокультура» в аспекте теории культуры / М.А. Федоров // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 6(2). – С. 83-86

217. Федотова, М. А. К вопросу о разграничении понятий идиостиль и идиолект языковой личности / М.А.Федотова // Записки романо-германской филологии. Вып.1. – М., 2013. – С. 220-225

218. Филиппова, Л.Е. Моральный порядок: должное и сущее / Л.Е.Филиппова // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. - М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 528 с.

219. Хамрокулова, Н. Пресса и межтаджикский конфликт / Н. Хамрокулова. – Душанбе, 2003. – 107 с.

220. Хайдаров, С.Б. Бободжон Гафуров – публицист: дис. ... канд. филол наук: 10.01.03/ Хайдаров Садулла Бахриевич. – Душанбе, 1998. –157 с.

221. Хасанова, Т.Г. Специфика освещения в СМИ локальных вооруженных конфликтов и инициатив по их урегулированию (на примере Республики Таджикистан): Монография / Т.Г.Хасанова. –Душанбе, 2021. – 145с.

222. Хлызова, Н.Ю. Семантические различия понятий СМК и СМИ / Н.Ю.Хлызова // Информационное поле современной России: практики и эффекты: Материалы V Международной научно-практической конференции 16 – 18 октября 2008 года / Под. ред. В.З. Гарифуллина. – Казань: Изд-во Казан. гос. ин-та, 2008. – С. 225-23.

223. Ходаковский, В.Э. Телепрограмма «Взгляд» в исторической перспективе / В.Э. Ходаковский //Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. – 2009. – №2. – С. 86-94

224. Ходжаева, М.Ю. Проблемы индивидуального стиля и стилевых течений в современной таджикской прозе 70– нач. 90-х годов: автореф. дис. д-ра филол.наук: 10.01.03 / Ходжаева Матлуба Юнусовна. –Душанбе, 1995. – 50 с.

225. Холики, А., Рахимов, Н.Т. Новый этап формирования национальной идеи в Таджикистане / А. Холики, Н.Т.Рахимов // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса, и политики. – 2009. – №2 (38). – С. 104-113

226. Хоруженко, В.А. Концепты «Война» и «Враг» в современной русскоязычной публицистике: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Хоруженко Валентина Алексеевна. – Москва, 2010. – 162 с.

227. Хотинец, В. Ю. Этническое самосознание / В.Ю. Хотинец. – СПб.: Алетейя, 2000. – 240 с.

228. Хушкадамова, Х.О. Образ женщины в современной таджикской журналистике / Отв ред. Шоисматуллоев Ш., Нуралиев А. – Душанбе: Шаркиозод, 2006. – 264 с.

229. Хушкадамова, Х.О. Социальный статус женщины в современном таджикистанском обществе: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04 / Хушкадамова Халимахон Отамбековна. – Москва, 2013. – 315 с.

230. Хушкадамова, Х.О. Языковая ситуация в таджикском социуме / Х.О. Хушкадамова // Филологические науки в МГИМО. – 2018. – №4(16). – С. 120-130

231. Черкашина, Т.Т. Менеджер как субъект языка и культуры: монография / Т.Т. Черкашина. – М. : Издательский дом «Додэка-XXI», 2008. – 183 с.

232. Чернухина, *И. Я.* Параметры языковой личности и её развитие / И.Я. Чернухина // Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста. – Волгоград, 1993. – С. 10-11

233. Чернухина, И.Я. Лирика И.Бунина в аспекте речевого мышления / И.Я.Чернухина // Филологические записки. – Воронеж, 1995. – Вып.4. – С. 36-47.

234. Чернышева, Т.А. Идиостиль: лингвистические контуры изучения / Т.А.Чернышева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2010. – №1. – С.30-34

235. Чернявская, В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В.Е.Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. тр. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. – С.11–22.

236. Шампань, П. Делать мнение: политическая игра. Пер с фр. / Перевод под ред. Осиповой Н.Г. - М.: Socio-Logos, 1997. – 317 с.

237. Шариков, А.В. Концепция медиаобразования II ступени средней общеобразовательной школы / А.В. Шариков. – М.: НИИ СО и УК АПН СССР, 1991. – 23 с.

238. Шарипов, С.И. Место очерка в публицистике Бахтиёра Муртазо: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Шарипов Сангимурод Исматуллоевич. – Душанбе, 2019. – 178 с.

239. Школа мастерства (Творческое наследие Отахона Латифи) [под ред. С. Гулова, Х. Атовулло]. – Душанбе, 2007. –159 с.

240. Шоназарова, Д.С. Семантический анализ концепта «Лень» в таджикском, русском и английском языках: дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Шоназарова Дилора Субонназаровна. –Душанбе, 2020. – 144 с.

241. Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социологическое исследование. – 2001. – №1. – С.6-16

242. Шумилина, Т. В. Методы сбора информации в журналистике : учебно-метод. пособие / Т. В. Шумилина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 80 с.

243. Эфир Отечества. Создатели и звезды отечественного телевидения о себе и своей работе. Сборник интервью. Книга первая / Составитель В. Т. Третьяков. – М.: Алгоритм, 2010. – 320 с.

244. Эшонова, М.А. Теоретические и практические аспекты национальной особенности творчества Мирзо Турсунзаде: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. / Эшонова Мутрибахон Асадхоновна. – Душанбе, 2020. – 192 с.

245. Юзефович, Н.Г. Картины мира: лингвокультурологический аспект / Н.Г. Юзефович // Индустрия перевода. – 2013. – №1. – С. 363-368

246. Юзефович, Н.Г. Российская лингвокультура в произведениях Орландо Файджеса / Н.Г. Юзефович // Политическая лингвистика. – 2011. – №2. – С. 244-249

247. Яскевич, Я.С. Трансформационные процессы в современном обществе: исторический опыт и приоритеты / Я.С. Яскевич // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 106. – С. 121-123

Б. на таджикском языке:

248. Азимов, А. Воқеияти зиндагӣ ва матбуоти тоҷик/ А. Азимов. -Душанбе : Сино, 2000. – 187 с.

249. Камолиддинов, Б. Сухан аз баҳри дигарон гўянд / Б. Камолиддинов. - Душанбе, 2003. - 134 с.

250. Меъёрҳои ахлоқии фаъолияти журналистӣ дар Тоҷикистон. Мураттибон Шарифзода Қ., Боқизода М. – Душанбе : Кайҳон, 2013. – 88 с.

251. Муқим, Ҷ. Журналистикаи чандрасонаӣ / Ҷ. Муқим. – Душанбе, 2019. – 167 с.

252. Муқим, Ҷ. Мусоҳиба ва техникаи таҳияи он / Ҷ. Муқим. – Душанбе, 2012. – 175. – 199 с.

253. Муқим, Ҷ. Сиёсат ва ҷанги иттилоотӣ / Ҷ. Муқим. - Душанбе : Деваштич, 2006. – 71. 198 с.

254. Муродов, М.Б. Асосҳои эҷоди журналистӣ / М.Б. Муродов. - Душанбе : Ирфон, 2013. – 256 с.

255. Муродов, М. Асосхои фаъолияти эчодии журналист. Ч 1. / М. Муродов. – Душанбе, 2007. – 63 с.

256. Муродов, М. Асосхои фаъолияти эчодии журналист. Ч. 2. / М. Муродов. – Душанбе, 2008. – 57 с.

257. Муродов, М. Асосхои эчоди журналисти. (Основы журналистского творчества). / М. Муродов. – Душанбе, 2014. – 254 с.

258. Муродов, М. Сотсиологияи журналистика / М. Муродов. – Душанбе, 2009. – 232 с.

259. Мухторӣ, Қ. Хадамоти матбуотӣ ва робита бо ҷомеа / Қ. Мухторӣ. – Душанбе : Пойтахт, 2015. –126 с.

260. Нуралиев А. Асосхои хукукии журналистика (Основы правовой журналистики) / А.Нуралиев. – Душанбе, 2005. – 156 с.

261. Нуралиев, А., Саъдуллоев, А., Усмонов, И., Гулмуродов, У. Журналистикаи советии точик / А. Нуралиев, А. Садуллоев, И. Усмонов, У. Гулмуродов. – Душанбе, 1989. – 176 с.

262. Саъдуллоев, А. Саҳифабандӣ ва чопи газета / Саъдуллоев, А. - Душанбе : Ирфон, 2007. – 128 с. 149.

263. Саъдуллоев, А., Шоев, М. Асосхои журналистикаи телевизион (Основы телевизионной журналистики) / А. Садуллоев, М. Шоев. – Душанбе, 2005. – 96 с.

264. Усмонов, И.К. Жанрҳои публитсистика / И.К Усмонов. – Душанбе, 2007. – 134 с.

265. Усмонов, И.К. Журналистика / И.К. Усмонов. – Душанбе, 2005. – Ҷ. 2. – 200 с.

266. Усмонов, И.К. Журналистика / И.К. Усмонов. – Душанбе, 2011. – Ҷ. 4. – 456 с.

267. Усмонов, И.К. Назаре ба таҳқиқот дар соҳаи журналистика / И.К. Усмонов. – Душанбе, 2008. – 78 с.

268. Усмонов, И.К. Назарияи публитсистика / И.К. Усмонов. – Душанбе, 2007. – 100 с.

269. Усмонов, И.К. Таърихи журналистикаи тоҷик / И.К. Усмонов, Д. Давронов . – Душанбе, 2007. – 346 с.

270. Усмонов, И.К. Таърихи сиёсии Тоҷикистони соҳибистиқлол / И.К Усмонов. – Хуҷанд : Нури Хуҷанд, 2003. – 178 с.

271. Хоҷазод, С. Нақши ВАО-и электронӣ дар ташаккули афкори ҷомеа / С. Хоҷазод // Вестник таджикского национального университета. – 2014. – №4/3 (137). – С.254 - 256

272. Шарифзода, К., Усмонова, Н. Фарзонамард / К.Шарифзода, Н. Усмонова. – Душанбе: Истеъдод, 2018. – 208 с.

273. Шарифзода, К. Мушкилоти озодии сухан / К. Шарифзода. – Душанбе: Девиштич, 2009. – 100 с.

В. на английском языке

274. Burawoy M. (2006) A Public Sociology for Human Rights. In J.R. Blau, K.E. Iyall Smith (eds.) Public Sociologies Reader. Rowman & Littlefield. – P.1

275. PiagetJ., Weil A.M. the development in children of the idea of the homeland and of relations with of he countries. InternationalSocialScienceBulletin/ 1951/ Vol.3 – Pp. 561-578

276. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford: Blackwell, 1983. – 272 p.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ:

277. Nesmeyanov, E.E., Rudenko, A.M., Kotlyarova, V.V. (2015). Sociocultural analysis of cyberterrorism in social nets within the problems of information safety of russian society [Электронный ресурс] / Научный альманах стран Причерноморья. – 2015. – № 4(4). – С 1-5. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=34224638. Дата обращения 21.04.2020

278. Top-20: Кто они, самые влиятельные люди Таджикистана? [Электронный ресурс] – Режим доступа:https://stanradar.com/news/full/9612-top-20-kto-oni-samye-vlijatelnye-ljudi-tadzhikistana.html –Дата обращения: 12.11.2020

279. Weng, L. Information diffusion on online social networks / L. Weng. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://lilianweng.github.io/papers/weng-thesis-single.pdf – Дата обращения: 27.12.2020

280. Алпатов, В. М. Что такое языковая политика? [Электронный ресурс] / В.М. Алпатов. – Режим доступа: http://gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_493 – Дата обращения: 12.12.2020

281. Аникина, М.Е. Журналист и социолог: грани сотрудничества и особенности профессиональной подготовки [Электронный ресурс] / М.Е.Аникина // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2011. – Режим доступа: https://vestnik.journ.msu.ru/books/2011/4/zhurnalist-i-sotsiolog-grani-sotrudnichestva-i-osobennosti-professionalnoy-podgotovki/ –Дата обращения: 6.11.2020

282. Арато, А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание - и направления для дальнейших исследований [Электронный ресурс] / А.Арато // Полис. – 1995. – № 3. – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_gr_ob.pdf – Дата обращения: 10.08.2020.

283. Ашимова, А.Ф. Идиостиль как проявление языковой личности автора на примере романа «Доктор Живаго» [Электронный ресурс] / А.Ф. Ашимова // Вестник Мининского университета. – 2013. – № 3. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/idiostil-kak-proyavlenie-yazykovoy-lichnosti-avtora-na-primere-romana-doktor-zhivago – Дата обращения: 3.11.2020

284. Барков, И. Facebook поддержал националистов Киргизии в День Победы [Электронный ресурс] / И. Барков. – Режим доступа: http://www.news-asia.ru/view/4658 – Дата обращения: 21.06.2020

285. Бовдунов, А., Комарова, Е. Раз и навсегда осудить: повлияет ли на Киев призыв послов Израиля и Польши отказаться от героизации Бандеры

[Электронный ресурс] / А. Бовдунов, Е.Комарова. – Режим доступа: https://russian.rt.com/ussr/article/704449-posly-izrail-polsha-bandera –Дата обращения: 21.06.2020

286. Борзяков, С. Почему в Азербайджане хотят бороться с русским языком? [Электронный ресурс] / С. Борзяков // Взгляд. Деловая газета. – Режим доступа: https://vz.ru/society/2018/12/6/953945.html – Дата обращения: 13.07.2020

287. Буриев, М. «Светлая» сторона пандемии: будет ли переосмысление гражданского общества в Таджикистане? [Электронный ресурс] / М. Буриев. – Режим доступа: https://cabar.asia/ru/svetlaya-storona-pandemii-budet-li-pereosmyslenie-grazhdanskogo-obshhestva-v-tadzhikistane – Дата обращения: 27.12.2020

288. В Таджикистане сокращается пространство для гражданского общества – ЕС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tajikta.tj/ru/news/v-tadzhikistane-sokrashchaetsya-prostranstvo-dlya-grazhdanskogo-obshchestva-es – Дата обращения: 29.07.2020

289. В чем сила сестра? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=G47AFG5W2ug – Дата обращения: 12.11.2020

290. Вальцев, С.В., Ильюшкин В.В. Национальное самосознание и национальная идентификация [Электронный ресурс] / С.В.Вальцев, В.В. Ильюшкин. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnoe-samosoznanie-i-natsionalnaya-identifikatsiya/viewer – Дата обращения:21.08.2020

291. Васин, С.М. Трансформационные и деформационные процессы в развитии социально-экономических систем [Электронный ресурс] / С.М. Васин // Евразийский международный научно-аналитический журнал «Проблемы современной экономики». – 2005. – № 3/4 (15/16). – Режим

доступа: http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=807. – Дата обращения: 25.05.2020

292. Ващенко, В. Проявлений руофобии не замечал [Электронный ресурс] / В. Ващенко. – Режим доступа https://www.gazeta.ru/social/2015/05/21/6696285.shtml – Дата обращения: 21.06.2020

293. Власти Таджикистана нашли способ поднять уровень патриотизма и самосознания среди граждан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sng.fm/6288-vlasti-tadzhikistana-nashli-sposob-podnyat-uroven-patriotizma-i-samosoznaniya-sredi-grazhdan.html –Дата обращения. 21.09.2020

294. Выступление Президента Республики Таджикистане Эмамоли Рахмона по случаю 10-летия Закона РТ «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mvd.tj/index.php/ru/novosti-arkhiv/14517-sukhanron-dar-mulo-ot-ba-munosibati-10-solagii-abuli-onuni-um-urii-to-ikiston-dar-borai-tanzimi-an-ana-va-ashnu-marosim-o-dar-um-urii-to-ikiston-2 – Дата обращения:7.08.2020

295. Гальперович, Д. Русский радикальный национализм: уже не уличный, пока - не государственный [Электронный ресурс] / Д.Гальперович. – Режим доступа https://www.golos-ameriki.ru/a/dg-national-nationalism-experts/3200686.html – Дата обращения: 21.06.2020

296. Глазкова, И.В. Патриот на протяжении разных эпох [Электронный ресурс] / И.В. Глазкова. – Режим доступа: – http://www.oboznik.ru/?p=35354 – Дата обращения:21.06.2020

297. Гражданские активисты призвали Президента Таджикистана воздержаться от подписания поправок в КоАП. 24.06.2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://notorturetj.org/statements/grazhdanskie-

aktivisty-prizvali-prezidenta-tadzhikistana-vozderzhatsya-ot-podpisaniya – Дата обращения: 4.08.2020

298. Гражданское общество Таджикистана предлагает Минздраву сотрудничество в борьбе с COVID-19. [Электронный ресурс] // Вечерка 27.04.2020. – Режим доступа: https://vecherka.tj/archives/43794 –Дата обращения: 2.12.2020

299. Дорфман, Х. Эмомали Рахмон и государственная независимость Таджикистана [Электронный ресурс] / Х. Дорфман. – Режим доступа: https://mfa.tj/ru/main/view/1035/statya-deputata-evroparlamenta-pod-nazvaniem-emomali-rakhmon-i-gosudarstvennaya-nezavisimost-tadzhikistana –Дата обращения: 18.06.2020

300. Журналистика в России появилась при Горбачеве [Электронный ресурс]. –Режим доступа https://ria.ru/20130525/939437174.html – Дата обращения: 4.06.2020

301. Закон Республики Таджикистан о периодической печати и других средствах массовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mfa.tj/ru/main/view/67/zakon-respubliki-tadzhikistan-o-periodicheskoi-pechati-i-drugikh-sredstvakh-massovoi-informatsii. – Дата обращения: 27.04.2020

302. Закон Республики Таджикистан Об Уполномоченном по правам человека в Республике Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://www.legislationline.org/download/id/7177/file/Tajikistan_law_On_Ombudsman_2008_am2016_ru.pdf – Дата обращения: 10.08.2020

303. Закон Республики Таджикистан Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан (в редакции Закона РТ от 18.06.2008г.№390, от 21.07.2010г.№636, от 30.05.2017г.№1428, от 28.08.2017г.№1461) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mfa.tj/ru/main/view/3960/zakon-respubliki-tadzhikistan-ob-uporyadochenii-traditsii-torzhestv-t-obryadov-v-respublike-tadzhikistan

304. Закон РФ «О средствах массовой информации» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.05.2016 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=10 – Дата обращения: 10.08.2020

305. Зафар Сайидзода считает опасным утрату национальной идентичности таджиков. 15.07.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20140715/191481 – Дата обращения: 29.09.2020

306. Значение концептов патриотизма в реализации духовно-идеологических функций журналистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studfile.net/preview/8098009/page:5/ – Дата обращения: 18.11.2020

307. История 80-х: «Взгляд» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall-42881226_13756. – Дата обращения: 4.06.2020

308. Катков, М. Н. История древней русской словесности. Сочинение Михаила Максимовича. Кн. 1. Киев, 1839. [Электронный ресурс] / М.Н. Катков. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/katkow_m_n/text_1840_ist_russkoy_slovesnosti.shtml – Дата обращения: 24.02.2020

309. Киромова, М. Мехмон Бахти: За такие слова Тутубалиной в других странах «содрали бы кожу» [Электронный ресурс] / М.Киромова // Азия- плюс 17.06.2013 – Режим доступа: https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20130617/mekhmon-bakhti-za-takie-slova-tutubalinoi-v-drugikh-stranakh-sodrali-kozhu – Дата обращения: 29.11.2020

310. Коалиция гражданского общества против пыток и безнаказанности в Таджикистане (Результаты деятельности за январь-июнь 2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://notorturetj.org/sites/default/files/articles/2020/files/1._rezultaty_deyatelnosti_za_yanvar-iyun_2020_g.pdf – Дата обращения 4.08.2020

311. Коалиция против пыток призывает к соблюдению прав заключенных в рамках борьбы с COVID-19. Tajweek 25.04.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://news.tajweek.tj/view/koaliciya-protiv-pytok-prizyvaet-k-soblyudeniyu-prav-zaklyuchennyh-v-ramkah-borby-s-covid_19/ –Дата обращения: 4.08.2020

312. Краткий обзор гражданского общества Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29494/csb-taj-ru.pdf – Дата обращения: 29.07.2020

313. Культурные доминанты. Смена культурных концептов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: https://myfilology.ru//149/kulturnye-dominanty-smena-kulturnyx-konczeptov/ –Дата обращения: 18.06.2020

314. Луков, М.В. Телевидение: Телевизионная картина мира [Электронный ресурс] / М.В.Луков // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». – 2008. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Lukov_TV_World-view/ – Дата обращения 12.12.2019

315. Марычев, В.В. Картины мира в культуре современного общества [Электронный ресурс] / В.В. Марычев. – Режим доступа: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3798 – Дата обращения: 19.04.20

316. Муллоев, Ш.Б. К вопросу о формировании концепции советского патриотизма в годы Великой Отечественной Войны [Электронный ресурс] / Ш.Б.Муллоев. – Режим доступа: https://mulloevsharif.wordpress.com/2014/10/24/%D0%BA-%D0%B2%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%83-%D0%BE-%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8-

%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D1%81%D0%BE/ - more-221 – Дата обращения: 14.11.2021

317. Муллоев, Ш.Б. Основные функции журналистики и ее воздействие на общество [Электронный ресурс] / Ш.Б.Муллоев. – Режим доступа: https://mulloevsharif.wordpress.com/2012/12/21/%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D1%84%D1%83%D0%BD%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8-%D0%B8-%D0%B5%D1%91-%D0%B2%D0%BE// – Дата обращения: 14.12.2021

318. Муллоев, Ш.Б. К вопросу о положении русского языка в контексте российско-таджикских отношений [Электронный ресурс] / Ш.Б.Муллоев. – Режим доступа:https://mulloevsharif.wordpress.com/2015/02/25/%D0%BA-%D0%B2%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%83-%D0%BE-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B8-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0-%D0%B2/ – Дата обращения: 11.11.2021

319. Мэрия: Душанбе будем поднимать вместе! [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://today.tj/obschestvo/2674-meriya-dushanbe-budem-podnimat-vmeste.html – Дата обращения: 7.08.2020

320. Народная Газета 10.05.2018. Радио Таджикистана слушают в Канаде, Японии и на Филиппинах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://narodnaya.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=6637:2018-05-10-06-29-02&Itemid=213 – Дата обращения: 05.04.2020

321. Национальная идентичность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.umo.msu.ru/russia_xxi_new/book/section0212.html – Дата обращения: 8.10.2020

322. О национальной и евразийской идентичности таджиков и угрозе исламизации. Интервью с Насибой Садыковой. 28.07.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dialog.tj/news/o-natsionalnoj-i-evrazijskoj-identichnosti-tadzhikov-i-ugroze-islamizatsii-intervyu-s-nasiboj-sadykovoj – Дата обращения: 24.09.2020

323. Оверлет, Б. «Таджики в зеркале истории» больше, чем просто ещё одна книга по истории Центральной Азии [Электронный ресурс] / Б.Оверлет // Вечёрка 24.06.2014. – Режим доступа: https://vecherka.tj/archives/14412 – Дата обращения: 21.09.2020

324. Овсепян, Р. История новейшей отечественной журналистики. Глава 7. Средства массовой информации второй половины 80-х – начала 90-х гг. [Электронный ресурс] / Р. Овсепян. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Ovsep/_07.php – Дата обращения: 18.04.2019

325. Подарок от главы государства: до празднования 30-летия Государственной независимости в Таджикистане каждой семье подарят книгу «Таджики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.taj.su/?p=35214 –Дата обращения:19.09.20

326. Подорожание мобильного интернета равносильно ограничению свобода слова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vecherka.tj/archives/37643 – Дата обращения:4.08.2020

327. Полусухой закон. Схватка со змием. По заказу ФГУП ГТК «Телеканал "Россия"» «Студия-А», 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=DH_vXYSQFxo – Дата обращения: 16.07.2019

328. Президент Таджикистана отменил повышение цен на интернет. Операторы обещали вернуть старые тарифы. 24 апреля 2019 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://www.currenttime.tv/a/tajikistan-internet-tariffs-mobile-protests/29900234.html – Дата обращения: 30.07.2020

329. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24.02.2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, ... на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://phdru.com/laws/nomenklatura/ - section3 –Дата обращения: 12.01.2022

330. Сатаров, Г. «Девяностые»: история великого поворота [Электронный ресурс] / Г. Сатаров. – Режим доступа: https://yeltsin.ru/news/devyanostye-istoriya-velikogo-povorota/ – Дата обращения: 03.06.2020.

331. Семь ярких цитат Эмомали Рахмона [Электронный ресурс]. –Режим доступа:http://www.news.tajweek.tj/view/7-yarkih-citat-emomali-rahmona-ozvuchennyh-ko-dnyu-gosudarstvennogo-yazyka/ – Дата обращения: 18.06.2020

332. Слободчикова, О. «Лихие» или «разные»: почему в России снова спорят о 90-х? [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://www.bbc.com/russian/society/2015/09/150924_90s_argument_russia – Дата обращения: 4.06.2020

333. Султангалиев, С. Национал-патриоты сами себя дискредитируют [Электронный ресурс] / С. Султангалиев. – Режим доступа: https://camonitor.kz/26524-sultanbek-sultangaliev-nacional-patrioty-sami-

sebya-diskreditiruyut-kak-tolko-obedinyatsya-v-partiyu.html – Дата обращения: 21.06.2020

334. Таджикистан > СМИ, ИТ > regnum.ru, 31 августа 2011 > № 397013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://polpred.com/news/?ns=1&cs%5B153%5D=on&os%5B15%5D=on&fulltext=on&word=clr&period_count=1&sortby=date&page=16 – Дата обращения: 9.12.2020

335. Тарасов, А.А. Технологизация как сущность глобализационных процессов в обществе [Электронный ресурс] / А.А. Тарасов // Дис... канд. филос. наук: 09.00.11 / Тарасов Алексей Анатольевич. – Нижний Новгород, 2010. –178 с. – Режим доступа: - http://cheloveknauka.com/tehnologizatsiya-kak-suschnost-globalizatsionnyh-protsessov-v-obschestve#ixzz6gPUN4MoD – Дата обращения: 12.12.2020

336. Тиллоев, Я. Почему Президентом Таджикистана станет Эмомали Рахмон? [Электронный ресурс] / Я. Тиллоев // Народная газета, 11.07.2013. – Режим доступа:http://www.narodnaya.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=322%3A2013-07-11-06-18-45&Itemid=213 – Дата обращения: 19.07.20

337. Туркменский парадокс: русского языка де-юре нет, де- факто он необходим [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cabar.asia/ru/turkmenskij-paradoks-russkogo-yazyka-de-yure-net-de-fakto-on-neobhodim/ – Дата обращения: 13.07.2020

338. Тутубалина, О. Битва за Рогун [Электоронный ресурс] / О. Тутубалина. – Режим доступа: https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/bitva-za-rogun/ – Дата обращения:4.12.2020

339. Тутубалина, О. Вне закона? 11.01.2007 [Электронный ресурс]. / О. Тутубалина. – Режим доступа:

http://www.toptj.com/news/2007/1/11/vne_zakona – Дата обращения: 2.12.2020

340. Тутубалина, О. Независимость Таджикистана. Как это было? (страницы истории) [Электронный ресурс] / О. Тутубалина. – Режим доступа: https://centrasia.org/newsA.php?st=1157611920 –Дата обращения: 29.11.2020

341. Тутубалина, О. Неинтеллигентно об интеллигенции [Электронный ресурс] / О. Тутубалина // Азия-плюс. – Режим доступа: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20130530/neintelligentno-ob-intelligentsii – Дата обращения: 29.11.2020

342. Тутубалина, О. Россия идет на хитрость? [Электронный ресурс] / О. Тутубалина. – Режим доступа: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20120628/rossiya-idet-na-khitrost – Дата обращения: 28.11.2020

343. Тутубалина, О. Смерть под грифом «секретно» [Электронный ресурс] / О.Тутубалина // Азия - плюс. - № 13(271). – 31.03.2005. – Режим доступа: https://vz.ru/society/2018/12/6/953945.html – Дата обращения: 12.07.2020

344. Тутубалина, О. Соседи поневоле [Электронный ресурс] / О. Тутубалина. – Режим доступа: https://centrasia.org/newsA.php?st=1264251720 – Дата обращения: 4.12.2020

345. Тутубалина, О. Таджикистан. Курс на выборы! [Электронный ресурс] / О. Тутубалина. – Режим доступа: https://centrasia.org/newsA.php?st=1358492640 – Дата обращения: 6.12.2020

346. Тутубалина, О. Таджикистан: Д. Давлатзода: «Демократия тоже имеет свои пределы» [Электронный ресурс] / О. Тутубалина. –Режим доступа:https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20110613/d-davlatzoda-demokratiya-tozhe-imeet-svoi-predely – Дата обращения: 2.12.2020

347. Тутубалина, О. Союз трех. Альянс персо-язычных стран. Куда идет Таджикистан? [Электронный ресурс] / О. Тутубалина. – Режим доступа:https://centrasia.org/newsA.php?st=1206608100 – Дата обращения: 2.12.2020

348. Усмонов, И.К. СМИ и национальное самопознание[Электронный ресурс] / И.К. Усмонов // Ежемесячный информационно-правовой бюллетень «СМИ и право». – 2013 (апрель). – № 83(94). – Режим доступа: http://nansmit.tj/ezhemesyachnyj-informacionno-pravovoj-byulleten-smi-i-pravo-83-94-aprel-2013g/ - Дата обращения: 25.09.2020

349. Учебно-методический комплекс «Отечественная история» [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://www.rsu.edu.ru/wp-content/uploads/e-learning/Agarev_Native_history_for_non_istorical_faculties/ – Дата обращения: 05.05.2020

350. Факельное шествие националистов в честь дня рождения Бандеры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://baltnews.lt/vnutri_Lithuania_politika_novosti/20200106/1019677887/Bandera-na-granitse-Ukraina-ne-otkazhetsya-ot-proslavleniya-natsistov.htm – Дата обращения: 21.06.2020

351. Черкашина, Т. Т., Новикова Н. С. Языковая картина мира: доминанты ментальности [Электронный ресурс] / Т.Т. Черкашина, Н.С. Новикова. – Режим доступа: URL: http://docplayer.ru/29285503-Yazykovaya-kartina-miradominanty-mentalnosti.html – Дата обращения: 19.04.2020

352. Что случилось со свободой слова в Таджикистане? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ichrptj.org/ru/blog/%D1%87%D1%82%D0%BE-%D1%81%D0%BB%D1%83%D1%87%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D1%8CD1%81%D0%BE%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B9D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0D0%B2%D1%82%D0%B0%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D0%BA%D0%

B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B5 – Дата обращения: 27.12.2020

353. Шаповалов, В.Ю. Роль социальных трансформаций в процессе развития общества [Электронный ресурс] / В.Ю.Шаповалов. – Режим доступа: URL:http://www.teoria-practica.ru/-4-2010/filosofiya/shapovalov.pdf. – Дата обращения: 13.05.2020

354. Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IDIOSTIL_INDIVIDUALNI_STIL.html – Дата обращения: 3.11.2020

355. Юсупов, Дж. Проблемы развития гражданского общества в Республике Таджикистан [Электронный ресурс] / Дж. Юсупов // Народная газета. 26.09.2019. –Режим доступа: http://narodnaya.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=10057%3A2019-09-26-05-31-54&Itemid=216 – Дата обращения: 29.07.2020

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

356. Абдуджабборов, М. Таджикистан: технология распространения паники и слухов в контексте COVID-19. / М.Абдуджабборов // Народная газета. – 3.06.2020. – №23(20253)

357. Асадуллаев, И. Политический акцент языка миротворчества / И.Асадуллаев // Народная газета. – 7.07.2004. – №27 (19425).

358. Атовулло, Х. Тураджонзода возвратится? / Х. Атовулло // События. – 24.08.2006. – №6(006)

359. Баширова, А. Конкретные дела против лжи, или «господа» политические заседатели / А.Баширов // Народная газета. –25.09.2019. – №40(20218)

360. Белых, В., Бурбыга, Н. Курган-тюбе – город мертвых / В. Белых, Н. Бурбыга // Известия. – 8.09.1992. – № 200 (23774)

361. Бунт в Вахдате: опять пролилась кровь // Азия-плюс. –23.05.2019. – №21(1403)

362. Восиев, С. Борьба с фанатизмом / С. Восиев // Народная газета. – 9.01.2019. –№2-3(20181)

363. Выступление Президента Э. Рахмонова в честь Дня национального единства // Народная газета. – 30.06.2004. – №26(19424)

364. Генеральный прокурор республики обвиняет... // Вечерний Душанбе. – 12.01.1993. – №7(6141)

365. Гражданское общество бьет тревогу из-за роста женской миграции // Азия-плюс. – 25.12.2014. – №99(982)

366. Григорьев, В. Дорога к миру в Таджикистане приведет к национальному единству / В. Григорьев // Бизнес и политика. – 1999 (июнь). – № 26(342)

367. Гуфронов, Д., Рохнамо А. Невозможно разделить исламский фактор и население / Д. Гуфронов, А.Рохнамо // Азия -плюс. – 8.06.2011. – №43(632)

368. Дорога к миру не усыпана розами // Бизнес и политика. – 1999 (январь). –№3(319)

369. Достиев, А.С. Таджикский народ не нуждается в чьих-то подарках в виде «Истории» (ответ академику Б.Литвинскому) / А.С.Достиев // Курьер Таджикистана. – 13.05.2009. – №20

370. Ибрагимзаде, С. Ваххобизм и исламская партия / С. Ибрагимзаде // Вечерний Душанбе. – 11.12.1990. – №233(5623)

371. Караев, С. В поисках таджикского слова / С. Караев // Азия–плюс. – 5.09.2019. – № 36(1418)

372. Кахарова, Н. Хуршеди Атовулло: «Мне 365 раз в году задают один и тот же вопрос» / Н.Кахарова // Бизнес и политика. – 30.03.2011. – №13 (273)

373. Курбанова, М. «Миротворец» / М.Курбанова // Азия-Плюс. – 17.09.2008. – №38(452)

374. Луговская, А. Политический кризис в Таджикистане был неизбежен / А.Луговская // Известия. – 5.09.1992. – №199 (23773)

375. Любименко, А. Открыт исламский институт / А. Любименко // Вечерний Душанбе. – 19.09.1990. –№ 174(5564)

376. Максимова, Н., Григорьев, Р. Евгений Белов – свой среди «чужих» в Таджикистане, и чувствует Россию всегда за своей спиной / Н.Максимова, Р. Григорьев // Бизнес и политика.– 14.10.1999. – №41

377. Махмадов, О. Зловещий нахзат / О. Махмадов // Народная газета. – 10.07.2019. – №29(20207)

378. Мирсаидов, Х. «Журналист обвиняется в экстремизме» / Х. Мирсаидов // Азия-плюс. – 8.06.2011. – №43(632)

379. Надиров, Б. Зачем сносить аппарат президента? / Б. Надиров // Азия-плюс. – 9.04.2020. –№013(1447)

380. Надиров, Б. Тариф – «Все включено» / Б. Надиров // Азия-плюс. – 18.04.2019. – №16(1398)

381. Рабиев, В. Портрет Президента в эпистолярном жанре / В. Рабиев // Народная газета. – 29.09.2004. – №39(19437)

382. Рахмон, Эмомали Великий Имам и национальная самобытность / Эмомали Рахмон // Народная газета. – 19.11.2008. – №47 (19653)

383. Ризвоншоева, А. М.Имомзода: «Государственный язык является богатством таджикского народа» / А.Ризвоншоева // Народная газета. 23.07.2018. – №30(20156)

384. Сохраним наш общий дом // Вечерний Душанбе. –13.08.1990. – №152(5542)

385. Таджикских детей вернули из Ирака в Душанбе // Азия-плюс. – 2.05.2019. – №18(1400)

386. Талбак Назаров считает, что оснований бояться хаоса и возвращения к войне- нет... // Бизнес и политика. –1997 (июнь). – №23 (238)

387. Турсунзода, М. Вроде не бездельники и могли бы жить... / М. Турсунзода // Азия-плюс. –11.04.2019. – №15(1397)

388. Турсунзода, М. Дети войны. Как вернуть к нормальной жизни детей, возвращенных из Ирака? / М. Турсунзода // Азия плюс. – 9.05.2019. – №19(1401)

389. Турсунзода, М. Интернет дорожать не будет. Так сказал Президент. / М. Турсунзода //Азия-плюс. – 25.04.2019. – №17(1399)

390. Тутубалина, О. З.Ализода: «Я самостоятельный человек...» / О. Тутубалина // Азия-плюс. – 24.06.2009. – №25(492)

391. Тутубалина, О. Стройка вне закона / О. Тутубалина // Азия-плюс. – 14.04.2005. –№15(273)

392. Уйдет ли «Хизб-ут-Тахрир» // Азия-плюс. – 20.06.2011. – №46(635),

393. Уроки арабской весны // Азия-плюс. – 8.06.2011. – №43(632)

394. Усмонов, И., Сатторзода, А. Зарурати ташаккули андешаи милли / И.Усмонов, А. Сатторзода // Джумхурият. – 6.06.2006. –№ 68

395. Хайдаров, Р. Пандемия раскрыла истинное лицо религиозных экстремистов / Р. Хайдаров // Народная газета. – 27.05.2020. – №22(20252)

396. Ходжаев, А. Площадь хочет быть услышанной / А. Ходжаев // Вечерний Душанбе. – 10.09.1991. – № 175(5814)

397. Хумайро, Бахтиер. Страшный сон мигранта / Бахтиер Хумайро // Азия-плюс. –22.12.2014. –№98(981)

398. Что мы слышали // Азия-плюс. –12.09.2019. –№37(1419)

399. Шодиев, Х. С чем вернется «Джамаат Сабири» в ЦА? / Х. Шодиев // Азия -плюс. –12.06.2014. –№45(928)

400. Шутиев, Ш. Кто желает зла народу Таджикистана... / Ш. Шутиев // Народная газета. – 24.06.2020. – № 26(20256)

401. Эшонкулова, Л. Книга «Таджики» – факел, который пролил свет на темные и забытые страницы истории таджикского народа / Л. Эшонкулова // Народная газета. – 28.11.2018. – №48(20174)

СЛОВАРИ

402. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т. Ф. Ефремова. 2-е изд., испр. - М. : АСТ ; Астрель, 2005. - 636 с.

403. Караулов, Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В. Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Т. 1. Кн. 1-2. / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева. – М.: Помовский и партнеры, – М.: Помовский и партнеры, 1994. -224с. (кн.1); –М.: ИРЯ РАН, 1994. – 358 с. (кн.2)

404. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. –М.: Наука, 1975. –720 с.

405. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой / Е.С.Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Издательство Московского университета, 1996. – 245 с.

406. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В.Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.

407. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. – 736 с.

408. Стилистический энциклопедический словарь русского / под ред. М.Н.Кожиной. 2-е изд., испр. и доп. – М.: 2006. – 696 с.

409. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1986. – 590 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АНКЕТА

1. Возраст / *Синну сол* _____

2. Гражданство / *Шаҳрвандӣ*: (нужное подчеркнуть)

   а) таджикское / *Тоҷикистон*

   б) российское / *Россия*

   в) другой страны / *кишвари дигар* _____

(указать)

****

1. Кого, по Вашему мнению, из отечественных журналистов можно причислить к современной журналистской элите? / *Ба ақидаи Шумо, аз журналистони ватанӣ киҳо метавонанд дар байни элитаи журналистони муосир ҷой гиранд?*

_____

2. Впишите имя таджикского журналиста, который зарекомендовал себя как: / *Номи рӯзноманигори тоҷикеро нишон диҳед, ки худро муаррифи кардааст ҳамчун*:

Востребованный журналист, публицист / *Журналист, публисисти маъруф*	
Автор телевизионных и/или радио проектов / *Муаллифи лоиҳаҳои телевизионӣ ва /ё радио*	
Автор учебной литературы по специальности «Журналистика» / *Муаллифи адабиёти таълимӣ аз рӯи ихтисоси «Журналистика»*	
Активный участник миротворческого процесса в Таджикистане / *Иштирокчии фаъоли раванди ҳифзи сулҳ дарТоҷикистон*	
Политик / *Сиёсатмадор*	

Эксперт по вопросам истории таджиков / *Коршиноси таърихи тоҷикон*	

3. Кто из отечественных журналистов специализируется в области: / *Кадоме аз журналистони ватанӣ тахассус доранд:*

Социальных проблем / *Проблемаҳои иҷтимоӣ*	
Политических проблем / *Проблемаҳои сиёсӣ*	
Экономических проблем / *Проблемаҳои иқтисодӣ*	
Национальной идентичности и самосознания / *Худшиносии миллӣ*	

4. Выберете журналиста, чья профессиональная деятельность является для Вас примером, и задайте ему любой интересующий Вас вопрос / *Журналистеро интихоб кунед, ки фаъолияти касбии он барои шумо намунаи ибрат мебошад ва ба ӯ дилхох савол диҳед.*

Ф.И. журналиста / *Ному насаби журналист*	Вопрос / *Савол*

5. С какими таджикскими журналистами ассоциируются нижепредставленные характеристики? / *Кадом журналистони тоҷик бо хусусиятҳои зерин алоқаманданд?*

Доверие / *Эътимод*	
Патриотизм / *Ватандӯстӣ*	
Смелость / *Далерӣ*	
Сатира/ирония / *Ҳаҷв* / *киноя*	